

XX
В Е К

**В документах
и исследованиях**

**ИСТОРИЯ
АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ
РЕВОЛЮЦИЙ
конца XX века**

*Центральная
и Юго-Восточная
Европа*

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

20th Century in Documents and Research

HISTORY
of the **ANTICOMMUNIST**
REVOLUTIONS
End of the 20th Century

*Central
and South-Eastern
Europe*

MOSCOW NAUKA 2007

XX век в документах и исследованиях

ИСТОРИЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ конца XX века

*Центральная
и Юго-Восточная
Европа*

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 94(4)“654”

ББК 63.3(4)

И 90

Серия основана в 2001 году

Ответственный редактор
доктор философских наук *Ю.С. Новопашин*

Рецензенты:
доктор исторических наук *И.В. Михутина*,
кандидат исторических наук *С.А. Романенко*

История антикоммунистических революций конца XX века :
Центральная и Юго-Восточная Европа / [отв. ред. Ю.С. Новопашин] ; Ин-т славяноведения РАН. — М. : Наука, 2007. — 397 с. —
(XX век в документах и исследованиях). — ISBN 5-02-035521-6
(в пер.).

В коллективной монографии сосредоточено внимание на конце 1980-х — начале 1990-х годов — переломном периоде в истории восточноевропейских стран, который связан с крушением командно-административной системы и становлением новых структур в политической жизни, экономическом и социальном развитии. Впервые в отечественной литературе на основе широкой источниковой базы с привлечением изданных в последнее время публикаций документов и новейшей зарубежной литературы проведен анализ международного фона и внутренних причин революций в восточноевропейских странах, а также их предпосылок с учетом того, что эти проблемы вплоть до настоящего времени остаются дискуссионными в зарубежной и отечественной историографии.

Для историков, политологов, преподавателей, студентов.

Темплан 2007-I-365

ISBN 5-02-035521-6

© Институт славяноведения РАН, 2007

© Коллектив авторов, 2007

© Российская академия наук и издательство
«Наука», серия «XX век в документах
и исследованиях» (разработка, оформление), 2001 (год основания), 2007

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
*	
Глава I	
Расставание с социализмом: болгарский вариант	28
«Перестройка» по Живкову	29
Политизация общественного протеста	38
10 ноября 1989 г. — переворот или поворот?	45
От смены элиты к смене политической системы	61
Глава II	
Венгерская «переговорная революция»	75
Исторические корни и факторы общественно-политического кризиса	76
Появление первых неформальных новообразований и реакция высшего руководства	83
Начальный этап переговоров. «Оппозиционный круглый стол»	97
«Национальный Круглый стол» и основные итоги «переговорной революции»	106
Глава III	
Антикоммунистическая революция в Польше	129
Возникновение демократической оппозиции и массового протестного движения «Солидарность»	129
Курс команды Ярузельского на реформы, «улучшающие» социализм, и деятельность антиПОРПовских сил	141
Подготовка переговоров представителей власти и оппозиции за «круглым столом»	155
Ход переговоров за «круглым столом», итоговые соглашения и их значение	166
Глава IV	
«Бархатная» революция в Чехословакии: настоятельность новых интерпретаций	193
«Бархатная» революция в ряду постсоциалистических трансформаций	193
Период «бури и натиска» в революционных событиях	202

Специфика формирования постсоциалистических исполнительных и законодательных органов власти	235
---	-----

Глава V

Чешская и словацкая историческая наука на пути к ноябрю 1989 г. и в первое десятилетие после него	280
Становление «марксистской историографии»	282
Историки и Пражская весна 1968 г.	291
«Нормализация» и андеграунд («историческое подполье»)	297
На пути к демократии	306

Глава VI

«Бархатная революция» по-сербски	325
Сползание в системный кризис	326
Первые многопартийные выборы и начало распада	331
Самопровозглашенные непризнанные государства	337
Сербия под режимом санкций	340
«Октябрьская революция»	348

Глава VII

«Бархатные революции»: социальные и культурные аспекты	354
Первый этап восточноевропейского пути развития (социально-экономический)	355
Второй этап восточноевропейского пути развития (социально-культурный)	361
На рубеже 1970–1980-х годов: результаты социалистической (консервативной) модернизации	370
«Героический» финал процесса модернизации и переход от политических требований к экономическим («феномен Солидарности»)	383

ВВЕДЕНИЕ

Современная научная литература и публицистика оперируют понятием антикоммунистической революции как чем-то само собой разумеющимся. С его помощью характеризуются события конца XX века в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, положившие предел 45-летнему партийно-государственному господству коммунистической номенклатуры. Однако не все так просто было с определением сущности этих событий в отечественном общественном сознании каких-нибудь 15 лет назад или чуть более того.

Вспоминается, например, своего рода контент-анализ в Академии общественных наук при ЦК КПСС, состоявшийся где-то в январе 1990 г. Выступать там автору этих строк пришлось одним из первых, ибо все хотели сперва узнать, что будут говорить сотрудники тех учреждений, предметом исследования которых являлись страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Когда же ваш покорный слуга назвал рассматриваемые события «антикоммунистическими революциями», подобный вывод сразу был оспорен профессорами упомянутой академии В.В. Александровым, А.И. Волковым и Б.Г. Поповым. Суть их возражений состояла в том, что такого рода выводы не соответствуют марксистско-ленинским позициям, согласно которым социалистическая (коммунистическая) революция завершает собою тип глубоких преобразований, имеющих насильственный характер, а дальше наступает длительный исторический период всестороннего совершенствования нового общества вплоть до его высшей фазы. Если же это так, то обсуждаемые события в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, заключали указанные обществоведы, нельзя назвать иначе, как контрреволюционным реваншем враждебных социализму сил, временным его поражением.

Сходные взгляды высказываются и по сей день*. Но преобладают все-таки не они. Мнение об антикоммунистических революциях широко утвердилось в нашей академической науке. Вообще-то возможность революций после победы социализма и именно против этого самого практически утвердившегося социализма (коммунизма) предвидел еще А.И. Герцен. В своих очерках «С того берега» он отмечал: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущею, неизвестною нам революцией»¹.

Эти слова полностью подтвердились на примере развития в XX веке «реального социализма» в СССР и других странах «до крайних последствий, до нелепостей». И «крик отрицания» действительно вырвался из груди оппозиции коммунистической номенклатуре, которая, цепляясь за свою безраздельную власть, заняла откровенно консервативные позиции и была побеждена антикоммунистическими революциями. Как тут опять не вспомнить Герцена, подчеркивавшего, что «консерватизм, не имеющий иной цели, кроме сохранения устаревшего status quo, так же разрушителен, как и революция. Он уничтожает старый порядок не жарким огнем гнева, а на медленном огне маразма»².

Следует остановиться и на мысли русского провидца о неизбежности в будущем не только антисоциалистических или антикоммунистических революций как таковых (Герцен между этими понятиями не делал никакого различия. — Ю.Н.), но и формы их в виде «жаркого огня гнева», «смертной борьбы» с кровью и разрушениями, т.е. борьбы вооруженной, отнюдь не мирной. С тех пор 150-летний опыт жизнедеятельности европейских народов и государств внес здесь известные коррективы: стала возможной, как показы-

* «Один из уроков временного поражения социализма, — пишет бывший член Политбюро и секретарь ЦК КПСС, а ныне депутат Государственной думы РФ Е.К. Лигачев, — состоит в том, что по мере социалистического строительства сопротивление внутренних и внешних врагов в определенные периоды усиливается, нередко приобретает ожесточенные формы. Весь ход событий последних лет (в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и в России. — Ю.Н.) подтвердил правильность этого сталинского предвидения». См.: Лигачев Е.К. Предостережение. М., 1999. С. 387.

вает история антикоммунистических революций конца XX века, и иная их форма — невооруженная, мирная.

Вопрос, разумеется, требует дальнейшей проработки. Но уже сейчас можно констатировать: такого рода революции — новое слово в теории смены общественных систем и в практическом осуществлении подобной смены. Именно в этом смысле они представляют выдающийся феномен второй половины XX века, который чрезвычайно интересен не только политикам разных государств, но и обществоведам, справедливо увидевшим в подобном обороте дел подтверждения цивилизационного прогресса, гуманизации общественных отношений на переломных этапах их развития. Быть может, надо поостеречься широких обобщений, но в рамках европейского ареала народов и государств это представляется уже не только формально-логическим допущением.

Кстати, о допущениях. Еще в XIX веке на вероятность решения освободительным движением своих коренных задач невооруженным путем указывали в лагере революционной социал-демократии и К. Маркс, и Ф. Энгельс. Так, выступая на митинге в Амстердаме 8 сентября 1872 г., Маркс заметил: «Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, правами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами»³. В своем Введении (образца 1895 г.) к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Энгельс писал, что во второй половине XIX века в Европе многое изменилось, в частности «рабочие стали принимать участие в выборах в ландтаги отдельных государств, в муниципалитеты, промысловые суды, стали оспаривать у буржуазии каждую выборную должность, если при замещении ее в голосовании участвовало достаточное количество рабочих голосов. И вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах, — чем успехов восстания». В условиях демократии, подытоживал он, «уличная борьба с баррикадами, которая до 1848 г. повсюду в конечном счете решала дело, в значительной степени устарела... Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, "революционеры", "ниспровергатели", мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота»⁴.

В первые десятилетия XX века на этом же немаловажном аспекте марксистских воззрений акцентировал внимание К. Каутский. «Я ожидаю, — писал он, — что социальная революция пролетариата примет совсем иные формы, чем революция буржуазии; что пролетарская революция, в противоположность буржуазной, будет бороться мирными средствами экономического, законодательного и морального порядка повсюду, где укоренилась демократия»⁵.

Теперешние адепты «здравомыслящего ленинизма»*, выросшие, по словам А.И. Солженицына, «в пещерах обществоведения, в шкурах классовой борьбы»⁶, отнесут, пожалуй, весь этот исторический экскурс к форменному ревизионизму. Ведь так и сделали их большевистские предшественники типа Бухарина, Ленина, Троцкого и др. В своей брошюре «Теория пролетарской диктатуры» (1919 г.) Н.И. Бухарин вменил в вину Каутскому его тезис о необязательности гражданской войны в тех странах, где рабочее движение широко практикует легальные демократические методы борьбы с буржуазией и правительством, те именно методы, о которых говорил Энгельс в цитированном выше Введении. Походя лягнув и Энгельса за то, что он «выдавил не особенно хорошие вещи относительно баррикадной борьбы»⁷, Бухарин учинил разнос Каутскому в следующих словах: «Но у нас перед глазами пример действительно демократической страны, где демократия действительно "укоренилась", — это Финляндия. И пример этой единственной страны показывает, что гражданская война в более "культурных" странах должна быть еще более жестокой, беспощадной, исключаящей всякую почву для "мирных" и "законодательных" (!!) методов»⁸. (В скобках поясним, что с помощью этого примера «любимец партии» обыгрывал неприятную для большевиков осечку с захватом власти в Финляндии гельсингфорской Красной гвардией, натолкнувшейся на решительный вооруженный отпор со стороны демократически сформированного финского правительства, верных ему офицерских и других организаций.)

Знакомясь с подобными спекулятивными рассуждениями, не следует упускать из виду их первоисточник — взгляды В.И. Ленина. Он первый во всем социал-демократическом лагере поставил столь всеохватно вопрос о граждан-

* Этот термин автор обнаружил в работе А.П. Бутенко «Наука, политика и власть. Воспоминания и раздумья» (М., 2000. С. 165).

ских войнах пролетариата, стал рассматривать их в качестве высшего проявления классового противоборства — «необходимого условия и спутника социалистической революции». Ибо, как разъясняется в ленинских трудах, «в эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимает всегда и во всех странах форму *гражданской войны*, а гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны»⁹.

Разумеется, такой левацкий и вместе с тем откровенно сектантский подход к определению революции был шагом назад по сравнению с аутентичным марксизмом, если под ним понимать приводившиеся соображения основоположников, а также Каутского как близкого к ним деятеля германской социал-демократии. И тем не менее этот подход всю первую половину XX века являлся политико-идеологическим стержнем российского большевизма, который после Октябрьского переворота будто бы, по мнению Ленина, «стал мировой теорией и практикой международного пролетариата»¹⁰. Но на самом деле большевизированный коммунизм с его морально-этическим и правовым нигилизмом не завоевал в рабочем, и шире — освободительном, движении прошлого столетия доминирующих позиций, а к концу XX века и вообще сошел с политической сцены, окончательно проиграв в соревновании с международной социал-демократией. Такое понятие, как «мировое коммунистическое движение» вместе с его большевистскими вдохновителями, не имеет уже никакого актуального значения и пылится в качестве музейного экспоната в дальних запасниках всемирной истории. Что же касается реформистского Социалистического Интернационала, он доказал свою жизнеспособность и шагнул в XXI век с немалой поддержкой представителей «синих» и «белых» воротничков, мелкого и среднего городского предпринимательства, фермерства, сельскохозяйственных рабочих и других лиц наемного труда, «свободных художников» и т.п. История, как говорится, все расставила по своим местам.

Однако, если вернуться ко времени окончания Второй мировой войны, к ялтинскому разделу победителями в этой войне Европейского континента на западную и восточную зоны влияния, то для последней, которая контролировалась 45 послевоенных лет КПСС и советским правительством, ленинское утверждение о «международных позициях больше-

визма» выглядит не таким уж беспочвенным. Ведь любому специалисту по истории стран восточноевропейского региона известно по меньшей мере о двух направившихся из Москвы кампаниях по «большевизации» коммунистических и рабочих партий этих стран. Одна из них проводилась под эгидой Коминтерна в довоенное время*, другая — в послевоенное, в том числе с использованием учрежденного в 1947 г. Коминформбюро.

В чем же состояла суть «большевизации»? В первую очередь, конечно, в окончательном и бесповоротном решении силовыми методами вопроса о безраздельной власти. В собственной стране руководителям ВКП(б) еще в 20—30-е годы прошлого столетия удалось уничтожить все внутриобщественные горизонтальные структуры, т.е. добиться почти полной стерильности в смысле прежде всего исключения какой-либо возможности для организованного сопротивления диктаторскому, карательному механизму партийно-государственного управления. То же самое номенклатурная элита СССР стремилась обеспечить и в «братских» партиях и странах. Ею поддерживались и инициировались только те преобразования, которые шли в указанном направлении.

С помощью этой советской управленческой модели, взятой в послевоенные годы на вооружение коммунистами восточноевропейских стран, они превратили сформированную ими власть в новую командно-репрессивную машину эксплуатации и угнетения народных масс. А ведь по марксистской теории, которой прикрывалась коммунистическая элита, ее главное предназначение заключается в организационных усилиях по широчайшему привлечению людей труда к осуществлению именно ими, а не партийными чиновниками всех властных и управленческих функций. В этом усматривалось Марксом и Энгельсом преобразовательное назначение постреволюционной государственности («диктатуры пролетариата»), а вовсе не в массовом терроре, роль которого абсолютизировали не они, а их российские эпигоны из большевистского лагеря¹¹. Ленин, например, в письме в Питер своему любимцу Г.Е. Зиновьеву подчерки-

* Еще в мае 1924 г., т.е. сразу после смерти своего вождя, когда душеприказчики последнего на XIII съезде попытались определить узловые понятия оставшегося им в наследство ленинизма, Н.И. Бухарин назвал в числе таковых «процесс обольшевичивания партий», позднее переименованный в более благозвучную большевизацию. См.: XIII съезд РКП(б). 23—31 мая 1924 г.: Стенограф. отчет. М.; Л., 1924. С. 334.

вал, что нельзя тормозить «революционную инициативу масс, вполне правильную» (т.е. не следует противодействовать стремлению снизу терроризировать противников большевиков, проводить над ними акции устрашения. — Ю.Н.), и что «надо поощрять энергию и массовидность террора»¹².

Суть «большевизации» заключалась также в навязывании братьям по социалистическому лагерю ленинского отождествления классовой борьбы с насильственно-террористической политикой, что было крайностью, чистейшей воды бакунинско-нечаевским революционаризмом. Правда, советскому правительству пришлось после Гражданской войны скорректировать общегосударственный курс, т.е. пойти весной 1921 г. на отказ в народнохозяйственной сфере от «военных», грабительско-карательных методов в пользу так называемой Новой экономической политики. Эту политику Ленин считал сугубо вынужденной мерой, так сказать, частичным отходом от классового отправления властных функций. И хотя РКП(б) пришлось на X съезде уступить в хозяйственных вопросах давлению неблагоприятных внешних обстоятельств (антиправительственный мятеж кронштадтских моряков, рост забастовочного движения в городах, крестьянские восстания по всей стране), лидер партии продолжал отстаивать методы террора в управлении страной. Всего через семь месяцев после X съезда, в речи «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» он утешал аудиторию: «Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой». В ленинском понимании при этой «осаде» нужны иные, более утонченные способы насильственной политики, иные приемы «новой жестокости кар». В письме своему заместителю по Совнаркому Л.Б. Каменеву от 11 марта 1922 г. глава советского правительства подчеркивал: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому»¹³. Заметим здесь, что этот возврат к привычным для большевиков методам волюнтаристско-силового командования промышленностью и сельским хозяйством осуществил через каких-то неполных семь лет верный ленинец И.В. Сталин. Именно он назвал данное антинэповское, сугубо попятное движение «великим переломом», хотя великого тут было не сыскать днем с огнем, а вот уголовщины — хоть отбавляй: ведь оказалось преступно уничтоженным зажиточное и середняцкое трудовое крестьянство как основной российский класс производителей про-

довольствия и сырья для пищевой и легкой промышленности. В результате страна со второй половины XX века плотно «села на иглу» зарубежных поставок, оставаясь в этом удручающем и даже существенно ухудшившемся, с точки зрения национально-государственной самостоятельности, положении до сих пор.

Но вернемся к ленинской трактовке классовой борьбы, отождествлявшейся с насильственно-террористической политикой и по существу противопоставлявшейся мирному реформаторству, которое рассматривалось лишь как «вспомогательное средство для классовой борьбы» и ее «побочный продукт»¹⁴. Такой подход принес народам СССР и других социалистических государств немало разочарований. Советские и восточноевропейские коммуно-большевики долго тешили себя иллюзией, что если «командные высоты» в их руках, то можно горы свернуть. Но оказалось, что с помощью административно-репрессивного управления, ультралевацких порывов нельзя оптимизировать социально-экономическую и культурную сферы и достичь ощутимых для населения успехов. В деле налаживания и оптимизации социально-экономической и культурной жизни столбовой дорогой в постреволюционный период становятся целенаправленные преобразования постепенного характера, именующиеся реформами и оттесняющие на обочину исторического процесса всякого рода революционаристские наскоки, мобилизационную политику «бури и натиска». Например, введение для деревни вместо грабительской продрозверстки твердого и сильного для селян налога (сперва только натурального, а затем и денежного) признавалось большевиками реформистской, т.е. сугубо вспомогательной, мерой. «Наши отношения с крестьянством, — утверждал, выступая на XII съезде РКП(б), член ЦК, наркомфин СССР Г.Я. Сокольников, — установлены твердо, и мера, которую мы проводим, не есть мера революционная, изменяющая отношения классов. Это мера чистой реформы, не больше и не меньше»¹⁵. Но тут-то как раз и крылось глубокое заблуждение, ибо то, что казалось подсобным, вспомогательным, на самом деле составляло стержень нэповских преобразований, продвигавших Россию, «кровью умытую», в перспективе к нормальной и сытой жизни. Но не суждено было этим преобразованиям стать общим направлением прогрессивного развития — большевистские революционаристы не признавали никаких направлений, кроме тех, которые укрепляли их тотальную диктатуру.

В целом же после второй кампании по большевизации в идеологическом обрамлении партийно-государственного здания восточноевропейских стран оказались, наряду с другими, именно те догматы ленинизма, о которых шла выше речь. Это и позиция, не просто разделяющая понятия революции и реформ, но прямо противопоставляющая одно другому. Так же было и с понятиями классовой борьбы и классового сотрудничества. Государственный механизм в форме диктатуры пролетариата, принципиально отрицавший разделение на законодательную, исполнительную и судебную власть, противопоставлялся западному парламентаризму, который основан на таком разделении. Все это и стало «символом веры» местных коммунистов, а значит большевизм в первой половине XX века действительно шагнул за пределы СССР и превратился если не в мировую теорию и практику революционного процесса, как предполагал Ленин, то уж в региональную, восточноевропейскую — во всяком случае. Но не надо, правда, трактовать этот вывод расширительно, считать, что восточноевропейских коммунистов буквально заставляли заимствовать все советское, какую сферу общественной жизнедеятельности ни возьми. А если, дескать, однонаправленный «обмен опытом» почему-либо тормозился, то следовали вызовы на кремлевский ковер, ситуация управлялась при помощи «отеческого внушения», а то и откровенного нажима. Таким вот будто бы способом только и удавалось заглушать на какое-то время критические голоса, обеспечивать единство и сплоченность по большевистскому лекалу.

Если кто-то трактует данную проблему таким образом, то это — очевидная односторонность. История четырех с лишним десятилетий взаимоотношений СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы по партийной, правительственной и иным линиям знает, конечно, не одни ритуальные восхваления по адресу «первопроходца социалистического строительства». Были и критические голоса, возникали подчас и конфликты. Но нельзя оставлять в стороне и тот факт, что партийно-государственная номенклатура этих стран, особенно ее верхние этажи, часто стремилась выгладеть перед кремлевским руководством да и собственным народом, так сказать, святее самого папы римского, т.е. предлагать в процессе упомянутого «обмена опытом» такие масштабы заимствования всего советского, о которых в Москве даже никто и не заикался. Так что пресловутые единство и

сплоченность обеспечивались всеми правдами и неправдами как с той, так и с другой стороны.

Однако во второй половине XX века началась все уско-рявшаяся эрозия коммуно-большевизма за недоказанно-стью истинности составлявших его теоретическую основу догматов и перманентным отсутствием вдохновляющих практических результатов (кроме чисто шкурных) от неуклонного следования этим догматам. Параллельно с указанной эрозией, как грибы после дождя, укоренялись в обществе другие взгляды, в большинстве своем антиленинские, реабилитировавшие западный парламентаризм, правовое государство, плюрализм мнений, политических движений, партий и т.п. Поистине выдающимся событием конца 80-х годов XX века (подлинным феноменом всего прошлого столетия) стала череда антикоммунистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, завершившихся спустя десятилетие Сербским октябрем 2000 г.

Эти революции, главным образом те из них, которые именуется «бархатными» или «переговорными» (Болгария, Венгрия, Польша, Чехословакия, Сербия), свершились, как уже упоминалось, невооруженным, мирным путем — в чем и состоит их главная особенность. Но к их характеристике, наряду с эпитетами «невооруженные», «мирные», нередко прибавляется еще и определение «ненасильственные». Например, профессор Оксфордского университета Лешек Колаковский высказывается на этот счет следующим образом. «Революция, — говорит он, — это перемена, которую совершает массовое движение, перечеркивающее легитимность строя — иногда кроваво, а иногда бескровно, как “Солидарность”. Перемену, которая наступила в Польше благодаря “Солидарности”, можно назвать революцией, хотя произошла она мирным путем и без применения насилия»¹⁶. Это рассуждение в целом не вызывает сомнений, за исключением его концовки, а именно слов «без применения насилия». Если согласиться и с ними, возникает методологическая путаница. Ведь революции, с помощью каких бы средств они ни проводились, — мирных, невооруженных или немирных, вооруженных, — это всегда та или иная форма общественного давления, принуждения властей предрежащих поднявшимся на борьбу народом, его политическим авангардом поделить государственными полномочиями, а то и совсем освободить место у руля управления страной. Если такого давления, принуждения, т.е. по сути насилия — хотя бы и в са-

мом его цивилизованном виде «круглого стола», — не наблюдается, значит это не революционные действия, а что-то другое.

Конечно, в процессе «бархатных», или «переговорных» революций «антагонистов» нередко больше отличала готовность к *классовому сотрудничеству* в рамках различных дискуссионных форумов, чем к *классовой борьбе* в виде антиправительственных митингов и демонстраций, с одной стороны, и мер по разгону последних коммунистическими властями — с другой. Но все же стержнем всех этих переговорных усилий и уличных выступлений было не что иное, как *классовое противоборство*, но не в ленинском его понимании, а скорее в трактовке М. Джиласа, делившего социалистическое общество на «новый класс» *управляющей* коммуно-бюрократии и класс всех остальных *управляемых* (инженерно-технический персонал, рабочие, крестьяне, ремесленники, гуманитарная интеллигенция и т.д.). А противоборство определить ненасильственным затруднительно. В то же время, если в процессе анализа революционных событий ограничиться лишь упомянутым противоборством, не избежать схематизма, примитивизации.

Наши историки-страноведы при характеристике антикоммунистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы пользуются определениями «бархатные» и «переговорные». Принципиальной разницы между этими понятиями не усматривается. Но в обоснование использования того или иного термина определенные соображения высказываются. Считается, что применительно к Болгарии и Чехословакии, а также к Сербии больше подходит название «бархатных» революций, имея в виду, что переговорный потенциал там тоже использовался, но главную роль сыграло невооруженное «давление улицы», т.е. внушительное число достаточно многочисленных антиправительственных митингов и демонстраций, которым власть не решилась противопоставить силу или таковой вообще не оказалось по причине нежелания соответствующих военизированных формирований выступать против народа. Что же касается Венгрии и Польши, соотношение мер классового сотрудничества и классовой борьбы представляется тут иным: переговорный потенциал занимает решающее место, а антиправительственные митинги и демонстрации («давление улицы») — подчиненное. Поэтому революции здесь скорее следует именовать «переговорными», чем «бархатными». Но

все же это деление представляется весьма и весьма условным. Достаточно, скажем, ознакомиться с соответствующими исследованиями Э.Г. Задорожнюк — одного из наиболее серьезных отечественных специалистов по современной истории Чехословакии (а также нынешних Чехии и Словакии), чтобы убедиться, что в этой стране в предреволюционное и революционное время самых разных контактов, переговоров было хоть отбавляй... Но и уличные шествия и митинги собирали в столице по 50 — 100 — 200 тыс. человек. Да и в других городах протестная митинговая активность населения была чрезвычайно высокой: 50-тысячные демонстрации там вовсе не являлись редкостью¹⁷.

Если взять Польшу, антикоммунистическая революция в которой относится вроде бы к категории переговорных, тут тоже не все так просто. Заседания «круглого стола» происходили на почве польских общественных отношений, представлявшихся всегда более конфликтными, чем, скажем, венгерские. Кстати, отношение польской общественности к деятельности «круглого стола» не такое синкретическое и по преимуществу позитивное, как в Венгрии. Например, Ян Скужинский, видный варшавский публицист, обозреватель газеты «Rzeczpospolita» считает, что «заключенный за "круглым столом" компромисс с коммунистами тяжким грузом повис на польской демократии, которая не сумела справиться с коммунистическим прошлым». Нечто подобное заявляет и Анна Валентинович — легендарная деятельница оппозиции. По ее мнению, «после сговора с коммунистами за "круглым столом" в 1989 г. "Солидарность" и связанные с нею идеалы перестали существовать». Противоположной позиции придерживается Михал Ягелло — известный литератор, директор польской Национальной библиотеки. «Я думаю, — говорит он, — что "круглый стол" был огромным успехом поляков. За это стоило заплатить цену "моральной расплывчатости", отказа от проведения радикальной декоммунизации»¹⁸.

Это только крайние полюса, вся же палитра оценок тогдашних переговоров антикоммунистической оппозиции с представителями стоявшей у власти ПОРП куда многообразнее и никакого единодушия здесь не предвидится. А если вспомнить о митингах, демонстрациях, забастовках в ПНР, их насчитывалось в то революционное время никак не меньше чехословацких. Наблюдались внушительные демонстрации и в Венгрии. И хотя национальные нюансы занимают

свое место во всех антикоммунистических революциях в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, главного они никак не отменяют: почти во всех названных странах это были революции, лишившие обанкротившуюся коммуно-большевистскую элиту государственного кормила с помощью мирных средств, а не ленинско-сталинским, «полузвериным», как бы сказал Жорес, путем.

Именно Жан Жорес, «этот гениальный представитель реформизма», по словам одного из его принципиальных противников¹⁹, дал определение революции, которым с тех пор пользовались ученые и политики, примыкавшие как к революционному крылу рабочего движения, так и к реформистскому, и которое подвергли известной коррекции лишь антикоммунистические революции конца XX столетия. В своей многотомной «Социалистической истории Французской революции» он записал: «Революция — варварская форма прогресса. Какой бы благородной, плодотворной, необходимой ни была бы революция, она всегда относится к более низкой и наполовину звериной эпохе человечества»²⁰.

Жорес никогда не разделял воззрений коммунистического радикализма с его абсолютизацией «революционной целесообразности», т.е. готовностью во имя последней на действия, пренебрегающие любой закон, не исключая, следовательно, и прямой уголовщины. Он с нескрываемой симпатией цитировал выступление на заседании Законодательного собрания от 10 августа 1792 г. одного из видных монтаньяров Тюрю де ла Розьера, который подчеркивал: «Нам нужны должностные лица, горящие священным огнем любви к отечеству, исполненные глубочайшего уважения к закону. *Я люблю свободу, люблю Революцию; но если бы для ее укрепления понадобилось совершить преступление, я предпочел бы заколоться.* Нам надлежит принять лишь одну меру: сплотиться и всюду проявлять любовь к закону, любовь к общественному благу. Революция — это дело не одной только Франции; мы ответственны за нее перед всем человечеством» (курсив мой. — Ю.Н.)²¹.

Завершая свое исследование кровавой французской драмы 1789 — 1793 гг., Жорес задавался на заре XX века риторическим по существу вопросом: «Будет ли нам дано увидеть день, когда форма человеческого прогресса действительно будет человеческой?»²² На этот вопрос к концу прошлого столетия вполне можно было бы сформулировать положительный ответ, приводя в подтверждение примеры и запад-

ноевропейского успешного реформаторства, и восточноевропейских «бархатных» или «переговорных» революций. Правда, примеры с революциями представляются все же не совсем тем ответом, который имплицитно, так сказать, вытекал из жоресовского вопроса. Он ведь считал, как, впрочем, и Герцен, *любую революцию варварской формой прогресса* и подразумевал возможность в будущем доминирования реформаторского пути решения острейших политических, национальных, социально-экономических и прочих проблем. Говорить о повсеместном превращении этой гипотетической возможности в реальность наших дней, наверное, еще преждевременно, хотя в евроатлантическом сообществе демократических наций ненасильственное реформаторство, бесспорно, является абсолютно преобладающим. Но и формы прогресса революционным путем не остаются застывшими, постоянно оправдывающими свое давнее определение «варварских», «полузвериных». Имеющийся опыт «бархатных», или «переговорных» революций свидетельствует, что эти формы тоже гуманизируются и могут при благоприятных обстоятельствах асимптотически приближаться, говоря языком математиков, к неревolutionным формам реформаторского эволюционизма как магистрального пути действительно человеческого прогресса.

Таким образом, современная цивилизация, о чем уже упоминалось, несколько подправила, уточнила позицию Жореса, в целом выдержавшую проверку временем. Суждения о революциях как таковых, их понимании представителями революционного и реформистского крыла рабочего движения, думается, нелишне оживить в сознании наших специалистов-страноведов, предпослать их набирающему обороты процессу конкретно-исторического исследования антикоммунистических революций конца XX века. В частности, нелишне уяснить, что между понятиями революции, в каких бы формах она ни свершалась, и реформаторского эволюционизма пролегает методологическая грань, которая не позволяет их соединять в каком-то новоизобретенном определении, например *революции*, как это пытается делать английский исследователь Тимоти Гартон Эш. Он считает возможным применить при характеристике ноябрьско-декабрьских событий 1989 г. в восточноевропейском регионе свой термин «революция» потому, дескать, что «по сути дела реформы сверху шли в ответ на давление снизу, ставившее своей целью революцию»²³. Однако если под этими со-

бытиями понимать прежде всего *политическую революцию* антикоммунистической направленности, она предшествовала реформам сверху, которые потому и называются всеми представителями академической и вузовской общественности посткоммунистическими или посттоталитарными. Это только в рекламе какого-нибудь шампуня может наличествовать «два в одном», а в науке едва ли полезны и доказательны такие «перемешивания».

Все категориальные рассуждения приведены выше, конечно, не для того, чтобы упереться в конечном счете в шаблонную дихотомию: или революция, или реформа, а иного не дано. Позиция авторского коллектива заключается в понимании человеческого прогресса как единого целого, в котором революция и реформа диалектически связаны друг с другом. С одной стороны, боязливые, половинчатые реформы, так же как и радикальные, но плохо подготовленные, могут стимулировать революцию; с другой — вслед за скоротечной революцией, ничего не улучшившей в народной жизни, вполне вероятны долговременные и в целом позитивные реформы. Иными словами, поступательное движение осуществляется здесь не по упомянутому шаблону, а по весьма сложному, комбинированному пути. Понятно, что реформы рассматриваются в этом контексте отнюдь не «вспомогательным средством для классовой борьбы» и не ее «побочным продуктом», а в качестве одной из инвариантных форм исторического процесса. И хотя сообразно тематике книги во Введении говорится в основном о категории революции, в особенности бархатной или переговорной, все же затрагивается и путь реформаторского эволюционизма. Этот путь в случае комплексных преобразований, т.е. касающихся прямо или косвенно не одной, а всех сфер общественной жизни (например, реформы Петра I, Александра II), называют нередко «революцией сверху», и отечественные исследователи справедливо подчеркивают, что он «выполняет роль "локомотивов истории" в не меньшей степени, чем революции»²⁴. Остается только добавить, что в наше время путь реформаторского эволюционизма выполняет данную роль даже в большей степени, чем революция.

Теперь о другом. Прошло почти 18 лет с того момента, как произошли антикоммунистические революции, о них появилась специальная литература, включающая документальные сборники, научные издания, мемуариистику и т.п. Но все это находится в архивных хранилищах и националь-

ных библиотеках, на прилавках магазинов соответствующих стран. И поскольку мало что из перечисленного попадает сейчас в Российскую Федерацию (отсутствие денег, межбиблиотечного обмена, неотлаженность двустороннего сотрудничества и пр.), конкретно-исторический анализ этих революций представляет для нашей академической и вузовской общественности большую проблему. Нельзя сказать, что проблема совсем не решается, и подтверждение позитивных сдвигов в этом деле дают, например, научные издания Института славяноведения РАН — уже упоминавшаяся коллективная работа «Власть — общество — реформы» (М., 2006), книга Н.В. Коровицыной «С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития» (М., 2003), сборник «Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы» (М., 2002) и некоторые другие. В этом ряду находится и настоящая монография. Из нее явствует и то, что специалисты-страноведы используют все представляющиеся возможности, включая личные контакты, чтобы знакомиться с соответствующими документами, академической литературой и т.д.

Наконец, напомним с высоты прошедшего 18-летия, что во всех антикоммунистических революциях участвовал народ, а не одни политические оппозиционеры, которым в отмеченных изданиях уделено достаточно авторского внимания. Став «государственными мужами», бывшие оппозиционеры не скупались на обещания, что в посткоммунистический период будет обеспечен социально-экономический прогресс. Но ведь этот прогресс, как говорил Ф.Д. Рузвельт, «проверяется не увеличением изобилия у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет слишком мало»²⁵. Вот эти-то способности и должны проявить в постреволюционный период и восстановленные в своих исторических полномочиях парламенты, и демократические правительства, и независимые суды, так же как и многочисленные неправительственные структуры гражданского общества. И далеко не все у «вернувшихся в Европу» теперешних государств рассматриваемого региона складывается в результате их реформаторства на пользу народных масс, оборачивается повышением жизненного уровня последних. Но это тема уже других статей и книг.

А в данной коллективной работе внимание сосредоточено на исследовании предпосылок антикоммунистических революций, их характерных черт, в совокупности предпопре-

деляющих понимание последних как более или менее скоротечных системных сдвигов, а не постепенных внутрисистемных реформ. Сдвигов, которые по отношению к свергаемой власти в любом случае сохраняют свою насильственную суть, хотя по форме могут выступать в виде и вооруженного восстания, и невооруженного давления на эту власть. В случае антикоммунистических революций конца XX века речь идет о радикальных метаморфозах, свершившихся по преимуществу мирным путем, что тем не менее не помешало коренным образом изменить (как и подобает революции) не только правящий режим соответствующих стран, но и всю их общественно-политическую систему. Речь идет, следовательно, о таких же радикальных метаморфозах, как, скажем, английская революция XVII века, французская — XVIII, российская, китайская и др. — первой половины XX, которые, однако, относятся к куда менее привлекательной для человечества категории (типу), ибо были сопряжены с большими жертвами в период кровопролитных гражданских войн.

Сказанное было бы опрометчиво абсолютизировать, считая, что «бархатные» или «переговорные» революции — уже повсеместное настоящее и что только за этим типом революций будущее. Даже в Восточноевропейском регионе не все антикоммунистические революции имели невооруженный характер. Скорбная жатва «декабрьской революции» (1989 г.) в Румынии — 1104 чел. убитых и 3352 чел. раненых²⁶. Не обошлось без жертв, хотя и значительно меньших, также в Албании во время аналогичных событий 1991 г. А если вспомнить еще и албанскую смуту 1997 г., когда захватившая военные арсеналы молодежь — и не только, кстати, она — выступила против изолгавшегося, насквозь прогнившего «демократического» режима С. Бериши, будет тем более очевидно, что не стоит особо нажимать на мирный характер революционных действий даже применительно к Европейскому континенту.

Никакие исторические, социологические, юридические и прочие теории, а уж тем более политикантское словоблудие (на манер, допустим, верноподданических утверждений В. Жириновского, что в нынешней России в принципе не может быть бархатных или небархатных революций, поскольку, дескать, их лимит сполна исчерпан) никогда не докажут «объективной невозможности» или «бессмысленности» революционных выступлений, в том числе и далеко не мирных. Что же еще остается униженным и оскорбленным,

если ничего не дали цивилизованные формы борьбы против того или иного антинародного, эксплуататорского режима? Режим, множащий своей политикой нищету и бесправие тружеников города и села, не желающего противодействовать стремительно углубляющемуся социальному неравенству, защищающего интересы лишь олигархической и бюрократической верхушки. Как раз имея в виду подобную ситуацию, выдающийся революционер XIX века П.Л. Лавров писал, обращаясь к представителям российского освободительного движения: «Не ты виной, когда в бою кровь неповинная польется: Без жертв, без крови, без борьбы народам счастье не дается»²⁷. Не думается, что теперь эти слова уже безнадежно устарели, что они будто бы в принципе неприменимы к какому-либо современному европейскому или иному государству, включая, разумеется, и российское...

Завершая вводные замечания, следует отметить, что содержание представляемой на суд читателя книги касается в первую очередь *сферы политики*, т.е. институциональных прежде всего сдвигов. Хотя авторский коллектив, конечно, понимает важность анализа также *сферы культуры*, т.е. сдвигов социальных, массовых, затрагивающих простого человека, разного рода группы (слои) людей. Иными словами, социокультурные аспекты антикоммунистических революций столь же важны, как и общественно-политические, поскольку исторические, национальные традиции, поколенческий и семейный контекст есть серьезнейший компонент прогрессивных изменений — как поступательных шагов в избранном направлении, так и роста нестабильности, углубляющейся конфликтности. Изучение этого компонента, его учет в правительственной и неправительственной деятельности укрепляют и властную вертикаль, и горизонтальные общественные структуры. В противном случае межпоколенческая или, допустим, межнациональная неурегулированность не может не расшатывать государственное здание, механизмы обратных связей, способствуя тем самым нарастанию оппозиционных настроений, а в конечном счете — и антиправительственных действий. Все сказанное о социокультурной сфере и обусловило наличие в данной работе соответствующей главы.

Выше говорилось, что по проблематике восточноевропейских революций существует уже немалая литература. Но что касается конкретно-исторических исследований, опирающихся на документальную основу, — они остаются

еще в большом дефиците. Прежде всего именно в этом смысле настоящей монографией вносится вклад в подготовку соответствующих академических изданий, поскольку главы по Болгарии, Венгрии, Польше, Чехословакии, а также по октябрьской (2000 г.) сербской мирной революции построены на обширном, в том числе архивном, материале, за счет чего в научный оборот вводятся неизвестные пока нашим обществоведам подробности революционных событий, существенные детали нелегкого переговорного процесса между коммунистической и антикоммунистической сторонами и т.п.

И последнее. Когда одна из коллег авторов этой работы, доктор исторических наук И.В. Михутина ознакомилась со всем в ней изложенным, она заметила, что «стоит обратить внимание на некоторое несоответствие между тезисом о плюралистическом характере преобразований 90-х годов и названием книги, искусственно суживающим смысл данных преобразований до одномерного антикоммунизма, по существу — разновидности тоталитаризма». Дескать, правильнее будет именовать соответствующие революции анти-тоталитарными, демократическими, а не антикоммунистическими. Однако здесь с уважаемой Ириной Васильевной трудно согласиться. Революции конца XX века в странах Центральной и Юго-Восточной Европы были прежде всего нацелены на свержение коммунистического режима — несменяемого и бесконтрольного, полицейского по своим важнейшим функциям. То есть с *практико-политической* точки зрения эти революции являлись именно антикоммунистическими, как бы подобная их аттестация ни звучала все еще непривычно для уха многих наших обществоведов, главным образом, конечно, старшего поколения.

С точки же зрения *теоретико-методологической* партийный, парламентский, имущественный и иной плюрализм — это неотъемлемая часть как раз антикоммунистических воззрений (либеральных, социал-демократических, консервативных), которые противопоставлялись большевизированному марксизму или ленинизму, отрицавшему правомерность подобного плюрализма как антипода власти коммунистов, не разделяемой ни с кем. Так что одномерность антикоммунистических воззрений вряд ли доказательна, и разновидностью тоталитаризма их можно было бы назвать лишь применительно к минувшей эпохе «холодной войны», воинствующего маккартизма с его человеконенави-

стническим принципом «Better dead than red» («лучше быть мертвым, чем красным»). Хотя сейчас этот пресловутый принцип «пещерного антикоммунизма» в устах даже самых дремучих западных реакционеров звучит совсем по-иному: «Better red than dead» («лучше быть красным, чем мертвым»).

Что же касается революций в Восточноевропейском регионе, их возглавляли тоже антикоммунисты, но отнюдь не реакционеры, и руководствовались они не человеконенавистническими, а гуманистическими принципами, позволявшими, как правило, избегать разрушений и крови своих соотечественников. Следовательно, если не заикливаться на устаревших определениях антикоммунизма, надо признать реальностью и гуманистическую, так сказать, его форму, достаточно весомо заявившую о себе в конце XX века в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

* * *

В написании данной коллективной монографии принимали участие сотрудники отдела современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы: доктор философских наук Ю.С. Новопашин — Введение; кандидат исторических наук Е.Л. Валева — глава I; доктор исторических наук Б.Й. Желицки — глава II; кандидат исторических наук О.Н. Майорова — глава III; доктор исторических наук Э.Г. Задорожнюк — глава IV; доктор исторических наук В.В. Марьина — глава V; доктор исторических наук К.В. Никифоров — глава VI; доктор исторических наук Н.В. Коволицына — глава VII.

Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук (ОИФН) РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

¹ Герцен А.И. Избранные философские произведения: в 2-х т. М., 1946. Т. II. С. 99.

² Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. М., 1958. С. 119.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 154.

⁴ Там же. Т. 22. С. 540, 546.

⁵ Kautsky K. Die Diktatur des Proletariats. Wien, 1918. S. 18.

⁶ Солженицын А.И. Малое собр. соч. М., 1991. Т. 2, кн. 2. С. 67.

⁷ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1998. С. 56.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 475; Т. 37. С. 57—58.

¹⁰ Там же. Т. 37. С. 114.

¹¹ Подробнее см. об этом: *Новопашин Ю.С.* Миф о диктатуре пролетариата // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 41 – 50.

¹² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 106.

¹³ Там же. Т. 44. С. 165, 428; Т. 54. С. 160.

¹⁴ Там же. Т. 15. С. 108 – 109; Т. 20. С. 167; Т. 31. С. 163.

¹⁵ Двенадцатый съезд РКП(б). 17 – 25 апреля 1923 года: Стенограф. отчет. М., 1968. С. 462.

¹⁶ Новая Польша. (Варшава), 2005. № 12. С. 3.

¹⁷ См.: *Загорожнюк Э.Г.* Почему не устояло в 90-е годы XX в. единое чехословацкое государство? // Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа: Вторая половина XX века. М., 2006. С. 259 – 346; *Она же.* Путь к «бархатной» революции // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории: в 2 кн. М., 2005. Кн. 2. С. 233 – 262; *Она же.* История «бархатной» революции. 17 ноября – 29 декабря 1989 г. // Там же. С. 263 – 331; *Она же.* Чешско-словацкие отношения: от «режима нормализации» 1969 года к «бархатной» революции 1989 года // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 15 – 33; *Она же.* Путь к «бархатной» революции: противостояние «властных» и «безвластных» в Чехословакии // Славяноведение. 2004. № 3. С. 59 – 82, и др.

¹⁸ См.: Новая Польша. 2005. № 7/8. С. 41; № 9. С. 29; № 12. С. 5.

¹⁹ *Радек К.* Лев Троцкий // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 352.

²⁰ *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции: в 6 т. Т. VI. Революционное правительство. М., 1983. С. 260.

²¹ Там же. Т. III: Республика (1792). М., 1979. С. 38.

²² Там же. Т. VI. С. 260.

²³ Цит. по: *Дарендорф Р.* После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. М., 1998. С. 186.

²⁴ Власть и реформы (Материалы «круглого стола») // Отечественная история. 1998. № 2. С. 35.

²⁵ Цит. по: *Бурлацкий Ф.М.* Русские государи. Эпоха реформации. Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М., 1996. С. 360.

²⁶ *Калашикова Н.Ю.* Семейный портрет в интерьере: эпоха и клан Чаушеску // Бывшие «хозяева» Восточной Европы. Политические портреты. М., 1995. С. 250.

²⁷ *Лавров П.Л.* Апостол // Поэты революционного народничества. Л., 1967. С. 42.

РАССТАВАНИЕ С СОЦИАЛИЗМОМ: БОЛГАРСКИЙ ВАРИАНТ

В 1989 г. Болгария включилась в восточноевропейские «осенние» революции, которые быстро смели советскую систему в этом регионе. Процессы, начавшиеся в Болгарии, развивались весьма динамично прежде всего под воздействием внешних факторов. Отстранение от власти Тодора Живкова, несколько десятилетий стоявшего у руля партии и государства, произошло на следующий день после падения Берлинской стены и за неделю до начала «бархатной революции» в Чехословакии. Однако вскоре стало ясно, что эта одновременность только прикрывала недостаточную готовность болгарского общества ликвидировать государственный социализм. Именно поэтому Болгария оказалась в конечном счете в числе тех трансформирующихся стран, где экономические и политические реформы, а также сближение с Европейским Союзом происходили более медленно и болезненно для населения.

Тяжелый экономический, политический, государственный и нравственный кризис, разразившийся в Болгарии в конце 1989 г., имел, помимо общих черт с кризисной ситуацией в остальных странах «мирового соцсодружества», и свои специфические черты. По сравнению, например, с Польшей, где демократическая общественность, сплотившись вокруг «Солидарности», начала борьбу за перемены еще в начале 80-х годов XX в., в Болгарии этот процесс запаздывал почти на целое десятилетие.

Причиной того, что акцептация обществом социалистических ценностей продолжалась в Болгарии дольше, чем во многих других восточноевропейских государствах, были иные исходные условия и социальные ожидания. По сравнению с отсталостью довоенного времени период социалистического строительства выглядел достаточно динамичным и результативным. Несмотря на недостатки «реального социализма», объективно он ускорил развитие страны, модернизировал болгарскую экономику и социальные отношения.

Для значительной части болгар преимущества «реального социализма» перевешивали его недостатки. К тому же, как справедливо отмечает болгарский историк И. Баева, на протяжении многих десятилетий Болгарией управляли авторитарными и силовыми методами, поэтому социализм нельзя рассматривать как некое недемократичное исключение¹.

На определенное время коммунистическому режиму удалось создать сравнительно прочный интеграционный механизм, оформить своего рода «общественный договор», в соответствии с которым за относительно благополучное экономическое развитие общество платило отказом от политических требований. Разыгранная Тодором Живковым карта умеренного национализма (вместо «социалистического интернационализма») также была поддержана значительными слоями населения. В начале 80-х годов живковский режим на первый взгляд казался стабильным, хотя растущая открытость мира расширяла возможности для сравнения, убеждала в неэффективности административно-централизованной экономики. В различных слоях общества, включая правящие круги, нарастала напряженность, все более ощущалась необходимость перемен.

«Перестройка» по Живкову

Болгарское партийно-государственное руководство не могло не видеть признаков надвигающегося кризиса, выразившегося прежде всего в экономических проблемах. Уникальные экономические условия, которых Живков добился в 70-е годы XX в. от советского руководства, довольно долго создавали впечатление бурного подъема в народном хозяйстве Болгарии. За счет долларов, полученных от реэкспорта советской нефти и электроэнергии, страна начала создавать престижные отрасли экономики — электронику, лазерную технику, тяжелое машиностроение. Ускоренное развитие этих отраслей, требовавших все новых колоссальных долларовых инъекций, привело вскоре к глубокому упадку традиционных для Болгарии текстильной, пищевой промышленности и сельского хозяйства. Чрезмерная централизация сельскохозяйственного производства в громоздких аграрно-промышленных комплексах создавала дополнительные трудности. Страна, всегда имевшая развитый аграрный сектор, столкнулась с продовольственной проблемой. В середине 80-х годов появились очереди за самыми необходимыми

продуктами питания и промышленными товарами. На децентрализованном внутреннем рынке было невозможно реализовать постоянно растущие денежные доходы населения. В конце 1988 г. последние достигли 25 млрд левов при ежегодном розничном товарообороте около 16 млрд левов². При этом товарный дефицит сочетался с энергетическим кризисом. Начавшиеся ограничения в поставках электроэнергии из СССР привели к тому, что в крупных городах был даже введен режим экономии электроэнергии, при котором 3 часа в дома поступал ток, а следующие 3 часа — нет. Перебои с электричеством отразились на повседневной жизни каждого болгарина, создали соответствующий психологический настрой.

Тревожным признаком кризиса было резкое увеличение внешнего долга Болгарии. В результате необоснованной инвестиционной политики электроника и другие «престижные» отрасли поглощали львиную долю национальных ресурсов. Ежегодно эти отрасли требовали «вливания» в размере примерно 4 млрд долларов, а отдавали в результате экспорта всего около 2 млрд. Таким образом, начиная с 1985 г. внешний долг Болгарии ежегодно возрастал примерно на 1,5–2 млрд долларов. С 700 млн долларов в 1979 г. он вырос к концу 1988 г. до 8 млрд³.

Специфической чертой болгарского кризиса было обострение национального вопроса, ставшего мощным катализатором общественных настроений. Обеспокоенный тревожной демографической ситуацией в стране (старением болгарского общества, ростом удельного веса турецкого нацменьшинства в результате более высокой, чем у болгар, рождаемости), живковский режим попытался насильственным путем обеспечить «этническую монолитность болгарской нации». В ходе так называемого «возродительного процесса» в конце 1984 — начале 1985 г. у граждан страны, носящих мусульманские личные имена, они были заменены на славянские или христианские⁴. Запрещалось публичное использование турецкого языка, совершение мусульманских обрядов, ношение национальной одежды и т.д. Под бульдозер пошли даже мусульманские кладбища. Все это означало грубое вторжение в веками складывавшийся жизненный уклад мусульман, в их этнопсихологию и культуру. При этом власти мобилизовали всю мощь административного, репрессивного и пропагандистского аппарата. Однако переименование 850 тыс. человек (10% населения) привело не к приоб-

щению турок к болгарскому государству, а, напротив, к усилению противостояния ему⁵.

Осознавая, что сменой имен и запретом обрядов новое «самосознание» турок не утвердить, болгарское руководство попыталось решить «мусульмано-турецкую проблему» более радикальным способом. В мае 1989 г. болгарский парламент принял решения о загранпаспортах, облегчавшие с сентября того же года порядок выезда граждан за рубеж. Однако не желавшие ждать до сентября болгарские турки устроили массовые демонстрации с требованием изменения национальной политики. Против демонстрантов были применены меры подавления, включая огнестрельное оружие. В выступлении Живкова по этому поводу прозвучало обращение к турецким властям открыть границу для всех болгарских мусульман, пожелавших выехать в Турцию⁶. Это стимулировало у мусульман массовые переселенческие настроения, которые власти не сдерживали, а, наоборот, провоцировали с тем, чтобы «вытолкнуть» турок за пределы страны и закрыть «мусульманскую проблему» раз и навсегда. При этом живковское руководство стремилось создать в мире образ «перестраивающейся» Болгарии, приверженной положениям Хельсинкского акта о свободе передвижения.

Летом 1989 г. через болгаро-турецкую границу устремился поток беженцев, в июне — августе в Турцию выехало свыше 300 тыс. человек⁷. Не ожидавшие такого числа переселенцев, в конце августа турецкие власти закрыли свою границу с Болгарией. Массовый отъезд мусульман вызвал в Болгарии значительные экономические трудности, прежде всего в табаководческих районах, где производством табака занимались в основном турки. Отъезд пришелся на период напряженных сельскохозяйственных работ, оголил 170 тыс. рабочих мест, причем в большинстве своем далеко не «престижных», хотя выезжали также врачи и учителя. Осенью на сбор урожая были мобилизованы армия, студенты, отменялись отпуска, вводился сверхурочный труд. Тем не менее, несмотря на такие чрезвычайные меры, народное хозяйство Болгарии понесло серьезный ущерб. Трудности имели не только экономический характер; произошла вспышка взаимной неприязни между болгарами и турками.

Поскольку далеко не все «экскурсанты» встретили в Турции радушный прием, десятки тысяч мусульман вскоре были вынуждены вернуться назад, что породило новые проблемы. При выезде из Болгарии туркам пришлось за бесценнок прода-

вать свои дома, скот (продажа жилья являлась обязательным условием для получения разрешения на выезд, хотя он оформлялся как «экскурсия»). Большинство вернувшихся оказалось у «разбитого корыта», испытывая при этом враждебное отношение со стороны властей и односельчан-болгар.

Насильственно-административная «болгаризация» турецкого населения имела одним из своих результатов создание нелегальной организации «Турецкое национально-освободительное движение в Болгарии» во главе с философом Ахмедом Доганом. Помимо протурецкой пропаганды, эта организация занималась также саботажем в политике и экономике. Был совершен ряд террористических актов. Все это вызывало рост напряженности в стране. Позже А. Доган заявил, что события, связанные с «возродительным» процессом, «нанесли самый большой удар по тоталитарной системе... Целый этнос представлял собой диссидентское движение»⁸. Заявление весьма спорное, поскольку в данном случае речь шла о чисто националистическом движении.

Следует признать, что жесткий подход Т. Живкова к решению турецко-мусульманского вопроса вызвал поддержку значительной части болгарского общества, поскольку здесь имела место спекуляция на исторической памяти болгар о многовековом османском иге. Этот вопрос до поры до времени использовался властью как своего рода клапан, позволявший отвлечь внимание населения от других, прежде всего социально-экономических проблем.

«Возродительный процесс», формы и методы его осуществления, не укладывающиеся в цивилизованные рамки, вызвали резко отрицательную реакцию во всем мире (лишь тогдашнее советское руководство предпочло не давать оценку этим «внутренним проблемам» своего ближайшего союзника). Болгария надолго запятнала себя в роли государства, нетолерантного в области национальных отношений. Совет Европы сделал заявление по поводу ущемления прав турецкого населения в НРБ, напомнив болгарскому правительству о необходимости соблюдать обязательства, взятые им в соответствии с Хельсинкским заключительным актом и Декларацией прав человека⁹. Забегая вперед, отметим, что уже после отставки Т. Живкова пленум ЦК БКП в декабре 1989 г. рассмотрел вопрос о преодолении деформаций в отношении тюркоязычного и мусульманского населения и охарактеризовал «возродительный процесс» как «грубую политическую ошибку»¹⁰. В январе 1990 г. была принята Декларация

Народного собрания по национальному вопросу с осуждением кампании по насильственному созданию «этнически монолитной болгарской нации». Однако эти политические решения вызвали неоднозначную реакцию в болгарском обществе. В конце декабря 1989 г. последовала вспышка великоболгарских, шовинистических настроений, что свидетельствовало о новом обострении проблемы национальной идентичности.

Ухудшение положения Болгарии на мировой арене в конце 80-х годов XX в., граничившее с международной изоляцией, способствовало усилению чувства неуверенности у болгарских граждан. Западные страны обвинили спецслужбы НРБ в убийстве в Лондоне писателя-диссидента Георгия Маркова с помощью «болгарского зонтика», а также в причастности к покушению на папу Иоанна Павла II. Под сильным прессингом со стороны Запада оказалась торговля Болгарии оружием, доходы от нее сократились с 800–900 млн долларов до 200–300¹¹.

Но наиболее ощутимый удар по живковскому режиму нанесла перестройка в СССР, начавшаяся при новом советском лидере М.С. Горбачеве. До конца 80-х годов Болгария входила в Восточный блок и среди других европейских стран «социалистического содружества» политически, экономически, идеологически и психологически была наиболее тесно связана с Советским Союзом. В течение многих лет это приносило ей определенные преимущества. Так, по договоренности между Живковым и Брежневым Болгария получала ежегодные субсидии на развитие болгарской экономики в размере 600 млн долларов¹². Изменившиеся во второй половине 80-х годов условия показали пагубность тесной привязки болгарского хозяйственного комплекса к советскому. Горбачев сразу же после прихода к власти поставил вопрос о введении рыночных механизмов во внешнеэкономических отношениях со странами СЭВ, т.е. о замене бартерных сделок оплатой в валюте. Продуманный ли это был шаг в тех условиях – можно спорить, но для Болгарии он означал также прекращение ежегодных субсидий¹³. Кроме того, наступивший хаос в советской экономике привел к невыполнению советской стороной подписанных ранее соглашений между Болгарией и СССР, что резко уменьшило объем получаемых из Советского Союза материалов и сырья. Политический советник Т. Живкова К. Чакыров приводит следующие цифры, показывающие снижение поставок в Болгарию в период 1986–1990 гг. по сравнению

1981 – 1985 гг.: нефти на 6855 тыс. тонн, угля на 3 млн тонн, кокса на 1500 тыс. тонн, мазута на 1 млн тонн¹⁴. В то же время Болгария лишилась возможности беспрепятственно реализовывать свои не всегда качественные товары на всепоглощающем советском рынке. Развал традиционных связей, переход на рыночный, эквивалентный (т.е. долларовый) товарообмен при резком сокращении его объема до крайности обострили социально-экономические проблемы Болгарии, что явилось одним из важных катализаторов общественно-политических процессов, приведших к падению режима Т. Живкова.

Политическое чутье подсказывало Живкову, что перемен не избежать и его стране, поэтому на словах он поддерживал начавшуюся в СССР перестройку и попытался наладить отношения с новым советским руководителем. В июне 1985 г. Живков направил Горбачеву письмо, в котором писал о причинах застоя и деформациях в социалистических странах, о необходимости проведения радикальных мер в экономике и политике с целью обновления социализма¹⁵. Однако их отношения с самого начала складывались непросто, взаимопонимание не было достигнуто: для Горбачева болгарский руководитель оставался типичным представителем консервативного лагеря в Восточной Европе, которому давно пора уйти с исторической арены. Живков, в свою очередь, начал высказываться о процессах, происходивших в СССР, с немалой долей иронии и раздражения: «книжный бум», «словесная атака на сталинизм», «грязная политическая пена». Период открытой конфронтации между двумя лидерами наступил в середине 1987 г., когда усилия Живкова «опередить» советскую перестройку и на свой манер «оздоровить» социализм вызвали отрицательную реакцию Горбачева¹⁶.

Стремясь сохранить существующий режим, болгарское руководство в середине 80-х годов предприняло попытки разработать новую модель социалистического общества, а также формы и методы ее реализации¹⁷. Так родилась живковская концепция перестройки, разработанная ближайшим окружением генсека в обстановке строгой секретности и принятая на июльском пленуме ЦК Болгарской коммунистической партии (БКП) в 1987 г. Нельзя не признать, что в ней были заложены многие принципиально верные идеи, которые впоследствии (уже после ухода Живкова) стали наполняться реальным экономическим и политическим содержанием. Некоторые положения так называемой «июльской

концепции» звучали весьма революционно: равенство и многообразие форм собственности, создание гражданского общества путем предоставления гражданам права образовывать «самодеятельные» (негосударственные) организации, отход компартии от управления обществом в качестве его высшего эшелона, территориальное и хозяйственное самоуправление, подготовка новой конституции, новые принципы пенсионного обеспечения, деятельности банков, акционерных обществ и др. По мысли Живкова, осуществление этой концепции должно было обеспечить поэтапное, постепенное встраивание новой, соответствующей современным реалиям, модели социализма в старую, государственно-монополистическую модель, проигравшую экономическое соревнование с капитализмом. Эта масштабная программа выглядела значительно более радикальной, чем изменения в экономике, предлагавшиеся в то время в СССР.

Реализация «июльской концепции» началась уже в августе 1987 г. принятием ряда законов. 35-е Постановление Совета министров было призвано стимулировать личную и коллективную инициативу граждан. В январе 1989 г. был принят самый радикальный документ по реформированию социалистической экономики — Указ 56, в соответствии с которым началась либерализация хозяйственной сферы, узаконивалось право существования частных фирм¹⁸. За короткий период времени государственные предприятия трансформировались в акционерные фирмы. Указ ограничивал финансовый контроль со стороны государственных органов и давал ряд преимуществ иностранным инвесторам. Практически директорам хозяйственных объединений, их представительств и смешанным предприятиям за границей предоставлялось неограниченное право совершать операции с наличными денежными средствами государства. Это означало официальный отказ от государственной монополии внешней торговли. Так были подготовлены условия для бурного роста частных фирм уже после падения «живковского режима», который сопровождался скрытым разграблением государственных предприятий представителями прежней номенклатуры — хозяйственной, партийной и госбезопасности¹⁹.

Другой указ касался реформы в сельском хозяйстве, предусматривавшей повсеместное введение арендной системы. Собственность на землю и другие средства производства оставалась в руках государства, но оно перестало заниматься

непосредственной организацией сельскохозяйственной деятельности и отошло от контроля над самой арендой. 28 округов преобразовывались в 9 областей, основным ядром которых стали самоуправляющиеся общины. Закрывался ряд Советов, укрупнялись министерства. В плане «отстранения» БКП от власти ликвидировались всемогущие опоры партийного руководства — отделы, дублировавшие управление обществом. Под видимостью борьбы с антидемократическими «деформациями социализма» правительство приняло постановление по ликвидации «атрибутов власти». В соответствии с ним отменялись торжественные демонстрации в дни праздников, вывешивание портретов членов политбюро ЦК БКП, сокращалось число служебных машин... Однако подобные косметические меры мало могли обмануть, тем более что на практике компартия по-прежнему должна была формулировать политические программы и цели общественного развития, проводить кадровую политику и т.д. Начавшаяся административная перестройка внесла лишь дополнительный хаос в управление²⁰.

Статистические данные за 1988 год показали, что индексы ВВП и национального дохода снизились²¹. В результате децентрализации экономики и «предоставления социалистической собственности трудовым коллективам» руководители предприятий, прежде рассчитывавшие на государственные дотации, вынуждены были сами добиваться кредитов у западных частных фирм, часто на невыгодных условиях. Все это привело к резкому увеличению валютного долга Болгарии.

В итоге попытка Живкова осуществить ограниченную экономическую реформу потерпела провал (справедливости ради надо сказать, что для ее осуществления у него практически не оставалось времени). Структура сельского хозяйства оказалась разрушенной. Смешанные предприятия не возвращали свои капиталы в Болгарию. Торговые банки также способствовали оттоку финансовых средств за границу. В результате изменения международной обстановки развитый военно-промышленный комплекс быстро потерял свои рынки. Большинство предприятий тяжелой индустрии и машиностроения имели устаревшую технологию и производили неконкурентоспособную продукцию. Реально кроме выросшего внешнего долга реформа ничего не дала.

Очередная попытка «большого скачка» не встретила особого энтузиазма среди болгарского населения, увидевшего в

ней новый вариант «косметического ремонта» режима, еще один маневр для укрепления личной власти Тодора Живкова. Кроме того, в обществе появился новый слой недовольных — тысячи партийных и государственных бюрократов, оставшихся в результате реформ без работы и власти. Поскольку все решения в последние годы принимались генсеком единолично или в узком кругу приближенных, то он стал в глазах народа олицетворением самой системы и всех ее пороков. Росло социальное напряжение, усиливалось недоверие населения к власти, постоянно обещавшей улучшение положения, но неспособной обеспечить гражданам нормальную жизнь.

Немаловажной причиной пробуксовки «июльской концепции» было и то, что к ней отнеслись с недоверием в Москве, тем более что «информаторы» в Кремле (в первую очередь, член политбюро ЦК БКП Андрей Луканов) представляли Живкова и его политику в самом невыгодном свете²². Резкий отпор Горбачева встретило ограничение (в действительности только на словах) господствовавших позиций компартии в обществе. В Софию прибыл секретарь ЦК КПСС В.А. Медведев и в многочасовом разговоре дал Живкову понять, что в Кремле скептически оценивают его начинания. Недовольство советского руководства вызвало и расширение экономических связей Болгарии с капиталистическими странами, приток германских и японских капиталов в болгарскую промышленность. Согласно опубликованному советником Живкова Чакрызовым протоколу беседы двух генсеков в октябре 1987 г. в Москве, Горбачев открыто заявил, что болгарский лидер должен удалить из своего окружения всех, кто ищет контактов и решения проблем в сотрудничестве с Западом, людей, выступающих за превращение Болгарии в «мини-ФРГ» или «мини-Японию»²³. Все это дало Живкову основание впоследствии утверждать, что для осуществления глубоких перемен в Болгарии не имелось благоприятных политических и международных условий: «Любая попытка таких перемен наталкивалась на идейный догматизм, обвинения в ревизионизме или в авантюризме»²⁴.

Резкое охлаждение официальных болгаро-советских отношений и ослабление экономических связей сочетались с громадным ростом интереса болгар к процессам, происходившим в СССР. Гласность сыграла поистине неопределимую роль в демократизации мышления болгарского народа. В 1987—1989 гг. в стране огромным спросом пользовались

советские газеты и журналы, освободившиеся от цензуры, — ведь там можно было прочесть о том, что в Болгарии продолжало оставаться под строжайшим запретом. Фильм «Покаяние», не выпускавшийся при Живкове на широкий экран, люди смотрели дома по видео. Остряки шутили, что в Болгарии возродился лозунг времен Второй мировой войны: «Долой диктатуру, да здравствует союз с СССР!». Идеи и лозунги горбачевской «перестройки» нашли горячий отклик среди значительной части болгарского общества, особенно интеллигенции. Видные ее представители образовали осенью 1988 г. первую в стране чисто политическую организацию с демократической направленностью — «Клуб в поддержку гласности и перестройки».

Политизация общественного протеста

Считается, что особенностью коммунистического правления в Болгарии по сравнению с некоторыми другими странами Восточной Европы было отсутствие влиятельного и организованного диссидентского движения. Жесткий тоталитарный контроль при Живкове парализовал проявления инакомыслия в обществе. Несогласие с существующим порядком было скорее личной позицией, а не общественным настроением. Некоторые противники режима, не решаясь выступать публично, предпочитали уезжать на Запад и включаться там в эмигрантские организации, впрочем, не оказывавшие влияния на внутривластную ситуацию в Болгарии. Их протест не превратился в общественно значимый факт, не явился каким-то серьезным вкладом в пробуждение общества.

В рамках самой БКП у Т. Живкова имелись критики и недоброжелатели, но все они выражали свое несогласие (и со сравнительно либеральных, и с ортодоксальных позиций) лишь с отдельными сторонами существующего режима, не будучи при этом принципиальными «врагами» социализма. Возникавшие в 60 — 70-е годы XX в. немногочисленные антиживковские группы внутри компартии были настроены, как правило, промаоистски: заговор «Горуни», группа Н. Куфарджиева, «Благоевско-Димитровская коммунистическая партия». В одной из листовок последней, например, говорилось: «Более десяти лет обуржуазившаяся управляющая группа во главе с Т. Живковым проводит политику против интересов трудящихся, против интересов болгарского народа. Спу-

стя 22 года после народной победы у власти в Болгарии снова деньги, коррупция и властолюбие»²⁵. Члены антиживковских групп подвергались судебному и административному преследованию, однако их деятельность не имела ничего общего с диссидентством²⁶.

В то же время было бы несправедливо говорить о полном отсутствии инакомыслия в годы «реального социализма» в Болгарии. Всей стране были известны люди, критически настроенные к режиму, прежде всего представители творческой интеллигенции: писатель Георгий Марков, художник Светлин Русев, поэтесса Блага Димитрова, философ Желю Желев, писатель-сатирик Радой Ралин, карикатурист Тодор Цонев и др. Часть творческой элиты, веря в возможность придания социализму «человеческого лица», с надеждой встретила «Пражскую весну» и с горечью переживала ее финал. Но она избрала не безнадежное в то время «безумство храбрых», а эволюционный путь борьбы с режимом через честную и гуманную творческую и гражданскую позицию²⁷.

В целом же болгарскую общественность характеризовал конформизм, давший Т. Живкову основание утверждать, что в стране нет политических конфликтов и столкновений, нет «организованных политических сил, которые были бы против социалистического развития...»²⁸.

Важно подчеркнуть, что в Болгарии отсутствовали традиции сопротивления существовавшему строю. Слово «оппозиция» было вычеркнуто из словаря болгарских граждан после того, как в результате политических процессов 1944–1948 гг. компартия ликвидировала всех противников становления тоталитарного режима. В Болгарии не имелось опыта ГДР 1953 г., Польши 1956 г. и 70–80-х годов, Венгрии 1956 г., Чехословакии 1968 г. Общество не выдвинуло там из своей среды организаторов борьбы с властями, соответствующих духовных лидеров типа В. Гавела или Л. Валенсы. В феврале 1990 г., отмечая отставание демократических перемен в Болгарии по сравнению с другими странами Восточной Европы, будущий президент страны Желю Желев писал, что одна из причин такого отставания – отсутствие практического опыта борьбы против тоталитарной системы²⁹. На протяжении всего периода «строительства социализма» в Болгарии не произошло ни одного восстания, ни одной политической забастовки, ни одной студенческой демонстрации. В стране не получили сколько-нибудь заметного распространения русофобия, антисоветизм, которые, как это

видно на примере некоторых других стран, срачивались с антикоммунизмом. Не пользовалась влиянием и церковь, которая не могла претендовать на роль кристаллизующего ядра альтернативной политической субкультуры, как в Польше.

До конца 80-х годов болгарскому обществу больше был присущ скрытый плюрализм, который не заявлял о себе значимыми публичными акциями. По признанию писателя Георгия Мишева, в Болгарии самой распространенной формой инакомыслия стала «эзоповская», т.е. завуалированная форма сопротивления существующей системе³⁰. Особенно широкий отклик среди общественности нашли две книги, вскоре изъятые из продажи: монография Ж. Желева «Фашизм. Тоталитарное государство» (1982 г.), в которой скрыто проводились аналогии между социалистическим и фашистским типами тоталитарного государства, и роман Б. Димитровой «Лицо» (1981 г.), где идеалы антифашистской борьбы противопоставлялись социалистической реальности³¹. Однако организованное проявление недовольства режимом, которое принято называть диссидентским движением, появилось в Болгарии лишь в самом конце 80-х, что дало исследователям основание назвать его «запоздалым»³².

Первые болгарские диссиденты воспользовались положением «июльской концепции», в соответствии с которой граждане получали право создавать «самодеятельные», «неформальные» (т.е. существующие вне официальных структур) организации. Впрочем, как вскоре выяснилось, это право существовало только на бумаге. В феврале 1989 г., обсуждая в узком кругу приближенных обстановку в Венгрии и Польше, Живков подчеркнул: «Мы не готовы к плюрализму. У нас нет социальной базы для других партий. Когда такая база создастся, тогда будет видно, но сейчас следует давать отпор неформальным объединениям и структурам»³³.

Так или иначе, но «июльская концепция» придала смелости осторожной болгарской интеллигенции. На отчетно-выборной конференции партийной организации в Софийском университете осенью 1987 г. в ряде выступлений открыто прозвучала острая критика живковского режима. Четырех «провинившихся» профессоров немедленно уволили и исключили из рядов Болгарской коммунистической партии. Свидетельством пробуждения болгарского общества стали многочисленные протесты преподавателей и студентов с требованием отмены кары. Немаловажную роль в развитии

оппозиционного мышления сыграли неформальные кружки, клубы и семинары, где философы, историки, писатели и кинодраматурги критиковали разные стороны социалистической действительности.

При обсуждении соображений Т. Живкова «о некоторых проблемах и задачах в связи с перестройкой в духовной сфере»³⁴ (апрель 1988 г.) в партийных организациях творческой и научной интеллигенции высказывались мысли об ограничении гласности в Болгарии, о сохранении «запретных для критики» зон, о привилегиях и т.п. Еще с большей силой эти констатации прозвучали на съездах творческих союзов весной 1989 г. Острые статьи с оппозиционной направленностью стали появляться в печати, телезрители с большим интересом смотрели критическую передачу «Актуальная антенна».

Болгарские власти реагировали немедленно. За критические высказывания в прессе наказаниям подвергся ряд журналистов. 1 июля 1989 г. было принято секретное решение секретариата ЦК БКП, в котором выражалась обеспокоенность в связи с «созданием неформальных групп: "комитетов" и "клубов" с прикрытой антисоциалистической направленностью». Эти формирования, отмечалось в документе, «ищут и находят почву среди некоторых неустойчивых деятелей интеллигенции и отдельных тружеников, включая и членов БКП». С целью предотвращения «грубых нарушений общественного порядка» предписывалось создать в общинах, хозяйственных организациях, научных институтах и вузах «политические отряды защиты Отечества, которые будут иметь задачу защищать завоевания социалистической революции и перестройки», а также «отряды специального назначения для борьбы и неотложных действий в экстремальных условиях против организации антиобщественных проявлений...»³⁵

На самом деле первые неформальные организации, возникшие в 1988—1989 гг., не ставили перед собой антисоциалистических целей и были скорее «антиживковскими». Поистине катализатором оформления диссидентского движения в Болгарии стали экологические проблемы, что в немалой степени объяснялось относительной безопасностью таких, на первый взгляд неполитических, вопросов, как экология. Непосредственным поводом выдвижения этих проблем на первый план стали тревожные сигналы об экологической катастрофе, нависшей над дунайским городом Русе в виде

хлорных выбросов химических заводов румынского города Джурджу (Гюргево), расположенного на другом берегу реки. У жителей Русе, особенно детей, наблюдался резкий рост заболеваний дыхательных путей. Эта тревога дала интеллигенции удобный и всем понятный повод для создания первой несанкционированной властями общественной организации.

Фактическое бездействие и беспомощность живковского руководства, не желавшего обострять и без того непростые отношения с «братской» Румынией, вызвали возмущение и демонстрации протеста русенских матерей. Их драма вызвала в стране широкий отклик: Союз болгарских художников во главе со С. Русевым организовал специальную выставку, его призыв спасти Русе подхватили профсоюзные организации, научные институты, редакции газет и журналов, режиссер Ю. Жиров снял документальный фильм «Дыши!». Премьера этого фильма в софийском Доме кино 8 марта 1988 г. и послужила поводом для учреждения первой диссидентской организации в Болгарии — Общественного комитета в защиту экологии Русе (или просто «Русенского комитета»). Собравшиеся 500 человек приняли устав и декларацию «Спасем Русе!», избрали руководство, в которое вошли такие популярные общественные фигуры, как Ж. Желев, историк Н. Генчев, актер П. Слабаков, журналистка С. Бакиш (жена председателя Народного собрания С. Тодорова), писатель Г. Мишев, художник С. Русев, тренер по художественной гимнастике Н. Робева³⁶. Впервые часть интеллектуальной элиты посмела нарушить договор о лояльности в обмен на обеспеченное существование, негласно заключенный между элитой и властями.

Создание этой организации, объявившей себя независимой от существующей политической структуры, но соблюдающей конституцию и законы, вызвало бурный переполох в руководстве БКП и продемонстрировало ее полную неготовность к демократизации. В конце марта состоялось заседание политбюро ЦК БКП, на котором стоял вопрос о разгоне «Русенского комитета». Партийные структуры и силы госбезопасности прибегли к увещаниям, угрозам и карательным мерам с целью принудить инициаторов «Русенского комитета» отказаться от дальнейших действий³⁷. На самом деле, после учредительного акта комитет не проводил никакой работы, однако данный им импульс не остался без последствий.

В апреле 1989 г. как продолжение «Русенского комитета» было создано Независимое общество «Экогласность» во главе с П. Слабаковым, положившее начало движению «зеленых» в Болгарии. Оно выступало за открытость информации по экологическим проблемам, предупреждало общественность об опасности для окружающей среды вследствие работы конкретных горнорудных, металлургических и химических предприятий. Через выдвижение и освещение проблем экологического характера этой организации удавалось привлечь внимание населения к общей ситуации в стране. В декабре 1989 г. была создана «Зеленая партия», ставившая в центр внимания человеческую личность и качество ее жизни (лидер А. Каракачанов).

Другие группы протеста, возникшие в 1988 – начале 1989 г., также объявили себя независимыми и аполитичными (в том смысле, что независимость от делающей политику компартии означала независимость и от самой политики). Независимое общество защиты прав человека в Болгарии образовалось 16 января 1988 (председатель Р. Воденичаров). Основным направлением его деятельности являлась передача через западные посольства информации о ситуации с правами человека в Болгарии. 19 октября 1988 г. под председательством иеромонаха Хр. Сыбева был создан Комитет по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей, выступавший за невмешательство светской власти в дела церкви, за развитие религиозно-духовной сферы и благотворительности. Независимый профсоюз «Подкрепа» («Поддержка») был учрежден в Пловдиве 11 февраля 1989 г. как альтернатива официальным («казенным») профсоюзам. Вскоре был преобразован в Независимую конфедерацию труда «Подкрепа» (председатель К. Тренчев).

Однако реакция официальных властей привела членов этих организаций к выводу, что их собственные цели не могут быть достигнуты без предварительной демократизации политической системы. Поэтому уже вскоре начался процесс «политизации» протеста, завершившийся уже после событий 10 ноября 1989 г., когда в стране начала формироваться многопартийная система³⁸.

Первой чисто политической организацией, которая уже не скрывалась за той или иной неполитической проблемой, а открыто ставила наболевшие вопросы и призывала общество включиться в их обсуждение, стал уже упоминавшийся «Клуб в поддержку гласности и перестройки» (впоследствии

он трансформировался в Федерацию клубов в поддержку гласности и демократии). Его учредительное собрание прошло 3 ноября 1988 г. в Софийском университете, утвердившемся к этому времени как центр инакомыслия. «Клуб» организовал несколько секций, в которых обсуждались права человека и гражданские свободы, экономические, демографические и экологические проблемы, нерешенные вопросы болгарской истории и культуры³⁹. Среди учредителей и активистов «Клуба» были виднейшие болгарские интеллектуалы, причем как члены БКП (профессор К. Василев, поэт Хр. Радевски), так и беспартийные, уже зарекомендовавшие себя как противники коммунистического режима — Б. Димитрова, Ж. Желев. Председателем был избран писатель П. Симеонов.

Деятельность «Клуба» заключалась прежде всего в подготовке аналитических и информационных материалов о положении дел в различных сферах общественной жизни. Он протестовал против действий органов госбезопасности по отношению к диссидентам, защищал права болгарских турок и т.д. «Клуб» реагировал на все, что происходило в зарождающемся болгарском оппозиционном движении, поэтому его деятельность получила широкий отклик в обществе и подготовила почву для противостояния Т. Живкову, который уже открыто назывался основным препятствием на пути демократизации страны. Встреченный властями в штыки, «Клуб» подвергся серьезному давлению с целью его расформирования — утомительным беседам в самых высоких инстанциях, угрозам, подслушиванию, слежке, обыскам. В мае 1989 г. активисты «Клуба» были арестованы. Но даже в таких условиях «Клуб» сумел выстоять и даже служить своеобразным прикрытием для остальных неформальных организаций, помогая пострадавшим деньгами, ходатайствами, петициями и прочим. Если в начале своей деятельности «Клуб» насчитывал всего 80 человек, то в январе 1990 г. он имел филиалы в 25 городах, объединявшие от двух до четырех тысяч членов⁴⁰.

Историк И. Баева, исследующая историю болгарского диссидентства, констатирует, что на первом этапе (до 10 ноября 1989 г.) в нем оформились две основные группы. Одна группа, в которую входили «Независимое общество защиты прав человека», «Комитет по защите религиозных прав, свободы и духовных ценностей» и профсоюз «Подкрепа», выступала против социалистической системы в целом. Их член-

скую массу составляли некоммунисты, которые быстро эволюционировали в антикоммунистов. В другую группу, центром которой стал «Клуб в поддержку гласности и перестройки», входили главным образом коммунисты реформаторского толка, отрицательно настроенные по отношению к Живкову (хотя и там часть активистов была против системы в целом, но по тактическим причинам не выступала с этих позиций).

Несколько особняком стояла «Экогласность», объединившая как приверженцев социализма, так и его противников, сплоченных общей тревогой за сохранение окружающей среды⁴¹. Впрочем, экологические проблемы все чаще стали использоваться для прикрытия антиживковской пропаганды. Во время проходившего с 16 октября по 3 ноября 1989 г. в Софии международного Экофорума в одном из столичных кинотеатров был сделан доклад на тему «Экология и демократия». В нем охрана окружающей среды трактовалась очень широко, с акцентом на «социальное загрязнение» — создание «паразитных прослоек», номенклатуры и т.п. 26 октября активисты «Экогласности» организовали в центре Софии сбор подписей против одного из правительственных проектов и были жестоко избиты милицией на глазах иностранных журналистов, заснявших это на пленку. Через несколько дней «Экогласность» провела первую массовую демонстрацию протеста, в ходе которой в Народное собрание был передан список, содержащий 11 с половиной тысяч подписей против загрязнения рек Рила и Места.

Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что до ноября 1989 г. оппозиции как новой политической силы в Болгарии не существовало. Ни одна из групп протеста не выдвинула в то время альтернативной программы общественного развития, во имя реализации которой она была готова бороться за власть. Зарождавшееся демократическое движение в Болгарии, разнородное по своему составу и организационно разобщенное, не смогло создать консолидированную силу, способную свергнуть «живковский режим».

10 ноября 1989 г. – переворот или поворот?

Формально точкой отсчета перемен в Болгарии, приведших к смене общественной формации, считается пленум ЦК БКП 10 ноября 1989 г., на котором Тодор Живков был смещен с поста генерального секретаря. Когда в 6 часов вечера болгарские средства массовой информации передали сообщение

о результатах пленума, люди высыпали на улицу, обнимались и поздравляли друг друга в надежде, что теперь ситуация в стране быстро улучшится. Для болгарских диссидентов, как и для всего населения, отстранение Живкова от власти было полной неожиданностью. В отличие от оппозиции в других странах Восточной Европы, они были не инициаторами политических перемен, а скорее сторонними наблюдателями⁴². Всеобщее ликование по поводу падения живковского режима вылилось в последующие дни в многотысячные митинги и демонстрации. Получила хождение версия о «дворцовом перевороте», о «бескровной революции». На самом же деле отставка Живкова на пленуме стала лишь заключительным актом действия, разыгранного частью болгарской партийной номенклатуры в своих интересах.

Устранению Живкова с политической арены предшествовала усиленная подготовка. Часть политической элиты страны, понимая, что очередной косметический ремонт режима может не предотвратить назревающего социального взрыва, решила взять на себя инициативу. Она надеялась путем своевременной смены лидера и реформирования партии сохранить свое привилегированное положение в обществе, а в результате создания рыночных экономических структур легализовать свои капиталы, отчасти размещенные за рубежом.

Группа противников Живкова включала политиков различных взглядов и разных поколений, а ее ядро составляли люди, имевшие прямые контакты с Москвой, прежде всего «любимцы Кремля» (выражение К. Чакрырова) Андрей Луканов и Петр Младенов. Оба закончили в 1963 г. Московский институт международных отношений, сделали успешную партийно-политическую карьеру, являлись членами политбюро ЦК БКП и входили в правительство. Младенов был министром иностранных дел. Луканов, родившийся в Москве в семье болгарских потомственных коммунистов, представлял Болгарию в международных организациях (ООН, СЭВ), был заместителем премьер-министра, в 80-е годы XX в. возглавлял валютную комиссию ЦК БКП. Прочные московские связи создали ему репутацию неформального лидера пророссийски настроенных кругов в высших эшелонах власти Болгарии. Как только М.С. Горбачев дал понять, что его отношения с Живковым натянуты, Луканов начал активно разыгрывать «советскую карту», искать все более широких контактов и поддержки у сотрудников посольства СССР

в Софии и осуществлять связь противников Живкова с Москвой⁴³.

По всем советским каналам — дипломатическим, разведывательным, через прямые связи между представителями интеллигенции двух стран — текла негативная информация как об обстановке в Болгарии, так и о самом Живкове⁴⁴. Последний отмечал в своих мемуарах, что в 1988 — 1989 гг. в Болгарии «группировались люди, непосредственно руководимые советской дипломатической миссией. Известные болгарские деятели были “обработаны” и во время своих посещений Советского Союза»⁴⁵. «Я знал, что он (Горбачев. — *Е.В.*) получает сведения не только от советской разведки, но и от наших внутренних аутентичных источников... У Горбачева была полная информация о начинаниях, связанных с вопросами исключительной важности для нашей страны, даже о секретных решениях»⁴⁶. Таким образом, внешний (советский) фактор продолжал играть важную роль в послевоенной истории Болгарии, на этот раз в качестве козыря во внутрипартийной борьбе сторонников и противников Живкова.

В антиживковскую группу входили недовольные стилем и методами работы генсека отстраненные им ранее члены ЦК БКП Александр Лилов, Чудомир Александров и Стоян Михайлов, а также его недавние приверженцы — Станко Тодоров (председатель парламента), Добри Джуров (министр обороны), Георгий Атанасов (премьер-министр), Начо Папазов (председатель Комитета болгаро-советской дружбы и Центральной ревизионной комиссии БКП), Йордан Йотов (член политбюро) и Димитр Станишев (секретарь ЦК БКП). Медленно, но методично среди партийного руководства на разных уровнях проводилась работа по расширению круга противников Живкова. Основным их мотивом была несостоятельность политики «первого»: «В результате расхождения между словом и делом, между разумными идеями и их порочной реализацией объявленная перестройка превращалась в ее имитацию»⁴⁷.

Активизация болгарской общественности в дни Экофорума, массовая (четырёхтысячная) демонстрация сторонников «Экогласности» 3 ноября убедила «ядро» партийных перестройщиков в том, что времени терять больше нельзя. Как вспоминал впоследствии П. Младенов, «во второй половине октября уже было предельно ясно: дальнейшее промедление чревато опасностью того, что ход событий станет неуправля-

емым»⁴⁸. Так что, с одной стороны, движение неформалов стало серьезным стимулом для заговорщиков, а с другой — нешуточным предупреждением.

Сигналом к началу операции по устранению Живкова послужило открытое письмо П. Младенова, адресованное членам Политбюро и членам ЦК БКП, но получившее широкое распространение в обществе. В письме, датированном 24 октября 1989 г., говорилось о порочности стиля работы генсека, охарактеризованного в самых черных красках. Указывалось, что Т. Живков довел страну до глубокого экономического, финансового и политического кризиса; он стремится как можно дольше удержаться у власти и ради этого не остановится ни перед чем; он сумел изолировать Болгарию от всего мира, даже от СССР. Письмо было написано в ультимативной форме и призывало заняться этими вопросами Политбюро, Центральный комитет и всю партию⁴⁹.

Любопытные подробности непосредственной подготовки отстранения Живкова от власти изложил в болгарской газете «Труд» от 12–17 ноября 1998 г. журналист Т. Томов, который опирался на воспоминания работавшего в Софии советского дипломата В.Ф. Терехова⁵⁰. По свидетельству последнего, в заговоре против Живкова участвовали, помимо автора воспоминаний, посол СССР в Болгарии генерал-майор КГБ В.В. Шарапов (назначенный на этот пост за год до отстранения Живкова), полковник КГБ А. Одинцов, а с болгарской стороны — А. Луканов и П. Младенов. Главной задачей указанной группы было расширение среди болгарского партийного руководства сторонников отставки Живкова, преодоления среди них нерешительности и колебаний. Через В.В. Шарапова с текстом письма П. Младенова был ознакомлен М.С. Горбачев, который «благословил» посла действовать в соответствии с обстановкой (правда, по другим данным, письмо Младенова отвез в Москву сам Луканов⁵¹). Знакомление советского руководства с письмом преследовало цель убедить его в серьезности намерений болгарского «ядра». Москва одобрительно отнеслась к кандидатурам А. Луканова и П. Младенова в качестве преемников Т. Живкова, но конкретный выбор был оставлен за болгарской стороной.

На взаимодействии части высшей болгарской номенклатуры и советских представителей подробно останавливается и посвященный в ход событий советник Живкова К. Чакыров⁵². По его словам, ответственные за операцию сотрудни-

ки Советского посольства интересовались буквально ежедневно и ежечасно, нет ли каких-нибудь изменений в обстановке. Советник пишет и о встрече Живкова с послем 8 ноября по просьбе последнего. На ней до Т. Живкова была доведена точка зрения Советского руководства, положительно отнесшегося к идее его отставки⁵³. Болгарский исследователь Д. Цанов говорит даже о шести встречах Живкова с Шараповым в эти ноябрьские дни, ссылаясь при этом и на воспоминания самого «бывшего»⁵⁴. В связи с этим нельзя не отметить, что история с отставкой Живкова подвергает серьезному сомнению искренность тезиса о советском невмешательстве со второй половины 80-х годов во внутренние дела восточноевропейских государств. Такое сомнение высказывалось, кстати, в нашей научной литературе еще пятилетие назад⁵⁵.

Сведения, приведенные выше, дали основания охарактеризовать перемену 10 ноября как мирный заговор, реализованный путем внутривластного переворота. Последний стал результатом операции, запланированной внутренними силами, но о которой внешние силы были как минимум информированы⁵⁶.

8 ноября, накануне открытия пленума ЦК БКП, Живкова посетили его бывшие соратники по партизанской борьбе в отряде «Чавдар» Д. Джурев, Й. Йотов и Д. Станишев. Они откровенно выразили свое беспокойство в связи с ситуацией в стране и своими аргументами дали Живкову понять, что у него нет другого выхода, кроме отставки. Когда же генсек прямо спросил, не стоит ли ему подать в отставку, все трое горячо поддержали эту «инициативу», убеждая Живкова в том, что уход будет для него безболезненным⁵⁷. Однако они не поняли хитрого хода Живкова, согласившегося на отставку в принципе, в скором времени, но не на предстоящем пленуме. На следующий день «чавдарцам» пришлось исправлять свою ошибку: во время новой встречи с «первым» они уже настаивали на его немедленной отставке⁵⁸. Живков согласился (или сделал вид).

В последние месяцы весьма сильный прежде генсек, несомненно, чувствовал, что власть ускользает у него из рук, его угнетали события в Восточной Европе, натянутые отношения с советским руководством. Вероятно, поэтому он принял решение не бороться за сохранение власти на предстоящем пленуме, не задумывал никаких организованных и силовых действий в плане подготовки к сопротивлению, хотя

такие возможности у него оставались. Как писал впоследствии генерал Д. Джуров, «мы были убеждены, что Живков не прибегнет к использованию сил УБО (Управление по безопасности и охране. — Е.В.). Он отдавал себе отчет, что использование силы с его стороны будет иметь непредсказуемые последствия. У меня не было сведений о перемещении войск и войсковых подразделений, а я располагал информацией от всех органов в системе обороны...»⁵⁹.

После нескольких дней массивной психологической подготовки Живкова главное действие развернулось 9 ноября 1989 г. на заседании политбюро ЦК БКП, когда большинство его членов потребовали от руководителя партии и государства подать в отставку с постов генерального секретаря ЦК БКП и председателя Государственного совета. При этом был использован тот факт, что ровно год назад сам Живков уже ставил вопрос о своей отставке, но тогда это был тактический ход с целью заручиться безусловной поддержкой политбюро. Поскольку все прекрасно это понимали, отставка тогда не была принята. Однако на этот раз ситуация в корне изменилась.

На следующий день начался пленум ЦК. Далеко не все его участники находились в курсе предстоящего события. «Наверное, — вспоминает К. Чакыров, — никогда больше на мою долю не выпадет стать свидетелем столь непристойной гримасы людей и истории. Сменялись лица и настроения. Одни члены ЦК лихорадочно, хотя и неумело, силились "удержаться на повороте", другие — чем-нибудь угодить новому руководству. Все это разыгрывалось в одном зале, в течение считанных часов и напоминало уличный балаган»⁶⁰.

Вступительное слово по первому вопросу (об анализе положения в стране) взял Живков. Он продолжал надеяться, что ему удастся разрушить хотя бы часть замыслов своих противников (остаться хотя бы председателем Госсовета). Возможно, не теряя последней надежды на повторение прошлогодней ситуации, он говорил горячо и напористо. После обсуждения первого вопроса был объявлен перерыв, во время которого новость разнеслась повсюду и создалось соответствующее настроение. Когда во время второй части заседания встал вопрос об отставке Живкова с поста генерального секретаря, Центральный комитет единодушно ее принял. Через несколько дней, 15 ноября Народное собрание освободило его и от должности председателя Государственного совета.

Сначала отстранение Т. Живкова представили общественности как добровольный уход, ему даже выразили «глубокую благодарность за многолетнюю самоотверженную работу на службе партии и народу»⁶¹, сохранили многие привилегии. На версии «добровольной отставки» впоследствии настаивал и сам Т. Живков. Он утверждал, что избрал ее в силу преклонного возраста и неудовлетворительного состояния здоровья. Таким образом, широко распространенная версия о какой-то «бескровной революции», осуществленной благодаря «дворцовому перевороту», по его мнению, является ложной⁶². Однако большой наивностью было бы поверить в «добровольность» отставки генсека. Это совершенно не отвечало его будущим планам: все его усилия до последнего момента свидетельствовали о том, что он намеревался оставаться у власти до конца или передать ее ближайшим родственникам. Однако, как пишет участник событий, член ЦК БКП Живко Живков, на Тодора Живкова было оказано такое давление, что он попал в безвыходное положение. Он правильно оценил письмо Младенова как ультиматум и как сигнал к действию для своих противников. Встречи и беседы с другими партийными деятелями, прежде всего, с «чавдарцами», убедили его в том, что возможности для маневрирования исчерпаны⁶³.

Уже вскоре после Ноябрьского пленума новое руководство резко изменило свою линию в отношении Живкова, отняв у него все гражданские и политические привилегии и материальные блага. Возможно, одной из причин стало проявившееся к этому времени общественное недовольство, связанное с огромной непопулярностью «бывшего». В декабре 1989 г. он был выведен из состава ЦК БКП с последующим исключением из партии; а с января 1990 г. находился под домашним арестом. В феврале 1991 – сентябре 1992 г. состоялся судебный процесс над бывшим лидером партии и государства. «Первому» вменялось в вину злоупотребление служебным положением (раздача квартир и продажа за бесценок ближайшему окружению автомобилей, трата на представительские расходы 15 млн левов), разжигание национальной вражды и даже то, что он-де был агентом охраны в буржуазной Болгарии и провокатором в революционном движении. За шесть месяцев следствие исписало 108 томов и опросило 400 свидетелей, однако результат не оправдал ожиданий. Сначала Живков сумел избежать отчета перед парламентариями, припугнув вчерашних деятелей БКП рас-

крытием неких тайн, а затем, как орехи, расщелкал почти все пункты обвинения. Для покрытия своих «представительских» расходов он предложил даже продать коллекцию сделанных ему подарков, оцененную в один млрд долларов. Газета «Демократия» писала тогда, что «бывший "первый" доказал, что он не случайно был более 35 лет наверху. Увидев его трехчасовой спектакль, померкли бы и звезды Королевского шекспировского театра»⁶⁴.

Живков признал в своих показаниях, что несет полную ответственность за все — хорошее и плохое, — что происходило в Болгарии в годы его правления. «Но я не имею прегрешений перед народом, — подчеркнул он. — Во всем, что я делал, я руководствовался чувством, что делаю это для Болгарии»⁶⁵. Нельзя не признать, что в этих словах содержится значительная доля правды. Если бы Живков ушел сам лет на десять раньше, болгары скорее всего поминали бы его добром. В конечном счете предъявленные бывшему руководителю страны обвинения свелись к констатации минимального злоупотребления властью. 80-летнего Живкова осудили на 7 лет лишения свободы, что было заменено домашним арестом, а в феврале 1996 г. — подпиской о невыезде. Умер Тодор Живков в августе 1998 г.

С самого начала «процесс № 1» выполнял роль своеобразного клапана для выхода общественного недовольства. Возникшую к этому времени проблему вины компартии за всесторонний кризис в стране «реформаторы» попытались полностью переложить на Живкова и его ближайшее окружение — М. Балева, Г. Филипова и Д. Стоянова. Однако со всей очевидностью процесс показал лишь одно — Т. Живков был политиком, вызванным к жизни определенной эпохой и оказавшимся по-своему «достойным» ее ценностных критериев.

Российский исследователь Ю.Ф. Зудинов справедливо полагал, что вопрос о «технических деталях» отстранения Т. Живкова не имеет первостепенного значения, хотя они и приоткрывают отдельные и порой неприглядные закулисные стороны «большой» политики. Главное состоит в том, что уход Живкова означал в истории Болгарии конец противоречивой, не поддающейся однозначной оценке эпохи, именуемой «реальным социализмом»⁶⁶. 10 ноября 1989 г. страна мирным путем вступила в очередной переходный период, целью которого было возвращение к европейской модели развития, трансформация в демократическое государство с рыночной экономикой.

Новым генеральным секретарем ЦК БКП, а также председателем Госсовета НРБ был избран П. Младенов, хотя главным стратегом операции по отстранению Живкова был мастер политической интриги А. Луканов. Предпочитая закулисную борьбу, Луканов не захотел взять на себя риск открыто выступить против «первого» и использовал Младенова как средство для прикрытия своих амбициозных целей. Время очень быстро показало, что выбор Младенова был крайне неудачен из-за его негодных для руководителя личных качеств — невоздержанности, отсутствия качеств лидера, политической трусости, о которой упоминают многие работавшие с ним люди⁶⁷. Политическая карьера Младенова бесславно закончилась уже летом 1990 г. Возможно, этот недальновидный выбор послужил одной из причин провала попыток модернизации коммунистической власти.

Однако поначалу успешно проведенная внутривнутрипартийная «рокировка» сделала ее инициаторов чрезвычайно популярными в болгарском обществе. Правда, после первых же их деклараций стало очевидно, что они рассматривают демократизацию лишь как либерализацию режима и далеки от мысли отказаться от руководящей роли компартии, что борьба за отстранение Живкова преследовала цель несколько реформировать, но сохранить «реальный социализм». Так, 10 ноября П. Младенов заявил: «Важной задачей перемен является то, чтобы партия получила от народа новый кредит, приобрела способность руководить общественным развитием...»⁶⁸ А спустя несколько дней после пленума новый генсек признался: «Мы начали перестройку за пять минут до того, как пробьет двенадцатый час, в то время как в ГДР и Чехословакии компартия спохватилась спустя пять минут после того, как пробило двенадцать». Так болгарская высшая номенклатура совершила своеобразный акт самосохранения: удерживая власть, она спасала партию и саму себя.

Старт переменам в Болгарии был дан таким образом, что участие в них общественности исключалось. Однако группа Младенова — Луканова уподобилась волшебнику, выпустившему джинна из бутылки. Они явно не рассчитывали, что за их партийной рокировкой последуют события, далекие от их первоначальных намерений и опрокинувшие их планы. Многозначительны слова Луканова по этому поводу: «Было бы лицемерием сказать, что еще 10 ноября у нас было то представление о развитии демократического процесса, которое у нас сформировалось 2—3 месяца спустя»⁶⁹.

Смена верхушки в аппарате власти в широком контексте способствовала либерализации общественной атмосферы в целом. В конечном счете замена партийной элиты не смогла предотвратить смены системы. На улицы вышел народ. В считанные месяцы в стране сформировалась мощная оппозиция, для которой отставка Живкова была лишь первым шагом к более глубоким переменам. Об этом свидетельствовал первый митинг «неформальных организаций» во главе с Конфедерацией труда «Подкрепа» и «Экогласностью», проведенный 18 ноября 1989 г. в центре Софии на площади перед собором Александра Невского и собравший около 100 тыс. человек. Главными ораторами на нем были Ж. Желев, Б. Димитрова, Р. Ралин, Р. Воденичаров, А. Каракачанов и др.

Уже сам факт смещения Живкова стал мощным стимулом для появления в стране новых политических сил, развития альтернативных общественных структур. В ноябре — декабре 1989 г. возобновили свою деятельность и партии, запрещенные или распущенные в 1946 — 1948 гг.: Болгарская социал-демократическая партия (БСДП, председатель П. Дертлиев), Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) — «Никола Петков» (БЗНС — Н.П., председатель М. Дренчев), Радикально-демократическая партия (РДП, лидер Э. Константинова), Демократическая партия (ДП) и др. Восстановление этих партий произошло сравнительно быстро, поскольку в стране сохранилась их партийная элита (например, большой популярностью пользовался старейший социал-демократ П. Дертлиев). В декабре 1989 г. был образован «Клуб репрессированных после 1945 г.», т.е. осужденных или вынужденных эмигрировать из «народно-демократической» Болгарии социалистов, демократов, «земледельцев», независимых интеллектуалов. Председателем Клуба стал Д. Баталов. По аналогии с чехословацким «Гражданским форумом» в Болгарии возникло движение «Гражданская инициатива» во главе с Л. Собаджиевым.

Можно согласиться с теми исследователями, которые считают становление многопартийности на посткоммунистической стадии не столько политическим, сколько социально-психологическим феноменом, результатом высвобождения сознания из-под тоталитарного пресса. Новые партии стали выражать плюрализм общественных интересов еще до того, как появились реально дифференцированные общественные группы. Поэтому партии не отражали настроения каких-либо социальных групп населения, зачас-

тую не имели определившейся социальной базы, четкой дифференцированной программы, ясных перспектив развития. Основным содержанием их деятельности стала оппозиция однопартийной системе и антикоммунизм⁷⁰.

Таким образом, в первые месяцы после 10 ноября в Болгарии оформились две основные политические тенденции. Одна была представлена коммунистами-«перестройщиками», которые стремились сохранить свою политическую и экономическую власть путем эволюционного «усовершенствования социализма» в результате осторожного введения элементов демократии и рыночной экономики. Вторую представляли революционно-оппозиционные силы, стремившиеся к быстрым и радикальным переменам, призванным разрушить существующую систему. Вторая тенденция оставалась пока еще слабой, поскольку только что родившаяся оппозиция не обладала ни организационным и административным опытом, ни достаточным числом организованных сторонников. У оппозиции не было ясного представления ни о параметрах будущего государственного устройства, ни о стратегии и пути развития; главное — от социализма. Однако именно эта тенденция стала ведущей, так как отвечала общему желанию продолжения перемен, а также процессам, происходившим в других странах Восточной Европы.

Но до создания объединенной оппозиции ни одно из новых общественно-политических формирований не могло составить самостоятельную конкуренцию БКП, насчитывавшей более 980 тыс. членов и имевшей разветвленную сеть местных структур⁷¹. Сравнительно спокойное, цивилизованное отстранение Т. Живкова от власти, осуществленное «сверху», помогло болгарской компартии сохранить существенный авторитет среди населения, немалый лимит общественного доверия, избежав судьбы других братских партий бывших социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В этом, представляется, состоит одна из главных особенностей болгарского варианта перехода от тоталитаризма к демократии.

Появлением действительно влиятельной антикоммунистической оппозиции в Болгарии считается создание 7 декабря 1989 г. коалиционного Союза демократических сил (СДС). СДС категорически отвергал «демократический социализм» как ориентир развития страны, сделал упор на ликвидацию власти БКП, выступал за приобщение Болгарии к

мировому прогрессу в «западном варианте», за создание гражданского общества, политического плюрализма, многопартийной системы, правового государства, рыночной экономики⁷². И хотя такие же термины стали широко использоваться в новых документах БКП, это не смягчало острого противоборства между демократами и коммунистами.

Уже вскоре после своего создания СДС, объединивший 13 оппозиционных организаций, стал играть важную роль в развитии политических процессов в стране. Его печатный орган «Демократия», основанный в феврале 1990 г., сразу стал одним из самых популярных и в течение последующих лет сохранял свое особое положение как первая действительно антикоммунистическая газета. Председателем Национального координационного совета СДС был избран Ж. Желев.

14 декабря 1989 г. студенты, добивавшиеся автономии университета, организовали «живую цепь» вокруг здания парламента. К ним вскоре присоединились сторонники оппозиции, требовавшие немедленной отмены параграфа 1 Конституции о руководящей роли БКП в обществе. Произнесенные в этот момент напуганным Младеновым слова о возможности использования танков против демонстрантов (записанные на видеокассету) послужили впоследствии причиной его отставки. 15 января 1990 г. Народное собрание отменило параграф, гарантирующий руководящую роль компартии.

Усилия БКП были направлены на сохранение своих позиций в стране. Для этого ей было необходимо размежеваться с бывшим режимом Т. Живкова и добиться изменения облика компартии как политической силы, несущей ответственность за кризисное состояние общества. XIV внеочередной съезд БКП (30 января — 2 февраля 1990 г.) рассмотрел вопросы стабилизации партии, превращения ее в современную социалистическую партию западноевропейского типа и принял Манифест о демократическом социализме в Болгарии⁷³. Было заявлено об отказе от марксистско-ленинской модели общественного устройства, провозглашен курс на создание государства с парламентской демократией и разделением властей, на развитие социально ориентированного рыночного хозяйства. В новом уставе на смену пресловутому демократическому централизму пришло демократическое единство. Лидером партии был избран А. Лилев. Съезд подготовил и партийный референдум о новом названии партии.

На проходившем в апреле 1990 г. референдуме подавляющее большинство высказалось за то, чтобы партия называлась социалистической — БСП. В то же время на съезде обособились новые идейные группы и движения, имевшие различные взгляды (от реформаторских до ортодоксальных): «Альтернативное социалистическое движение» (АСО), «Путь в Европу», «Движение за демократический социализм», «Марксистская альтернатива» и др. Некоторые их лидеры позднее стали учредителями самостоятельных политических организаций.

Новая идейно-политическая ориентация Болгарской социалистической партии, ее оценки прошлого, настоящего и будущего были изложены в документах ХХХІХ съезда партии⁷⁴ (сентябрь 1990 г.) — «Платформе дальнейшего обновления и преобразования БСП в современную левую партию демократического социализма» и «Программе действия»⁷⁵. Однако новые документы представляли собой смесь коммунистических, националистических и социально-демократических идей и прикрывали тот факт, что у партии нет своей четко выраженной идеологии. Поэтому новая платформа не только вступала в противоречие с менталитетом некоторой части кадровых работников и рядовых членов партии, но и оказалась непонятной по своему содержанию и механизмам реализации для общества в целом⁷⁶.

В процессе мирного перехода к демократии важным политическим институтом, как и в других восточноевропейских странах, прежде всего в Польше, стал «Национальный круглый стол» (НКС), созданный для диалога «реальных политических и общественных сил». Фактически это был диалог между властью (в феврале 1990 г. образовалось однопартийное коммунистическое правительство) и оппозиционным Союзом демократических сил, хотя для усиления своих позиций БКП/БСП пригласила участвовать в нем и другие, прежде подчинявшиеся ей организации — Отечественный фронт, профсоюзные и молодежные организации. Декларация о роли и статусе НКС провозглашала целью «круглого стола» «осуществление мирного перехода от тоталитарного к демократическому общественному устройству»⁷⁷, т.е. трансформацию политической системы. Заседания НКС проходили в январе — мае 1990 г. в обстановке острого противоборства по всем обсуждавшимся вопросам. Один из участников «круглого стола», М. Неделчев, представлявший Радикально-демократическую партию в составе СДС, так

описывает атмосферу на заседаниях: «Люди по другую сторону стола уверены в себе, излучают сановное достоинство... Их тон часто отечески поучающий, но за внешней доброжелательностью прокрадывается и начальническая строгость, звучат угрожающие нотки. Однако и они, и мы знаем: уже сейчас мы представляем собой реальную политическую силу, но в значительно большей степени мы — мощный политический потенциал. И в общесоциальном плане наше личное присутствие будет все более заметным и авторитетным»⁷⁸.

Сегодня «круглый стол» оценивается по-разному. В предисловии к изданным спустя несколько лет стенографическим протоколам НКС Желю Желев писал: «Без преувеличения можно сказать, что "круглый стол" представляет собой самый короткий, самый успешный и самый плодотворный период болгарской трансформации», поскольку за пять месяцев фактически была «демонтирована вся политическая система тоталитарного коммунистического режима»⁷⁹. Однако далеко не все политические деятели дают НКС такую же высокую оценку. Так, уже неоднократно цитировавшийся нами К. Чакыров полагает, что «круглый стол» «ампутировал жизненно важные части болгарского государства» и заложил тяжелые деформации в общественно-политической системе Болгарии, что он превратился в инструмент яростной борьбы за власть⁸⁰. Одной из причин этого было игнорирование на «круглом столе» главного вопроса, который определяет характер политической и экономической системы всякого общества, решает судьбу всякой реформы, — вопроса о собственности⁸¹.

После долгих дебатов участники «круглого стола» пришли к соглашению о трансформации политической системы, переходе к парламентской демократии и введении института президентства, о роспуске партийных организаций по месту работы и деполитизации армии, МВД, органов госбезопасности, суда, прокуратуры, МИД, об основных положениях закона о политических партиях и закона о выборах в Великое народное собрание, которому предстояло принять новую конституцию⁸². Однако несмотря на то, что стороны достигли принципиальной договоренности по фундаментальным идеологическим ценностям, не были разработаны механизмы по поддержанию этих ценностей, и это стало предпосылкой для сохранения противостояния основных политических сил.

Особого внимания заслуживает договоренность о времени и способе проведения выборов. СДС предлагал, чтобы выборы состоялись осенью 1990 г. по пропорциональной системе, которая давала возможность представительства небольшим оппозиционным партиям. К этому времени оппозиция надеялась укрепить идейно и организационно, создать свои структуры на местах. БКП/БСП, стремившаяся воспользоваться пока еще высоким рейтингом, настаивала на проведении выборов как можно раньше, уже весной, и выступала за мажоритарную систему, поскольку рассчитывала на успех своих политиков, ставших популярными в результате смещения Живкова. В результате напряженных переговоров стороны достигли компромиссного решения о проведении выборов 10 – 17 июня 1990 г. по смешанной пропорционально-мажоритарной системе, заимствованной у ФРГ.

На какое-то время «круглый стол» превратился в важнейший государственный орган: хотя формально главным законодательным органом оставалось Народное собрание, но и оно, и правительство принимали те решения и законы, договоренность о которых была достигнута на «круглом столе». «Национальный круглый стол» положил начало не только предвыборной борьбе, но и фактическому перераспределению власти между Болгарской социалистической партией и оппозицией. Уже во время заседаний НКС оппозиция остро критиковала правление компартии во всех сферах экономики и политики. Основными лозунгами Союза демократических сил в ходе начавшейся предвыборной кампании были: «45 лет хватит!» и «Время — наше!», что означало полное отрицание прошлого и обещание нового будущего, без кризисов и насилия. Положение СДС как главной антикоммунистической политической силы значительно укрепилось. Число его сторонников молниеносно выросло, особенно среди молодежи, быстро создавались структуры Союза. Надо при этом отметить, что в них нередко входили люди, несогласные с прошлым, но без необходимых политических качеств и навыков, настроенные экстремистски⁸³.

БКП/БСП по большинству обсуждаемых на «круглом столе» вопросов пошла на серьезные уступки, которые ослабили ее роль в политической системе, подорвали организационные основы партии, привели к сокращению членской массы⁸⁴. С ноября 1989 г. до апреля 1990 г. БКП покинули более четверти миллиона человек. После референдума о пере-

именовании БКП в БСП (почти 100 тысяч высказалось против смены названия) в партии осталось около 630 тыс.⁸⁵ В ходе своей предвыборной кампании, проходившей под лозунгом «Благополучие для Болгарии», БСП делала ставку на завоевания в социальной сфере и обещала новый, демократический социализм. В ее предвыборной программе сочетались современные рыночные воззрения части партийной номенклатуры на рыночную экономику и традиционные социальные ожидания основной членской массы.

Начавшийся с конца 1989 г. бурный процесс политизации и поляризации болгарского общества привел к тому, что за короткое время в стране сформировалась двухполюсная политическая система, суть которой выражалась в противостоянии одной крупной политической партии — БКП/БСП — и крупного оппозиционного союза — СДС. При относительном равновесии этих двух основных сил на болгарской политической арене в январе 1990 г. возникла еще одна политическая формация — Движение за права и свободы (ДПС) во главе с А. Доганом. Партия, социальной базой которой являются местные мусульмане и этнические турки (около 800 тыс. чел.), выступала за ликвидацию последствий «возродительного процесса», за создание гарантий, исключающих разжигание этнической и религиозной ненависти, а также за принятие специальных законов, обеспечивающих права и свободы турецкой диаспоры в Болгарии (что чревато опасностью раскола государственности на этнической основе). ДПС на этом этапе также можно отнести к оппозиции «в широком смысле» слова. Надо отметить, что на этом этапе политический плюрализм в Болгарии носил нестабильный характер в связи с «размытостью» социально-экономической структуры общества в переходный период.

8 февраля 1990 г. было образовано чисто коммунистическое правительство во главе с А. Лукановым. Это, однако, объяснялось не исключительной силой и влиянием БКП, а тем фактом, что никто не соглашался войти с ней в коалицию, опасаясь, что «темное прошлое» компартии бросит тень и на него и не желая разделять ответственности за первые нелегкие шаги переходного периода. Даже «казенный» БЗНС, формально участвовавший в управлении страной до 10 ноября 1989 г., постарался дистанцироваться от компартии, чтобы сохранить право на существование в новых условиях. Президентом Болгарии был также избран коммунист — П. Младенов (3 апреля 1990 г.).

В поисках путей выхода из экономического кризиса правительство Луканова разработало антикризисную (стабилизационную) программу, пытаясь представить ее как сочетание реформ и социальной защищенности граждан. Однако на деле произошла консервация органических пороков существовавшей экономической системы. Спад производства и рост инфляции продолжались, увеличивалась безработица. В конце концов не только оппозиция, не перестававшая критиковать экономическую политику социалистов, но и само руководство БСП было вынуждено признать полный провал стабилизационной программы.

Итак, после 10 ноября 1989 г. в Болгарии начался первый этап общественно-политического обновления, характеризовавшийся быстрой консолидацией оппозиции и формированием СДС, успешной работой такого нового института в общественной жизни страны, как национальный «круглый стол», реформированием компартии. В экономической же области приходится констатировать неудачи — кризис продолжал углубляться.

От смены элиты к смене политической системы

Первые свободные и демократические парламентские выборы в послевоенной Болгарии, проходившие на многопартийной основе в июне 1990 г., фактически имели характер референдума «за» или «против» существующей системы. Международные наблюдатели оценили состоявшиеся выборы как свободные, корректные и демократичные, за исключением отдельных нарушений, к которым относились давление на избирателей со стороны должностных лиц, использование прозрачных конвертов, неправильно напечатанные бюллетени, кража бюллетеней и т.п.⁸⁶ Однако эти нарушения не оказали решающего влияния на результаты голосования. В конечном счете их признали и лидеры оппозиции.

В выборах участвовали 40 партий, коалиций и движений. БСП получила абсолютное большинство в Великом народном собрании (211 депутатских мандатов из 400, т.е. 52%). На долю СДС досталось 144 мандата, ДПС — 23, БЗНС — 16. Остальные 6 мандатов распределились между независимыми кандидатами — 2, Отечественным союзом (преемником Отечественного фронта) — 2, Социал-демократической партией (немарксисты) — 1 и Отечественной партией труда — 1.

Выборы показали, что БСП продолжает пользоваться немалым авторитетом, особенно в провинции и в селах. Нельзя также сбрасывать со счетов политическую инерцию болгарского общества, силу привычки, наконец, сохранившийся страх перед властями. В связи с этим неожиданностью оказалась не победа БСП, а скорее, то, с каким незначительным преимуществом она выиграла у совсем молодого формирования СДС, и то, как быстро потерпели провал ее попытки контролировать начавшиеся перемены.

Неожиданно низким оказался процент голосов, поданных за Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), традиционно пользовавшийся поддержкой крестьянства. Видимо, сказалась несамостоятельность программы и политического курса этой «казенной» организации, до недавнего времени полностью зависевшей от компартии. Свою роль сыграло и то, что антикоммунистический БЗНС — «Никола Петков», участвовавший в выборах в составе СДС, оттянул на себя часть «земледельческого» электората. Впрочем, по мнению ряда экспертов, слабый результат БЗНС на выборах мог привести к тому, что Союз вышел бы из тени компартии и стал действительно независимым.

Победа СДС в Софии, Пловдиве и других крупных городах свидетельствовала о том, что он отражал настроения преимущественно городских слоев, людей с более высоким уровнем образования и более молодого возраста. Пропаганда СДС, построенная на обличении ужасов прошлого, оказалась неприемлемой для большинства болгар среднего и старшего поколений, связывавших с эпохой социализма свои житейские успехи. Однако результаты выборов поставили БСП перед новыми вызовами, что дало основание некоторым исследователям назвать победу социалистов «пирровой»⁸⁷.

Сравнительно низкий процент голосов, поданных за СДС, оказался контрастирующим по сравнению с безусловной победой антикоммунистических сил в других странах Центральной и Восточной Европы. Сторонники оппозиции, тяжело переживавшие поражение, начали акции гражданского неповиновения: в знак протеста против результатов выборов студенты оккупировали здание университета, в непосредственной близости от Партийного дома (здания ЦК БСП) был построен палаточный «город истины».

В Народном собрании СДС подкрепил «внепарламентское давление» на БСП обструкционистской стратегией, ко-

торая быстро превратила демократически избранный парламент в арену борьбы за власть со стороны оппозиции. Социалисты при этом демонстрировали полную неспособность и нежелание управлять самостоятельно, в результате чего экономика страны оказалась в свободном падении. В итоге политические весы стали склоняться в сторону оппозиции. Летом 1990 г. в Болгарии наступило своего рода двоевластие: формально власть в основных государственных органах принадлежала БСП, но делать она была вынуждена то, что ей диктовала улица, направляемая СДС. Так, в результате «внепарламентского давления» Петр Младенов был вынужден подать 6 июля в отставку с поста президента. Начатая оппозицией кампания против Георгия Димитрова, символизирующего установление в Болгарии социализма по советскому образцу, завершилась выносом его тела из мавзолея 23 июля. В этой обстановке отступления БСП по всем направлениям 1 августа Народное собрание избрало президентом лидера СДС Ж. Желева (при том, что большинство в парламенте принадлежало социалистам).

Успехи «внепарламентского» давления еще больше стимулировали борьбу сторонников оппозиции. Так рождалась «политическая культура отрицания», при которой важнее было атаковать противника, чем действовать в интересах государства⁸⁸. 26 августа в Партийном доме БСП возник сильный пожар при невыясненных до сих пор обстоятельствах⁸⁹. Взаимные обвинения социалистов и оппозиции в поджоге и разгроме здания не подкреплялись никакими доказательствами. После этого всплеска уличного насилия полиция разогнала палаточный городок и на некоторое время наступило затишье.

В сентябре 1990 г. Андрей Луканов, повторно избранный премьер-министром, вновь попытался создать коалиционное правительство, найти союзников в своем стремлении к политической стабильности и умеренным переменам, однако вновь потерпел неудачу. Отказ некоммунистических сил сотрудничать с ним явился очередным подтверждением стремления дискредитировать БСП, отстранить ее от власти. Второй кабинет Луканова, также составленный из одних социалистов, представил в Великое народное собрание свою программу дальнейшей демократизации общества и обеспечения перехода к рыночной экономике. Оппозиция направила все свои усилия на доказательства того, какие несчастья стране может принести «коммунистическое управле-

ние». А правительство демонстрировало нерешительность и нежелание проводить реформы без парламентской поддержки. Так было потеряно еще несколько месяцев. Единственное, что удалось в этот период кабинету Луканова, это превратить партийные капиталы в партийные фирмы, трансформировать политическую власть в экономическую. Однако общественное недовольство (на этот раз митинги протеста проводила конфедерация труда «Подкрепа», к ней присоединились и традиционные профсоюзы) не позволило и второму правительству социалистов начать экономическую реформу, социальная и политическая цена которой была крайне высока. Положение в стране становилось неуправляемым из-за растущего дефицита товаров первой необходимости, вызвавшего в сентябре даже введение талонов на продукты питания.

Оппозиция представляла собой весьма широкий спектр политических интересов и программ. Однако незрелость правых сил привела к тому, что проблемы прав человека, общечеловеческих ценностей и демократии, стоявшие в первые месяцы после 10 ноября 1989 г. на первом плане, постепенно превратились в фон сильного антикоммунизма. Именно он стал цементирующей основой оппозиции⁹⁰. Проявившиеся внутренние противоречия ослабляли СДС: к его руководству нередко прорывались деятели, которые своей нетерпимостью и экстремизмом компрометировали демократические силы. Новая политическая элита, представленная преимущественно университетскими преподавателями и научными работниками, наивно полагала, что за считанные месяцы, сменив управленческую номенклатуру, приняв новую конституцию и несколько законов, Болгария сможет превратиться в развитую демократию с рыночной экономикой. Но реальность оказалась гораздо сложнее.

БСП сохраняла парламентское большинство до октября 1991 г., т.е. выступала в качестве одного из главных субъектов государственной власти (по Конституции Болгария является парламентской республикой). Однако, не сумев взять власть «с первого захода», антикоммунистическая оппозиция небезуспешно прибегла к тактике постепенного вытеснения коммунистов (социалистов) из различных управленческих структур. Экономический кризис, демонстрации, забастовки, выбор лидера СДС президентом стали этапами галопирующего «невооруженного насилия» по демонтажу коммунистического режима.

В середине июля 1990 г. конституировался новый болгарский парламент, в котором спустя четыре десятилетия фактической однопартийности впервые имелась парламентская оппозиция. Однако он оказался не в состоянии вести конструктивную работу из-за противостояния социалистов и оппозиции. В Болгарии отсутствовали и традиции, и многие необходимые предпосылки для оформления и нормального функционирования механизма двухпартийности. Помимо времени, для этого потребовалось бы существенное сближение противоположных политических лагерей. Однако различия между ними в оценках недавнего прошлого и настоящего страны, в видении ее будущего, в характеристиках оппонентов были на том этапе столь велики, что о таком сближении не могло быть и речи⁹¹.

Забегая вперед, отметим, что парламентские кризисы, ставшие с 1989 г. регулярными, могут рассматриваться как переходный этап в процессе развития молодой болгарской демократии, которая только училась новой политической культуре и связанной с ней конкретной работе парламента. Но одно это не объясняет неготовности всех фракций Народного собрания к компромиссам, на базе которых было бы возможно решить насущные проблемы экономического и общественного развития. Важная причина состоит в том, что хотя в стране и сформировалась многопартийность, большинство партий не располагали четкой и дифференцированной программой.

Резко возросшая социальная напряженность, обострение политической борьбы вынудили второе правительство социалистов подать в отставку 29 ноября 1990 г. Таким образом, всего через несколько месяцев после выборов, выигранных БСП, она уступила все основные посты в государстве представителям только недавно возникшей правой коалиции СДС.

В результате соглашения между основными политическими силами страны в декабре 1990 г. было сформировано коалиционное правительство во главе с беспартийным юристом Димитром Поповым, в которое вошли представители БСП, СДС и БЗНС. В задачи этого правительства входило проведение в течение шести месяцев монетарной части экономической реформы и подготовка к предстоящим в конце июня 1991 г. выборам в парламент и местные органы власти. На фоне происходивших бурных политических перемен в Болгарии углублялся экономический кризис. Сокращение промышлен-

ного и сельскохозяйственного производства, огромный внешний долг (около 10 млрд долларов), необузданный рост инфляции — все это побудило новый кабинет министров перейти от слов об антикризисной программе к делу.

Старт экономической реформе был дан 1 февраля 1991 г. либерализацией цен и девальвацией национальной валюты. Поскольку предстоящее освобождение цен стало публичной тайной, сотни фирм начали заранее лихорадочно скупать по низким ценам товары повышенного спроса, в том числе продукты питания. Скачок цен был настолько огромен, что премьер обратился к населению с призывом: «Ради Бога, братья, не покупайте, если вам кажется это дорого!» Так реформа положила начало непрерывному снижению покупательной способности болгар. Несмотря на тяжелые последствия «шоковой терапии», большинство населения вначале с пониманием встретило эти меры. Однако очень скоро понятие «рыночная экономика» стало ассоциироваться у многих с понятиями «махинация» и «афера». В стране родились сотни и тысячи способов спекулятивного распределения и перераспределения общественного продукта при полном бездействии правительства.

Реформа предусматривала также изменение самой структуры экономики в соответствии с требованиями рынка: демополизацию государственной структуры и приватизацию госсобственности. Болгарский народный банк был освобожден от контроля правительства и превратился в центральный эмиссионный орган.

В феврале 1991 г. парламент принял Закон о земле, положивший начало структурным изменениям в сельском хозяйстве. Этому предшествовали долгие и ожесточенные дебаты в парламенте и обществе. Согласно опросу общественного мнения весной 1990 г. подавляющее большинство сельских жителей высказалось за сохранение и даже расширение кооперативной собственности в сельском хозяйстве как наиболее перспективной для этой отрасли. Предпочтение частному земледельческому хозяйству, т.е. фермерству, отдали тогда лишь 4,1% опрошенных⁹². Тем не менее в конечном итоге победила точка зрения СДС, в соответствии с которой земля должна быть возвращена бывшим собственникам, лишившимся ее в результате аграрной реформы 1946 г., или их наследникам. Ликвидировались все общественные формы обработки земли и хозяйствования на ней, кооперативы (ТКЗХ) подлежали роспуску. Эта задача возлагалась на спе-

циальные ликвидационные комиссии, которые под видом ликвидации занимались главным образом разграблением кооперативной собственности — машинного парка, стада скота, строений. Реституция земли привела к раздроблению крупных земельных площадей на маленькие участки. Так, к 1994 г. 91% обрабатываемой земли составляли участки площадью от 0,1 до 1 гектара⁹³. Подавляющее большинство бывших землевладельцев давно переселилось в города и не имело к сельскому хозяйству никакого отношения. В итоге огромные участки земли оказались в запустении, стада уничтожены, здания и машины, предназначенные для крупных сельскохозяйственных угодий, разрушены и разграблены. Результатом реструктурирования стал резкий спад сельскохозяйственного производства, который продолжался и в последующие годы. К примеру, значительно сократилось количество сельскохозяйственных животных: если в 1989 г. насчитывалось 1613 тыс. голов крупного рогатого скота и 8609 тыс. овец, то в 1995 г. соответственно — 638 тыс. и 3398 тыс.⁹⁴ Спад сельскохозяйственного производства, в свою очередь, крайне негативно сказался на экспорте аграрной продукции, традиционно имевшей значительный удельный вес в общем объеме болгарского экспорта (в 1991 г. он составил лишь 37% от уровня предыдущего года⁹⁵).

Трансформация болгарской экономики началась на основе теории рыночного хозяйства, главными принципами которой являются плюрализм собственности, экономическая свобода, демонополизация и конкуренция. Принципы правильные, но сегодня можно констатировать, что их реализация не соответствовала объективным организационно-управленческим, финансово-кредитным, производственно-торговым и кадровым реалиям болгарской экономики. В ходе реформирования власти допустили много концептуальных и оперативно-управленческих ошибок. Прежде всего реформы оказались чрезмерно политизированы. Они начались с полного отрицания всего, что осталось в наследство от социалистического строя, были отринуты и социальные достижения, и материальная культура. Не были разработаны национальная стратегия и организационное планирование перемен по времени их проведения, а также структурная модель развития экономики на долго-, средне- и краткосрочную перспективу. Компрометации реформ способствовали коррупция и экономическая преступность.

Начавшаяся экономическая трансформация привела к смещению социальных пластов в болгарском обществе, к его резкой поляризации по сравнению с относительной социальной однородностью в годы «реального социализма». Имущественное и доходное расслоение стало следствием искажений, допущенных в ходе приватизации государственности, теневого бизнеса и контрабанды. Создание частных фирм, захват земельных участков и просто разбазаривание государственной, общинской и кооперативной собственности в короткие сроки привели к оформлению группы нуворишей, основное ядро которых пополнялось представителями правящей номенклатуры и новыми спекулянтами. В руках этой группы оказались все экономические и валютные ресурсы страны. Параллельно с этим происходило обеднение большей части населения — рабочих, крестьян, интеллигенции, пенсионеров. Примечательно, что наиболее уязвимыми оказались люди с высшим образованием, входившие при социализме в социальную элиту общества. Многие, особенно молодые специалисты, в поисках выхода стали уезжать на Запад, что нанесло (и продолжает наносить) огромный ущерб интеллектуальному потенциалу страны. К категории «проигравших» от реформы относились, разумеется, безработные, число которых постоянно увеличивалось. В апреле 1990 г. в стране официально было зарегистрировано 43,6 тыс. безработных (при 4 млн трудоспособного населения)⁹⁶. В трудной борьбе за выживание со временем оформилась группа мелких предпринимателей в качестве нового, крайне малочисленного, среднего слоя.

Таким образом, прежняя политическая и экономическая система, господствовавшая в Болгарии более четырех десятилетий, оказалась полностью разрушенной. Изменилось даже название государства — оно утратило определение «народная». Новое название — Республика Болгария — было закреплено в Конституции, принятой 12 июля 1991 г. Великим народным собранием (ВНС). Уже в преамбуле провозглашалась решимость превратить Болгарию в «демократическое, правовое и социальное государство», верность общечеловеческим ценностям, подчеркивалось верховенство принципа прав и свобод личности⁹⁷. Восстанавливалось разделение властей, впервые вводился Конституционный суд. Конституция закрепляла де-юре конец социалистической системы управления и ликвидацию коммунизма как экономической системы (п. 17 провозглашал, что «частная собст-

венность неприкосновенна»). В целом новая конституция следовала современным демократическим принципам государственного устройства и создавала законную основу для демократического общества в стране⁹⁸. Однако, как отмечает болгарский историк И. Баева, ее основной недостаток заключался в том, что эта конституция не отвечала болгарским реалиям 1991 года⁹⁹.

Болгария стала первым постсоциалистическим государством, принявшим новую конституцию. Инициатором ее разработки выступило руководство СДС. Тем самым болгарская оппозиция надеялась наверстать свое отставание от диссидентов Центральной Европы. Но в Польше, Венгрии, Чехословакии пошли по пути изменения действовавших социалистических конституций. Предполагалось сначала дождаться оформления контуров нового демократического общества и лишь тогда закрепить их в новых конституциях. В Болгарии хотели поступить наоборот — сначала принять новую демократическую конституцию, а затем изменить общество в соответствии с ней, что оказалось значительно труднее. Однако отсутствие парламентского большинства у СДС изменило его тактику: его лидеры не желали, чтобы демократическую конституцию приняло Великое народное собрание, в котором большинство депутатов — бывшие коммунисты. Представители СДС в парламенте всячески саботировали принятие конституции, но тем не менее она была принята большинством голосов от БСП.

Можно считать, что принятием в июле 1991 г. новой конституции завершился первый этап общественно-политической трансформации в Болгарии, начавшейся после 10 ноября 1989 г. Именно в политической сфере были достигнуты наибольшие успехи, хотя и здесь не обошлось без издержек. Порой проявления демократизации общественной жизни принимали не законосообразные, плохо контролируемые формы, разгул уличной стихии ставил под угрозу гражданский мир в стране. Тем не менее это было время необратимой дискредитации, демонтажа системы «реального социализма» и закладки основ мирного перехода к демократическому устройству и рыночной экономике. Впервые после многолетнего правления коммунистов состоялись свободные выборы, утвердилась плюралистическая демократия, многопартийность, был демократично избран президент республики, образовано правительство с участием основных политических сил в парламенте, возникли независимые

от государства профсоюзы, сформировались самостоятельные средства массовой информации. Были восстановлены основные свободы граждан — свобода слова, свободного передвижения в стране и за рубежом.

В то же время на этом этапе стало очевидно, что гражданское общество в Болгарии все еще слишком слабо и может лишь поддерживать перемены, но не защищать какие-либо специфические групповые интересы. Поэтому единственной альтернативой демократическому развитию стало возникновение и конфронтация различных элит. Новые политические элиты пытались выразить интересы различных групп, используя сходную политическую лексику (свобода, демократия, права граждан), основанную на абстрактных политических ценностях, что свидетельствует об отсутствии заранее спланированных стратегий. Демократию, возникшую на первой стадии трансформации, можно назвать «ограниченной».

В социально-экономической области результаты были скорее неутешительными. Преодолеть кризис в экономике не удалось, более того, он продолжал углубляться. Под натиском оппозиции и при беспринципном согласии БСП государство быстро и полностью отошло от управления экономикой и от социальной защиты граждан. Переход к либерализации экономики и рыночному ценообразованию сопровождался ростом бедности и безработицы. Социальное расслоение населения в Болгарии в результате реформ приняло уродливые формы.

В 1991 г. стала очевидной и внешнеполитическая переориентация Болгарии. Несмотря на все многообразие политических ориентиров, основной вектор развития Болгарии с самого начала трансформации можно определить лозунгом «В Европу». Еще в декабре 1990 г. Великое народное собрание приняло решение, выражавшее желание Болгарии вступить в Европейский Союз (ЕС). (Ранее, в мае того же года, между Болгарией и ЕС было заключено соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве). В сентябре 1990 г. Болгария стала членом Всемирного банка и Международного валютного фонда. За интеграцию в евроатлантические политические и экономические структуры выступали и недавние коммунисты, и сторонники СДС. Различия между ними сводились к неодинаковому пониманию темпов и социальной стороны экономических преобразований. СДС отстаивал так называемую либеральную

модель, БСП – принципы социальной рыночной экономики. Долгое время это было козырем в пропаганде БСП, поскольку с началом реформ в социальной области углублялась дифференциация общества – обнищание больших масс населения и быстрое обогащение узкого слоя (впрочем, в основном – выходцев из рядов БКП). Эти тенденции сопутствовали (и продолжают по сей день) маргинализации широких слоев молодежи (массово уезжающей на Запад) и интеллигенции. Как и любое переходное состояние, начало трансформации в Болгарии характеризовалось распадом социальных связей¹⁰⁰.

Так в конце XX века страна снова оказалась на распутье, перед вызовом множества политических, экономических и социальных проблем, в поисках кратчайшего пути для того, чтобы догнать развитые страны Европы.

¹ Калинова Е., Баева И. Българските преходи 1939–2002. София, 2002. С. 218.

² См.: Волокитина Т.В. Болгария: «нежная революция» или поиски «новой модели социализма»? // Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.). М., 1991. С. 51.

³ Чакъров К. Втория етаж. София, 1990. С. 173.

⁴ Подробнее о «возродительном процессе» см.: Зудинов Ю.Ф. Социально-политические аспекты «мусульманской проблемы» в современной Болгарии // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995; Михайлов С. Възрожденският процес в България. София, 1992.

⁵ См.: Трифионов С. Мюсюлманите в политиката на българската държава (1944–1989) // Страници от българската история. Събития, размисли, личности. София, 1993. Т. 2. С. 222–224.

⁶ Работническо дело. 1989. 30 мая.

⁷ Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. С. 235–237.

⁸ Цит. по: Денчев К. Восточная Европа после социализма: поиск новых парадигм. Габрово, 1997. С. 128.

⁹ Там же. С. 127.

¹⁰ Дума. 1989. 30 декември.

¹¹ Чакъров К. От втория етаж към нашествието на демократите. София, 2001. С. 130.

¹² Там же.

¹³ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 368.

¹⁴ Чакъров К. От втория етаж към... С. 131.

¹⁵ Тема на деня. Специално изд. София, 1991. Бр. 1. С. 18–29.

¹⁶ См.: Баева И. Българо-съветските отношения в годините на «перестройката» // България в сферата на съветските интереси (българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 118–127.

¹⁷ Подробнее см.: Никова Г. Живковата икономическа реформа, перестройката и стартът на скритата приватизация в България // Исторически преглед. 2003. Кн. 5–6. С. 92–125.

¹⁸ *Марчева И.* Опитите за икономически реформи в България през втората половина на XX век // 120 години изпълнителна власт в България. София, 1999. С. 299.

¹⁹ *Мигев В.* България по време на комунистическия режим (1946–1989). // Исторически преглед. 2002. № 1/2. С. 155.

²⁰ См.: *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 231.

²¹ *Никова Г.* Живковата икономическа реформа ... С. 116.

²² *Чакърров К.* От втория етаж към... С. 223–226.

²³ *Чакърров К.* Втория етаж... С. 138.

²⁴ Тема на деня... С. 29.

²⁵ Централен държавен архив (София). Ф. 399 Б. А.е. 52. Л. 1–2.

²⁶ Подробнее см.: *Иванов Д.* Заговорите срещу Тодор Живков. София, 1992.

²⁷ *Христова Н.* Българският скандал «Солженицин» 1970–1974. София, 2000. С. 16.

²⁸ *Живков Т.* Избранные статьи и речи: март 1981 – июль 1987. М., 1987. С. 176.

²⁹ *Желев Ж.* Фашизмът (Тоталитарна държава). София, 1990. С. 357.

³⁰ *Иванова Е.* Българското дисидентство. Историята се завръща. 1988–1989. София, 1997. Ч. 1. С. 38–39.

³¹ *Димитрова Б.* Лице. София, 1981; *Желев Ж.* Фашизмът. София, 1982 (2-е изд. – в 1990 г.).

³² *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 233.

³³ *Чакърров К.* Втория етаж... С. 181.

³⁴ См.: Русенският комитет: Документален сборник с материали от Централен държавен архив и архива на Общественият комитет за екологична защита на град Русе. София, 2002. С. 374.

³⁵ Там же. С. 399–402.

³⁶ Там же. С. 427–428.

³⁷ См.: *Баева И.* Из историята на българското дисидентство – Общественият комитет за екологична защита на Русе и властта // Известия на държавните архиви [б.г.]. Т. 76. С. 231.

³⁸ *Димитров Р.* «Марш през институциите» Формирането на българската опозиция (1989–1991 г.) // Времена. София. 1991. № 1. С. 52.

³⁹ См.: *Иванов Д.* Политическото противопоставяне в България 1956–1989 г. София, 1994. С. 138.

⁴⁰ Софийские новости. 1990. 25–31 янв.

⁴¹ См.: *Баева И.* Българският преход след 1989 г. в исторически контекст // Исторически преглед, 1996. Кн. 1. С. 113.

⁴² См.: *Иванова Е.* Българското дисидентство... С. 222–226.

⁴³ *Чакърров К.* От втория етаж към... С. 220–225.

⁴⁴ *Чакърров К.* Втория етаж... С. 200.

⁴⁵ *Живков Т.* Мемоари. София, 1997. С. 388.

⁴⁶ *Живков Т.* Срещу някои лъжи. София, 1993. С. 33.

⁴⁷ Софийски вестн. 1990. 31 май – интервю с Й. Йотовым и Д. Станишевым.

⁴⁸ Цит. по: *Цанов Д.* Смяната. Как и защо се стигна до 10 ноември. София, 1995. С. 30.

⁴⁹ Дума. 1990. 10 април.

⁵⁰ *Томов Т.* Превратът // Труд (София). 1998. 10–17 ноември.

⁵¹ *Цанов Д.* Смяната... С.36.

⁵² *Чакърров К.* От втория етаж към... С. 171–173.

- ⁵³ Там же. С. 172.
- ⁵⁴ Цанов Д. Смяната... С. 44 – 48, 53.
- ⁵⁵ См.: Новопашин Ю.С. Предисловие // Революции в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001. С. 9.
- ⁵⁶ См., например: *Негев Н.* Десети ноември. София, 1999. С. 118 – 119.
- ⁵⁷ Чакъров К. Втория етаж... С. 209.
- ⁵⁸ Софийски вестн. 1990, 31 май.
- ⁵⁹ Дума. 1999. 5 ноември.
- ⁶⁰ Там же. С. 212.
- ⁶¹ Перемены. Ноябрь 1989: сб. мат. пленумов ЦК БКП от 10 и 16 ноября 1989 г. и 11 сессии Народного собрания 9 созыва 17 ноября 1989 г. София-пресс, 1989. С. 3.
- ⁶² Живков Т. Мемоари. С. 623.
- ⁶³ Живков Ж. Кръглата маса на Политбюро. София, 1991. С. 203.
- ⁶⁴ Демокрация. 1991. 27 февр.
- ⁶⁵ Тема на деня... С. 4.
- ⁶⁶ България в ХХ век. Очерки политической истории. М., 2003. С. 413.
- ⁶⁷ Чакъров К. От втория етаж към... С. 212 – 213; Цанов Д. Смяната... С. 61.
- ⁶⁸ Цит. по: Калинова Е., Баева И. Указ. соч. С. 254.
- ⁶⁹ Цит. по: Цанов Д. Смяната... С. 76.
- ⁷⁰ Петрова Д. Политический плюрализм в Болгарии // Кентавр. 1991. № 2. С. 17.
- ⁷¹ Работническо дело. 1990. 31 януари.
- ⁷² Демокрация. 1990. 9 – 10 февруари.
- ⁷³ Работническо дело. 1990. 5 февруари.
- ⁷⁴ Была возобновлена нумерация съездов, начиная с I съезда болгарских социал-демократов в 1891 г.
- ⁷⁵ См.: XXXIX конгрес на БСП. Платформа за по-нататъшно обновление и преобразуване на БСП в съвременна лява партия на демократичния социализм. София, 1990.
- ⁷⁶ Денчев К. Восточная Европа после социализма: поиск новых парадигм. Габрово, 1997. С. 139.
- ⁷⁷ Кръглата маса. Стенографски протоколи (3 януари – 15 май 1990). София, б.г. С. 667.
- ⁷⁸ Негелчев М. Радикалдемократизмът. Опит за либерално-политическо поведение в България. София, 2000. С. 173.
- ⁷⁹ Там же. С. 5.
- ⁸⁰ Чакъров К. От втория етаж към... С. 197 – 198.
- ⁸¹ Там же. С. 200.
- ⁸² Там же. С. 667 – 697.
- ⁸³ Калинова Е., Баева И. Указ. соч. С. 264.
- ⁸⁴ См. България в ХХ век. С. 421.
- ⁸⁵ Баева И. България и Източна Европа. София, 2001. С. 245.
- ⁸⁶ *Bischof H.* Analyse der ersten freien Wahlen in Osteuropa (Ungarn, Tschechoslowakei, Rumänien, Bulgarien). Bonn, 1990. S. 61.
- ⁸⁷ *Hörken W.* Die Wahlen in Bulgarien – ein Pyrrhussieg für die Kommunisten? // Südosteuropa. 1990. N 7/8. S. 429 – 457.
- ⁸⁸ Калинова Е., Баева И. Указ. соч. С. 266.
- ⁸⁹ Подробнее см.: Семерджиев А. Лято '90. Пожарът. София, 1996.
- ⁹⁰ См.: Томов Т. Пътуване към демокрацията или от една илюзия към друга? София, 1993. С. 11.

⁹¹ См.: *Зудинов Ю.Ф.* Болгария: политические метаморфозы первого посттоталитарного пятилетия // Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997. С.17–18.

⁹² См.: *Волокитина Т.В.* Болгария: «нежная революция»... С. 53.

⁹³ Mittel- und Osteuropa auf dem Weg in die Europäische Union. Gütersloh, 1994. S. 49.

⁹⁴ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи... С. 409.

⁹⁵ Mittel- und Osteuropa... S. 50.

⁹⁶ Дума. 1990. 31 май.

⁹⁷ Конституция на Република България. София, 1991. С. 1.

⁹⁸ См.: Конституционно право. Конституция на Република България и актовете по прилагането ѝ. (Сборник). София, 1993; Конституцията и демократичните промени в България. София, 1996.

⁹⁹ *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 279.

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Денчев К.* Политический процесс в Болгарии: современные тенденции и исторический контекст. 1989–1990. М., 1996. С. 110–119.

ВЕНГЕРСКАЯ «ПЕРЕГОВОРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

История Венгрии XX века богата историческими событиями, не раз круто менявшими судьбу ее народа. После Второй мировой войны со свертыванием кратковременного строя народной демократии (1944—1948 гг.), в стране был установлен режим коммунистического правления, который с определенными малосущественными модификациями просуществовал четыре десятилетия. Испытав потрясения череды кризисов, строй «реального социализма» во второй половине 80-х годов XX в. вступил в стадию, когда резервы дальнейшего развития существующей системы были исчерпаны и перемены становились неизбежными.

Кризисные явления в социалистической системе привели во второй половине 80-х годов прошлого века в СССР к горбачевской «перестройке», которая стала подспорьем для схожих процессов в центральноевропейских странах с идентичным по сути общественно-политическим устройством. Венгрия и до этого уже не раз пыталась путем реформ (1953—1955, 1956, 1968 гг.) придать новый импульс своему социализму, несколько модифицировать «советскую модель» управления и экономической жизни, по ряду причин, главным образом внешних, не смогла реализовать эти проекты. В 70—80-е годы параллельно с обострением кризиса в народном хозяйстве страны и с неизбежной, хотя и относительной, либерализацией властей в «эпоху Кадара», в Венгрии начали возрождаться заглушенные в перипетиях 50-х годов элементы гражданского общества. Это возрождение знаменовалось появлением и выходом на общественно-политическую арену страны неформальных общественных групп и организаций оппозиционного настроения. Кризисная ситуация конца 80-х годов в стране заставила правящую Венгерскую социалистическую рабочую партию (ВСРП) пойти на признание неформальных или альтернативных общественных новообразований и даже на переговоры с ними в надежде на то, что совместными усилиями будет легче най-

ти пути выхода страны из сложного социально-экономического положения. Переговоры, в которых, впрочем, были заинтересованы обе стороны, привели к заседаниям «круглых столов», на которых началось обсуждение актуальных вопросов как вывода страны из кризисного состояния, так и демократизации всей общественно-политической жизни. На «круглых столах» в ходе «переговорной революции», развернувшейся весной – летом 1989 г., решалась судьба венгерского социализма и будущее всей страны.

Исторические корни и факторы общественно-политического кризиса

После общественно-политического кризиса осенью 1956 г., проявившегося в крайне обостренной, революционной форме, последующей жестокой расправы властей с участниками борьбы и наступления реакции Венгрия вступила в новый исторический этап своего развития, нередко называемый историками «эпохой Кадара». Установившийся режим фактически восстановил все основные параметры «советской модели» политического строя, которые существовали до 1956 г., но вместе с тем был вынужден пойти на компромисс ради стабилизации положения в стране, а это, среди прочего, означало неизбежное удовлетворение хотя бы части требований народа, выдвинутых в дни революционных событий 1956 г.

Восстановленное с помощью СССР несколько обновленное общественно-политическое устройство возглавил Янош Кадар (1912–1989), совмещая пост главы правительства Венгерской Народной Республики и руководителя ВСРП. Наряду со всеми присущими советскому образцу характерными признаками оно с самого начала имело и свои специфические черты.

В экономической сфере была сохранена традиционная планово-директивная система управления, но сокращен удельный вес тяжелой индустрии и увеличена доля легкой и пищевой промышленности, что вызывалось необходимостью удовлетворить потребности населения. Экономическое развитие при этом по-прежнему достигалось за счет капиталовложений и экстенсивного роста, к тому же полной реконструкции хозяйственной структуры не произошло. В сельском секторе был продолжен курс на коллективизацию, правда, уже не прежними насильственными методами,

которые практиковались в первой половине 50-х годов при диктаторском правлении генерального секретаря Центрального руководства Венгерской Партии Трудящихся (ЦР ВПТ) Матяша Ракоши. В постреволюционных условиях вышли аграрные тезисы ЦК ВСРП (1957 г.), которые предусматривали создание крупных сельскохозяйственных кооперативов, но одновременно допускали существование приусадебных и вспомогательных хозяйств для живущих на селе, что сыграло значительную роль в улучшении обеспечения продуктами питания не только селян, но и городских жителей. Результатом такой политики в 60-е годы XX в. стал рост как промышленного, так и сельскохозяйственного производства, хотя экономика по-прежнему оставалась «дефицитной», не способной полностью удовлетворить запросы населения.

В политической сфере была восстановлена однопартийная система с руководящей ролью ВСРП. Существование оппозиции не допускалось, с тем чтобы не подвергать эрозии систему. Отечественный Народный фронт (ОНФ), за который ратовали в 1953 — 1955 гг. и в октябре — ноябре 1956 г. венгерские реформаторы во главе с премьер-министром Имре Надем (в рамках этого движения предполагалось тогда согласовать как политические, так и все прочие интересы различных общественных сил), хотя и был создан и объединял различные общественные организации, не мог стать полноценным оппонентом, тем более оппозицией, партийной власти. В стране формально существовали независимые органы власти: Государственное собрание (парламент) как высший законодательный орган государства, а также подотчетное ему правительство, — но фактически все важнейшие государственные решения принимались в ЦК ВСРП и его высших органах — политбюро и секретариате. Правительство, Советы, различные управления и предприятия только выполняли либо детализировали директивные партийные предписания и указания. Выборы в парламент оставались формальными, проводились по единому централизованно утвержденному списку, в который, наряду с коммунистами, включались и несколько беспартийных кандидатов. Лишь с 1967 г. в Венгрии, первой из стран «социалистического сотрудничества», был проведен опыт голосования не по спущенному сверху «единому списку», а по индивидуальным избирательным округам, но с одним кандидатом (теоретически допускалось выдвижение и двух на одно депутатское место), которого и требовалось избрать.

Политическое руководство во главе с Кадаром, в соответствии с требованием того времени, уже в начале 60-х годов XX в. провозгласило «победу социалистических производственных отношений», т.е. завершение строительства основ социализма с тем, чтобы вслед за этим взять курс на «полное построение социализма». В новых условиях, по мере улучшения экономической ситуации и смягчения общественно-политической атмосферы, между партией и обществом состоялся негласный «сговор», по которому политики делали свое дело, а венгерское общество взамен за свое молчание и невмешательство в эту сферу получало определенные материальные блага и свободы (последовательный рост жизненного уровня, свобода творчества для интеллигенции, возможность зарубежных поездок и т.п.).

Янош Кадар и его окружение в 60 – 70-е годы не отказывались от поиска определенных «мелких шагов» по частичной либерализации строя, но не затрагивавшей основы системы (ему это было дозволено Кремлем с учетом личных заслуг в решении проблем 1956 года). Лидер ВСРП и сам чутко следил за тем, чтобы не перейти ту допустимую грань, которая могла бы вызвать возражения или недоброжелательное отношение со стороны руководства КПСС. Такие осторожные подвижки как в экономической, так и в политической сфере в конечном счете привели к тому, что «кадаровский социализм» все больше стал выделяться в «социалистическом содружестве» своим относительным либерализмом. Хотя он и сохранил основные первородные признаки своего советского оригинала, все же становился его несколько модифицированным вариантом. С годами «кадаровский социализм» шаг за шагом начал приобретать свойственные лишь ему одному черты, которые со временем позволили квалифицировать его в качестве либо «мягкой либеральной диктатуры», либо «авторитарного коммунистического режима», существенно отличавшегося от других стран советского блока.

В «эпоху Кадара» наиболее существенной и заметной попыткой внесения изменений в систему являлась экономическая реформа 1968 г., именуемая *реформой хозяйственного механизма*. Необходимость реформ в условиях неизбежной интенсификации народного хозяйства возникла еще в начале 60-х годов. Тогда была создана первая рабочая группа (экономисты-реформаторы Р. Нерш, Л. Фехер, Е. Фок и другие) для изучения состояния экономики и выработке реко-

мендаций по реформированию системы управления ею. Эта группа реформаторов и доложила в апреле 1965 г. пленуму ЦК ВСРП об «истощении запасов экстенсивного развития» и о намерениях осуществить реформу хозяйственного механизма. Небезынтересно отметить, что о грядущих изменениях в венгерской экономике широкая общественность ВНР впервые узнала из выступления Р. Нерша, того самого высокопоставленного работника ЦК, который на пленуме в 1957 г. с партийно-идеологических позиций резко осуждал реформатора И. Надя и лишь позже осознал значение его преобразований. Конкретное же решение о проведении реформы было принято в мае 1966 г.¹ В целях ее кадрового обеспечения пост премьер-министра страны в апреле 1967 г. занял Енё Фок. Реформа предусматривала прежде всего снижение роли и функций центрального планирования и директивного управления предприятиями, а также регулирование хозяйственных процессов преимущественно экономическими методами.

Венгерская реформа, введенная с 1 января 1968 г., содержала элементы рыночного регулирования всей хозяйственной деятельности. Она децентрализовала управление народным хозяйством, преследовала цель интенсификации материального производства, роста самостоятельности предприятий и, естественно, добивалась оживления экономики, равно как и повышения материальной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда. Государственный план впредь предусматривал лишь общие направления экономического роста и не спускал плановые задания до каждого предприятия, которое получало больше возможностей для развития инициативы и самостоятельности в решении хозяйственных проблем на местах. Экономический эффект и социальные последствия реформы с самого начала были значительны и весьма ощутимы. Наибольших успехов удалось добиться в сельском хозяйстве.

Реформа хозяйственного механизма тем не менее оказалась половинчатой, так как рыночные принципы не получили достаточно свободного развития, а отстающим предприятиям продолжали выделять государственную дотацию. Эти, и другие первоначальные трудности, однако, преодолевались благодаря гибкой ценовой политике экономического регулирования, соответствующим коррективам, осуществленным в ходе реформы. Перемены в экономике однако не вели за собой необходимые преобразования в системе поли-

тических институтов, что оказывало сдерживающее воздействие на развитие реформы. Следует отметить, что руководство ВСРП и не предусматривало каких-либо сдвигов в сторону реформирования политического строя, хотя сами разработчики реформы безусловно полагали, что изменения в управлении экономикой повлекут за собой и такого рода последствия. К тому же, венгерские преобразования были начаты в весьма неблагоприятных внешнеполитических условиях, которые фактически предрешили их судьбу. Хотя реформа хозяйственного механизма оказалась многообещающей и, судя по первым достижениям, достаточно результативной, вызывавшей пристальный интерес и в СССР, события 1968 г. в Чехословакии, растущее недовольство ею со стороны отдельных лидеров «братских» коммунистических партий, заставили венгерское партийное руководство после Пражской весны принять меры по фактическому сдерживанию преобразований. Реформа в конечном счете была «спущена на тормозах».

Политические нападки на реформу со стороны консервативно-ортодоксальной части партийно-государственной элиты в самой Венгрии, в сочетании с неодобрительными голосами извне, не в последнюю очередь со стороны ультраконсерваторов из ГДР и Румынии, сделали свое дело. Решающим же для незавидной судьбы внедрения в Венгрии нового хозяйственного механизма стало, однако, отношение брежневского руководства СССР к реформам вообще. Внутренняя, так называемая «рабочая оппозиция» (ее лидеры в борьбе за власть прикрывались защитой интересов рабочего класса) в Венгрии, начала использовать экономическую реформу против самого Кадара и его главных реформаторов, что и послужило дополнительным толчком к ее фактическому свертыванию. Антиреформаторским силам в первой половине 70-х годов XX в. удалось добиться смещения разработчиков реформы с руководящих должностей. Е. Фок в 1975 г. был освобожден с поста председателя Совета министров ВНР. Его сменил Д. Лазар, считающийся премьер-министром «венгерского застоя».

В условиях начавшегося мирового энергетического кризиса 1973 г., весьма болезненно затронувшего Венгрию в результате резкого роста цен на энергоносители, пробуксовывавшаяся, но все еще теплившаяся реформа столкнулась с новыми нападками со стороны директоров крупных предприятий и антиреформаторов в высших эшелонах политиче-

ской власти. В комплексе ситуация привела к тому, что в стране значительно ухудшились условия народнохозяйственного развития.

Обозначенные политико-экономические предпосылки и привели к тому, что в 80-е годы проявились четкие признаки кризиса кадаровского «потребительского социализма». Политическое руководство страны хорошо понимало, что стабильность режима держится прежде всего на достигнутом после 1956 г. негласном договоре между властью и населением. Чтобы гарантировать социальную стабильность, правительство продолжало искусственно поддерживать относительно высокий уровень жизни венгров за счет привлечения западных кредитов, опасаясь повторения событий 1956 г. Начался стремительный рост внешней задолженности Венгрии, и ее правительству так и не удавалось восстановить экономическую конъюнктуру, хотя на это были направлены серьезные реформаторские усилия начала 80-х годов XX в. Объем задолженности страны за 80-е годы удвоился, составив сумму, равную годовому национальному доходу, в результате чего Венгрия по этому показателю в пересчете на душу населения вышла на первое место среди социалистических стран². Результатом стали дефицит бюджета, инфляция, снижение покупательной способности населения и рост безработицы. Все это вызывало кризис доверия к правящей Венгерской социалистической рабочей партии, которая вынуждена была вернуться к отброшенной экономической реформе. Была произведена новая смена в высшем руководстве народным хозяйством. Противников реформы отстранили с руководящих постов в надежде на улучшение ситуации. Группа реформаторов при активной поддержке Ференца Хаваша, возглавившего с конца 1977 г. экономический отдел ЦК ВСРП, начала предпринимать шаги по оживлению реформы.

С 1981 г. в условиях углублявшегося кризиса, появились и получили гражданские права новые формы предпринимательства. Была легализована деятельность «малых предприятий» и дополнительных, так называемых побочных или вспомогательных производств (в частности, производств промышленного характера при сельскохозяйственных кооперативах). В них в начале 80-х годов сверхурочной и дополнительной трудовой деятельностью было занято уже около 4,5 млн человек. Такая деятельность во вне рабочее время преследовала цель ликвидации дефицита и удержания

жизненного уровня населения, но, с другой стороны, она приводила к «самоэксплуатации» людей и отрицательно сказывалась на их трудовой активности по основному месту работы. В конечном счете, дополнительная трудовая и индивидуальная деятельность оказались недостаточными, чтобы переломить неблагоприятную ситуацию в венгерской экономике, испытывавшей стагнацию. Так, если рост национального дохода Венгрии в 1979 г. увеличился на 1,9%, то в 1980 г. уже только на 0,8%. В среднем же за 1981 – 1985 гг. его рост составлял всего 1,3% и имел тенденцию к дальнейшему сокращению³.

В изменившихся условиях 80-х годов в Венгерской Народной Республике произошли определенные сдвиги и в политической сфере, где под лозунгом «расширения социалистической демократии» была осуществлена дальнейшая частичная модификация избирательной системы. На выборах в парламент на каждое депутатское место стало возможным выдвигать не одного, а двух и больше кандидатов. Однако практика вскоре показала, что высшая партийная геронтократия при такой системе постепенно вытесняется молодыми кадрами политиков, поэтому ради сохранения старой партийной номенклатуры для представителей этой группы кандидатов составлялся специальный, так называемый общегосударственный список, обеспечивший ей гарантированное прохождение в парламент.

Указанные новации и перемены в экономике и политической сфере не могли остановить ни дальнейшее углубление экономического кризиса, ни демократическое брожение в различных слоях венгерского общества, которые начали нарастать прежде всего в интеллигентских кругах страны, но не обошли и ряды правящей ВСРП, умножая число инакомыслящих и безоговорочно жаждущих перемен. Часть интеллигенции открыто выражала свое недовольство политикой венгерской партийной элиты не только в стране, но и применительно к сопредельным государствам, где проживает немало венгров. В интеллигентской среде не могли смириться, в частности, с тем, что руководство ВСРП безучастно относилось к преследованиям и резкому ухудшению положения венгров в Трансильвании, где Н. Чаушеску активно проводил в жизнь курс на «систематизацию», т.е. на насильственное утверждение этнической однородности «великой Румынии». Переговоры же на высшем уровне не принесли желаемого успеха в этом вопросе. «Нейтральная позиция» кадаровской элиты не могла удовлетворить нацио-

нальную интеллигенцию. И хотя «бунты» в Союзе писателей Венгрии в 1983 г. завершились принятием соответствующих карательных мер против журнала «Мозго Вилаг» («Мир в движении»), а затем в 1986 г. расформированием редакции литературного журнала «Тисатай» («Тиссайский край»), протесты не прекращались.

Политическое руководство Венгрии с середины 80-х годов все больше ощущало рост недовольства положением в стране и, наконец, в 1986 г. было вынуждено признать факт «исключительно медленного развития народного хозяйства», отметив, что оно «вызывает сильную озабоченность у общественности»⁴. Существование же кризиса в стране элита еще не желала признавать, так как это категорически отрицал сам Я. Кадар. К тому же, снабжение населения продуктами и товарами потребления в Венгрии было гораздо лучше, чем в других социалистических странах Европы, где повсеместно ощущался дефицит и полки магазинов пусты. Реакция венгерского населения, и прежде всего интеллигенции, на положение в экономике и социально-политической сфере, однако, и здесь не заставила себя долго ждать.

С конца 70-х годов в ВНР появились первые признаки начавшегося возрождения гражданского общества, стихийного роста его самоорганизации. Начался выпуск первых оппозиционных самиздатовских журналов, создавались различные союзы, товарищества и общества, не разделявшие официального оптимизма ни в вопросах экономики, ни в отношении демократизма строя. В стране назревали неизбежные перемены.

Появление первых неформальных новообразований и реакция высшего руководства

Этапным событием на пути создания общественно-политических организаций и движений Венгрии стала первая встреча оппозиционных групп и неформальных течений, проведенная летом 1985 г. в селе Монор. На ней участники обсудили реальное положение дел в стране, обратив особое внимание на кризисные явления, которые преднамеренно замалчивались XIII съездом ВСРП (март 1985 г.). В ноябре 1986 г. на общем собрании Союза писателей Венгрии произошел новый «бунт» — подавляющее большинство членов Союза отвергло кандидатуры всех членов партии в руководство этой организации, что явилось началом открытой кон-

фронтации с партийными властями. Активизировались также ученые-экономисты и политологи, которые своими выступлениями и публикациями способствовали осознанию обществом ситуации застоя в экономике и политике, вносили свои предложения по выходу из углублявшегося кризиса, затрагивая при этом также вопросы неизбежных политических преобразований. В одном из изданий, составленном коммунистом-реформатором М. Бихари⁵, прямо указывалось на тупиковость существовавшей политической системы. В осознании обществом состояния кризиса в стране — и не только в экономике, но и в политической сфере, — большую роль сыграли многочисленные газетные и журнальные публикации, интервью руководителя Отечественного Народного фронта (ОНФ) Имре Пожгаи, сторонника замены (пользуясь его же терминологией) «диктаторского социализма» «демократией политического плюрализма», и вообще его разъяснительная деятельность во второй половине 80-х годов⁶.

В Венгрии, оказавшейся в состоянии брожения и поиска путей дальнейшего развития, 27 сентября 1987 г. произошло важное для будущей венгерской демократии событие epochального значения. В селе Лакителек собрались на совещание более 180 лучших представителей так называемой «народной оппозиции», где фактически были заложены принципиальные основы движения «Венгерский демократический форум» (ВДФ), ставшего впоследствии наиболее массовым общественно-политическим объединением страны. Участников на форум собрал сельский народный просветитель Шандор Лежак для обсуждения актуальных проблем страны. У этого руководителя местной художественной самодеятельности, уже и ранее, начиная с 1969 г., собирались представители различных кружков и обществ, главным образом для разговора о своих проблемах, проводились литературные встречи, особенно с молодыми литераторами. Со временем такие встречи становились регулярными, расширялся диапазон их тематики. В сентябрьском совещании в Лакителеке под открытым небом участвовали представители течений самого различного толка и идейно-политической направленности, которых на сей раз объединял дух общей озабоченности положением страны и решимость поиска путей выхода из сложившегося кризисного состояния. Вместе с тем, собравшиеся придавали особое значение необходимости безусловной демократизации общественно-политиче-

ского строя. Выступали наиболее известные в стране писатели, именитые экономисты, ученые-гуманитарии и общественные деятели, в том числе сам И. Пожгаи, который за свое участие в работе совещания вскоре удостоился официального партийного порицания. При всем этом представители встречи избегали какого-либо прямого конфликта или столкновения с официальными властями. Тем не менее, проведя свой форум и создав новое общественное движение, его участники, по оценкам Лежака, фактически уже предприняли шаг для изменения существующего строя, и встреча в Лакителке так или иначе стала неким «прообразом учредительного национального собрания»⁷.

О создании движения ВДФ, о его целях и задачах Пожгаи сообщил в интервью газете ОНФ «Мадьяр Немзет». В нем была поднята идея о необходимости вывести венгерский социализм из тупика и вообще о желательности его переосмысления. Здесь же впервые был опубликован текст обращения участников форума к народу⁸. ВДФ определил себя в качестве «идейно-политического движения и независимой общественной организации», объединяющих народные, либеральные и христианские ценности. Форум провозгласил себя умеренной общественно-политической силой, стремящейся занимать центристскую позицию в политическом спектре демократизирующейся Венгрии. Это движение, первым председателем которого был избран литературовед Золтан Биро, в январе 1988 г. выступило с требованием проведения свободных выборов в парламент, что являлось по сути открытым вызовом режиму. Реакция партийного руководства не заставила себя долго ждать, и З. Биро исключили из ВСРП. В рядах движения ВДФ, которое вскоре выразило свое намерение стать в будущем политической партией, к концу года насчитывалось уже 10 тыс. членов⁹.

Наряду с ВДФ в Венгрии почти параллельно возникли и другие альтернативные формирования, недовольные складывавшейся в стране ситуацией и также желавшие изменить положение дел. Характерно, что оппозиционные течения Венгрии, в отличие от польской «Солидарности», не объединились в одну общую или единую организацию. Это объясняется прежде всего традиционно сложившимся еще в межвоенные годы разделением двух основных идейных течений (народно-национального и урбанистического направлений) в венгерской литературе и общественно-политической культуре, между которыми развернулось соперничест-

во и они так и не могли найти общего языка. Поэтому наряду с *народно-национальной оппозицией* (ВДФ), возникло и другое движение, назвавшее себя *демократической оппозицией либерального толка*, которое уже ранее предпринимало попытку объединить все оппозиционные силы страны. Это второе движение корнями уходило к «подписантам» пражской «Хартии – 77», и в 1987 г. создало Союз свободных демократов (ССД), который возглавил философ Янош Киш, редактор самиздатовского журнала «Беселё» («Говорящий»). Была образована также молодежная оппозиционная организация Союз молодых демократов, или сокращенно «Фидес»¹⁰, во главе с Виктором Орбаном. Последние два движения либерально-демократического толка также не скрывали свои намерения стать партиями. В 1988 – 1989 гг. они, в отличие от умеренного ВДФ, представляли собой наиболее *радикальную* и открыто *антикоммунистическую* оппозиционную силу (хотя руководящие кадры ССД в большинстве сами являлись выходцами из бывших коммунистических династий, представители которых в 50-е годы оказались отстраненными от власти).

Вслед за появлением этих трех наиболее заметных и выделившихся из остальной массы оппозиционных политических новообразований, во многом определивших процесс последующих перемен и перспективу демократизации Венгрии, начался массовый рост численности подобных, как в те времена их называли, «неформальных альтернативных общественно-политических организаций и движений» самого различного толка и идейно-политической направленности. В конечном счете, эти прототипы будущих партий, а также возродившиеся в 1988 – 1989 гг. бывшие, так называемые исторические партии из числа участников демократической коалиции 1944 – 1948 гг., значительно оживили политическую жизнь в Венгрии конца 80-х годов XX в. Наиболее активные из них уже в 1988 г. устраивали массовые митинги и собрания, добиваясь восстановления традиционного национального праздника 15 марта, реабилитации И. Надя, проводили другие мероприятия политического характера. Они протестовали, в частности, против националистической политики Чаушеску, направленной своим острием на многочисленных трансильванских венгров, критиковали венгерское политическое руководство за уступчивость и безразличие к судьбе соплеменников в Румынии и Чехословакии, выступали с экологическими требованиями за прекращение

строительства на венгеро-чехословацкой границе на Дунае каскада электростанций и водохранилища, и т.п.

В Венгрии 1988 год вообще стал для этих движений и организаций периодом самоутверждения, активизации деятельности и приобретения политического опыта. Этому не могли помешать даже неоднократные заявления премьер-министра страны 1987 — 1988 г. Кароя Гроса о том, что многопартийная система для Венгрии — это лишь отдаленная перспектива. Выход на политическую арену оппозиционных движений и организаций заставил Государственное собрание ВНР заняться обсуждением законопроектов, регулирующих право на создание общественных организаций и объединений, условия проведения собраний и митингов. Осенью 1988 г. партийно-государственная власть оказалась вынужденной признать наличие в стране многопартийности¹¹, которая пробивала себе дорогу или уже реально существовала. Правда, это еще не означало наличия многопартийной системы, ведь реальная власть по-прежнему оставалась в руках государственной партии, т.е. партии, олицетворявшей собой социалистическое государство. Для возникновения многопартийной системы еще требовалось добиваться отмены политической монополии ВСРП, а это было достижимо путем либо ее свержения, либо такого давления на нее, которое заставило бы коммунистов поделить власть.

Всеобщая эрозия режима, однако, не могла не затронуть и структуры ВСРП, в недрах которой постепенно также зарождались своеобразные внутрипартийные течения, оформление которых началось еще в декабре 1987 г. В партийной среде особыми позициями начали выделяться убежденные сторонники продолжения экономических реформ во главе с тем же Р. Нершем (к их числу принадлежали известные писатели Л. Дюрко, Ш. Фекете, ученые М. Бихари, Л. Лендел, Т. Вамош, Ф. Патаки и И. Витани, а также политики С. Уйхейи и М. Вашархейи, ставшие впоследствии деятелями ССД), которые в марте 1988 г. создали внутрипартийную леводемократическую коалицию под названием «Новый мартовский фронт» (НМФ), за что лидеру движения также было вынесено официальное партийное порицание¹². В обращении НМФ, призывавшего к духовному обновлению общества, в частности отмечалось: «Венгрии угрожает кризис. Он опасен для всего общества, для политики и экономики страны. Перед лицом углубления этого процесса мы не можем бездействовать... Снижается жизненный уровень. И мы не знаем до каких пор. Не

решенные социальные проблемы вызывают напряженность, которые угрожают безопасности общества»¹³. Далее говорилось о глубоком структурном кризисе в экономике, обращалось внимание на идейный кризис, охвативший и сферу доверия народа к власти. Указывалось на то, что если «рухнет Венгрия», которая в истекшую четверть века сыграла передовую роль в процессе реформ, это станет угрозой и для европейской стабильности.

Консервативные силы руководства Венгерской социалистической рабочей партии, которые надеялись на леводогматический переворот в СССР и ожидали прекращения перестройки, смещения М.С. Горбачева, в апреле 1988 г. добились исключения из партии четырех известных коммунистов с нестандартным мышлением (З. Биро, З. Кирая, М. Би-хари, Л. Лендела), которые не скрывали свои взгляды, указывали на недостатки и проявляли большую общественную активность в интересах политической демократизации партии и страны. При этом уже наблюдались явные признаки падения престижа правящей партии, участились случаи, когда ее начали покидать рядовые партийцы (с 1985 г. вышли из партии около 8% членов).

Инициированные же снизу политические процессы, направленные на демократизацию всей общественно-политической жизни Венгрии и готовившие почву для кардинальных преобразований, которые наступили в 1989 г., в определенной степени совпали с назревшими переменами в высшем руководстве ВСРП — с неизбежной сменой поколения партийных должностных лиц и их лидера Яноша Кадара. В мае 1988 г. всевенгерская партийная конференция, обсудив положение в партии и стране, пришла к выводу о неотложности всесторонних реформ. Были обозначены допущенные руководством ошибки, а основной причиной сложившейся ситуации названо то, что экономическая реформа не сопровождалась реформой политической, реальным обновлением ВСРП. Вскоре тезис о том, что без внутрипартийного обновления и постепенного преобразования системы политических институтов не обойтись, получил всеобщее признание и поддержку. Новые более существенные реформы намечалось проводить постепенно, в течение предстоявших 8 — 10 лет¹⁴.

На партконференции в мае произошел практически своеобразный «дворцовый переворот», в ходе которого Кадара перевели на символический пост председателя ВСРП и сменили больше половины членов ЦК. Впервые без предва-

рительного согласования с Москвой был избран новый генеральный секретарь ЦК партии. Им стал Карой Грос, сохранивший также пост премьер-министра страны. Такая концентрация власти в руках этого главного режиссера обновления высшего партийного руководства явно свидетельствовала о желании нового поколения политиков возглавить процесс венгерской перестройки, допуская некоторую демократизацию в политической сфере, а при этом попытаться восстановить пошатнувшееся доверие к партийной власти в обществе в целом. Кроме того, безусловно присутствовал расчет на то, чтобы усилиями группы партийных «младореформаторов» остановить дальнейшее углубление кризиса в экономике, а в политической сфере помешать дальнейшей поляризации сил, могущей привести к потере компартией власти. Ради этого на партконференции в состав политбюро в соответствии с новой расстановкой внутрипартийных сил были избраны такие завоевавшие популярность в народе убежденные реформаторы, как Режё Нерш, Имре Пожгаи и молодой экономист Миклош Немет¹⁵. Первоначальный динамизм нового генсека партии и всей новой когорты руководителей встречал понимание и поддержку в народе, давал надежду населению страны. Произошедшие сдвиги в составе руководящего штаба ВСРП не вызывали опасений у горбачевского руководства КПСС, так как в них усматривалось желательное омоложение, а в намеченных целях — подражание советской перестройке.

Предпринятые меры и инициированные новым руководством начинания, однако, могли лишь задержать процесс наметившегося системного развала, но оказались недостаточными для восстановления прежнего потенциала ВСРП, которая оказалась в явном цейтноте. На фоне стремительного нарастания в народе тяги к демократии, неизбежных изменений в обществе, активизации действий новых альтернативных общественно-политических движений и объединений, ВСРП фактически не успевала за процессами стремительной политизации масс. К тому же, сказывался еще один фактор: среди членов обновленного руководства не было единства в понимании подходов к решению назревших проблем и проведению конкретных действий.

Здесь следует учитывать также, что Кадар, хотя и осознавал значение известного лозунга о кадрах (которые «решают всё»), не подготовил себе в партии достойную замену, сравнимую с ним по авторитету. На роль его наследника дол-

гое время прочили члена политбюро, секретаря ЦК ВСРП Яноша Береца, который своими книгами о «контрреволюции» 1956 г. завоевал расположение Кадара и его окружения. Но Берец, хотя и пользовался доверием руководства КПСС и в прежние времена явно годился для этой роли, в условиях перемен и неизбежной демократизации оказался неподходящим претендентом. Другим кандидатом в наследники мог стать более активный и способный Имре Пожгаи — харизматическая личность, убежденный реформатор и сторонник «демократического социализма». Он был заметной фигурой на партийно-политическом небосклоне, проявил себя на посту руководителя ОНФ и пользовался широкой известностью и авторитетом в народе. Но его кандидатуру, несмотря на предложение «серого кардинала», главного идеолога партии, курировавшего культурную политику в ЦК Дёрдя Ацела, Кадар отверг, усмотрев в нем идейного последователя И. Надя¹⁶. В итоге предпочтение было отдано К. Гросу, который вместе с молодыми влиятельными партийцами в высшем руководстве организовал смену старого поколения партийных бонз, а с 1988 г. сам занял высший пост на партийном Олимпе.

К. Грос в роли нового лидера оказался амбициозным и динамичным человеком, сосредоточившим в своих руках, как отмечалось, немалую власть. Он взял на себя инициативу некоторых частичных реформ, но никак не желал нести ответственность за ошибки и просчеты старой партийной гвардии. С ним, секретарем Боршодского обкома ВСРП, Кадара познакомили во время его посещения в 1983 г. этой области. Гроса вскоре пригласили на работу в ЦК. Когда в середине 80-х годов возникли экономические трудности, ему было поручено возглавить правительство, и летом 1987 г. он занял этот пост. Здесь он укрепил свои позиции и вошел в состав высшего руководства страны. Недовольство политической старых кадров Грос использовал для осуществления в мае 1988 г. упомянутого переворота. Приход К. Гроса на вершину политической власти и начавшиеся в 1988 г. под его руководством перемены можно бы считать даже своеобразным прорывом к демократии, если бы не последующие действия генсека в качестве политика «нового порядка», направленные на сдерживание процесса венгерской демократизации.

На начальном этапе осуществлявшихся сверху перемен Грос безусловно сыграл прогрессивную роль. Пытаясь

завоевать расположение масс путем ограниченных демократических реформ, он в партийных кругах казался приверженцем довольно радикальных преобразований, но, укрепив свое положение, Грос вскоре начал тормозить и даже пытался остановить этот процесс. Поэтому полученный в мае 1988 г. «кредит доверия» масс Грос быстро растерял, а возглавляемая им партия встала перед аналогичной проблемой. Все это предопределило кратковременность его правления, а также половинчатость проводимых им реформ¹⁷. Люди не простили Гросу призывов к жесткой экономии и связывали его имя с новым индивидуальным подоходным налогом с каждого гражданина, введенным в еще бытность его премьер-министром, а также с дальнейшим ухудшением экономической ситуации в стране. К тому же неудачей завершилась его миссия в октябре 1988 г. к Николае Чаушеску, рассчитанная на нормализацию румыно-венгерских отношений, запомнились его «товарищеские поцелуи» с румынским диктатором (впрочем, это не отличало его от М.С. Горбачева, который во время визита в Бухарест также обнимался с «гением Карпат» и награждал его орденом Ленина). Эта встреча не принесла никаких положительных изменений для подвергавшихся преследованиям в Румынии трансильванских венгров и ставила под сомнение способности К. Гроса как государственного деятеля.

Копились и другие явные политические просчеты, допущенные К. Гросом: личное указание разогнать массовую демонстрацию в Будапеште, которая проводилась в поддержку восставших рабочих в румынском Брашове в середине ноября 1988 г., попытка напугать население демократией, ссылаясь на угрозу возможного «хаоса», «анархии» и даже «белого террора» (все это прозвучало в его речи на партактиве во Дворце спорта в Будапеште 29 ноября 1988 г.). Эти и многие другие поступки не прибавили ему популярности, не говоря уже о неудавшихся попытках воспротивиться переименованию событий 1956 г. в «народное восстание», о приказе разогнать демонстрацию с требованием реабилитации Имре Надя или о препятствовании становлению многопартийной системы в стране¹⁸. Грос так и остался приверженцем «демократизации в рамках однопартийной системы». Он, как и Я. Берец, пытался преодолеть кризис социализма сверху, путем наведения «нового порядка», поэтому не без основания за ним закрепился эпитет «новорежимника»¹⁹. Разумеется, К. Грос и его окружение отличались от еще сохранившихся

в партии сторонников старого «консервативного порядка», но в реальном демократизме явно уступали приверженцам реформаторского крыла ВСРП, которые окружали Р. Нерша и И. Пожгаи.

В руководстве ВСРП не было единого мнения относительно решения ключевых проблем актуальной политики, конкретных путей дальнейшего развития, а тем более темпов, методов и этапов процесса реальной демократизации страны. Сплотившиеся вокруг отдельных лидеров группировки в партийном руководстве имели собственное представление о неотложных задачах. В ВСРП в конце 80-х годов сложилась также группа молодого экономиста-технократа Миклоша Немета, который с ноября 1988 г. после работы в экономическом отделе ЦК, в 40-летнем возрасте возглавил новое венгерское правительство. Роль И. Пожгаи и М. Немета в расшатывании однопартийной системы и становлении политического плюрализма в Венгрии весьма значительна. В этом направлении прилагал усилия и руководитель международного отдела ЦК, бывший посол ВНР в СССР Матяш Сюрёш. Характерно, что эти и ряд других представителей демократического толка в ВСРП были инициаторами дискуссии о проблемах перестройки и о неизбежности перемен. Так или иначе эти деятели усердно работали над развалом кадаровского политического наследия, стремясь к модернизации и демократизации страны. Вместе с тем появление различных групп и течений в партии и ее руководстве все больше указывало на нарастание расхождений между ними по ключевым проблемам назревших преобразований и в оценке пройденного за годы социалистического строительства пути, равно как и перспектив развития.

Следует отметить, что в 1987 – 1988 гг. водораздел между сторонниками сохранения прежнего режима в неизменном виде, представителями частичной модернизации социализма путем реформ и силами, жаждавшими стремительного и кардинального продвижения к демократии, в равной степени проходил внутри самой ВСРП. Такая линия раздела сторонников демократизации и ее противников лишь с 1989 г. переместилась в область между ВСРП и внепартийными оппозиционными движениями. Чтобы такое перемещение могло произойти, требовалось и самое активное содействие коммунистов-реформаторов, фактически помогавших создавать условия для упрочения позиций внепартийной оппо-

зиции. Оппозиционеры до весны 1989 г. лишь внимательно прислушивались к заявлениям и острым политическим дискуссиям, бурлившим в недрах Венгерской социалистической рабочей партии. Радикальные партийные реформаторы своими действиями фактически поддержали демократические устремления внепартийной оппозиции и тем самым также способствовали расшатыванию основ существовавшего строя.

Важным шагом, который дал исходный толчок процессу подлинной демократизации ВСРП, явился переломным моментом в становлении венгерской демократии в целом и подорвал устои всего кадаровского и посткадаровского режимов, стало обнародование 28 января 1989 г. И. Пожгаи выводов специальной исторической подкомиссии ЦК ВСРП. В этих выводах события осени 1956 г. подверглись коренной переоценке: вместо прежней «контрреволюции» они были признаны «народным восстанием»²⁰. И хотя это являлось лишь полуправдой в оценке реальностей прошлого, данное заявление Пожгаи сыграло роль катализатора всех дальнейших процессов продвижения к реальной демократии в Венгрии. Оно было встречено с явным раздражением со стороны консервативного крыла ВСРП, где сразу же заговорили о «путче» Пожгаи. Но оно потрясло и всю партию, усилило расхождения, как в ее руководстве, так и в партийных рядах в целом. Переоценка событий 1956 г. фактически стала началом конца как для государственной партии, так и для однопартийного государства. Заявление Пожгаи сразу же оказалось в центре внимания венгерской и всей мировой общественности. Новую оценку поддержало подавляющее большинство общественных движений и организаций страны, она была положительно встречена в народе. Чтобы избежать раскола в рядах партии, ЦК вынужден был пойти на уступки и 11 февраля 1989 г. официально подтвердил неизбежное, а вместе с тем заявил также о готовности порвать с традицией однопартийности. Это был прорыв. Более того, руководство ВСРП фактически признало принципиально иную, нежели ранее оценку октябрьских событий 1956 г., а затем под натиском собственных реформаторов, под давлением оппозиционных сил, настаивавших на дальнейшей демократизации, фактически выразило согласие отказаться от своей монополии на власть в стране. И хотя это еще не означало практической готовности дать место у государственного кормила вышедшим на политическую сцену альтернативным общест-

венным организациям, допустимость таких подвижек в принципе была публично заявлена.

На путях продвижения Венгрии к парламентской демократии значительную роль сыграло и правительство М. Немета, которое в интересах обеспечения гражданского мира внесло на утверждение в Государственное собрание ряд прогрессивных законопроектов. Оно по сути стало правительством переходным (24 ноября 1988 — 22 мая 1990 гг.), на долю которого выпало обеспечение мирных условий продвижения страны к реальной демократии. В состав его правительства в качестве министра без портфеля вошел И. Пожгаи, которому было поручено курировать политические новообразования и движения, а также представить в парламент пакет законов о демократизации страны. Подготовленные правительством законодательные предложения в итоге были призваны обеспечить продвижение ВНР к плюрализму в сфере политической жизни. Правительство М. Немета к тому же больше не стало возвращать в Румынию трансильванских венгров-беженцев, массы которых находили убежище в ВНР, т.е. оно открыто выступило на защиту ущемленного в своих правах венгерского меньшинства, возводя проблему в ранг национальной политики, чем заслужило бесспорное признание населения страны. Отметим, что произошло это вскоре после неудачной попытки Гросса решить за столом переговоров с Чаушеску проблему трансильванских венгров.

Правительство Немета впервые совершило и другой решительный шаг, не имеющий аналогов в социалистическом ареале. На границе с Австрией оно приступило к удалению пограничных заграждений, которые являлись ненавистным символом «железного занавеса», олицетворением разобщенности Востока и Запада. Выполняя решение своего правительства, министр иностранных дел Венгрии Д. Хорн вместе со своим австрийским коллегой А. Моком 27 июня 1989 г. перерезал первые метры технических заграждений на австро-венгерской границе, после чего начался их демонтаж. Этот акт впоследствии расценивался как шаг общеевропейского значения, имевший далеко идущие последствия. По-новому подошло правительство и к решению проблемы собравшихся в Венгрии многочисленных туристов-беженцев из ГДР, которые отказывались возвращаться на родину. В августе во время пограничного «Панъевропейского пикника» сотни восточных немцев сбежали на Запад через

оставленный без охраны участок австро-венгерской границы. Остальные же десятки тысяч, собрались у посольства ФРГ в Будапеште, требуя выезда в эту страну. Проблема нуждалась в неотложном решении, и правительство Немета занялось ею. Поскольку договор 1967 г. с ГДР обязывал Венгрию не выпускать восточных немцев в третьи страны, Будапешт начал переговоры с Берлином, но они не дали приемлемых результатов. К тому же, Берлин, Бухарест и Прага настаивали на вооруженном разгоне восточных немцев, осаждавших в Будапеште посольство ФРГ, их аресте и выдаче ГДР. Будапешт в условиях развернувшегося в стране мощного общественного движения в поддержку беженцев исключил возможность силового решения и в сложившейся ситуации, а после того как повел переговоры с ФРГ и предупредил Москву о возможных последствиях, открыл для беженцев границу с Австрией.

Все эти нестандартные действия последнего «коммунистического» правительства ВНР вместе с решительными поступками ведущих партийных реформаторов, направленных на демократизацию социалистического строя, так или иначе способствовали изменению ситуации, кардинальной ломке существовавших ранее жестких порядков и привели к системным изменениям. Впоследствии Хорн, оценивая действия венгерского правительства того времени, отмечал: «Смена системы стала для нас таким, управляемым сверху процессом, в котором сыграла свою роль как экономическая реформа 1968 г., так и то обстоятельство, что Венгрия — единственная из стран — членов Варшавского Договора — до конца поддерживала открытые отношения с Западом, с Европейским Сообществом. Реформаторы у нас никогда не выводились и, по правде говоря, мы никогда не хотели их исчезновения. Мы активно участвовали в хельсинкском процессе, мы первыми и единственными подняли вопрос о возможности контактов с НАТО, ввели всемирные паспорта (венграм было разрешено посещать с ними любые страны мира. — Б.Ж.), установили дипломатические отношения с Южной Кореей. Эти шаги были немыслимы у любого из наших соседей. Все это присутствовало в наших тогдашних решениях, включая открытие границ»²¹.

Действия правительства и венгерских партийных реформаторов в 1989 г. были поддержаны принятием ряда важных законов Государственным собранием, председателем которого с марта стал М. Сюрёш. В их числе принятый закон о

свободе собраний и объединений (январь 1989 г.), а затем и о праве на создание политических партий, который устранил юридические препятствия, мешавшие становлению многопартийности в ВНР. Характерно, что состоявшийся в мае 1989 г. очередной пленум ЦК ВСРП принял решение по ряду актуальных политических вопросов, и, наконец, дал согласие (правда, уже постфактум) на самостоятельные правовые действия правительства — признал утвержденный парламентом закон о партиях и под знаком расширения внутрипартийной демократии одобрил свободу платформ в ВСРП. Все это было совершено в условиях демократизации венгерского социализма. Принимались и новые важные кадровые решения, которые поддержали рядовые члены партии, все настойчивее требовавшие удаления Гроса с поста руководителя из-за его ретроградных позиций, закономерно приводивших к снижению престижа ВСРП в массах. Дело в том, что Грос, стремясь тормозить слишком стремительный по его мнению процесс общественной демократизации (о котором, кроме всего прочего, напоминали ему и начавшиеся весной 1989 г. переговоры с оппозицией за закрытыми дверями), пригрозил введением чрезвычайного положения и наведением «порядка» в стране. В ответ на это правительство Немета фактически вышло из-под партийного подчинения и стало действовать в качестве самостоятельной политической силы.

Обстановка в стране реально помогала укреплению позиций реформаторского крыла в партии. Ведь период с осени 1988 до лета 1989 г. ознаменовался стремительным падением авторитета Венгерской социалистической рабочей партии (ряды которой тысячами, а затем сотнями тысяч начали покидать члены партии, не согласные с консерватизмом прежнего руководства), появлением оппозиционных ей новообразований, принятием, как упоминалось, в парламенте пакета демократических законопроектов, которые легализовали деятельность различных политических движений, партий и организаций, создавали конкурентную среду для ВСРП. Общественно-политическая ситуация существенно политизировалась, начались активные выступления оппозиционных организаций и движений, заставившие в итоге руководство ВСРП начать разговор с ними на равных. Кстати, весьма символично, что в тот самый день начала июля 1989 г., когда ушел из жизни олицетворявший собой уходившую коммунистическую эпоху Я. Кадар, Верховный суд

ВНР реабилитировал его бывшего политического оппонента Имре Надя, торжественное перезахоронение которого состоялось 16 июля. Страна провожала в последний путь обоих политических деятелей ВНР, прощаясь с ними и идя навстречу новой, тогда еще неведомой эпохе дальнейших демократических преобразований.

Активным действиям венгерских партийных реформаторов и оппозиционных сил благоприятствовали и международная обстановка, особенно ситуация в Польше, а также перестройка в СССР, которые стали одновременно необходимым уроком, фоном и питательной средой для продвижения Венгрии к парламентской демократии. Страна на сей раз была уже не одна, и это давало силу и стимул оппозиционным организациям. Советское руководство во главе с М.С. Горбачевым воспринимало перемены в регионе, как подражание советской перестройке, не вмешиваясь в процесс их развития, и даже считая осуществленные изменения укрепляющими «реальный социализм». Тем самым, быть может того не осознавая, Москва способствовала разворачиванию подлинно демократического и в конечном счете антикоммунистического процесса, становилась гарантом его проведения.

Начальный этап переговоров. «Оппозиционный круглый стол»

Стремительные перемены, оживление общественно-политической активности масс и альтернативных образований в Венгерской Народной Республике уже на рубеже 1988 – 1989 гг. заставили руководство Венгерской социалистической рабочей партии, как отмечалось, не только приспособляться к новым условиям, но и идти на неизбежные уступки, хотя в то же время оно по-прежнему пыталось законодательными мерами обеспечить себе гарантированную роль и место в будущем политическом устройстве страны. Следует напомнить, что если в мае 1988 г. партийный пленум и признал наличие в венгерской общественной жизни некоторой степени плюрализма, это еще не означало согласия на установление институциональной многопартийности. Более того, хотя парламент уже легализовал общественные объединения и организации, в конце ноября генсек ЦК ВСРП на будапештском партактиве все еще пытался отстоять однопартийную систему. Но эта попытка успеха не имела. Сме-

нивший Гроса на посту премьер-министра ВНР Миклош Немет в одном из зарубежных интервью прямо заявил, что проводимые в Венгрии реформы должны привести к парламентской демократии западного типа. Затем в начале 1989 г. и партийное руководство заговорило о своей *готовности начать переговоры* «о новых формах осуществления власти со всеми организациями, действующими в рамках закона»²².

Готовность руководства ВСРП к диалогу с альтернативными общественными организациями и движениями ни в коей мере не означала, что ВСРП собирается уступить из рук контроль за процессом демократизации страны, а тем более за развернувшимся в правительстве и Государственном собрании (парламенте) Венгрии законотворческим процессом. На повестку дня политической жизни ВНР вставали такие вопросы, как разработка новой Конституции страны и связанных с ней краеугольных законов (законы о партиях, об избирательной системе, о референдуме, о Конституционном суде и пр.). И хотя уже проникшие в парламент на промежуточных выборах одиночные представители оппозиционных сил вряд ли смогли бы помешать реализации партийной линии и воли, руководство ВСРП, заинтересованное в сохранении положения о своей «ведущей роли» в будущем Основном законе страны, позаботилось о том, чтобы организовать его принятие еще старыми испытанными приемами. Планировалось провести, как и прежде, сначала «общенародное обсуждение» проекта новой конституции, чтобы затем считавшееся послушным и управляемым Госсобрание созыва 1985 г. утвердило его.

В новых, изменившихся политических условиях обсуждение проекта уже нельзя было провести без привлечения к процессу обсуждения возникших в последние годы общественно-политических новообразований. Хотя эти независимые демократические организации и движения имели еще относительно небольшой численный состав (весной 1989 г. они насчитывали в своих рядах в общей сложности около 10–15 тыс. человек), они готовились, как и вся страна, участвовать в обсуждении всех актуальных проблем общественной жизни, и ими тем более нельзя было уже пренебречь при обсуждении основополагающих законов будущего демократического государства.

Для ситуации, сложившейся в ВНР к весне 1989 г., характерным стало то, что обе стороны — ВСРП и внепартийные оппозиционные формирования — в равной степени нужда-

лись в общении и диалоге по ключевым вопросам перехода страны к демократии. Здесь следует учитывать то, что основные течения демократических сил появились на общественно-политической арене ВНР далеко не как какие-то сформировавшиеся политические партии, а лишь в качестве дискуссионных форумов или прообразов будущих партий. Причем на начальном этапе они сами искали и находили себе опору и поддержку у отдельных демократических групп или личностей из правящей ВСРП: например, ВДФ — в лице И. Пожгаи и его окружения, ССД — у партийных реформаторов, сгруппировавшихся вокруг Р. Нерша. Иными словами, процесс самоутверждения оппозиционных организаций и движений так или иначе был далеко не простым, но в конечном счете им удалось постепенно завоевать известность и признание в массах, которые вскоре стали считать их уже партиями. Пришло время, когда благодаря стремительному росту их популярности, руководство ВСРП оказалось вынужденным все больше считаться с ними. Это и заставило правящую партию искать с ними контактов и привлечь их представителей к политическому диалогу.

Весной 1989 г., когда реальная обстановка в стране сделала необходимым обсудить проекты демократического переустройства ВНР, руководство ВСРП начала поиск переговорщиков в оппозиционной среде. Предпринималась попытка предварительно «прощупать» каждое из политических новообразований в отдельности с тем, чтобы выбрать из них наиболее послушных и сговорчивых для проведения с ними переговоров и тем самым по своему реализовать задуманное — осуществить ограниченную демократизацию государственного строя. Секретарю ЦК ВСРП Дёрдю Фейти было поручено провести отбор соответствующих кандидатов среди оппозиционных организаций с тем, чтобы затем посадить их за общий стол переговоров и под видом проведенного с ними диалога обеспечить нужные для ВСРП позиции. Но ведь решалась судьба будущей Конституции и венгерской демократизации в целом. Разобщенность оппозиционных организаций и движений для руководства ВСРП была очевидной, равно как и то, что при первых же контактах с ними в отдельности, каждая из мелких организаций будет стараться подчеркивать свою значимость, добиваться упрочения своего положения не без ущерба для других. Возникла реальная угроза, что такого рода переговоры могут привести к нежела-

тельному результату — к установлению формальной и контролируемой компартией демократии.

Когда попытка такого рода подбора переговорщиков стала очевидной, в дальнейшее развитие событий вмешался созданный в начале ноября 1988 г., т.е. всего за четыре месяца до того, «Независимый форум юристов» (НФЮ), сыгравший немаловажную роль в сплочении оппозиции и объединении ее сил. В рубрике новостей двух популярных газет 15 марта 1989 г. НФЮ опубликовал обращение к неформальным демократическим организациям с призывом собраться 22 марта на факультете государства и права Будапештского университета им. Л. Этвеша. В этот день, на том же месте представители восьми оппозиционных организаций создали свое объединение «Оппозиционный крутлый стол» (ОКС). В него вошли: Венгерский демократический форум (ВДФ), Союз свободных демократов (ССД), Союз молодых демократов («Фидес»), Независимая партия мелких хозяев (НПМХ), Венгерская социал-демократическая партия (ВСДП), Народная партия (НП), «Общество друзей Байчи-Жилински» (ОДБЖ), Независимая демократическая лига профсоюзов (НДЛП). Впоследствии в состав ОКС вошла и Христианско-демократическая народная партия (ХДНП). Фактически постоянным участником заседаний «круглого стола» стал и названный «Форум юристов», представители которого приняли самое активное участие в будущем переговорном процессе.

Возникновение этого объединения стало поворотным пунктом в борьбе за демократизацию Венгрии и одновременно началом серии тех переговоров, которые называются заседаниями «круглых столов» и охватывают период с 22 марта по 18 сентября 1989 г. До создания ОКС фактически каждое из разрозненных оппозиционных формирований правомерно считало, что судьба демократических преобразований ВНР в решающей мере зависит не от нее самой, а от процессов, протекающих внутри ВСРП. Поэтому все они ожидали и внимательно следили за проявлениями внутренней борьбы со стороны, надеясь на лучшее, но фактически не имели реальной возможности воздействовать на них. Этим и объяснялось, что независимые альтернативные образования искали и получали поддержку со стороны демократически настроенных элементов и в самой компартии. Объединение же внепартийных оппозиционных образований в ОКС, пусть даже временное, коренным образом меняло

ситуацию, так как давало возможность для совместных выступлений в качестве единой оппозиционной силы. Создание ОКС поэтому и стало важным событием не только с точки зрения самообороны его участников, но и потому, что оно исключало возможность манипулирования отдельными оппозиционными группами со стороны ВСРП, не позволяло ей противопоставлять их друг другу и использовать по отдельности в своих интересах.

Объединение венгерских оппозиционных организаций по своему масштабу и силе, конечно, существенно уступало польской «Солидарности», но все же ОКС начал действовать в качестве единой силы, которая наладила и сумела провести серьезный диалог с правящей партией, причем все больше не с позиции просителя. Сам председатель НФЮ И. Коня, постоянно председательствовавший на заседаниях ОКС, позже весьма скромно оценивал свой вклад в его создание: «Мы собственно лишь заявили Фейти, находившемуся тогда в поисках партнеров для будущих переговоров, что он может прекратить дальнейшие поиски — ведь уже существует Оппозиционный круглый стол, который намерен выступить сообща»²³. Несмотря на в чем-то формальный характер своего сплочения (группировки, движения и партии сохранили свои организационные структуры, оставались одновременно и самостоятельными участниками политической сцены), ОКС благодаря поддержке независимых юристов сумел стать серьезным партнером на переговорах с ВСРП и продемонстрировать свою силу в интересах продвижения к демократии. Ведь ОКС возник и действовал именно с той целью, чтобы успешно вести диалог с правящей партией, находившейся в состоянии кризиса, как и само партийное государство.

Характеризуя ситуацию того времени в лагере оппозиции, И. Коня вспоминал: «Из числа независимых организаций только ВДФ имел реальную возможность, сообщая с реформаторами ВСРП, вмешиваться в развитие событий, и тем самым в рамках оппозиции мог занять главенствующую позицию. Это хорошо осознавали в "круглом столе" такие определяющие личности, как Дёрдь Сабад и Йозеф Анталл»²⁴. По мнению Коня, эти два авторитетные деятеля ВДФ, будучи историками, хорошо понимали, что для смены системы далеко не достаточно одна отдельная оппозиционная сила в виде Форума и считали необходимым сплотить ряды всех оппозиционных организаций и движений, что и

было осуществлено с созданием ОКС, в который фактически вошли народно-национальные, христианско-демократические и либерального толка оппозиционные образования. Говоря о связях и сотрудничестве лидеров ВДФ с демократическими элементами правящей партии (прежде всего с И. Пожгаи, который, кстати, недооценивал объединение ОКС в качестве своего возможного союзника), необходимо учитывать, что на том этапе борьбы за демократию многие венгры «считали для себя ближе национальную линию в ВСРП, чем линию либералов в рядах оппозиции»²⁵ и, естественно, вначале намеревались именно с помощью первых, т.е. демократических сил в правящей партии, сдвинуть с места дело демократизации страны. Другая группа оппозиционных сил, которую олицетворял ССД, пришла к своему либерализму через марксизм и была далека от идей и тактики ВДФ, более того, считала представителей первых националистами. Эта вторая группа, вместе с молодыми демократами из «Фидеса», нередко резко критиковала коммунистов, хотя при этом также имела связи в правящей компартии с реформаторской группой во главе с Р. Нершем. Заслуга «Форума юристов» несомненно состояла и в том, что он сумел объединить эти и другие разнородные оппозиционные силы и направить их энергию на созидание демократии.

На заседаниях ОКС согласовывались точки зрения всех оппозиционных сил, выработывался единый коллективный и согласованный подход к обсуждаемым с ВСРП актуальным проблемам. Эти заседания, по свидетельству участников, характеризовались общим стремлением договориться между собой, найти единую позицию, которую следовало отстаивать сообща. Такая тактика была необходима, чтобы успешно противостоять консерваторам в ВСРП, которые, как, например, секретарь ЦК Д. Фейти, не раз пытались вбить клин между группами оппозиции. Следует отметить, что тактика ОКС оказалась успешной и приносила свои конкретные результаты. Ведь уже на втором заседании ОКС стало известно о попытке руководства ВСРП пригласить на совместное совещание, назначенное на 8 апреля 1989 г., вместе с близкими к компартии традиционными для режима общественными организациями (Общество Ф. Мюнниха – ОФМ, Всевенгерский Совет молодежных организаций – ВСМО, «Новый мартовский фронт» – НМФ, Союз женщин – СЖ, Всевенгерский Совет профсоюзов – ВСП, Союз партизан – СП и Отечественный народный фронт – ОНФ) толь-

ко часть оппозиционных формирований. Не получили приглашения на созванное компартией совещание такие отряды оппозиции, как «Фидес», ОДБЖ и НДЛП. В ответ ОКС принял солидарное решение, известив Фейти о том, что в переговорах будут участвовать либо все организации ОКСа, либо никто из них не пойдет на переговоры с ВСРП. Данный принцип стал определяющим и соблюдался на весь период будущих переговоров. Правда, на первое двустороннее совещание секретарь ЦК ВСРП Д. Фейти все-таки не допустил председателя НФЮ И. Коню, однако в дальнейшем именно последний зачитал Обращение ОКС на открытии переговоров общего «круглого стола».

На заседаниях ОКС, проходивших в зале библиотеки юридического факультета Будапештского университета, представители оппозиционных образований сначала в своем кругу обсуждали все животрепещущие вопросы, разрабатывали позицию и тактику совместных выступлений. При этом следует учитывать, что на начальном подготовительном этапе переговоров с ВСРП эти собрания в рамках ОКС и действия по согласованию тактики все еще противоречили действующему законодательству и участников этих заседаний могли привлечь к уголовной ответственности. Правда, в условиях заявленного курса на демократизацию и с учетом растущей политизации общественной жизни власти вряд ли могли позволить себе это. К тому же, ВСРП не меньше оппозиции была заинтересована в налаживании диалога с оппозицией, в поисках выхода из создавшегося в стране положения. Это особенно ощущалось сразу же, когда ВСРП, стремясь к политической модернизации страны, взяла курс на разработку новой конституции, в которой надеялась сохранить закрепленную за ней в действующей конституции «ведущую роль». Для ВСРП это был вопрос принципиальный, и она, будучи правящей партией, рассчитывала склонить силы оппозиции к признанию данного статус-кво. В числе приоритетных для обсуждения с широкой общественностью, и безусловно с оппозицией, партия намеревалась специально вынести вопрос о новом проекте Основного закона страны.

Правда, параллельно прорабатывался и дополнительный вариант. Еще до официального выступления ВСРП с инициативой о разработке новой Конституции, в январе 1989 г. оппозиционным силам было сделано особое предложение, поступившее через движение партийных реформаторов «Новый мартовский фронт» (НМФ), но его организации ОКС

отклонили. Суть этого предложения, зародившегося в недрах ВСРП, состояла в совместном создании некоего «национального комитета», который взял бы на себя выполнение функций Учредительного национального собрания страны. Оппозиционные силы, разгадав тайный умысел, посчитали, что создание такого совместного властного учредительного органа было бы ошибочным, так как такой шаг снял бы ответственность с партии, которая правила более 40 лет, совершила в прошлом массовые нарушения и ответственна за нынешнее кризисное состояние страны. Кроме того оппозиция сочла, что принятие предложения ВСРП нивелировало бы различия между обладающей властью компартией и безвластными политическими новообразованиями. Поэтому, не желая брать на себя столь тяжкую ответственность, силы оппозиции не пошли на это.

Следующее же предложение ВСРП оппозиционным образованиям принять участие в обсуждении проблем выхода страны из кризисного состояния и приглашение к рассмотрению конкретных документов предстоящей демократизации (в том числе проекта новой Конституции) было встречено последними одобрительно. Однако ОКС на сей раз предпочел участвовать в переговорах с чистого листа, выдвигая свои предложения и условия. Характерно, что организации ОКС исходили из необходимости решать вопросы будущих демократических преобразований исключительно с одной, ответственной за состояние страны силой, т.е. с ВСРП. Разговаривать и обсуждать проблемы преобразований и модернизации страны ОКС считал невозможным даже с правительством ВНР, указывая на то, что исполнительная власть десятилетиями находится под контролем партии и лишь заверяет, подтверждает и выполняет указания и решения партийного руководства. Объединенная оппозиция основывалась на том, что с правительством возможны переговоры лишь после смены существующего режима. Кстати, здесь необходимо отметить, что правительство М. Немета в прямом смысле слова тогда уже нельзя было считать подлинным выразителем коммунистической воли, хотя оно полностью и не освободилось от влияния ВСРП. Аргументируя необходимость обсуждения основных вопросов преобразований именно со стержневой силой режима, ОКС ссылаясь на закрепленную за ВСРП конституционную роль.

Развернувшийся весной 1989 г. переговорный процесс между ВСРП и ОКС прошел определенные стадии развития, которые охватывают подготовку двусторонних переговоров, их проведение и переход к трехсторонним переговорам. ОКС, как участник всех этих этапов процесса, с самого начала проводил заседания и с ВСРП, и в рамках своих оппозиционных организаций. На первых согласовывались исходные параметры и принципы проведения двусторонних переговоров, определялся круг вопросов и проблем, подлежащих совместному обсуждению. Параллельно с ними на заседаниях ОКС обсуждались эти же вопросы, вырабатывались согласованные позиции, которые оппозиция представляла на дискуссиях с ВСРП. После того как на двустороннем уровне с правящей партией были определены ключевые проблемы, которые выносились на более широкое и основательное обсуждение, они с июня 1989 г. подверглись глубокому анализу на так называемых трехсторонних переговорах, получивших впоследствии название «Национального Круглого стола» (НКС). На его заседаниях принимались окончательные решения по всем важнейшим и основополагающим политическим и социально-экономическим проблемам демократического перехода и будущих преобразований.

К летнему заключительному туру переговорного процесса ВСРП привлекла и традиционные для «реального социализма» общественные организации, которые формально представляли на «круглом столе» так называемую третью сторону. Но хотя она и стала равноправной участницей этого ответственного форума, в переговорном процессе так и не сыграла сколько-нибудь заметной роли. Оппозиция не оспаривала право ВСРП пригласить эти организации на заседания, но при этом попыталась добиться, чтобы с одной стороны стола сидели представители оппозиции, а с другой — ВСРП со своими «сателлитами»²⁶. Однако такого размещения переговорщиков ей добиться не удалось, и за общий НКС в итоге сели все эти официальные общественные организации, заняв место среди переговорщиков в качестве третьей стороны. Впрочем, следует отметить, что размещение сторон не имело особого значения, ведь вскоре та роль, которую ВСРП отводила этим своим союзницам, сама собой сошла на нет. Они сами отошли от переговоров, а большинство из них вообще прекратили свое существование. Такова же была судьба НМФ, который вначале попытался выполнить функцию «моста» между ОКС и ВСРП. «Мартовский

фронт» не участвовал уже и в подготовительных заседаниях и тихо исчез с политической арены. В конечном счете двусторонние переговоры по обсуждению условий политического перехода, как и последующие трехсторонние, на которых обсуждались вопросы по существу, в равной степени проходили между двумя основными политическими силами: олицетворявшей партийное государство ВСРП и объединенной оппозицией — ОКС.

Таким образом, весь переговорный процесс «круглого стола», начавшийся весной и завершивший свою работу в начале осени 1989 г., прошел ряд этапов в своем развитии. Он ведет отсчет времени с образования ОКС и развернувшихся в его недрах дискуссий, плавно переходит в двусторонние переговоры между ОКС и ВСРП с тем, чтобы затем на начавшихся летом переговорах согласовать и юридически оформить договоренности, определить все основные параметры перехода Венгрии к парламентской демократии, расписав также правовые и конституционные нормы будущего государственного устройства страны, в результате которых «Национальный Круглый стол» выполнил свою особую функцию по сути революционного значения. Весь этот переговорный ряд в венгерском общественном сознании воспринимался в качестве единого «круглого стола».

«Национальный Круглый стол» и основные итоги «переговорной революции»

Прежде чем проанализировать ход и содержание основного, заключительного раунда продолжившегося до осени 1989 г. переговорного процесса, прошедшего на сей раз уже в рамках «Национального Круглого стола» (НКС), следует обратить внимание на некоторые характерные обстоятельства и особенности встреч, проведенных сторонами еще в весенний период. Говоря об этом временном отрезке переговорного процесса, следует учитывать, что он начался с эпизодических контактов и продвинулся до более или менее регулярных *подготовительных переговоров* между ОКС и ВСРП. Причем ни партийные реформаторы, ни оппозиция не располагали готовыми планами перехода к демократии, они лишь сознавали такую необходимость. Не было наработанного сценария и после достижения принципиального согласия между сторонами. Конкретные предложения и решения вырабатывались и принимались по ходу самих заседаний.

В целом же стороны были полны решимости и настроены на то, чтобы сделать Венгрию свободным демократическим государством, где должна существовать многопартийная система и представительная (парламентская) демократия. Это, конечно, не исключало и в дальнейшем определенных стремлений и попыток со стороны представителей ВСРП сохранить для себя определенные привилегии на будущее. В целом же стороны обещали совместно рассматривать прежде всего рамочные вопросы переговорного процесса и обещали не допускать силовых решений, т.е. намечали реализовать свои намерения исключительно мирными средствами за столом переговоров²⁷. Таков был общий настрой, общая атмосфера всех «круглых столов».

Впрочем, целесообразно напомнить, что ВСРП, приглашая альтернативные общественные организации и движения на свое совещание еще в апреле, первоначально планировала провести с ними лишь так называемый свободный форум консультативного характера с тем, чтобы просто обсудить актуальные политические вопросы. Тот форум еще не предполагал разговора равноправных партнеров. Действовал явный расчет на рутинное проведение такого мероприятия, чтобы затем, сославшись на него, можно было считать насущные проблемы обсужденными и получить мандат на внедрение приемлемой для партии управляемой демократии. Интересы сторон на этих первых встречах явно не совпали, что в итоге и привело к необходимости их дальнейшего согласования. Объединенной оппозиции удалось переломить ситуацию и вместо обсуждения широкого круга проблем политического и экономического переустройства для начала добиться сужения повестки дня заседаний до вопросов, связанных с разработкой условий и согласованием мер по обеспечению перехода к демократии, и лишь вслед за этим, на втором этапе перейти к необходимой конкретике. На заседании ОКС 19 апреля оппозиция предварительно уже согласовала взгляды своих организаций и выработала собственные согласованные позиции в отношении такого перехода, ставила и обсуждала и некоторые вопросы будущей демократии.

Представители партийной власти, конечно, понимали необходимость переговоров об условиях плавного перехода к демократии, но в отличие от объединенной оппозиции не связывали демократию с какой-то масштабной сменой социалистической системы. Они допускали в крайнем случае су-

ществленные коррективы существующего строя с некоторой сменой модели социализма. Организации же ОКС желали большего. Партийная власть после серии встреч с оппозицией приняла условия ОКС и согласилась обсудить сначала обстоятельства перехода от диктатуры к демократии. Данная проблема стала предметом пристального анализа и согласования в ходе двусторонних так называемых согласительных переговоров между ВСРП и ОКС.

Для переговорного процесса сторон налицо имелись соответствующие условия, поставленные на повестку дня самим временем. Ими не могли пренебречь представители ВСРП, ими же воспользовались и оппозиционные силы. Ведь этот фактор эпохи так или иначе влиял на процесс переговоров. Вообще, общественно-политическая жизнь Венгрии весной 1989 г. забурлила, придавая все больше сил и решимости оппозиции и предвещая неотвратимые перемены. Время заставило торопиться как правящую партию, так и оппозицию. Достаточно обратить внимание на череду важнейших политических событий тех весенних месяцев. ВСРП 10 марта обнародовала свою программу действий, в которой попыталась отмежеваться от совершенных партией в прошлом ошибок, высказалась за переход к правовому государству и к многопартийной системе, заявила о намерении провести свободные парламентские выборы и образовать в будущем коалиционное правительство. Уже эти заявления свидетельствовали о готовности партии сделать шаг в сторону демократизации общественной жизни Венгрии. Программа действий фактически содержала скрытое признание того, что компартия и правительство сами не в состоянии вывести страну из кризиса и во всяком случае нуждаются в разделении ответственности за предпринимаемые меры. Видимо, этим и объясняется, что и оппозиционные организации также активизировали свою деятельность. ВДФ 14 апреля выступил с предложением создать кабинет кризисного управления страной, а в последующие дни руководство Форума созвало свое первое Всевенгерское собрание (съезд). На нем был избран специальный комитет для преобразования этого общественного движения в политическую партию. Вслед за ними провели свое общее собрание и свободные демократы, где они утвердили «Синюю книгу» — своеобразную программу смены общественного строя. В ней предлагалось создание правительства из числа профессионалов, которое было бы способным вывести ВНР из кризиса,

а также провозглашение Венгрии нейтральным государством. На гребне этих перемен 25 апреля начался частичный вывод советских войск из ВНР, а 8—9 мая 1989 г. состоялся очередной пленум ЦК ВСРП, который освободил Я. Кадара от всех его постов.

Госсобрание ВНР также активизировало свою работу и еще 22 марта под знаком расширения прав трудящихся приняло закон о праве на забастовки. В конце месяца было найдено место безымянного погребения казненного в 1958 г. опального премьер-министра и коммуниста-реформатора Имре Надя и его соратников, а 2 апреля генсеку ЦК ВСРП К. Гросу уже пришлось заговорить о вероятной реабилитации этого безвинно казненного политика и его соратников. Все эти политические события не могли не оказывать влияния на двусторонние переговоры между ОКС и ВСРП. насыщенность политической жизни ВНР событиями сама по себе показывает, что весенний период после 22 марта — со дня создания ОКС — ознаменовался ростом политической активности. Начавшиеся встречи между оппозиционным объединением и представителями ВСРП, переросшие во взаимное выяснение и согласование политических интересов под знаком демократизации, в серьезные обсуждения актуальных политических проблем, стали хорошей базой для успешного продолжения переговорного процесса общенационального значения.

Оппозиционным организациям в ходе переговоров с ВСРП уверенность и существенную моральную поддержку придавали те массовые мероприятия — демонстрации, митинги и прочее, — которые прошли 15 марта, вскоре после вынужденной переоценки ВСРП событий 1956 г., равно как и последующие массовые выступления трудящихся, организованные независимыми профсоюзами 1 мая в Будапеште. За ними 16 июня последовал по своим масштабам мощнейший (различные оценки говорят об участии от 300 до 400 тыс. человек) митинг в Будапеште в связи с торжественным перезахоронением останков Имре Надя и его товарищей, где ораторы выступали с речами, разоблачавшими преступные действия авторитарного режима²⁸. Все это окрыляло оппозицию и явилось источником ее решимости и прибавления дополнительных сил²⁹.

В лагере ОКС, конечно, временами возникали разногласия и существенные расхождения мнений по отдельным вопросам, но они быстро преодолевались, либо их решение от-

кладывалось на более поздние времена. В объединении оппозиционных сил был принят принцип консенсуса, все организации имели право вето, в результате чего выносимой на переговоры согласованной позицией могла стать лишь та, которая не встречала возражения членов ОКС. Такая тактика сыграла свою роль и на переговорах со слабеющей и вступившей в стадию распада, но все еще достаточно сильной компартией³⁰. Другой вопрос, что организации ОКС, которые считали власть ВСРП не легитимной, хотя и закрепленной в Конституции, и сами не являлись таковыми, но при этом полагали, что именно они представляют интересы широких слоев венгерского населения.

В результате возникла парадоксальная ситуация, когда летом 1989 г. после пройденных этапов двусторонних переговоров и согласований ВСРП и ОКС, — представители которых взаимно подозревали друг друга в нелегитимности их организаций, — готовились сесть за общий стол переговоров и обсудить самые жгучие вопросы демократизации общественно-политической жизни ВНР. Возобновившейся или начавшейся встрече на сей раз было присвоено официальное название «Национальный Круглый стол» (НКС). Согласно достигнутому на прежнем этапе переговорного процесса договоренностям, он должен был обсудить лишь проблемы, которые касались обеспечения мирных условий проведения будущих парламентских выборов на плюралистической основе. Однако повестка дня НКС в конечном счете была все же расширена и фактически охватила весьма широкий диапазон способов перехода Венгрии к парламентской демократии. Здесь целесообразно вновь отметить, что ВСРП после проведения двусторонних переговоров с ОКС не отказалась от идеи обсуждения проекта новой Конституции, который разрабатывался в министерстве юстиции ВНР, и ряда так называемых краеугольных конституционных законов. Партия намеревалась скорее утвердить их парламентом, срок полномочий которого подходил к завершению. Организации ОКС, наоборот, желая избежать даже видимости вторжения в компетенцию Государственного собрания, по-прежнему оставались на позициях обсуждения прежде всего «путей и условий, ведущих к мирному переходу». При этом создание новых конституционных институтов ОКС намеревался доверить будущему, избранному на демократической основе парламенту. Таковыми оставались принципиальные позиции сторон,

когда до наступления лета 1989 г. ход двусторонних переговоров практически был остановлен.

Между тем, проект новой Конституции страны в минюсте уже к маю 1989 г. был подготовлен и предстояло его обсуждение. В проекте были обозначены две проблемы, которые могли стать камнем преткновения между организациями ОКС и нарушить единство оппозиции: а) способ избрания президента республики и определение круга его полномочий; б) создание второй палаты парламента. Авторы проекта предлагали избрать главу государства — «среднесильного президента», — при котором исполнительная власть была бы поделена между премьер-министром и президентом. Создание же второй палаты Госсобрания, уже получившее поддержку политбюро ЦК ВСРП, предполагалось осуществить на корпоративной основе, куда органы местного самоуправления, общественные и религиозные организации и этнические сообщества делегировали бы своих представителей. В этих двух вопросах интересы ВСРП и ОКС вступили в противоречие. Оппозиция, опасаясь раскола своих рядов, была заинтересована в том, чтобы либо сузить тематику двусторонних обсуждений, исключив по возможности из нее вопрос о конституционном устройстве, либо хотя бы отложить его обсуждение.

ВСРП с конца апреля 1989 г. заняла позицию затягивания двусторонних переговоров с оппозицией, а в середине мая руководитель партии К. Грос вообще остановил их, заявив, что свободные выборы в Венгрии могут быть проведены не ранее чем через шесть лет. Всё это отражало те глубокие противоречия, которые имели место в руководстве ВСРП между отдельными группами. В ответ на такую позицию лидера партии возглавляемое коммунистами-реформаторами движение «Кружки реформ» 2 июня осудило Гроса и призвало его уйти с поста руководителя ВСРП. С приближением лета и наступлением массовых манифестаций руководство партии неожиданно решило продемонстрировать стране и миру свою готовность к национальному согласию, показать, что диалог с оппозицией продолжается. Переговорный процесс ожил. Партнером оппозиции на переговорах со стороны ВСРП, наряду с Д. Фейти, стал И. Пожгаи. Кандидатуру этого демократически настроенного политика 24 мая утвердил ОКС. Были приняты выдвинутые ОКСом условия. Это означало, что партийные переговорщики согласились на ведение переговоров в ограниченном режиме — только о

правилах и принципах непосредственного перехода к парламентской демократии.

После таких предпосылок и согласований между ВСРП и ОКС путь к НКС практически был открыт. Предстояла совместная разработка новых законов: о выборах, о партиях, об их деятельности и финансировании, требовалось скорректировать действующую Конституцию так, чтобы в ней не оставалось положений, мешавших переходу страны к парламентской демократии. Нуждались в пересмотре также статьи уголовного законодательства, которые мешали проведению свободных выборов и избирательной кампании на демократических принципах. Необходимо было создать правовые нормы о свободе слова и информации, добиться соответствующих гарантий, чтобы силовые органы не стали помехой на путях перехода к представительской демократии на плюралистической основе. Весь этот сложный комплекс политических проблем демократизации общественной жизни Венгрии должен был стать предметом тщательного совместного анализа и согласования именно силами участников НКС, найти соответствующее юридическое оформление с привлечением специалистов.

В переговорном процессе, однако, неожиданно наступил перерыв, явно связанный с внутривнутрипартийной ситуацией в руководстве ВСРП, где преодолевались разногласия по поводу предстоящих преобразований. Затянувшееся молчание партийных переговорщиков тем временем начало вызывать определенную настороженность и опасения в лагере оппозиции. Во второй декаде июня контакты между делегациями ВСРП и ОКС обновились и переговорный процесс мог вступить в новую стадию. Накануне ВСРП, в которой взяли вверх сторонники неотложных преобразований, документально подтвердила, что целью политического перехода станет именно такая демократия, которая будет претворена в жизнь посредством свободных парламентских выборов на плюралистической основе. Было дано также согласие на то, что проект новой Конституции и конституционные законы (хотя большинство из них уже находилось в парламенте) не будут вынесены на утверждение до тех пор пока их предварительно не обсудят за «круглым столом» с оппозицией. С этим предложением согласились также в правительстве и в Государственном собрании.

В интересах закрепления договоренностей, достигнутых на этапе весенних обсуждений между ВСРП и ОКСом, в це-

лях дальнейшего проведения переговоров уже по согласованным сторонами *конкретным ключевым проблемам демократического перехода*, было составлено специальное соглашение между участниками переговорного процесса. Оно и стало исходным и одновременно официальным документом, известившим и население страны об официальном начале нового раунда политических переговоров уже в рамках «Национального Круглого стола». Документ, наряду с провозглашенными целями и намеченными для решения конкретными задачами, содержал и обязательства, которые предписывалось соблюдать всем участникам очередного раунда переговорного процесса. К нему по просьбе ВСРП были привлечены также ее спутники — прокоммунистические общественные организации, которые 10 июня 1989 г. вместе с ВСРП и организациями-членами ОКС также завизировали этот документ. Таким образом под соглашением стоят подписи глав делегаций: ВСРП (Д. Фейти), представителей всех восьми оппозиционных партий и организаций, а также привлеченных к переговорам представителей семи традиционных общественных организаций. На следующий день соглашение было опубликовано. В нем, в частности, говорилось: «Выход из поразившего нацию экономического и политического кризиса, а также необходимость демократического преобразования властных отношений делают неизбежным диалог всех политических объединений, ответственных за будущее. Судьба нации может перемениться к лучшему лишь при уважительном отношении к конституционным требованиям, при решительном отказе от применения силы. Наш общий интерес, чтобы общественные конфликты были решены по общепринятым нормам европейской политической культуры, путем общественного согласия. Переход от однопартийной системы к представительской демократии, создание правового государства возможны только путем свободных выборов»³¹. Эти декларативного характера, но по сути весьма принципиальные констатации имели весомое значение и ко многому обязывали всех участников переговорного процесса.

О прошедших весной между ВСРП и ОКС двусторонних согласительных политических переговорах в опубликованном сообщении указывалось, что стороны уже договорились осуществить переход к демократии. При этом в нем отмечались основные принципы и обязательства сторон решать политические конфликты исключительно мирными средства-

ми. Было подчеркнуто, что все общественные организации признают и принимают эти принципы, согласно которым ни одна из них (следовательно, ни ВСРП, ни ее сопутствующие организации и движения) не вправе распоряжаться вооруженными силами. Подтверждением серьезности этих договоренностей стало то, что контроль над партийной милицией с названием «Рабочая охрана» 15 июня 1989 г. был передан правительству. «Источником власти является сам народ» и «никакая отдельная политическая сила не в праве считать себя исключительным выразителем воли народа», — говорилось в документе, положившем начало продолжению переговоров на более высоком уровне.

Договаривающиеся стороны признали равноправие всех участников переговорного процесса. Своей основной целью они обозначили выработку основных политических соглашений, к которым допускалось приложение сопутствующих проектов необходимых законодательных решений и законов. При этом было оговорено, что на проводимых заседаниях «круглые столы» ни в коей мере не собираются брать на себя непосредственные государственные функции, равно как и то, что законотворческий процесс в государственных органах не должен опережать достижение политического соглашения в рамках НКС. Стороны обязались воздержаться от односторонних действий, способных помешать достижению политического соглашения на переговорах. Повестка дня предстоящих обсуждений в рамках НКС была обозначена в двух пунктах: 1) определение принципов и правил, которые призваны служить реализации политического перехода к демократии; 2) стратегические задачи преодоления экономического и социального кризиса³². Между тем председатель Государственного собрания Венгерской Народной Республики М. Сюрёш по просьбе ЦК ВСРП еще 30 мая дал согласие председательствовать на полных заседаниях НКС. Это существенно повышало значение и статус этих переговоров, придавало им некий официально-государственный оттенок, хотя переговорный процесс велся названными силами общественных организаций, и проводимый ими форум по настоянию ОКС не мог претендовать на выполнение роли и функций законодательных органов государства. Работу же в рабочих комиссиях и подкомиссиях было решено вести своими силами, но с привлечением профессионалов.

Решение сторон продолжить переговорный процесс на условиях, содержащихся в соглашении, повлекло за собой

определенные действия властных органов и в структуре руководства Венгерской социалистической рабочей партии. Правительство М. Немета, уважая упомянутую договоренность участников «круглого стола», уже 27 июня отозвало из парламента пакет законов принципиального значения, что стало несомненным успехом всех демократических сил страны. Правящая компартия, политические и идеологические устои которой после упоминавшихся событий 16 июня, реабилитации Верховным судом ВНР Имре Надя и его товарищей были основательно потрясены, и которой пришлось пойти на уступки оппозиции, решила осуществить перемены на вершине партийного Олимпа — вместо растратившего доверие масс генсека К. Гроса, ВСРП фактически возглавила руководящая «четверка». Это означало, что с 24 июня 1989 г. были образованы новые руководящие органы партии: Политисполком и компромиссный по своему составу Президиум. Новым председателем партии стал Р. Нерш. Роль генерального секретаря, которая стала не столь существенной, формально продолжал исполнять Карай Грос, но его функции на самом деле возлагались на Президиум — коллективный орган, в который, наряду с оставшимся там К. Гросом, вошли Режё Нерш, глава правительства Миклош Немет и государственный министр Имре Пожгаи. Расстановка сил в руководстве ВСРП таким образом изменилась в пользу сторонников продолжения переговоров и демократических преобразований³³. Эта когорта партийных реформаторов, главным среди которых стал Р. Нерш, попыталась восстановить резко пошатнувшийся престиж партии и довести ее до намеченного на начало октября 1989 г. XIV съезда.

Сам факт подписания всеми общественными организациями документа, определявшего критерии работы и функций «Национального Круглого стола», стал свидетельством готовности сторон обеспечить успех переговорного процесса и мирные условия перехода Венгрии к парламентской демократии. Стороны тем самым документально подтвердили свои намерения осуществить кардинальные изменения, избегая опасностей возможного повторения 1956 года. Дав согласие на кардинальные перемены и взяв курс на их осуществление путем переговоров, ВСРП вместе с оппозицией и остальными участниками НКС сами подготовили новый судьбоносный поворот современной венгерской истории. Проведение НКС и осуществление мирного поворота стали возможны благодаря тому, что в рядах находившейся у вла-

сти ВСРП находились коммунисты-реформаторы прагматического склада, а в гражданской, непартийной среде возникла и оформилась оппозиция с преобладанием умеренных представителей, которые оказались способными убедить как правящую партию, так и своих радикалов в необходимости мирных демократических преобразований революционного характера.

После подписания соглашения о намерениях и проведения открытого пленарного заседания работа НКС продолжалась за закрытыми дверями в зале Государственного собрания. Стартовал сложный переговорный процесс, в рамках которого с 13 июня по 18 сентября 1989 г. были обсуждены ключевые вопросы предстоящего перехода Венгрии к демократии, выработывались соответствующие совместные решения, принимались важные документы, определившие как условия осуществления перехода, так и характер и содержание будущих демократических преобразований, в корне изменивших политический облик современной Венгрии.

Переговоры НКС развернули таким образом три группы переговорщиков – ВСРП, девять организаций «Оппозиционного круглого стола» и «Третья сторона» (ТС), представлявшая собой семь приглашенных компартией традиционных общественных организаций. По подсчетам венгерского исследователя (позже министра культуры Венгерской Республики) А. Бозоки, под редакцией которого в 1999 г. увидели свет четыре тома документов венгерских «круглых столов», в переговорном процессе приняли участие в общей сложности 573 человека, 64% которых составляли люди моложе 45 лет³⁴. Среди них можно было встретить представителей разных поколений и профессий, людей с различным жизненным опытом и политической ориентацией. Причем ни одна из названных трех групп внутренне не была единой, однако всех их объединяли стремление не допускать нарастания конфликтов и столкновений, решимость привести страну к демократии. Небезынтересно обратить внимание также на состав трех названных групп.

Среди *переговорщиков от ВСРП*, которую сама венгерская реальность неизбежно толкала на переговоры с оппозицией, имелись как противники каких-либо перемен, так и сторонники дозированной и управляемой демократии (в том числе Д. Фейти или К. Грос, который намеревался растянуть переходный период на несколько лет), но присутствовали и реформаторы, и убежденные демократы типа И. Пожгаи,

т.е. сторонники решительных и неотложных перемен. Кстати, советское перестроечное руководство во главе с М.С. Горбачевым ставку делало не на последних, а на первых, которые во время переговоров с оппозицией занимали наиболее консервативные позиции, представляли линию на торможение процесса демократизации. Вторые же являлись в большинстве своем выходцами из демократически настроенных кругов правительства М. Немета или близких к нему исполнительных органов, которые не считали себя при этом политиками. Именно они составляли 75% всей делегации ВСРП и, как правило, имели высшее образование. Приверженцы стремительных демократических преобразований почти все (до 90%)³⁵ были выходцами из разных профессиональных групп интеллигенции.

В лагере *объединенной оппозиции* (на 70% состоявшей из различных интеллигентских групп, включая деятелей так называемых «свободных профессий»), несмотря на внешнее единство, присутствовали как радикалы антикоммунистического толка, так и представители весьма умеренных в идейно-политическом отношении сил, которых было бы не трудно склонить к уступкам и сотрудничеству с ВСРП. Представители ОКС на новом этапе переговоров также не пришли с готовыми, а тем более едиными согласованными взглядами и позициями по рассматриваемым проблемам. Они вырабатывались по ходу и совместными усилиями. Умеренные, или же трезвые центристские силы оппозиции в ОКСе представлял главным образом Венгерский Демократический форум, ведущие представители которого выполняли роль интегратора различных частей этого временного объединения. Они не только шли на разумные компромиссы, но и «последовательно добивались намеченных целей». Во время переговоров им удавалось как успешно сдерживать порывы радикалов (из «Фидес», ССД и ДЛПС), так и контролировать весьма умеренных (НПНХ, ДСДП, НП), подталкивая их, соответственно, к самоограничению или сдержанности³⁶.

Вместе с тем в достижении окончательного успеха переговорного процесса немаловажную роль играли также напористость и радикализм «Фидеса» и ССД. В целом же такие качества, как трезвость, умеренность и прагматичность стали основными и определяющими характерными признаками поведения организаций ОКС в ходе переговоров. Они оказались мерилом, на который следовало ориентироваться, в результате чего в ВНР даже радикалы в рядах оппозиции

демонстрировали свою относительную сдержанность и взвешенность. Ярких антикоммунистических всплесков не наблюдалось, что, однако, временами не исключало нелицеприятную или даже громогласную критику и упреки в адрес отдельных руководителей ВСРП. Обстановка же в лагере ОКС в целом была таковой, что позволяла сохранить единство вплоть до завершения совместных заседаний НКС и принятия итогового документа.

«Третья сторона» в НКС была весьма разнородным собранием, не имевшим определенных целей. Ее организации, за исключением пожалуй, официальных профсоюзов, представленных Всевенгерским Советом профсоюзов, вообще не имели собственного лица, тем более какой-либо программы действий. Эти традиционные, всегда управляемые ВСРП общественные организации и движения априорно принимали ее линию.

НКС, хотя и не располагал полномочиями Конституционного собрания и считал, что не может выполнять такие функции, все же взялся за подготовку текстов ряда важнейших краеугольных законов, имевших принципиальное значение. Работа НКС после открытого пленарного заседания стремительно развернулась и проводилась в шести рабочих комиссиях с привлечением специалистов и оказалась весьма успешной. Переговорщики быстро находили взаимопонимание даже по сложным политическим вопросам. Проведенная на НКС работа, подготовленные там законы и законопроекты в конечном счете были приняты парламентом и вскоре приобрели законодательную силу, стали окончательными.

Венгерская оппозиция не соглашалась заключить с компартией компромисс подобно польскому пакту между «Солідарностью» и ПОРП. Она желала большего, ее не удовлетворяло простое предложение ВСРП поделиться властью. Именно поэтому на НКС она добивалась лишь обеспечения «законных условий для проведения свободных выборов», так как не без основания полагала, что в свободном соревновании с государственной партией должны выиграть силы оппозиции. Однако работа по выработке тех самых «законных условий» потребовала немало усилий от всех участников переговорного процесса — законодательного преобразования всего конституционного устройства, следовательно, модификации действующей Конституции страны, разработки закона о выборах, о гарантиях и свободе действий для

политических партий к предстоящим парламентским выборам. Как справедливо отмечал И. Коня, оппозиция не пожелала «делиться властью за спиной народа», а в ходе переговоров добивалась разработки и принятия соответствующих «правил игры»³⁷, в соответствии с которыми можно было провести свободные общенародные выборы, добившись того, чтобы народ сам решил, какой из политических партий отдать предпочтение и власть.

Усиленная работа НКС с профессионалами по разработке необходимых законодательных изменений принесла свои плоды. Так, процесс ревизии текста Конституции ВНР, равно как и новая редакция уголовного и процессуального законодательства в летний период 1989 г. продвигались успешно. Стороны высказались за превращение Венгрии в парламентскую республику, в которой главой исполнительной власти Венгрии становился ответственный перед парламентом премьер-министр (а не президент, как это произошло в подавляющем большинстве бывших соцстран). Приоритетное право принятия решений и политическая ответственность за них были отданы правительству страны. Правомочия и задачи «средне-сильного» президента Республики решили сделать во многом символическими — на главу государства возлагались обязанности выражать и олицетворять «единство нации» и «охранять демократическую деятельность государственной организации». Весь комплекс полномочий президента конкретизирован в 30-м параграфе новой Конституции³⁸. В законопроекте о выборах уже к двадцатым числам июня 1989 г. было подготовлено 15 параграфов. Казалось, что этот и другие ключевые законы, необходимые для будущих демократических выборов, вскоре будут подготовлены.

Успехи в работе НКС, однако, были вскоре омрачены сомнениями. У оппозиции, считавшей своим единственным эффективным оружием публичность, возникло беспокойство в связи с тем, что общественность практически ничего не знала о происходивших за закрытыми дверями переговорах. Организации ОКС так и не могли договориться с ЦК ВСРП о снятии информационной блокады и контроля за средствами массовой информации в целом³⁹. Ситуация давала оппозиции основание заподозрить партийное руководство в возможном отказе от взятых на себя обязательств. Согласно воспоминаниям участников «круглого стола», атмосфера на заседаниях НКС становилась напряженной, и хотя они осоз-

навали агонию режима, «с обеих сторон чувствовалась огромная неуверенность» в собственных действиях. Все понимали и важность переживаемого момента, но в воздухе витал какой-то «дух временности, какой-то нереальности происходящего, и даже атмосфера сюрреализма»⁴⁰.

Ко всему этому 26 июля 1989 г. на заседании комиссии, занимавшейся подготовкой законопроекта о партиях, Д. Фейти вдруг заявил, что компартия отказывается распустить свои парторганизации на рабочих местах и не собирается отчитаться за свое имущество⁴¹. Такой по сути провоцирующий поворот поразил даже членов делегации от ВСРП, а представители ОКС в знак протеста отказались от дальнейшего участия в работе комиссии, где готовился законопроект о политических партиях. Переговоры зашли в тупик. Июльский маневр партийных радикалов, явно направленный на срыв переговоров, и прочие контрпродуктивные ходы и попытки, уже не могли повернуть вспять развернувшийся процесс обновления законодательной базы и помешать политической демократизации. Тем не менее потребовались искусная дипломатия Й. Анталла, посредничество и готовность к компромиссу со стороны вернувшегося из летнего отпуска И. Пожгаи, чтобы в августе переговоры были успешно продолжены.

Правда, разрешить конфликтную ситуацию между сторонами до конца так и не удалось. Более того, инцидент и попытка его разрешения Й. Анталлом при помощи И. Пожгаи только актуализировали другой спорный вопрос, связанный с определением даты выборов президента Венгерской Республики и обострили противоречия даже между организациями ОКС. Для понимания этого следует учесть, что Пожгаи, который поддерживал хорошие отношения с ВДФ и Народной партией, сразу же попытался добиться компромисса. Он предложил оппозиции вариант, согласно которому парторганизации ВСРП пока останутся на рабочих местах, но сразу же после выборов покинут их. Радикальная часть ОКС с этим не согласилась, после чего 17 августа Анталл от ВДФ представил свой пакет предложений по решению спорных вопросов. Он готов был пойти на уступки в вопросе о сроках и способе избрания президента⁴², т.е. согласился с тем, чтобы его избрание проводилось общенародным голосованием и перед парламентскими выборами. С этого момента вопрос избрания президента стал яблоком раздора не только между ОКС и ВСРП, но и между умеренными и радикальными

организациями оппозиции в рамках ОКС, что вскоре привело к расколу в рядах объединенной оппозиции.

Таким образом, если все организации НКС пришли к согласию в принципиальном вопросе учреждения института президентства на основании 1-го закона 1946 г., то в отношении его статуса и того, когда и каким образом избирать президента — всенародно или парламентом, — договориться так и не удавалось. Не могли найти общего языка между собой даже оппозиционные организации. В результате не только ВСРП, но и ОКС также затягивали принятие окончательного решения по этому вопросу. В лагере оппозиции ХДНП, НП и ОДБЖ являлись принципиальными сторонниками избрания «средне-сильного» президента путем общенародного голосования, однако против этого выступали «Фидес» и ССД. Склонный к трезвому компромиссу Антал считал, что президента в принципе должен избирать парламент, однако в порядке исключения допускал возможным пойти на уступки. Понимая, что ВСРП считает этот пост своим, он склонялся к тому, чтобы для первого раза согласиться на избрание главы государства прямым общенародным голосованием. Он полагал, что отказ от жесткой позиции в данном вопросе позволит в будущем рассчитывать на готовность к компромиссу и со стороны коммунистов в чем-то другом⁴³. Такая позиция Антала, допускавшая большую вероятность того, что президентом в таком случае может стать коммунист, хотя и демократически настроенный и с реформаторскими взглядами, вызывала воинствующее недовольство и сопротивление у радикальной антикоммунистической части оппозиции.

В результате при завершении переговорного процесса две оппозиционные партии — ССД и «Фидес», которые до этого не нарушали союза оппозиционных сил, — заявили о своем отказе подписать итоговые соглашения НКС, в которых выражалось согласие сторон осуществить плавный переход Венгрии к парламентской демократии на принципах и условиях совместно выработанных участниками переговорного процесса. Не подписала итоговый документ НКС и Лига независимых профсоюзов, ссылаясь на свой формальный статус наблюдателя в переговорном процессе. Это происходило в условиях, когда ВСРП фактически уже развернула подготовку к выборам своего кандидата в президенты в лице И. Пожгаи, отказываясь при этом от выхода своих парторганизаций с рабочих мест, не желала отчитаться за свою собственность.

Продлившийся до 18 сентября 1989 г. в рамках НКС переговорный процесс тем не менее позволил достичь согласия почти по всем остальным, весьма существенным вопросам обеспечения мирного перехода Венгрии от диктатуры к демократии. В итоге ОКС и ВСРП, как две определяющие стороны самого продолжительного в регионе переговорного процесса, документально изложили согласованные позиции по кардинальным вопросам политических преобразований демократического характера и содержания. Они вместе разработали и в письменном виде представили целый ряд конституционных поправок, направленных на то, чтобы коренным образом изменить характер государственной власти в стране, договорились об учреждении института президентства и Конституционного суда, призванного контролировать действия будущего правового государства. НКС фактически создал новую законодательную базу для демократического перехода и развития, определил конкретные условия и сроки проведения свободных и прямых выборов в парламент страны, внес предложения по регулированию деятельности политических партий, в том числе хозяйственной, модифицировал уголовное законодательство и законы по исполнению наказаний в полном соответствии с условиями правового государства.

Все эти разработанные за три месяца новые законоположения на заключительном пленарном заседании НКС 18 сентября 1989 г. были утверждены организациями, участвовавшими в переговорном процессе. Данным заключительным актом подписания соглашения тихая и мирная «переговорная революция» в Венгрии приближалась к своему завершению. И хотя итоговое соглашение не завизировали ССД и «Фидес», документы НКС сыграли свою решающую роль в том, что страна вскоре смогла выйти на первые свободные парламентские выборы, на которых путем демократического голосования каждый сам мог решать вопрос о новых представителях власти. Вслед за подписанием соглашения участники НКС обратились к главе правительства ВНР с просьбой вынести подготовленные законопроекты, разработанные поправки к законам на утверждение Государственного собрания ВНР, что и было сделано в начале октября 1989 г.

Совместное соглашение участников НКС обязывало подписавшие его стороны провести утверждение этих документов в своих организациях и предписывало всеми «нахо-

дящимися в их распоряжении средствами добиться их вступления в законную силу»⁴⁴. Такое обязательство особую ответственность накладывало на все еще самую многочисленную и могущественную организацию, ВСРП, членами которой являлось подавляющее большинство участников проведенного форума. Вместе с тем нельзя пройти мимо того факта, что в ВСРП еще были весьма сильные позиции тех, кто не соглашался на прекращение деятельности парторганизаций на рабочих местах, не допускал отчетности о партийной собственности и тормозил процесс роспуска «рабочей охраны». По этим вопросам оппозиции так и не удалось договориться с ВСРП, они ставились, обсуждались, но не нашли своего согласованного решения. На НКС так и не было найдено компромиссного подхода и по упомянутому острому вопросу: когда и как проводить выборы президента государства. ВСРП продолжала настаивать, чтобы президента избирали прямым общенародным голосованием, причем до проведения парламентских выборов. В результате вопрос был вынесен для окончательного решения на референдум, инициированный «Фидес» и ССД.

Эти две радикальные антикоммунистические оппозиционные организации, понимали, что при всенародных выборах президента, да еще перед парламентскими выборами, Пожгаи будет избран на этот пост. Но ССД и «Фидес» не желали видеть президентом даже этого наиболее яркого, демократически настроенного коммуниста. По этой причине и добивались избрания главы государства после парламентских выборов и Государственным собранием страны. Отказавшись поставить свои подписи под итоговым документом переговорного процесса, они мотивировали свой поступок нежеланием «заключать пакт» с компартией, «марать руки» сотрудничеством с ней перед выборами. На деле такая политическая линия была явно рассчитана уже на предвыборную кампанию, в качестве пропагандистской акции. К тому же приближалось время атомизации партийно-политического спектра, когда бывшие союзники, добившись общего успеха, начали расходиться с тем, чтобы проверить свои собственные силы в соревновании с другими. В поисках своей идентичности, в политической борьбе за голоса избирателей они вступали в полосу соревнования не только с общим бывшим противником, но и друг с другом.

Говоря об акции ССД и «Фидес», отказавшихся поставить свои подписи под итоговым документом НКС, следует

учитывать, что при этом они не воспользовались своим правом вето, что могло бы свести на нет результаты всех соглашений переговорного процесса. А это лишний раз подтверждает их фактическое согласие с результатами переговоров НКС. Дальнейшие же их действия явно были направлены на то, чтобы не допустить всенародного избрания будущего президента страны, помешать тому, чтобы им стал И. Пожгаи. Воспользовавшись демократическими принципами, принятыми на НКС и получившими затем законную силу, эти две оппозиционные партии вынесли на суд широкой общественности четыре вопроса: 1) должна ли ВСРП выйти с рабочих мест; 2) должна ли ВСРП отчитаться за свою ответственность; 3) следует ли распустить «рабочую охрану»; 4) проводить ли выборы президента после парламентских выборов?⁴⁵ Они просили население дать положительные ответы на все поставленные вопросы. Другая влиятельная оппозиционная сила, ВДФ, призвала своих сторонников воздержаться от участия в голосовании. На общенародном опросе, проведенном 26 ноября 1989 г., большинство венгров высказалось за избрание главы государства после парламентских выборов. На остальные три вопроса также был получен положительный ответ. Референдум таким образом окончательно решил проблемы, по которым в ходе переговоров стороны не могли договориться.

Оценивая суммарные действия основных оппозиционных партий ВНР в 1989 г. на «круглых столах» и после них, следует констатировать, что несмотря на имевшие место разногласия между ними, они совершили настоящий прорыв к подлинной демократизации страны. Объединив свои усилия, организациям «Оппозиционного круглого стола» в диалоге с ВСРП удалось добиться согласия на обеспечение мирных условий перехода к демократии, кардинального слова прежнего монолитного партийно-государственного политического устройства и создания демократического правового государства. НКС тем самым выполнил свою историческую миссию. И в этом сыграли свою положительную роль как умеренные, так и радикальные силы ОКСа, совместно с демократическими силами в ВСРП. Умеренные, подписав соглашение НКС и тем самым взяв на себя обязательства добиваться признания и утверждения краеугольных законов и модифицированной Конституции (которые вскоре после этого практически без доработок были приняты парламентом), внесли решающий вклад в дело возникновения

третьей в государственной истории страны Венгерской Республики, которая была провозглашена 23 октября 1989 года. *Радикалы* же, добившись референдума и призвав население голосовать четырежды «да», открыли прямой и кратчайший путь к свободным выборам. Суммарные действия оппозиционных организаций, таким образом, фактически успешно решили свою исходную задачу, поставленную ОКСом. Предпосылки и мирные условия для проведения свободных парламентских выборов на многопартийной основе и плавный переход к демократии тем самым были обеспечены, как договорными, так и законодательными средствами.

Все политические партии стремительно менявшейся Венгрии в условиях неизбежно надвигавшихся перемен активно включились в предвыборную конкурентную борьбу. ВСРП в новых условиях с неизбежностью столкнулась с целесообразностью изменения своего имиджа и идейно-политической сущности. Этого требовали свободные парламентские выборы и переход к плюралистической демократии. В ходе подготовки к очередному съезду в ВСРП была провозглашена свобода платформ, что и привело к формированию нескольких. Среди них выделялась позиция радикальных партийных реформаторов, добивавшихся коренной политической перестройки. Они объединились с теми силами на правом фланге, кто желал не просто реформирования, но и основополагающей смены модели социализма. Центристские позиции занимало движение «Сплочение за обновление ВСРП» в компартии, а крайне левые догматические силы сплотились в так называемую Единую марксистскую платформу и в «Общество Ференца Мюнниха». В начале октября 1989 г. ВСРП провела свой последний, XIV съезд, на котором фактически самораспустилась. Ее реформаторские силы создали новую партию — Венгерскую социалистическую партию (ВСП). Она хотя и стала преемницей прежней государственной, фактически порвала с ее коммунистической наследственностью в идеологии и политике, отмежевалась от ее ошибок в прошлом и решила начинать с «чистого листа». Эта партия-наследница, наравне с остальными, в большинстве своем новыми политическими партиями, в условиях обострившейся предвыборной конкуренции сумела пройти в парламент, однако не смогла сохранить лидирующее положение в системе многопартийной политической структуры страны. Подлинными фаворитами, настоящими победителями политической борьбы на первых свободных

парламентских выборах весной 1990 г. стали прежде всего две оппозиционные партии — ВДФ и ССД.

Таким образом, с подписанием 18 сентября 1989 г. документов НКС смену государственного строя страны уже можно было считать делом не просто решенным, но и фактически свершившимся. Ведь согласие всех партий и движений документально закреплялось и оформлялось юридическим актом, зафиксировавшим коренные перемены в политической жизни Венгрии. *В политико-институционном* смысле смена коммунистического авторитаризма парламентской демократией стремительно повлекшая за собой и смену всей системы советского типа, была процессом отнюдь не долговременным. В этой сфере, в отличие от экономической, где трансформация затянулась на годы, мирный переходный период в Венгрии завершился в сжатые сроки.

В заключение следует еще раз подчеркнуть огромное значение венгерских «круглых столов», которые не только подготовили условия осуществления указанного перехода, но и разработали конкретные правовые и юридические документы, обеспечившие и гарантировавшие демократизацию всей общественно-политической жизни страны. Эта документальная база практически тут же была утверждена еще прежним Государственным собранием, что позволяет говорить о полном успехе мирной «переговорной революции», которая коренным образом изменила не только политический ландшафт и облик Венгрии, но вместе с тем внесла вклад и в политологическую теорию смены общественных систем. Возвращаясь к изложенному выше, снова напомним о референдуме, проведенном 26 ноября 1989 г., который поставил точку на отдельных нерешенных вопросах переговорного процесса и тем самым позволил сократить путь перехода страны к демократии. Вслед за ним венгерское общество в двух турах свободных парламентских выборов, 25 марта и 8 апреля 1990 г., целиком подтвердило легитимность достигнутых на «Национальном Круглом столе» решений. Новый парламент Венгерской Республики по своему составу и характеру принципиально отличался от прежнего. Ведь 90% депутатов являлись выходцами из партий ОКС, а 10% — из рядов бывшей ВСРП⁴⁶. Они избрали президента в лице писателя Арпада Гёнца, утвердили ответственное правительство страны во главе с Й. Анталлом, которое окончательно

завершило на рубеже XX – XXI вв. процесс смены неотделимого от властной монополии коммунистов социалистического строя на демократический.

¹ См.: Центральная Европа во второй половине XX века. М., 2002. Том второй. С. 392 – 393.

² Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995. С. 45 – 46.

³ См.: 20. századi magyar történelem. 1900 – 1994. Budapest, 1997. 364. old.

⁴ Az MSZMP határozatai és dokumentumai, 1985 – 1986. Budapest, 1987. 271 – 272. old.

⁵ Fordulat és reform. Budapest, 1986; Társadalmi szerződés. Budapest, 1987; Reform és demokrácia. Budapest. 1988.

⁶ *Pozsgay Imre*. 1989. Politikus-pálya a pártállamban és rendszerváltásban. Budapest, 1993. 77. old.

⁷ Elfogyás vagy talpraállítás // Népszabadság. 2002. Szept. 28.

⁸ Magyar Nemzet. 1987. Nov. 4.

⁹ Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991. С. 80.

¹⁰ Там же. С. 81 – 82; Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997. С. 55 – 94.

¹¹ Восточная Европа... С. 83 – 87.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Új Márciusi Front // Magyarország Politikai Évkönyve 1988. Debrecen, 1989. 782. old.

¹⁴ *Колесников С., Шашков Е.* Венгрия: приоритет реформы // Коммунист. 1989. № 6. С. 95.

¹⁵ Восточная Европа... С. 72.

¹⁶ *Lengyel László.* A rendszerváltó elit tündöklése és bukása. Budapest, 1996. 115. old.

¹⁷ Восточная Европа... С. 72 – 79.

¹⁸ *Lengyel László.* Op. cit. 237 – 238. old.

¹⁹ 20. századi magyar történelem, 1900 – 1994. Budapest, 1997. 375. old.

²⁰ Társadalmi Szemle. 1989. Különszám. 1 – 80. old.

²¹ Népszabadság. 1999. Szept. 9 – 10; *Pozsgay Imre.* Op. cit. 169. old.

²² *Kis János.* 1989: vig esztendő // *Beszélő.* 1999. 10. s. z. 23. old.

²³ Magyar Hírlap. 1997. Márc. 24

²⁴ *Kónya Imre.* A megegyezései forradalom // A magyar forradalom eszméi. Eltíprásuk és győzelmük (1956 – 1999). Budapest, 2001, 232. old.

²⁵ Ibid.

²⁶ *Bozóki András.* Az 1987-es kerekasztal-tárgyalások kelet-közép-európai összehasonlításban // A magyar forradalom eszméi. Eltíprásuk és győzelmük (1956 – 1999). Budapest, 2001. 204. old.

²⁷ A rendszerváltás forгатókönyve. Kerekasztal-tárgyalások 1989-ben. (Далее: RF. KAT '89.) Első kötet. Budapest, 1999. 13. old.

²⁸ *Rainer M. János.* Nagy Imre újratemetése – a magyar demokratikus átalakulás szimbolikus aktusa // A magyar forradalom eszméi. 240 – 260. old.

²⁹ RF. KAT '89. 651 – 658. old.

³⁰ *Kis János.* Op. cit. 31 – 32. old.

³¹ RF. KAT '89. 604. old.

³² Ibid. 604 – 608. old.

³³ Közep-Európa mozgásban. Budapest, 1990. 27. old.

³⁴ *Bozóki András*. Op. cit. 206–207. old.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. 204–205. old.

³⁷ *Kónya Imre*. Op. cit. 237. old.

³⁸ Конституция Венгерской Республики // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997. С. 110–111.

³⁹ RF. КАТ '89. 19. old.

⁴⁰ *Magyar Nemzet*. 1999. Márc. 13; *Желицки Б.Й.* Общий кризис «реального социализма» и демократические преобразования в Венгрии // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 67

⁴¹ *Kis János*. Op. cit. 33. old.

⁴² Ibid. 34. old.

⁴³ Ibid. 35. old.

⁴⁴ *Kónya Imre*. Op. cit. 238. old.

⁴⁵ Ibid. 238–239. old.

⁴⁶ Ibid. 239. old.

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПОЛЬШЕ

Демократическая революция 1989 г. в Польше — первая в Центральной и Юго-Восточной Европе. Она значительно отличается от большинства остальных, имеет более длительную историю, иные методы и темпы преобразований. Она была вызвана кризисом авторитарной системы, ее нарастающей неэффективностью и неспособностью удовлетворять растущие потребности и интересы основных групп общества. Системный кризис привел к общественно-политическому конфликту между однопартийной властью и частью квалифицированного рабочего класса, а также основной массой интеллигенции.

Возникновение демократической оппозиции и массового протестного движения «Солидарность»

Затяжной общественный кризис в Польше нарастал со второй половины 70-х годов XX в., а в 80-е годы перешел в хроническую фазу. Широко известна условная формула английского политолога Т.Г. Эша о национальных особенностях революционно-демократических событий: в Польше они заняли десять лет, в Венгрии — десять месяцев, в ГДР — десять недель, в Чехословакии — десять дней, в Румынии — десять часов. В действительности же Польша шла к этому финалу гораздо дольше. Корни «новой Польши» прорастали в очередных этапах эрозии Польской Народной Республики — в кризисах 1956, 1970 и 1980 гг. Каждый из них, хотя и в различной степени, повышал не только степень зрелости гражданского общества в самой стране, но и уровень независимости национального руководства от Москвы.

Со второй половины 70-х годов в Польше начала формироваться единая «демократическая оппозиция» как совокупность людей с неконформистскими взглядами, открыто противопоставлявших себя правящему режиму и стремив-

шихся к радикальным изменениям в политической, экономической и идеологической сферах жизни польского общества. Именно негативное отношение к самой природе политической системы в ПНР, т.е. в первую очередь отторжение авторитарного режима, зависимого в своей политике от СССР, и является главным критерием наметившегося сближения различных направлений демократической оппозиции начала и середины 70-х годов XX в.

Следует отметить особую роль польской интеллигенции и католической церкви в формировании общественного климата в стране, в процессе своеобразной самоорганизации народных масс. Появлению польской оппозиции в немалой степени способствовала либеральная политика социалистического режима в области науки и культуры: предоставление миллионам поляков возможности посещать западные страны, свободная пропаганда «потребительского образа жизни» в государственных СМИ, широкое распространение в Польше западных фильмов и печатной продукции. Войцех Ярузельский впоследствии назвал «тоталитаризм» в польских условиях «дырявым, как дуршлаг» и соглашался с мнением профессора А. Валицкого, который утверждал, что если бы ПНР была страной «более тоталитарной, появление оппозиционных взглядов, их распространение, а впоследствии компромисс “круглого стола” и мирная передача власти стали бы невысказанными даже в самой плохой экономической ситуации»¹.

Благодаря впечатляющим результатам экономического развития в начале «декады семидесятых», улучшению материального положения общества, а также ослаблению многих идеологических запретов команде Эдварда Герека удалось достичь в Польше значительной политической стабилизации. Пятилетие 1971–1975 гг. можно назвать наименее конфликтным периодом в истории ПНР. Однако VII съезд ПОРП (декабрь 1975 г.) неадекватно оценил достигнутый уровень общественного развития Польши. Утверждалось, что в стране уже построены основы социализма со свойственными данному этапу политическими и социально-экономическими структурами, достигнуто морально-политическое единство народа, и в результате была принята программа строительства «развитого социалистического общества».

Результаты выборов в Сейм и воеводские народные советы 21 марта 1976 г., когда за кандидатов Фронта единства народа было подано 99,4% голосов, руководство Польской

Объединенной рабочей партии восприняло как одобрение своей политики всем обществом. Между тем экономическая ситуация в стране в целом ухудшалась и приходила в разительное противоречие с радужными заявлениями руководящей элиты. Уже с 1974 г. проявились первые признаки инфляции, обозначился неконтролируемый рост цен, усилились спекуляция и коррупция. Ряд неурожайных лет, осложнивших положение в сельском хозяйстве Польши, совпал с мировым топливно-энергетическим кризисом, а к концу 1975 г. задолженность капиталистическим странам возросла почти до 8,5 млрд долларов.

В стране явно накапливалось недовольство, чувствительным симптомом чего стали события в городах Радом, Плоцк и на тракторном заводе «Урсус» под Варшавой 25 июня 1976 г. Их непосредственной причиной было намеченное правительством повышение цен на некоторые продовольственные товары с целью создать условия для рентабельности производства основных видов продовольствия. 25 июня, т.е. накануне планировавшегося повышения, на многих предприятиях было неспокойно, в десяти воеводствах были отмечены забастовки и митинги. Забастовщики завода им. Вальтера в Радоме направились к зданию воеводского комитета ПОРП, требуя отмены решения правительства. Контроль над ходом демонстрации был упущен, начались опасные эксцессы, перешедшие затем в ожесточенное столкновение с подразделениями милиции, возведение баррикад и поджоги общественных зданий. Столь же серьезный оборот приняло развитие забастовки на заводе «Урсус». Вечером того же дня правительство было вынуждено заявить об отказе от планировавшегося повышения цен, что позволило избежать дальнейшей эскалации конфликта. В Радоме уволили 939 участников беспорядков, в «Урсусе» — 180.

После рабочих волнений в Радоме, Плоцке и на «Урсусе» прежде довольно аморфные и разобщенные оппозиционные течения начали приобретать определенные организационные формы. Идеологическое «обеспечение» оппозиционных кругов взяла на себя эмиграция, прежде всего польский Литературный институт в Париже и его ежемесячник «Культура», где в 70-е годы XXв. разрабатывались основные идейные принципы, цели и методы организованной политической оппозиции в стране. Именно здесь сначала Л. Колаковским, а затем группой хорошо законспирированных интеллектуалов (так называемое Польское независимое согла-

шение, созданное З. Найдером) была сформулирована самая первая по времени целостная концепция борьбы против существовавшего в Польской Народной Республике строя.

Непосредственно в стране начало организованному оппозиционному движению положил Комитет защиты рабочих (КОР), образованный в сентябре 1976 г. усилиями Я. Куроня, А. Михника, профессора Я.Ю. Липского, Я. Карпиньского и А. Мацеревича для оказания материальной и правовой помощи рабочим и их семьям, пострадавшим за участие в волнениях в Радоме и на «Урсусе». Исходя из признания невозможности изменения политического строя в ближайшем будущем, идеологи КОР стремились найти ту сферу общественного бытия, где желаемые перемены достижимы «здесь и сейчас». Овладение сознанием людей, работа по самоорганизации общества являлись именно такой сферой. Программа действий была определена Адамом Михником как «новый эволюционизм» и предполагала полное отрицание социализма, но не посредством открытой политической борьбы, а путем создания «снизу» широких «анклавов независимости», борьбы за реформы и максимальное расширение прав человека. По сути подобная концепция представлена и в работах Яцека Куроня, выдвигавшего идею «самоограничивающейся революции». В предполагаемом будущем общественном устройстве значительное место отводилось политическому плюрализму. Права и свободы граждан входили в число основополагающих принципов КОРовской идеологии. Самоуправлению, рассматривавшемуся как институт непосредственной демократии, в условиях «реального социализма» отводилась роль инструмента вытеснения и ограничения социалистического государства и партии². Вначале КОР объединял немногочисленную группу интеллигентов и студентов (14 человек в 1976 г., 33 человека в 1980 г.), но за короткое время вокруг него сплотились десятки людей, которые, не являясь членами Комитета, оказывали ему всяческую поддержку. В одном из обращений Комитета к обществу в частности отмечалось: «Опыт декабря 1970 г. и июня 1976 г. показал, что в результате общественного давления возможно склонение власти к уступкам. Однако результаты этих действий оказались кратковременными. Власти очень быстро отнимали у разобщенного общества то, чего ему удавалось добиться. Противостоять этому может только *постоянное, повсеместное и организованное давление*» (курсив мой. — О.М.)³. КОР привлек общественное мнение на сторо-

ну рабочих и тем самым способствовал преодолению существовавших ранее барьеров между ними и интеллигенцией. В сентябре 1977 г., после амнистии работников бастовавших предприятий и возврата их на рабочие места, КОР был преобразован в Комитет общественной самообороны (КОС) – постоянный орган по защите гражданских прав общества, практически ставший координатором оппозиционной деятельности в стране. Обширная издательская деятельность КОС-КОР была направлена на формирование и развитие тех элементов общественного сознания, которые способствовали «духовному освобождению общества от коммунистической идеологии», а также разоблачали деятельность властей и цензуры по нарушению прав человека в Польше⁴. Тем самым КОР стал наиболее влиятельной альтернативной силой в политической жизни страны середины 70-х годов XX в., но силой далеко не единственной.

Процесс углубления политической дифференциации научной и художественной интеллигенции выразился в создании в 1978 г. Общества научных курсов (ОНК) – первой широко действовавшей научной организации в ПНР, которая не признавала монополии государства на науку и образование. В течение трех лет тысячи поляков посещали лекции и семинары ОНК, проводившиеся в костелах. В ОНК сотрудничали Б. Геремек, А. Дравич, Т. Мазовецкий и другие будущие эксперты забастовочных комитетов в Гданьске, Варшаве и Щецине в августе 1980 г. Как отмечалось в Учредительной декларации ОНК 22 января 1978 г., его создатели «хотели выйти навстречу стремлениям расширить, обогатить и дополнить знания, которые оживились с некоторого времени в кругах студенческой молодежи и молодой интеллигенции в Польше». Далее в документе подчеркивалось, что «рождается потребность осознать эпоху и общество, в котором мы живем, а также желание собственного самопознания», что «эти стремления особенно живы в области общественных и гуманитарных наук». Констатировалось также, что «это интеллектуальное оживление и его мотивы – чрезвычайно ценное явление, так как без поиска правды о мире и себе самом не могут формироваться творческие, самостоятельные в гражданском отношении люди»⁵.

В марте 1977 г. было создано «Движение защиты прав человека и гражданина» (ДЗПЧиГ), главная задача которого заключалась в борьбе не только за демократические ценности, но и за национальную независимость. Уже в конце

1978 г. «Движение» раскололось, из него выделилась откровенно националистическая Конфедерация независимой Польши (КНП) во главе с историком Л. Мочульским — страстным приверженцем культа Ю. Пилсудского. Он призывал к созданию независимых общественных органов, которые привели бы страну сначала к двоевластию, а затем и смене общественного устройства при помощи общенациональной забастовки.

Близкие оппозиции взгляды имели представители Клубов католической интеллигенции, формировавшихся вокруг еженедельника «Тыгодник повсехны» и журналов «Знак» и «Вензь».

Еще одной весьма своеобразной формой самоорганизации оппозиционно настроенной интеллигенции явился возникший в ноябре 1978 г. Конверсаторий «Опыт и будущее», в деятельности которого участвовали как члены КОР, так и представители католической интеллигенции, а также либерально настроенные видные деятели ПОРП. Их сближению способствовало постепенно складывавшееся убеждение в невозможности склонить правительство Э. Герека к каким-либо реформам. Результатом явилась деятельность членов Конверсатория вместе с представителями оппозиции в качестве экспертов забастовочных комитетов летом 1980 г.

Конец 70-х годов XX в. ознаменовался также попытками самоорганизации независимого рабочего движения в виде свободных профсоюзов. Так, в декларации Учредительного комитета свободных профсоюзов Побережья в апреле 1978 г. заявлялось, что «широкая демократизация является сегодня абсолютной необходимостью», а все слои общества должны «получить возможность самоорганизации и создания общественных институтов, эффективно реализующих их права»⁶. Однако в целом и рабочее, и крестьянское, и студенческое движения не приобрели в 70-е годы значительных масштабов⁷. И тем не менее значение польской оппозиции возрастало. Активизация ее внутри страны энергично поддерживалась администрацией США. Действуя под лозунгом «защиты прав человека», госдеп старался реализовать свою заинтересованность в том, чтобы в странах Восточной Европы сложились постоянные политические структуры антиправительственной ориентации. Этому способствовал и первый визит в ПНР (июнь 1979 г.) папы римского Иоанна Павла II, поляка по происхождению, который в своих проповедях недвусмысленно поддержал всех тех, кто выступал

против командно-административной системы. Как подчеркивалось в заявлении КОС-КОР, речи Иоанна Павла II в ходе визита о «примате человека» «отвечали глубочайшим духовным потребностям общества, которое не смогло смириться с отсутствием уважения прав личности и прав народа. Наверняка для очень многих людей в Польше, а также за ее пределами, слова папы стали моральной обязанностью для начала или усиления борьбы в защиту этих прав»⁸. Позиция папы привела к «росту духовной независимости польского общества от коммунизма», продемонстрировала стремление «католических масс» к самоорганизации вне существовавших в стране общественно-политических структур⁹. Вот как описывал этот визит Яцек Куронь: «Везде полно радостных людей, ... неслыханно дисциплинированных и сильных... Это уже была не толпа, а организованные сознательные люди... Народ увидел свою силу»¹⁰. Посещение папой Польши дало миллионам поляков возможность пережить ощущение единения и силы, усилить чувство солидарности, уверенности и независимости общества.

Вторая половина 70-х годов явилась началом нового этапа научно-технической революции, когда возникла необходимость адаптации экономики к новым условиям, потребность перехода от экстенсивного к интенсивному типу экономического развития. Однако нежелание руководства скорректировать обнаружившуюся неэффективность своей государственной и партийной политики, отказаться от волюнтаристских методов управления неизбежно вело к отрыву власти от общества. Тем самым был сделан роковой шаг навстречу глубокому экономическому и политическому кризису, самому тяжелому и продолжительному в истории Польши.

События 1980 — 1981 гг. можно назвать наиболее открытым и острым проявлением политического конфликта 80-х, причем решающую его силу составило общественное движение рабочих. Очередная попытка правительства поднять цены на продукты в июле 1980 г. спровоцировала самые крупные забастовки из всех, которые когда-либо возникали в Народной Польше. Сотни тысяч рабочих бастовали в прибалтийских городах Гданьск, Гдыня и Щецин; к ним присоединились шахтеры Силезии и других районов. Примечательно, что на воротах Гданьской судовой верфи в августе 1980 г. рядом с бело-красными государственными знаменами висел портрет папы римского. Религия придавала силы бастовавшим; мессы, исповеди и причастия усиливали чувство независи-

мости от властей, стремление к самостоятельности и ответственности¹¹.

Массовые стачки рабочих летом 1980 г. единым фронтом поддержали все оппозиционные течения страны. Ряд забастовочных комитетов заявил, что протесты рабочих связаны не с отрицанием основ государственного строя, а с неприятием деформаций социализма. При этом доминировала экономическая тематика, и лишь с налаживанием сотрудничества между забастовочными комитетами рабочих и КОС-КОР появились требования политического характера, в частности права создавать независимые профсоюзы, права на забастовку и ослабление цензуры.

В конце концов, с большим сопротивлением Политбюро ЦК ПОРП согласилось с созданием в Польше свободных от влияния партии и государства независимых и самоуправляемых профсоюзов, что являлось главным требованием бастовавших работников Гданьска и Щецина. Следует подчеркнуть, что подобная позиция Политбюро играла важную, если не решающую роль в подписании августовско-сентябрьских соглашений 1980 г. с бастующими (30 августа в Щецине, 31-го в Гданьске, 3 сентября в Ястшембе). В заявлении КОР от 30 ноября 1980 г. это соглашение характеризовалось как «общественный договор», суть которого в «согласии на реальное участие общества в формировании и принятии казавшихся его решений»¹².

Возникновение в ноябре 1980 г. Независимого самоуправления профессионального союза «Солидарность» (НСПС «С») как следствие августовских общественных соглашений нанесло первый удар авторитарной политической системе, основанной на власти одной партии. В программном документе профсоюза говорилось: «"Солидарность" — это наиболее существенное завоевание польского общества, это пример самоорганизации для всех радикальных перемен в отношениях между властью и обществом»¹³. Дискуссии властей с «Солидарностью» сосредоточились на требовании профсоюзов предоставить рабочим право управлять своими предприятиями. Партийная номенклатура сопротивлялась схеме, которая лишала ее права назначать директоров и контролировать кадровую политику. «Солидарность» стала специфической польской формой сопротивления и независимости от социализма. Общество получило представительство, с которым власти вынуждены были считаться. Профсоюз являлся легальной организацией, выступавшей как

оппозиция и как выразитель интересов общества. Сегодня можно с полным правом утверждать, что драматические события «польского лета 1980 г.» означали начало конца «реального социализма» в Польше.

Следует отметить значительную роль польского костела, создавшего условия, в которых деятельность демократической оппозиции и протесты рабочих привели к созданию «Солидарности», или просто «С». Это 10-миллионное движение совмещало функции профсоюзов с демократическими устремлениями и (по понятным причинам не высказывавшимися открыто) со стремлениями к независимости. Анализируя влияние костела на возникновение «С», не следует недооценивать значение двух явлений, изменивших в 60-е и 70-е годы форму польского католицизма.

Первым было сближение католических как светских, так и духовных кругов, объединенных главным образом вокруг движения «Знак» и «Тыгодник Повсехны», ежемесячников «Знак» и «Вензь», а также депутатской фракции «Знак» и клубов католической интеллигенции, и части антикоммунистической оппозиции. Это сближение началось запросом депутатов «Знак» после мартовских событий 1968 г. и приобрело в 70-е годы форму идеологического диалога и сотрудничества в различных мероприятиях оппозиции. *Вторым* явлением было явное религиозное оживление, охватившее в первой половине 70-х годов круги молодой интеллигенции, рабочих и студентов. Можно предположить, что именно из их рядов вышла огромная часть рядовых деятелей «Солидарности». Примечательно, что солидарность в свете социальной католической науки, являющаяся одним из трех принципов общественной жизни, противопоставляется, с одной стороны, индивидуализму, а с другой — коллективизму¹⁴. Коммунисты могли сохранить власть, опираясь только на сильное государство, которому гарантировался приоритет по отношению к обществу и к человеческой личности. В этой ситуации костел еще настойчивее провозглашал идею примата человека и общества перед государством — прежде всего коммунистическим, репрессивным¹⁵. О силе католического костела свидетельствовала высокая численность верующих, повсеместность и открытость религиозной практики, доступ к официальным средствам массовой информации. С 1956 г. существовали подчиненные цензуре, но не государству и партии католические периодические издания и объединения.

Благодаря им наличествовало большее разнообразие сформулированных публично мнений.

В стране наступили месяцы эйфории свободы, взрыва активности общества, надежд на дальнейшие перемены. Вокруг отделений «Солидарности» возникла целая сеть учреждений самообразования, рабочих университетов, где лекции читали независимые ученые, прежде всего историки, экономисты и социологи, так как в этих областях знаний было больше всего «белых пятен». Обрели независимость творческие союзы — писателей, журналистов, кинематографистов. Одновременно с этим росло и напряжение. Получив право на создание независимых объединений, рабочие в массовом порядке стали выходить из старых государственных профсоюзов и вступать в созданную забастовщиками Независимую федерацию профсоюзов «Солидарность». Назначение министра национальной обороны, члена Политбюро ЦК ПОРП Войцеха Ярузельского главой правительства (февраль 1981 г.) общественное мнение в подавляющей своей части встретило одобрительно, поскольку он пользовался репутацией профессионала, сторонника реформ и политических методов разрешения общественных конфликтов. Как генерал писал впоследствии, «взаимная подозрительность стала характерной чертой того времени»; большое несчастье заключалось, по его мнению, в том, что «не был найден общий язык между умеренными силами. Экстремизм и с одной, и с другой стороны терроризировал уже всех, затруднял возможность компромиссных решений». «Солидарность» «шагала слишком быстро, а мы, власть, слишком медленно... В ту пору никто еще у нас не созрел для решений, какие стали возможны лет через семь — восемь»¹⁶.

То, что власти не спешили признать происходившие перемены, их темп и масштабы, продемонстрировал, в частности, IX Чрезвычайный съезд Польской Объединенной рабочей партии в июле 1981 г. Цель его состояла в консолидации рядов партии в трудной обстановке и в разработке программы хозяйственной реформы. В самом ЦК ПОРП происходили конфликты между различными идейными фракциями. Вокруг Станислава Кани, сменившего в 1980 г. у партийного руля Э. Герека, стала формироваться группа коммунистов-реформаторов во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК К. Барчиковским, М. Раковским и первым секретарем воеводского комитета ПОРП в Гданьске Т. Фишбахом. Им противостояли сторонники марксистской ортодоксии Ст. Оль-

шовский, Т. Грабский, Ст. Кочолек. В целом реформаторы в ПОРП были малочисленны и слабо организованы. Выработанная съездом стратегия преодоления кризиса в стране опиралась на два важнейших элемента: демократические реформы и политику широкого национального согласия со всеми слоями польского общества на основе конституционных принципов. Реалисты, прагматики, победившие на этом съезде, считали, что проведение программы далеко идущих реформ, но «находившихся в рамках тогдашнего строя», приостановит кризис. По мнению В. Ярузельского, с перспективы времени видны по меньшей мере два серьезных, проявившихся на съезде, ограничения мысли реформаторского течения в ПОРП: приверженность монополии одной партии на политическую власть и принципу господства государственной собственности¹⁷.

В течение всего 1981 г. власть предпринимала попытки организации правительственно-профсоюзного «круглого стола», но каждый раз эта инициатива отбрасывалась оппозицией из-за опасения, что любой «круглый стол» склоняет к компромиссу, а это означает торможение наступления — главного преимущества «Солидарности». Серьезное беспокойство ситуация в Польше вызывала у Советского руководства. Проявляя понимание трудностей и одобряя идею переговоров и соглашений с оппозицией, Москва призывала действовать решительнее. Так, Л.И. Брежнев в устном послании В. Ярузельскому в ноябре 1981 г., в частности, отмечал: «...дело не должно сводиться только к соглашениям: наряду с мерами по завоеванию на свою сторону широких народных масс и различных политических сил, необходимы решительные действия против открытых врагов народного строя... сейчас создается впечатление, что ставка делается только на первую часть этой двуединой формулы»¹⁸.

С конца июля 1981 г. заметно ухудшилось снабжение населения товарами первой необходимости, ставшее следствием резкого спада промышленного производства и нарушения функционирования экономико-финансового механизма. Это, естественно, отразилось на общественных настроениях, что немедленно использовали в своих целях крайне экстремистские элементы оппозиционного движения. Конфедерация независимой Польши (КНП) организовывала пропагандистские марши в защиту политзаключенных, региональные профобъединения «Солидарности» — массовые демонстрации, в Варшаве 3—5 августа водители городского

транспорта под нажимом «С» заблокировали центр города и т.д. Неуправляемость радикального крыла «С» становилась очевидной. Премьер-министр В. Ярузельский заявил, что положение в стране опасно обострилось.

В такой обстановке в Гданьске состоялся 1-й съезд «Солидарности» (5 – 10 сентября; 26 сентября – 7 октября). Принятая на этом съезде программа – строительство солидарного общества и самоуправляющейся Речи Посполитой – не оставляла сомнений в направленности всей деятельности профобъединения: противостояние существовавшей общественной системе и Польской объединенной рабочей партии как ее ключевому элементу. Вместо централизованного партийно-государственного аппарата предусматривалась модель «самоуправляющейся демократической Польши». Программа объединяла различные идейные течения: социалистическое, католическое социальное, а также польские традиции независимости. Основу экономической системы должны были составить предприятия, управляемые рабочими советами и директорами, избранными на конкурсной основе. Демократизм самоуправляющейся республики гарантировался мировоззренческим, социальным, политическим и культурным плюрализмом. Важным моментом съезда явились выборы руководящих органов «С» и ее председателя. В острой борьбе с бескомпромиссно настроенными конкурентами (Я. Рулевский, А. Гвезда и М. Юрчик) победил Лех Валенса, занимавший в основном центристские позиции.

Правительственная коалиция восприняла итоги съезда «Солидарности» с большой обеспокоенностью. Принятые им документы однозначно расценивались как выражение линии на конфронтацию и подрыв конституционных основ народного строя. Политбюро ЦК ПОРП отреагировало заявлением от 16 сентября: «Победила линия на формирование оппозиционной политической организации, которая поставила четкую цель – захват власти и смену общественно-политического строя в Польше»¹⁹. По мнению М. Раковского, съезд передвинул «С» в плоскость конфронтации с ПОРП и социалистическим государством, причиной чего он считал «глубокое проникновение в "С", прежде всего в многотысячную массу активистов профсоюза КОС-КОР, Конфедерации независимой Польши и других антисоциалистических групп и формирований, которые на самом деле стремились к захвату власти»²⁰. Эта обеспокоенность возрастала тем больше, чем яснее становилось, что страна погружается

в состояние анархии. Требования «С» становились более радикальными, а забастовки происходили все чаще, хотя руководство профсоюзов во главе с Л. Валенсой и церковь, поддерживавшая «С», старались не допускать действий, которые могли бы спровоцировать ввод советских войск в Польшу. В результате допущенных обеими сторонами ошибок положение в стране ухудшалось с каждым днем. Ни одной из них не удалось в этот период избежать взаимных провокаций и споров по самым незначительным поводам. Конфронтационно настроенные как в правящем лагере, так и в стане оппозиции силы объективно создавали механизм, который неизбежно вел к столкновению. По определению В. Ярузельского, «поздней осенью 1981 г. уровень предубежденности и недоверия достиг апогея. Разум отходил на второй план. Верх брали эмоции»²¹.

В рядах ПОРП усилилось недовольство руководящими органами партии, действовавшими недостаточно энергично. 18 октября 1981 г. на IV пленуме ЦК первым секретарем был избран генерал В. Ярузельский, сохранивший за собой посты премьер-министра и министра национальной обороны. В декабре «Солидарность» сделала шаг, который польские коммунисты уже не смогли принять: профсоюзы потребовали проведения референдума по вопросам о руководящей роли компартии и отношений между Польшей и Советским Союзом. Военное решение проблемы встало в повестку дня.

Курс команды Ярузельского на реформы, «улучшающие» социализм, и деятельность антиПОРПовских сил

Высшее политическое и государственное руководство осознавало как неспособность остановить нарастание в обществе деструктивности политическими средствами, так и отсутствие шансов на отсрочку по долгам у западных кредиторов, не говоря уже о возможности вооруженного вмешательства извне. Оно признало оптимальным выходом из ситуации (своего рода «меньшим злом») введение в беспокойной, грозящей внутренним взрывом стране военного положения: в ночь с 12 на 13 декабря 1981 г. по решению Государственного совета ПНР всю полноту власти принял Военный совет национального спасения под председательством Войцеха Ярузельского. Деятельность общественных организаций (за исключением политических партий правительственной коали-

ции) временно приостанавливалась, лидеры «Солидарности» и другие оппозиционеры были интернированы.

Планируя реализацию подобной акции, коммунистическое руководство придавало большое значение настроениям в обществе. Преследуя, в частности, задачу «поставить противника в компрометирующее положение», оно распространяло протоколы закрытого заседания президиума общепольской комиссии «Солидарности» в Радоме 3 декабря 1981 г., на котором фактически обсуждался вопрос о захвате власти. Следует признать, что эти пропагандистские усилия приносили определенные результаты, доказательством чего стала фиксация социологами снижения поддержки «Солидарности» с 74% во второй декаде сентября 1981 г. до 58% во второй половине ноября того же года, при одновременном росте доверия к правительству с 30% до 51%. Представляется, что результаты исследований общественного мнения сыграли существенную роль при принятии соответствующего властного решения. Оценивая в январе 1982 г. это решение Госсовета, мнения опрошенных разделились следующим образом: одобряют — 51%, не одобряют — 37%, затруднились с ответом — 12%²².

Военное положение оказало влияние на убеждения и политическое поведение людей. Следовало сделать выбор между полной лояльностью, отказом от политической жизни или конспиративной деятельностью. Психологическим результатом стало укоренение представления о делении на «власть» и подчиненное ей «общество» как главном политическом конфликте.

Размышляя впоследствии о событиях того времени, В. Ярузельский в своей книге «Военное положение. Почему...» отмечал, что военное положение, хотя это и звучит парадоксально, очистило путь к диалогу. «В определенном смысле, — подчеркивал генерал, — оно заморозило общественно-политический уклад, сформировавшийся на рубеже 1980 — 1981 гг., перенесло его в другое историческое время и геополитическое положение, в условия, в которых идея национального согласия стала единственной дорогой решения польских дел»²³. А 1981 г., по его словам, — это другая эпоха, общество тогда еще не созрело для исторического компромисса.

Однако некоторые исследователи полагают, что поражение генерала подтверждает то, что через восемь лет этот вопрос фактически в той же плоскости снова встал на повест-

ке дня. На взгляд же автора этой главы, более логичным можно считать мнение о «спасительном характере» данного решения, позволившего под «зонтиком» военного положения делать относительно плавные, быть может, не очень заметные для глаза стороннего наблюдателя, но все же реальные шаги в направлении перехода к демократии. Если, например, главной целью введения военного положения считалась ликвидация «Солидарности» как организованный оппозиции, то она была реализована только наполовину. «С» проиграла первое сражение, но не позволила низвести себя до размеров группки диссидентов доавгустовского периода 1980 г.

Немалая часть активистов «С» и антиправительственных организаций, избежавших интернирования, стала действовать в подполье и эмиграции. В апреле 1982 г. была создана Временная общепольская координационная комиссия (ВКК) в составе региональных лидеров, известных своей непримиримостью: З. Буяк (Варшава), Б. Лис (Гданьск), В. Хардек (Краков) и В. Фрасынюк (Вроцлав). Они хотели добиваться легализации «С», освобождения интернированных активистов профсоюза и всех тех, кто был осужден по политическим мотивам. Но массовой поддержки они не получили. Сказывалась психологическая усталость общества, испытывавшего тяжелые потрясения.

Временная координационная комиссия, отражая имевшиеся внутри «С» полярные концепции, сформулировала основные направления ее деятельности в условиях «подполья». К ним относились: 1) бойкот любых организаций и институтов, поддерживавших существовавший строй и «имитировавших настоящую общественно-политическую жизнь», в том числе выборы, официальные мероприятия, правительственные профсоюзы — так называемая стратегия «отказа»; 2) борьба за улучшение условий труда и увеличение зарплаты трудящимся (лучшим средством для этого называлась забастовка); 3) формирование независимого общественного сознания с помощью нелегальных источников информации. Все эти три направления соответствовали концепции «долгого марша к свободе» и «подпольного общества». Наконец, 4) подготовка к проведению общенациональной забастовки, что стало определенной уступкой сторонникам нанесения по существовавшей в стране системе власти одноразового мощного удара²⁴. Победило умеренное течение в «С», выступавшее за «долгий марш». Стратегия «отка-

за», как представляется, имела наиболее существенное значение для дальнейшего хода политических процессов. Следствием ее явилось угасание институтов, призванных олицетворять собой «новую социалистическую демократию», а также ускорение эрозии системы, важной составной частью которой они должны были быть. Эту позицию профсоюза Л. Валенса назвал «одной из крупных заслуг движения».

Акцентировались также издательская, просветительско-образовательная и культурная формы деятельности. Так, в мае 1982 г. в одном из воззваний ВКК «С» к ученикам и учителям региона Мазовше по вопросу строительства структур независимого просвещения, в частности отмечалось, что «их задачей является создание вне школы широкого движения независимого образования, которое представляет одну из важнейших составляющих Движения солидарности, как и независимая литература, независимая информация и независимая социальная помощь... Там должны познаваться те вопросы по истории, литературе и общественным наукам, которые фальсифицируются, представляются односторонне или опускаются в школах по идеологическим и политическим соображениям»²⁵. Наиболее демонстративным выражением протеста против политики властей стала поддержка «С» деятелями культуры, в частности бойкот ими средств массовой информации, а также фильмов, театральных постановок, государственных галерей (актерский бойкот, например, продолжался весь первый год военного положения).

Позиции «Солидарности» в обществе не выглядели в тот период однозначными: сообщения с мест и предприятий чаще свидетельствовали о безразличном отношении трудящихся, в том числе и бывших членов «С», к подпольной деятельности. Подобные выводы часто расходились с излишне оптимистичными оценками в нелегальной прессе. По официальным же данным, за 4,5 года военного положения служба безопасности раскрыла 1600 оппозиционных групп и 1200 нелегальных типографий, конфисковала 5 млн листовок и публикаций «самиздата». Можно только предполагать, сколько их не удалось обнаружить. Одно из наиболее читаемых изданий «Тыждник Мазовше» выходило тиражом 40 тыс. экз., а число читателей всей нелегальной прессы составляло около миллиона²⁶.

В ситуации не только отторжения оппозиции от властных структур, но и ее подавления резко возросла общест-

венно-политическая роль католической церкви — последнего независимого от власти открыто функционировавшего института, которая была вынуждена выполнять роль посредника между властью и обществом. Необычайно важными событиями становились проводившиеся ежегодно в различных городах «Недели христианской культуры», служившие поводом для презентации произведений искусства тех деятелей, которые не хотели или не могли использовать официальные пути. Костел как институт и как место деятельности стал прибежищем духа свободы и солидарности для многих людей из мира культуры, искусства и науки, нередко далеких в прошлом от католицизма. Церковь оказывала материальную поддержку, а также покровительство всевозможной независимой художественной деятельности. В то время как церковь предоставляла прежде всего инфраструктуру и некоторую самостоятельность, «С» обеспечивала человеческие ресурсы, генерировала идеи, собирала средства, необходимые для этой деятельности. В «подполье» продолжало работать много так называемых секций науки и образования (созданных еще во время легальной деятельности профсоюза), которые вместе с секцией культуры составляли соглашение, или, как его называли, «консорциум» непосредственно связанных с подпольным руководством «С» организаций: Общественного комитета науки, Комитета независимой культуры и Центра независимого образования. Они координировали и инициировали работу в этих направлениях, в частности создавая независимые университеты по подготовке преподавателей, разрабатывали учебные программы, оказывали финансовую помощь ученым для исследовательских работ. Эта деятельность не могла бы быть столь масштабной без содействия самых разных зарубежных комитетов помощи «С», а также специализированных учреждений, таких как созданный в 1982 г. в Париже Фонд помощи независимой польской литературе и науке²⁷. Часть епископов и ксендзов в своих проповедях открыто поддерживали «Солидарность» и призывали к ее легализации. Однако часть руководства польской католической церкви, в том числе ее глава кардинал Ю. Глемп, проявляя реализм, выступали против дестабилизации ситуации в стране и не прерывали отношений с властями. Следует особо подчеркнуть, что настойчивость костела и подпольной «С» в требовании вновь легализовать профсоюз была, по оценке польского исследователя А. Антошевского, фактором, вызывавшим эрозию политической си-

стемы в значительно большей степени, чем разноплановое давление, оказывавшееся на власть после августа 1980 г.²⁸

Но общественно-политическую жизнь Польши в 1982 г. характеризовали главным образом стабилизирующие факторы. Укрепилось сотрудничество между ПОРП, Объединенной крестьянской партией (ОКП) и Демократической партией (ДП), а также поддерживавшими правительственную платформу обществами светских католиков, которые однозначно высказались за эволюционный путь совершенствования политической системы и общественных отношений, за обновление социализма. Спонтанно возникло патриотическое движение по созданию гражданских «комитетов национального спасения», объединявших членов ПОРП и союзнических партий, беспартийных, светских католиков, на основе чего сложилось массовое Патриотическое движение национального возрождения (ПДНВ). Его цель — «вывести страну из кризиса, укрепить в сознании и общественной практике социалистические идеалы социальной справедливости, народовластия, правопорядка, достоинства человека» (год спустя оно было конституционно оформлено).

К середине 1982 г. удалось приостановить падение национального дохода и промышленной продукции. Не только религиозным, но и политическим событием стал очередной визит в Польшу папы Иоанна Павла II в июне 1983 г. Он дал властям возможность убедиться, сколь велика пропасть, существующая между ними и обществом²⁹. После визита склонность к компромиссу с обеих сторон усилилась. Лидеры «С» открыто заявили о готовности вернуться к прерванному диалогу с властями. Госсовет ПНР принял решение о приостановлении военного положения с 31 декабря 1982 г., свидетельством же дальнейшего нарастания стабилизационных процессов явилась его полная отмена 22 июля 1983 г. Военный совет национального спасения, исчерпав свои функции, был распущен.

Еще с начала 1982 г. в рамках «улучшения», «усовершенствования» социализма в Польше были предприняты попытки экономической реформы (ее «первый этап»). Внутри ПОРП и ее руководящих структур шла борьба между реформаторами, возглавляемыми В. Ярузельским, и консерваторами, которых в первой половине 80-х годов активно поддерживал Советский Союз. Первые пытались осуществить экономические и политические реформы в рамках обновления, совершенствования «реального социализма», вторые же

всячески противодействовали этому. Экономическая реформа преследовала цель создать новый хозяйственный механизм, обеспечивавший рациональность деятельности производственных единиц всех уровней, высвобождавший инициативу и укреплявший чувство ответственности за результаты труда. Составной частью этого механизма должна была стать стратегическая функция центрального планирования. На уровне предприятия реформа заключалась в реализации трех принципов: 1) самостоятельность в принятии решений и управлении, 2) самофинансирование текущей деятельности и 3) самоуправление как форма участия трудового коллектива в управлении производством. Однако практическое применение всех положений новой системы в условиях глубокого нарушения экономического равновесия оказалось нереализуемым. Поэтому для каждого хозяйственного года вводились временные нормативы, ограничивавшие действие реформы в ряде областей. Вместе с тем в 1983 — 1985 гг. экономическая реформа оказала динамизирующее воздействие на развитие народного хозяйства.

Одновременно развернулись реформы в области политики, направленные на либерализацию «коммунистического» режима в рамках «развития социалистической демократии». Активизировались так называемые союзнические партии — Объединенная крестьянская и Демократическая — в определении политики, управлении государством. Эти изменения получили название «коалиционного способа реализации власти». Странники правившей партии объединились на широкой платформе Патриотического движения национального возрождения. К сожалению, ни внешние, ни внутренние условия для проведения реформы не были благоприятными. У власти в СССР продолжало оставаться консервативное руководство, которое с большим подозрением относилось к курсу генерала Ярузельского. Что касается внутренних условий, то здесь можно указать на сравнительно узкую социальную базу власти, сопротивление реформам основной части партийного и госаппарата. В результате, как отмечает российский исследователь Н.И. Бухарин, в 1982 — 1985 гг. удалось достичь лишь определенной модификации командно-административной экономической и моноцентристской политической системы, добиться незначительного повышения ее эффективности³⁰. По мнению М. Раковского, Войцех Ярузельский «поздно понял, что можно было в польских реформах пойти дальше. Что можно было в

год прихода Горбачева, когда уже очевидно стало, что прокладывается новый курс... всерьез заняться улучшением польского социализма... Речь идет о тех реформах, на которые он, в конце концов, согласился. Но было уже слишком поздно»³¹.

В 1986 — 1988 г. начался стремительный процесс расслоения в ПОРП среди партийной интеллигенции на реформаторов и консерваторов. Реформаторы составляли относительно небольшую группу с незначительным уровнем поддержки населения. Они оказались зажаты между консерваторами в собственном лагере, сопротивлявшимися глубоким переменам, и реформаторски настроенной частью общества, которая им не доверяла. Состоявшийся в июле 1986 г. X съезд ПОРП, по замыслу руководства, должен был стать очередным шагом в направлении поиска новых путей и методов решения проблем на пути к нормализации. Но к настоящему перелому, т.е. к признанию за антикоммунистическим оппонентом статуса участника возможных переговоров, власти еще не были готовы.

В этом же году правительство страны провело амнистию всех политических заключенных, позволив различным группам оппозиции, клубам, изданиям и т.д. выйти из подполья. Этот весьма нестандартный для восточноевропейских авторитарных режимов политический шаг впоследствии заложил основу для начала системного диалога с оппозиционными структурами. Интересно отметить, что важную роль в принятии этого решения сыграл доклад так называемой «группы трех» — рабочего органа, созданного по инициативе В. Ярузельского, который являлся одновременно в каком-то смысле аналитическим центром и политтехнологическим институтом (в него входили член ЦК ПОРП Ст. Чёсек, руководитель польской разведки и контрразведки генерал В. Пожога и пресс-секретарь правительства Е. Урбан). Согласно воспоминаниям Е. Урбана, аргументация была примерно следующей: освобождение политических заключенных лишит оппозицию важного лозунга, оно должно улучшить отношения с Западом и помочь добиться отмены экономических санкций. «Речь шла вообще об отказе от тюрьмы как средства политической борьбы. Этим предложением... мы вызывали далеко идущие политические последствия — признание *de facto* оппозиции и ее деятельности»³².

И все же процесс постепенной либерализации системы, обусловленный отчасти изменениями в международной си-

туации, сдвинулся с места. Становилось ясно, что дальнейшее развитие событий в Польше все больше будет зависеть от позиции СССР, где во второй половине 80-х годов XX в. происходили многообещающие перемены.

Те изменения, на которые были способны партийные реформаторы, уже не соответствовали возросшим запросам и устремлениям большинства польского общества. В 1986 г. социально-экономическая ситуация в стране начала вновь ухудшаться. Партийные реформаторы заговорили о «новом этапе социалистического обновления», «втором этапе экономической реформы», главную цель которого определили как создание современного народного хозяйства. В целом он представлял собой не что иное, как очередной шаг эволюционного пути к рынку.

Действия по либерализации экономики и децентрализации управления государственным сектором предпринимались в рамках «второго этапа» реформы в 1987 — первой половине 1988 г. уже правительством профессионального экономиста З. Месснера. Новое руководство считало, что экономическая реформа, улучшив положение в народнохозяйственной сфере, решит и политическую проблему, приведет к исчезновению оппозиции и значения «С». Но только кабинет М. Раковского, ставшего премьер-министром в сентябре 1988 г., решился на радикальные шаги: отход от догмы о примате государственной собственности и центрального планирования, создание условий для иностранного капитала и частного предпринимательства, свободной экономической деятельности. Планировалась реализация идеи «социалистической рыночной экономики» с ограниченным (до 20%) участием частного сектора. Эта программа была близка реформам, проводимым в Венгрии и с 1979 г. в Китае, т.е. реформам «сверху», с сохранением монополии компартии. Правительство Раковского предприняло еще одну попытку улучшения системы. Однако новый кабинет проработал менее года, и очевидно, что за такой короткий срок ему не удалось реализовать свои замыслы. К тому же активизация политических процессов как бы отодвинула экономическую программу правительства М. Раковского на второй план.

С конца 1987 г. Общественно-юридический отдел ЦК ПОРП работал над проектом коренных политических реформ, предусматривавшим либерализацию системы власти. Предполагалось участие умеренной оппозиции во власти, однако оно не должно было подрывать доминирующей роли

компартии. Предусматривалось введение политического плюрализма, подключение оппозиции к механизму осуществления власти, установление парламентской демократии³³ (на этом подробнее остановимся ниже, при анализе предложений правительственной стороны для переговоров с оппозицией). Тем самым коммунисты-реформаторы впервые взяли на вооружение концепцию оппозиции о параллельном проведении реформ в экономической и политической сферах.

Позитивное значение попыток реформирования социализма в 80-е годы состоит и в том, что госпредприятия были вынуждены приспосабливаться к работе в условиях относительной самостоятельности, а их руководители получили первый опыт менеджерской работы. Население научилось жить в условиях свободы ценообразования. Одновременно складывался более либеральный, по сравнению с другими соцстранами, режим отношений с Западом, либеральный внутривнутриполитический порядок, что формировало более благоприятные общественно-политические предпосылки для последующего перехода к рыночным отношениям³⁴.

Середина 80-х годов XX в., совпавшая с периодом относительной стабилизации, побудила идеологов «Солидарности» к поиску новых теоретических и практических решений. Определение дальнейшей стратегии польской оппозиции, выбор между сопротивлением и попыткой включения в легальную общественную жизнь, отношение «С» к обещаемым властями реформам — вокруг этих вопросов с середины 1987 г. велись оживленные дискуссии в подпольной прессе. Прежняя модель деятельности «С» с акцентом на стратегии бойкота истощала себя вместе с процессом известного смягчения «коммунистического» режима после отмены военного положения, однако иной просто не было. «Кажется, что сейчас наиболее прогрессивная часть истеблишмента понимает: классическую систему спасти не удастся; можно выбирать только между ее медленным, но стихийным распадом или контролируемым процессом модернизации», — писал тогда Р. Бугай в ежеквартальнике «21», выражая общее мнение группы так называемых советников «С»³⁵.

Можно ли с этой, наиболее прогрессивной частью аппарата власти прийти к соглашению? Большая часть руководителей «С» во главе с Л. Валенсой, не веря в быстрый распад коммунистической системы правления, искала возможности такого соглашения с властями ПНР, которое сделало бы

реальным легализацию профсоюза и постепенную либерализацию системы. Выразителем этой линии был один из идеологов «С» А. Михник, еще в 1985 г. написавший книгу «Такие времена... Речь о компромиссе», в которой впервые высказался за будущее соглашение, подчеркнув необходимость «компромисса сил, требующих реформы, со склонными к соглашению частями правящего класса»³⁶. Автор исходил из того, что это уже не прежняя деспотическая власть, она сама трансформировалась и способна к предоставлению обществу возможностей проявления своих интересов. Предложения А. Михника поддержала группа политических публицистов во главе с М. Крулем, также выступавшим с аналогичными взглядами. Идея соглашения оппозиции с властью имела традицию среди деятелей «Солидарности» и лиц из оппозиции, близких к ней, часто выступавших в роли экспертов. Не надо забывать, что «С» возникла в результате соглашений руководителей забастовки с представителями власти на рубеже августа – сентября 1980 г.³⁷ После амнистии политзаключенных в сентябре 1986 г. был создан Временный совет «С», который функционировал открыто, хотя и являлся незаконной структурой. Он представлял компромиссное направление в движении, имел возможность действовать в поддержку идеи соглашения. Ставилась задача «возрождения профсоюзного плюрализма и объединений в рамках конституции». «Общество, — отмечалось в программных документах «Солидарности» того периода, — должно получить право говорить собственным голосом, а также обладать правом на независимые объединения. Диалог требует институционализации, но не фасадной»³⁸.

В том же духе высказывались многие деятели и советники «С», в том числе Я. Куронь, Я. Литыньский, Б. Геремек и З. Буяк. Правда, они меньше внимания уделяли анализу шансов соглашения, а больше пробуждению гражданской активности и смелому использованию открытых благодаря либерализации возможностей легальной деятельности. «Закончилось время отрицания, — заявлял Я. Литыньский в «Тыгоднике Мазовше». — Путь к ликвидации системы ведет через выдвигание программы реформ и поддержку всех — независимо от политической окраски — кто эти реформы хочет реализовать»³⁹. Следовательно, сторонники данного курса предлагали всего лишь новую версию стратегии «долгого марша», основанную на прежней философии эволюционных перемен, идущих снизу. Однако, как выяснилось,

ставка на соглашение с «коммунистической» властью оказалась более рациональной.

К 1985 г. доля оппозиции снизилась более чем в два раза по сравнению с началом 80-х годов, когда она охватывала 20–25% взрослого населения. Помог «Солидарности» обрести второе дыхание, поддержал ее волю к сопротивлению третий визит в Польшу в июне 1987 г. Иоанна Павла II. В преддверии его оппозиция выступила с программным заявлением, причем не от имени «С», а от широкой общественности: ученых, общественных деятелей и творческой интеллигенции. В нем речь шла о реализации «основополагающих общественных идеалов». Под этой предельно широкой формулировкой подразумевались исторические традиции и социальное учение церкви. Особо подчеркивалась важность обеспечения свободы слова, собраний, совести, а также требование экономической свободы, трактовавшейся как возможность независимой от государства деятельности в сфере экономики.

В 1987 г. произошли существенные перемены в плане реализации принципа свободы общественной деятельности. Разные группы оппозиции выходили из «подполья», легализуясь де-факто. Возникли независимые хозяйственные объединения, а также дискуссионные политические клубы, различного рода фонды, независимые легальные издательства. В частности, в Варшаве появилось «Экономическое общество», ставившее целью содействие частному предпринимательству и пропаганду идей рыночной экономики; Краковское промышленное общество; Варшавский клуб политической мысли «Дзеканя»; единственное не католическое оппозиционное легальное издание «Res Publica». Для обеспечения координации этих групп оппозиции, в мае 1987 г. Л. Валенса пригласил на встречу 62 их представителя, которые выступили с заявлением, призывавшим власти предпринять диалог с «аутентичными представителями общественных кругов». При этом декларировалось понимание «существующих конституционных условий» (забегая вперед, скажем, что они составили ядро созданного спустя полтора года Гражданского комитета при председателе «С»). Эта группа собиралась еще несколько раз, выдвигая требования проведения реформ в стране. В октябре 1987 г. были распущены все прежние руководящие органы «С» и создана единая, функционировавшая открыто Всепольская исполнительная комиссия. Этап подпольной деятельности фактически завершился.

Политика Валенсы и его ближайших советников, вышедших в большинстве своем из КОС-КОР, критиковалась не только радикальными антикоммунистическими фракциями оппозиции, но и многими деятелями самой «Солидарности». Созданная в марте 1987 г. Рабочая группа Всепольской комиссии объединила в своих рядах нескольких руководителей «С» 1980 – 1981 гг., в том числе А. Словику, М. Юрчика, С. Яворского, А. Гвядзу и Я. Рулевского. Они требовали от Валенсы уважать устав профсоюза и создать Всепольскую комиссию «С» в своем составе как единственный руководящий орган профсоюза. Председатель «С» последовательно игнорировал требования Рабочей группы, ибо ему было выгодно сформировать новый руководящий орган «С», выполняящий его волю.

Одна из главных причин либерализации политической жизни в 80-е годы — непрерывное существование более десятилетия нелегальной прессы в широком масштабе (около миллиона читателей). Вот как прокомментировал этот факт исследователь польских проблем из Великобритании Т.Г. Эш: «Весь мир науки и культуры существует здесь независимо от государства, которое делает вид, что осуществляет над ним контроль»⁴⁰. Такое положение означало, что государственная монополия на информацию была подорвана, цензура значительно смягчена, что имело для государства серьезные последствия. Исключительность такого состояния оценивалась по-разному: одни комментаторы говорили о «пате», другие определяли его как «деавторизацию власти», третьи заявляли о «либерализации польского режима».

К концу 80-х годов XX в. отношение властей к оппозиции принципиально изменилось: они пришли к выводу, что оппозиционеры отражают не какие-то привнесенные извне интересы, а жизненные потребности значительной части польского общества — прежде всего квалифицированных рабочих и солидарной с ними интеллигенции. М. Раковский незадолго до декабря 1987 г., когда он стал членом Политбюро ЦК ПОРП, в секретном докладе отметил: «В сравнении со второй половиной 70-х гг. нынешняя оппозиция количественно и качественно значительно более сильна. Мы не должны забывать, что тогда немногочисленная группа коровцев привела в движение все Побережье (летом 1980 г.). Сейчас главной целью оппозиции является получение законной гарантии своего существования и деятельности...

фактически мы уже признали оппозицию в качестве постоянного элемента на политической карте страны»⁴¹.

Развитие событий в конце 1987 г. еще не предвещало именно такого поворота. Однако постфактум как раз именно это время можно считать началом пути, ведущего к «круглому столу». Переломным моментом для команды Ярузельского стали результаты референдума в ноябре 1987 г., когда общество должно было выразить свое отношение к представленной правительством в Сейм программе: 1) радикального оздоровления экономики и 2) глубоких преобразований политической жизни (о чем речь уже шла выше). Положительно на первый вопрос ответили 66% граждан, на второй — 69%. Но поскольку участие в референдуме приняли только 67,3% граждан, имевших право голоса, то это составляло лишь 44,3 и 46,3% к общему числу всех избирателей. И хотя поражение не было катастрофическим, власть субъективно ощущала, что не обладает необходимой поддержкой. И как следствие — вызванная этим необходимость идти на дальнейшие уступки, расширять социальную базу власти и реформы. По словам Ярузельского, «это был момент если не переломный, то очень важный с политической, общественной и психологической точек зрения»⁴².

«Волшебная» граница, отделявшая либерализацию от демократизации еще не была перейдена, а в окружении первого секретаря ЦК ПОРП рождались новые политические замыслы. Наиболее радикальными можно назвать анализы и предложения, представленные ему осенью 1987 г. М. Раковским. Формула «реального социализма», по его словам, «исчерпала свои возможности», и требовалась более глубокая экономическая реформа, для проведения которой необходимы «преобразования в структуре власти, в том числе легализация оппозиции»⁴³. В этом же русле шли размышления секретаря ЦК ПОРП М. Ожеховского, подчеркнувшего, что «только после определенного времени мы начали отдавать себе отчет, что нельзя изменить экономическую систему без изменения системы политической, что нельзя создать современную рыночную экономику, оставляя анахроничную политическую систему, основанную на руководящей роли одной партии»⁴⁴. В. Ярузельский в это время и позже неоднократно заявлял о необходимости подкрепить реформу экономических структур крупными переменами в польской политической системе. На первое место при этом выдвигалась идея значительно больших, чем прежде, возможностей про-

явления, учета и согласования интересов различных общественных и политических групп, в том числе и оппозиционных, при условии уважения конституционных принципов Польской Народной Республики («модель социалистического плюрализма»).

Подготовка переговоров представителей власти и оппозиции за «круглым столом»

В 1988 г. политический климат в стране вновь начал катастрофически охлаждаться. И как это было уже неоднократно, толчком послужило значительное повышение цен, хотя и объявленное заранее, но, как и предполагалось, приведшее к усилению социальной напряженности. С 1 февраля цены на мясо, копчености, сахар, масло, хлеб повышались в среднем на 40%, квартплата и коммунальные услуги — на 50%, бензин — на 60%. Ожидалось повышение вдвое стоимости угля, электроэнергии и т.д. Прожиточный минимум населения снижался на 36%. Усилилась инфляция, произошло ухудшение рыночной ситуации. Становилось ясно, что основные цели в области цен и доходов не достигнуты. Неудивительно, что, согласно социологическим опросам, 89% населения оценило экономическую обстановку в стране отрицательно. На польскую экономику давила внешняя задолженность, выражавшаяся в астрономической сумме 39,2 млрд долларов.

В это время, в феврале 1988 г., впервые на страницах контролируемого властями журнала «Конфронтацье» публикуется интервью с одним из лидеров оппозиции Брониславом Геремеком. Сам факт его появления свидетельствует о значительной степени либерализации общественно-политической жизни в тот период. Герemek выступил с официальным предложением о заключении «антикризисного пакта». Эта идея уже раньше появлялась в документах «Солидарности» и подразумевала поддержку властей в обмен на «профсоюзный плюрализм». По мнению Геремека, в 1988 г. идея соглашения имела больше шансов, чем в 1981-м. «Опытom общества, — писал представитель оппозиции, — является то, что свои стремления оно должно держать в определенных границах; опытом власти — что без подлинных общественных сил нельзя совершить перелом, которого все хотят»⁴⁵. Развивая идею диалога с властью, Герemek в качестве основной задачи называет общественный плюрализм, понимаемый им

как свобода объединения в неполитические организации и гражданские объединения.

Власти не решались открыто ответить на вызов оппозиции. Осень 1988 г. — время очередных неудач правительственных попыток реформирования экономики. В сочетании с взрывным состоянием общественных настроений подобное положение подталкивало власти к соглашению. В официальной прессе можно выделить два течения — сторонников и противников соглашения, причем достаточно сложно определить, какое из них преобладало.

В августе 1988 г. забастовки приобретали все более масштабный характер. Оппозиция, в феврале приглашавшая власти к диалогу, продемонстрировала свои возможности. Тем самым забастовки стали поводом для начала устойчивого взаимодействия между представителями власти и оппозиции.

«Солидаристская» оппозиция подходила к столу переговоров без ясно очерченной программы. В целом она осознавала необходимость изменения строя как в политической, так и экономической сфере. Для части деятелей и группировок это было очевидно с самого начала их существования, т.е. со второй половины 70-х годов, другие приходили к этой мысли постепенно, все чаще выдвигая требования либеральной демократии, партийного плюрализма, перемен в сфере собственности, независимости, суверенности государства и т.д. При этом обнаруживались различия во взглядах. Не вызвали споров только основные направления перемен, реализованные впоследствии, т.е. парламентская демократия и рыночная экономика, основанная на капиталистической собственности⁴⁶.

Значительные различия многочисленных предложений и проектов, касавшихся будущего строя, имели свои плюсы и минусы. С одной стороны, это можно считать одним из необходимых условий демократии. С другой, как подчеркивает польский исследователь К. Лабендж, следовало ожидать, что имевшиеся разногласия будут затруднять попытки согласования взглядов. Одним из последствий было, например, участие солидаристско-оппозиционной стороны в переговорах «круглого стола» в принципе без такой согласованной программы. И это в ситуации существования многих программных предложений в рамках отдельных группировок и структур. При этом дискуссии о формах и способах деятельности воспринимались как более реалистичные, чем анализ целей и будущего строя⁴⁷.

Единственный официальный документ в этой области — программные тезисы «Самоуправляющаяся Речь Посполитая», принятые на 1-м съезде «Солидарности» в 1981 г. Наметки программы содержались в докладе в 1985 г.: «Польша: 5 лет после Августа». Генеральные цели оппозиционного движения очерчивало, как отмечалось выше, заявление от 31 мая 1987 г. в преддверии визита Иоанна Павла II. К важнейшим принципам строя в государстве были отнесены: национальный суверенитет, демократия и плюрализм, свобода экономической деятельности⁴⁸. Взгляды лидеров оппозиции эволюционировали вместе с меняющимися жизненными обстоятельствами. В конце 1988 г. темп последних значительно ускорился — теоретическая мысль за ними не поспевала.

Вместо альтернативы «быть или не быть» после введения военного положения перед «солидаристской» оппозицией все яснее вырисовывалась новая альтернатива: совместно править или просто сосуществовать? Стремиться к участию в управлении страной или занять место легальной, «конструктивной», но жесткой оппозиции правящей ПОРП? Именно вокруг этой дилеммы формировались новые концепции протестного движения. Так, Я. Куронь выступал не только за присутствие оппозиции в Сейме, но и за ее участие в исполнительной власти. Б. Геремек считал, что легализация профсоюза должна явиться предварительным условием заключения «нового общественного соглашения», которое предполагало подписание трех пактов с властью. Первый из них — «пакт о неагрессии», в котором обе стороны отказывались от действий, направленных друг против друга; второй — новая программа экономической реформы, предполагавшая свободу экономической деятельности; третий — «соглашение по вопросам реформы строя, возвращающей демократический характер польской общественной жизни».

Ось предложений Р. Бугая — разделение общественного пространства на две сферы, управляемые различными законами (заметно влияние взглядов, высказывавшихся ранее Б. Геремеком). Первая — сфера плюрализма — могла стать пространством выражения общественных взглядов. Она допускала идейную и организационную разнообразность. Вторая — сфера монополии ПОРП. Предполагалось, что местом разрешения конфликтов, а также принятия согласованных экономических и общественно-политических решений станет институт, подобный предлагаемому правительственной стороной Совету национального согласия. Речь шла не о

свержении коммунистического правления, а о его «демократизации» — постепенном освобождении очередных сфер общественной жизни из-под монополии ПОРП. Мысль о резервации определенной сферы общественной жизни для коммунистической партии и допущении плюрализма в других пользовалась популярностью среди оппозиционной элиты, естественно, как переходное решение и так называемое меньшее зло. В сравнении с тоталитарной концепцией подчинения всей общественной жизни диктатуре одной партии это был, без сомнения, шаг в сторону демократии. Таким образом, Куронь представил концепцию максимального взаимодействия с властями, Геремек же явился автором формулы «минимального сотрудничества»⁴⁹.

В нелегальной публицистике отмечалось, что в оппозиционной среде преобладало все же настроение осторожности в отношении предложений, исходивших из правящего лагеря. Идея «круглого стола» стала вызывать разногласия и споры задолго до его начала, появились обвинения в предательстве и коллаборационизме. В упреках по существу отмечалось, что власть, призывая к диалогу, стремится в первую очередь реализовать собственные цели, противоречившие интересам общества. Соглашение, по мнению представителей оппозиции, может усилить власть, укрепив ее легитимность, приведет к расколу «С» и оппозиции⁵⁰.

Соглашаясь на переговоры за «круглым столом», оппозиция принимала во внимание как внешние (Польша как часть советской сферы влияния, отсутствие ясности в допустимой с точки зрения интересов СССР границе перемен), так и внутренние (реальная власть коммунистов, слабость оппозиционных структур, вынужденных находиться в подполье, неконтролируемая забастовочная ситуация) условия. К тому же в среде оппозиции «КОРовского» происхождения существовало опасение, что после падения социализма на польской политической сцене будут доминировать националистические и христианско-демократические силы правого толка, а также убеждение в правильности собственных целей и тактических положений.

Следует отметить большую роль католической церкви в подготовке переговоров за «круглым столом». Им предшествовал неафишируемый, трудный диалог власти с представителями костела, продолжавшийся более семи лет. Костел видел свою миссию в примирении двух противников — с одной стороны, правящих сил, а с другой — «разгоряченного»

общества. Архиепископ Домбровский мотивировал позицию церкви следующим образом: «когда общество лишено своей субъектности (т.е. возможности выражать собственные интересы. — О.М.) и даже голоса, тогда по необходимости костел должен был их заменить, одновременно готовя почву для общественно-политического диалога». Католический костел своими инициативами и длительными переговорами с властями заложил основы принципов, на которых мог возникнуть «круглый стол»: необходимость введения плюралистичной системы и сдержанного подхода к решению проблем⁵¹.

В начале августа 1988 г. варшавский «Клуб католической интеллигенции» под влиянием иерархов церкви принял решение, чтобы его председатель А. Стельмаховский через секретаря ЦК ПОРП Ю. Чирека установил контакт с В. Ярузельским. 24 августа Стельмаховский передал Чиреку подготовленную им и Б. Геремекон записку, содержащую предварительные предложения тем для обсуждения за «круглым столом». Следует отметить, что термин «круглый стол» впервые ввел во время VII пленума ЦК ПОРП в июне 1988 г. В. Ярузельский, говоря о необходимости открытой дискуссии различных кругов над новым Законом об объединениях. Два месяца спустя этот термин поддержали Б. Геремек и А. Стельмаховский, значительно расширив при этом сферу предлагаемых переговоров. Планировалось обсуждение трех групп вопросов: 1) профсоюзный плюрализм, под которым подразумевался способ легализации «С» на основе Закона о профсоюзах; 2) общественно-политический плюрализм, за этим термином крылся масштаб будущих легальных клубов и политических объединений; 3) антикризисный пакт, или определение вектора необходимых экономических реформ⁵². 25 августа Л. Валенса выступил с заявлением, которое подготовили Б. Геремек, А. Михник, А. Стельмаховский и Т. Мазовецкий и которое в целом повторяло предложения Стельмаховского в записке для Чирека. 26 августа Политбюро ЦК ПОРП обсуждало заявление Л. Валенсы и пришло к выводу, что оно может стать исходным пунктом для предварительных переговоров, вести которые поручалось министру внутренних дел генералу Ч. Кищаку. Тем самым Ярузельский давал понять широким партийным кругам, что начало переговоров не является капитуляцией властей.

31 августа, в восьмую годовщину подписания августовских соглашений, в Варшаве, на Заврате, состоялась неофи-

циальная, секретная встреча министра внутренних дел Чеслава Кищака и лидера «С» Леха Валенсы. Первого сопровождал член Политбюро ЦК ПОРП Ст. Чёсек, второго — ксендз епископ Е. Домбровский. В кратком коммюнике резюмировалось, что обсуждались условия организации встречи «круглого стола» и ход его проведения. Кш. Дубиньский, обращаясь к своим записям в ходе неофициальных встреч Кищака и Валенсы, отмечает, что в ходе этой первой встречи власти представили Валенсе суть проблем, определивших характер всех переговоров за «круглым столом» и содержание подписанных соглашений. Это был пакет политических и общественно-экономических реформ, включая новый Закон о выборах. Кищак заявил, что власти рассматривают вопрос о создании второй палаты парламента. Предметом обсуждения за «круглым столом», на его взгляд, могло бы стать определение места «конструктивных оппозиционных кругов» в политической системе страны, в том числе проблема будущего профсоюзного движения. Валенса в свою очередь подчеркнул, что так как польское общество плюралистично, то нужно создать условия для объединения в рамках плюрализма, а также определить барьеры, которые затормозили бы его деструктивную роль. «Мы разделены, — говорил Валенса, — но это не такое деление, как в 1980 — 1981 гг. Мы сделали выводы и прежней дорогой больше не хотим идти... Польша одна, общая и мы не хотим ее будоражить... Ни правительство, ни "С" не могут быть ни победителями, ни проигравшими, так как это снова приведет к дестабилизации... Вопросы "круглого стола" важны, но самый важный из них — о "Солидарности"»⁵³. Таким образом, уже в ходе первой встречи определился главный предмет спора, который в течение нескольких месяцев будет затягивать начало «круглого стола».

16 сентября 1988 г. состоялись первые расширенные переговоры представителей ПОРП, Объединенной крестьянской партии, Демократической партии, Всепольского соглашения профессиональных союзов (ВСПС — объединение легальных, официальных профсоюзных организаций на предприятиях и в учреждениях, а также отраслевых профсоюзов, созданное в ноябре 1984 г. в противовес нелегально действовавшим профорганизациям запрещенной «С»), «Солидарности» и костела в Магдаленке — центре МВД, расположенном недалеко от Варшавы. Название этой местности приобрело впоследствии значение символа, означавшего не-

официальные переговоры представителей власти и оппозиции. Этот чрезвычайно трудный процесс переговоров следует разделить на два отдельных этапа. Первый — попытки диалога, направленные на организацию встречи сторон за «круглым столом», а второй — на решение трудных проблем уже в ходе самих переговоров.

ПОРП готовилась к переговорам с оппозицией очень серьезно. 10 октября 1988 г. в ЦК был представлен документ «Изменения в политической системе государства». В нем утверждались следующие принципы: руководящая роль ПОРП, общественная собственность на основные средства производства и система международных союзов. Власти соглашались с наличием лояльной оппозиции, организованной в объединения, однако не допускали учреждения новых политических партий, считая, что социалистическая система исключает соперничество партий за власть. Планировалось создать новые государственные институты: Совет Национального Согласия (СНС), Сенат и пост президента ПНР. Предполагалось, что СНС сформируется из трех частей: треть его членов должны составить представители ПОРП и ее политические союзники; треть — деятели «политического центра»; треть — конструктивная оппозиция. Что касается Сената, одна треть сенаторов назначалась президентом, а две трети — влиятельными общественными организациями. Для представителей «центра» и «оппозиции» в Сенате предусматривалось до 50% мест. Коалиции ПОРП, ОКП и ДП гарантировалось большинство в Сейме. Ключевая роль в этой системе отводилась президенту, неизменно члену ПОРП, избираемому парламентом или специальными выборщиками, его каденция — 7 лет. В число его компетенций входили, в частности: роспуск парламента, издание постановлений и декретов, назначение выборов, принятие решения о военном и чрезвычайном положении, формирование и отставка правительства с согласия Сейма. Несмотря на многие новые предложения основной принцип гегемонии коммунистической партии оставался неизменным⁵⁴.

Как уже отмечалось, оппозиция не имела ни четко сформулированных взглядов, ни планов в отношении переговоров. Встреча (13 октября 1988 г.), в которой приняли участие, кроме «Солидарности», целый ряд других оппозиционных группировок (Федерация «Освобождение», Конфедерация независимой Польши, Либерально-демократическая партия «Независимость», Польская социали-

стическая партия, «Борющаяся Солидарность» и др.) также ни к чему не привела⁵⁵.

Двусторонние подготовительные переговоры проходили с большим трудом и неоднократно прерывались. 29 октября 1988 г., когда правительство подписало документ о ликвидации Гданьской судоверфи, дошло до классического «пата», преодолеть который в очередной раз помог костел. На конфиденциальной встрече 4 января 1989 г. правительство, намереваясь получить одобрение церкви, проинформировало ее о своих планах провести досрочные выборы, заключить политический контракт с оппозицией, в соответствии с которым «С» могла легализоваться в обмен на прекращение забастовок. Костел, с одной стороны, поддержал необходимость проведения «круглого стола», с другой — настороженно встретил намерения правительства, отклонив взаимодействие на выборах, пообещав при этом отказаться от их бойкота. Примечательно, что ни одна из сторон не проинформировала об этой встрече общественность, решив сохранить ее в тайне⁵⁶.

Программой дискуссии сопутствовали организационные приготовления оппозиционной стороны. 18 декабря 1988 г. представители интеллектуальной и политической элиты оппозиции, признававшей лидерство Валенсы и его умеренную стратегию, нацеленную на соглашение, в пятый раз (начиная с мая 1987 г., как отмечалось выше) собрались в варшавском костеле. Здесь при председателе «Солидарности» создается Гражданский комитет из 135 человек — коллективный партнер правительства в переговорах «круглого стола». М. Круль назвал его «теневым кабинетом». Появление нового органа в рамках «С» представляло выгодный противовес Всепольской исполнительной комиссии, где не всегда взгляды председателя профсоюза встречали единодушное одобрение. Соответствующим образом подобранный состав комитета приводил к тому, что в ходе дискуссий о дальнейшей стратегии деятельности «солидаристской» оппозиции верх одерживали сторонники далеко идущего соглашения с властями ПНР. Такую позицию представляли, в частности, Б. Геремек, М. Круль, А. Михник, Т. Мазовецкий, А. Веловейский, Я. Куронь, С. Братковский и др. В состав Гражданского комитета не вошли представители многих оппозиционных кругов, что в будущем стало одним из источников острых споров в кругах «солидаристской» части оппозиции. В рамках Гражданского комитета было создано

15 комиссий, назначены их председатели для проведения подготовительной работы к переговорам «круглого стола». В ответ в этот же день в Гдыни заседала уже упоминавшаяся так называемая рабочая группа Всепольской комиссии «С» — конкурировавшая со сторонниками Л. Валенсы нелегальная структура. Эти радикально настроенные деятели объявили бойкот «круглому столу», призывали к силовой конфронтации с существующим режимом. Такие взгляды находили поддержку определенной части рабочих, особенно молодых, для которых события восьмилетней давности были окружены ореолом романтики.

Эти круги не могли быть партнером по диалогу по нескольким причинам. Они были слишком радикальны, выражали крайне негативное отношение к системе, что делало невозможным какие-либо контакты с властью. По мнению польского исследователя А. Пачковского, «в определенном смысле они играли по отношению к председателю роль, подобную той, какую играло по другой стороне баррикады ВСПС (Всепольское соглашение профсоюзов). На их фоне... сторонники Валенсы представлялись как сила умеренная и склонная к сотрудничеству»⁵⁷. Определение состава оппозиционно-«солидаристской» делегации являлось также в известной степени результатом внутреннего соперничества. Политики и исследователи, трактующие «круглый стол» как «контролируемый отход» со стороны коммунистов, считают, что подбор представителей с оппозиционной стороны также контролировался властью. Предполагалось, что по ту сторону сядут те, которым можно было отдать в конце концов власть, так как они смогут предотвратить общественный взрыв недовольства и успокоить массы, но также и сохранить основные интересы правивших прежде⁵⁸.

Две забастовочные волны (в апреле и августе 1988 г.) продемонстрировали нарастание общественного недовольства. Спонтанные выступления рабочих стали, как уже было в истории Польши (1956, 1970, 1980 гг.), импульсом, вынуждавшим партийное руководство к переменам. Забастовки пользовались поддержкой значительной части общества (62,4% считали требования бастующих справедливыми, а сами забастовки поддерживали 53,2%). За возвращение легального статуса «С» высказались 78% опрошенных, доверие правительству оказали 51%, а ПОРП — лишь 26%⁵⁹. Тем самым на протяжении всех 80-х годов страна оставалась «дремлющим вулканом».

С осени 1988 г. чрезвычайно ускоряется развитие политических процессов в связи с кристаллизацией линии реформаторского крыла ПОРП на углубление демократизации общества. Следует отметить решающую роль реформаторски настроенной части партийной интеллигенции в программно-теоретическом обеспечении «круглого стола». Политический перелом принес состоявшийся в декабре 1988 — январе 1989 г. в два тура X пленум ЦК ПОРП. Речь М. Раковского, согласованная с В. Ярузельским, явила собой политическое наступление партийных реформаторов. Премьер решительно защищал идеи «круглого стола», определяя последний как «попытку заключения генерального соглашения с конструктивной оппозицией», т.е. с той, которая «стремится реформировать отношения в Польше без свержения существующего строя». Глава правительства говорил о необходимости компромисса, о перспективе разделить ответственность с оппозицией с целью добиться массового общественного доверия. «Конфликты затормозили бы экономические реформы и инициированные партией общественно-политические перемены», — подчеркивал он⁶⁰. Партийные реформаторы с большим трудом (В. Ярузельский, Ч. Кишак, Ф. Сивицкий и М. Раковский были вынуждены заявить о намерении уйти в отставку), но все же сумели провести резолюции о политическом, а также профсоюзном (фактически означавшем повторное вхождение «Солидарности» в политическую систему) плюрализме. «ЦК видит потребность и возможность включения в политическую систему конструктивной оппозиции..., подчеркивает непосредственную связь создания новой формулы политического плюрализма и новой модели профсоюзного плюрализма с развитием общественного диалога и строительством прочного широкого национального соглашения...». За «круглым столом» должны быть определены его организационные формы, а также «согласованы условия, способы и календарь введения профсоюзного плюрализма и открытия пути для создания новых профсоюзов, в том числе "С"», — отмечалось в документах пленума⁶¹. Решения пленума были восприняты в широких кругах партии неоднозначно. Уже сам способ их принятия (отсутствие широкой дискуссии в партии, своеобразный «шантаж» руководства, грозившего подать в отставку) свидетельствовал о том, что руководящая группа отдавала себе отчет в отсутствии поддержки со стороны большинства рядовых членов партии. С другой стороны, возрос радикализм

той части оппозиции, которая выступала против соглашения с коммунистической властью.

Окончательное согласованное решение о проведении заседаний «круглого стола» было принято 27 января 1989 г. на вилле МВД в Магдаленке. Участники подготовительных переговоров (главными «переговорщиками» являлись Ч. Кищак и Ст. Чёсек — с одной стороны, Л. Валенса, Т. Мазовецкий, Л. Качиньский, Б. Геремек, А. Стельмаховский — с другой) заявили в коммюнике: «После согласования формулы общественного соглашения мы обратимся в Государственный совет с предложением изменить закон о профсоюзах и за "круглым столом" определим время начала создания "Солидарности"». Таким образом, было выполнено ключевое для оппозиции требование ясной декларации намерения властей легализовать «С». Власти согласились на более масштабные общественно-политические перемены по сравнению с теми, которые обсуждались на Гданьской судовой верфи в августе 1980 г.: решения касались не только легализации «С», но и участия оппозиции в официальной политической жизни, против чего ранее столь жестко выступали властные структуры. Иными, чем в 1980 г., являлись и формы ведения переговоров: оппозиционеров не сопровождали бастовавшие, а переговоры не транслировались. Не будучи делегатами, они чувствовали себя свободными от давления коллектива; временно отменялись демократические критерии, действовавшие в ходе августовских забастовок, а тем более в «С» в 1980 — 1981 гг.⁶² «Недемократичной и неконституционной» назвал «Магдаленку» исследователь М. Гендек. Коммунисты разделили власть с определенной общественной группой. При этом общество не до конца осознавало, о чем ведутся эти переговоры, так как располагало всего лишь фрагментарной информацией, а его согласия никто не спрашивал⁶³. Сложную обстановку переговоров 27 января характеризует информация, представленная генералом Ч. Кищаклом в Политбюро: «Переговоры длились 11 часов и проходили в нелегкой, моментами драматической атмосфере. Они неоднократно заходили в тупик. Перелом явился результатом гибкости правительственной стороны, примирительных усилий епископа Гоцловского, а также реализма и явного желания диалога со стороны двух главных переговорщиков, представителей "С" — Тадеуша Мазовецкого и Бронислава Геремека»⁶⁴.

Таким образом, обе стороны (самая сильная в Восточной Европе оппозиция в лице «Солидарности» со сплоченной,

хорошо организованной структурой, с харизматическим лидером и реформаторское крыло в ПОРП, победившее благодаря решительной позиции команды Ярузельского) выразили заинтересованность в спокойном, эволюционном ходе политических и экономических преобразований.

Ход переговоров за «круглым столом», итоговые соглашения и их значение

Официальные переговоры между сторонами политического конфликта, проходившие с 6 февраля по 5 апреля 1989 г., стали первыми после введения военного положения в Польше. За «круглым столом» заседали 56 человек, в том числе 14 от коалиции (ПОРП, Объединенная крестьянская партия, Демократическая партия, Объединение Пакс и др.), 20 от оппозиции, 6 от Всепольского соглашения профсоюзов, 14 «независимых авторитетов» (5 из них делегировал Гражданский комитет) и 2 представителя костела. Главными участниками с партийно-правительственной стороны выступали Ч. Кищак, Ст. Чёсек, А. Квасьневский и Л. Миллер, на втором плане маячили Н. Козакевич (ОКП), Я. Яновский (ДП), А. Мёдович и Р. Сосновский (ВСПС); «солидаристскую» оппозицию представляли Лех Валенса, Бронислав Геремек, Тадеуш Мазовецкий, Адам Михник и Яцек Куронь. Транслировавшееся по телевидению и радио торжественное открытие заседаний имело прежде всего театрализованное назначение, поскольку стратегические решения, как отмечалось выше, были приняты несколькими днями ранее в Магдаленке.

Выступавший первым Чеслав Кищак предложил, чтобы предметом переговоров стал пакет реформ политической, общественной и экономической жизни. Для будущего функционирования государства ключевое значение имел, по мнению генерала, проект «неконфронтационных» выборов в Сейм Польской Народной Республики, в котором учитывалось бы представительство более широких, чем прежде политических ориентаций: «В результате новый парламент имел бы более плюралистичный характер»⁶⁵. Второй составляющей соглашения могла стать экономическая модель, делавшая возможным достижение экономического равновесия, сдерживание инфляции, решение вопроса о задолженности, преобразование структуры экономики и ее развитие. Однако это требовало общественной поддержки и разделе-

ния ответственности за проведение реформ с оппозицией. Третьим элементом предлагавшегося соглашения являлся профсоюзный плюрализм. «Если за “круглым столом” мы выработаем и официально подтвердим консенсус в отношении идеи неконфронтационных выборов, а также поддержки проектируемых политических и экономических реформ, то станет возможным безотлагательное обращение в Государственный совет с предложением принять закон, отменяющий блокаду профсоюзного плюрализма на предприятии»⁶⁶. Выступая с этой декларацией, Ч. Киштак определял основу проектируемого соглашения: «что-то за что-то».

«Сторона, которую я представляю, принимает все предложения, выдвинутые генералом, как программного, так и организационного характера», — отвечивал Лех Валенса. Иначе говоря, контракт, заключенный на встречах в Магдаленке, получил публичное подтверждение. «Время политической и общественной монополии подходит к концу. Необходимо такая перестройка, которая государство одной партии сделает государством народа и общества», — продолжал лидер «Солидарности». Он требовал легализации не только собственного профсоюза «С», но также «Солидарности земледельцев» и Независимого союза студентов, более того — законодательных гарантий для свободы объединений, независимости судов, плюрализма мнений в средствах массовой информации и местного самоуправления. Этот комплекс требований составлял официальную программу оппозиции, которую она намеревалась реализовать за «круглым столом». В экономических вопросах Валенса высказался за глубокие реформы, «которые выведут экономику из-под политической монополии номенклатуры, предоставят равные права всем видам собственности, вернут права рынку»⁶⁷.

Первое и последнее заседания, действительно, состоялись за круглым столом. Кроме этого работа проходила в комиссиях, подкомиссиях и рабочих группах. Сопредседателями главных комиссий являлись Я. Рейковский и Б. Геремек (по вопросам политических реформ), А. Квасьневский и Т. Мазовецкий (по вопросам профсоюзного плюрализма), В. Бака и В. Тшечачковский (по вопросам экономики и социальной политики); в роли наблюдателей участвовали представители католической церкви. В целом в разных формах работы «круглого стола» приняли участие 452 человека.

Переговоры проходили очень напряженно — ведь это был политический торг за окончательные контуры реформ,

и в их успешном финале немаловажна роль «Магдаленки», ставшей своеобразным «подпольем» «круглого стола». Здесь согласовывались спорные вопросы, выяснялись намерения сторон, изыскивались способы избежать подводных рифов. Конфиденциальность заседаний и постепенное преодоление взаимного недоверия создавали атмосферу поиска соглашения в качестве высшей ценности для блага страны. Всего за время заседаний «круглого стола» пять раз собирался полный состав «Магдаленки», пять раз заседали сопредседатели рабочих комиссий, один раз состоялось заседание группы, редактировавшей «общественное соглашение» и один раз — группы, подготавливавшей «Магдаленку». Если к этому добавить постоянные контакты по организационным и техническим вопросам, то следует отметить, что конфиденциальное течение переговоров «круглого стола» было столь же широко и интенсивно, как и сами переговоры⁶⁸.

С точки зрения дальнейшего хода событий наиболее существенное значение за «круглым столом» имели политические реформы (правда, в экономической сфере многих коренных вопросов решить не удалось, и это, возможно, один из парадоксов «круглого стола»: ведь в годы, предшествовавшие соглашению, лидеры оппозиции постоянно твердили, что его основой должны стать экономические вопросы, так как именно в этой области существует реальная общность интересов). Первое заседание Комиссии по вопросам политических реформ состоялось 10 февраля. «Речь идет о том, — заявлял ее сопредседатель Януш Рейковский, — чтобы отойти от моноцентричной системы и создать условия для развития самоорганизующегося гражданского общества»⁶⁹. При желании можно было бы найти в этой формулировке сходство с оппозиционной концепцией безотлагательного введения перемен, создающих условия для дальнейших реформ. Состав представительских институтов должно определять свободное волеизъявление избирателей, — продолжал Рейковский, — однако так, чтобы не угрожать «основным конструктивным принципам системы», которые выражают интересы «очень важных общественных групп». Перемены, достижимые сразу же, — это модификации в составе парламента: отказ ПОРП от большинства мандатов и присутствие «в значительном количестве» оппозиционных представителей. В качестве гаранта стабильности системы предлагался институт президента.

В ответ Б. Геремек подчеркнул, что исходным пунктом «круглого стола» — наряду с общим кризисом «коммунистической» системы (распадом «гулаговской модели правления») — был лозунг «Нет свободы без "Солидарности"» и рабочие забастовки 1988 г. Следовательно, политический календарь перемен должен открываться легализацией «Солидарности». Чтобы ее возвращение на легальную сцену не вызвало конфликтов, следует реформировать государство. Представитель оппозиции назвал четыре условия его демократизации: реформа законодательства и судопроизводства и прежде всего независимость судей; отказ от монополии власти в средствах массовой информации, а значит, доступ к радио и телевидению и основание ежедневной газеты оппозиции; свобода создания объединений; формирование территориального самоуправления. Конечный горизонт — это «страна полностью демократическая, живущая со своими ближними и дальними соседями в дружбе, управляемая в соответствии с волей народа, выраженной в демократических выборах, в модели... полной политической свободы»⁷⁰. Такая принципиальная перестройка должна происходить постепенно и не создавать национальной угрозы. Ключевым вопросом являлись гарантии безопасности для «очень важных общественных групп», о которых от правительственной стороны говорили Я. Рейковский и К. Ципрыняк. Успокоению номенклатуры много слов и энергии посвятили Я. Куронь и особенно А. Михник. Его концепция «испанского пути» представляла приглашение «либерального» крыла партии к компромиссу, подобного тому, который франкистский режим заключил с испанской демократической оппозицией.

14 февраля пресс-секретарь правительства Е. Урбан заявил, что партия стремится к «полной представительской демократии и плюрализму с легальным участием оппозиции в политической и государственной жизни»⁷¹. Он не скрывал, что причиной этого является холодный расчет. Власти хотели избежать синдрома 1981 г., когда «Солидарность» объединила все общественные устремления, став «конфронтационной политической акцией». Помешать этому призвана была легализация оппозиции, введенная одновременно с профсоюзным плюрализмом. Оппозиции, разумеется, конструктивной, т.е. принимавшей в принципе власть ПОРП и склонной к сотрудничеству. Пресс-секретарь правительства подчеркивал, что предложение представляет единый неделимый пакет. «Если будет заключено рамочное соглашение о

совместной деятельности по выходу Польши из экономических трудностей и о постепенном характере политических перемен, в том числе о неконфронтационных выборах — то только тогда легализованный профсоюзный плюрализм и развитый политический плюрализм смогли бы выполнить свою конструктивную роль». Эта декларация не содержала новых предложений или элементов торга, но ее форма показывала, что в кругах элиты власти прокладывало себе путь прагматичное мышление.

В высказываниях главы по пропаганде вообще не появилось слово «социализм», и это также было сигналом к происходившим сдвигам. Но не следует этого переоценивать. Так например, выступление Я. Рейковского прозвучало в совершенно ином тоне. В интервью для газеты «Политика» сопредседатель Комиссии по вопросам политических реформ твердо акцентировал стабильность социалистического строя, которая не может ставиться под сомнение. «Принципы строя определяются не на выборах. Судьба капитализма ни на каких выборах не решалась», — заявил он⁷². Стабильность строя в Польше гарантирует марксистская партия. «Не забывайте, — подчеркивал профессор, — что ПОРП не является партией в традиционном смысле этого слова. ... Партией, которая должна ... передавать власть в зависимости от результатов выборов. Она является (так исторически сложилось) главным гарантом политического порядка — основой стабильности государства». Партийный переговорщик подчеркивал «социалистический демократический порядок», развитие территориального самоуправления, перспективу нового, плюралистического закона о политических партиях. Сутью его высказываний, опубликованных спустя несколько дней после начала заседаний «круглого стола», стало предостережение: факт, что партия согласилась на легализацию оппозиции, не означает отказа от гегемонии ПОРП в политической жизни. На эту тему ясно высказывалась «Трибуна люду», напоминая участникам «круглого стола» о необходимости «соответствия» очередных реформаторских шагов общественно-политическим реалиям ПНР. «Выборы в Польше могут происходить между конкурентными программами, но находящимися в рамках существующего строя, — писал комментатор органа партии. — Выборы, угрожающие его свержением, были бы вызовом для стабилизации в нашей стране»⁷³.

Таким образом, власти хотели склонить оппозицию к участию в так называемых неконфронтационных парламентских выборах, что являлось бы вступлением к встраиванию ее в политическую систему ПНР, не нарушавшему фундаментального принципа — руководящей роли ПОРП в государстве. Наиболее острые споры велись по трем вопросам: закона о выборах, компетенций президента и соотношения полномочий Сейма и Сената. «Солидаристская» сторона априори согласилась на недемократический характер выборов (т.е. на предварительное разделение мест в парламенте), требуя, однако, чтобы этот закон касался только одной каденции парламента, т.е. четырехлетнего периода. Власть, в свою очередь, придавала значение не только соответствующему разделению мест в парламенте, но и тому, кто конкретно будет представлять в нем оппозицию. Неконфронтационный характер выборов призван был обеспечить так называемый Всепольский список, включавший наиболее влиятельных представителей обеих сторон. Из-за решительного отпора с «солидаристской» стороны эти планы не реализовались, но власти оставили в законе положение о всепольском списке, составленном только из коалиционных кандидатов. И, как будет показано ниже, это оказалось фатальной ошибкой.

Еще более негативные последствия для ПОРП и ее союзников имело предложение, с которым выступил 2 марта в ходе заседаний в Магдаленке А. Квасьневский. Желая преодолеть тупиковую ситуацию, сложившуюся при обсуждении разделения мандатов в Сейм, а также порядка выборов и сферы власти президента, которого коалиционная сторона хотела наделить широкими полномочиями, Квасьневский предложил проведение полностью свободных выборов в Сенат. «Расстановка, стало быть, такая — вторая палата избирается на полностью демократических выборах, Сейм — в соответствии с контрактом. И вместе они выбирают президента?» — уточнил Б. Геремек⁷⁴. Эту идею, не согласованную ранее с Ярузельским и другими членами руководства ПОРП, моментально подхватила другая сторона, которая увидела в этом шанс на создание — независимо от сильно ограниченной роли Сената — органа власти полностью представительного характера. После некоторых колебаний правительственно-коалиционная сторона поддержала предложение Квасьневского. Согласие основывалось на выражении, в частности Ст. Чёсеком и Е. Урбаном, убеждении, что

кандидаты, представлявшие проправительственные группировки, займут около половины мест в Сенате⁷⁵. Этот расчет опирался на то, что «С» получит поддержку только в больших городах, а в менее урбанизированных районах победят кандидаты правящего лагеря. Шансы коалиции должно было увеличить предложенное ею непропорциональное разделение мандатов на избирательные округа: от каждого воеводства, независимо от количества жителей, избирались по два сенатора. Это отдавало предпочтение малым, сельскохозяйственным воеводствам, где власти надеялись на победу. Несмотря на многочисленные попытки, «С» не удалось связать количество мандатов с численностью жителей воеводства. Единственная уступка со стороны властей — согласие на компромиссное предложение Т. Мазовецкого о выделении для Варшавского и Катовицкого воеводств трех мест в Сенате⁷⁶. Таким образом, общее количество сенаторов составило 100 человек.

Согласие властей на свободные выборы в Сенат склонило представителей оппозиции к одобрению компромиссного разделения мандатов в Сейме. Вместо предлагавшейся «Солидарностью» прежде формулы 60 : 40 было выражено согласие на пропорцию 65 : 35. Это означало, что 65% мест в Сейме (299 мандатов) априори гарантировались для членов ПОРП, ОКП, ДП и трех проправительственных католических организаций (Объединения светских католиков «Пакс», Польского общественно-католического союза и Христианско-общественного союза), а за оставшиеся 35% (161 мандат) развернулась бы борьба беспартийных кандидатов. Стороны обязывались не проводить негативной избирательной кампании. Вот как это сформулировал Я. Куронь на заседании в Магдаленке 8 марта: «Есть два элемента негативной избирательной кампании, от которых стороны отказываются: расчет с прошлым и персональные атаки на кандидата»⁷⁷.

Серьезные противоречия проявились 8 марта в Магдаленке, когда поднималась тема Согласительной комиссии. Квасьневский предложил, чтобы это был институт, гарантирующий соблюдение контракта, заключенного за «круглым столом». С необходимостью внепарламентского форума разрешения конфликтов и «соглашения сил, участвующих в реформах», оппозиция была склонна согласиться на переходный период. В то же время резкое сопротивление вызвало предложение Чёсека, чтобы Комиссия официально опре-

делила политический раздел мандатов в Сейме. «Мы признаемся, что теряем невинность, а вы хотите *сказать*, что мы ее теряем, за это благодарим вас», — красочно описал возражения своей стороны Куронь⁷⁸. Таких шуток было в тот день много, но спор касался важного вопроса. Речь шла о том, чтобы представить общественности участие в недемократических выборах как элемент торга, цены, которую «С» платит (неохотно) за свое существование. Ведь оппозиция соглашалась на попрание собственных принципов, но обосновать это могла только вынужденностью в ходе переговоров, как необходимое условие компромисса. Принятие формального решения о разделе мандатов только Согласительной комиссией нивелировало связь между вопросом выборов и легализацией «С», представляло вынужденное согласие оппозиции в качестве акта свободного выбора. Коммунисты именно этого и добивались, но оппозиция не могла позволить себе такого рода подозрения. Ее публичный образ — единственный реальный капитал, которым она обладала, — уже поблек из-за самого факта начала переговоров с партнером, лишенным благонадежности. Чем дольше велись дебаты во дворце в Краковском предместье, чем чаще на экранах телевизоров появлялись руководители «С» в обществе своих партийных собеседников, тем более стирались различия между обеими сторонами. Оппозиция опасалась, как бы компромисс не превратился незаметно в компрометацию. Однако по вопросу разделения мандатов в Сейме оппозиции удалось избежать политических сетей. Было решено, что этим вопросом займется Госсовет на основе соглашений «Круглого стола», что определит приложение к Закону о выборах⁷⁹. Очередной порог на пути к соглашению удалось преодолеть; тайная дипломатия выполнила свою задачу.

Теперь вставал вопрос о посте президента. Для ПОРП облаченный широкими полномочиями президент представлялся главным гарантом сохранения влияния коммунистов, и единственным возможным кандидатом на этот пост виделся Войцех Ярузельский. Об этом открытым текстом говорил Ч. Кишак во время встречи в Магдаленке 2 марта. Он предлагал избрать президента Сеймом еще в прежнем составе, возможно, с участием представителей воеводских Народных советов. «Установление и создание уже сейчас поста президента предоставило бы гарантии того, что дальнейшие демократические перемены в функционировании социали-

стического государства не приведут к его дестабилизации», — объяснял он намерения своей стороны⁸⁰. Оппозиционная сторона холодно встретила предложения властей. «Такой президент, о котором мы слышали от господина генерала, был бы, очевидно, пожизненным, — отреагировал Л. Валенса. — Он мог бы уйти только под угрозой расстрела». Б. Геремек выступал за всеобщие выборы президента и ограничение его полномочий по роспуску парламента, а также за приостановление президентом партийной принадлежности на время его каденции⁸¹. Это, разумеется, было неприемлемо для правительственной стороны. В связи со столь решительной позицией коалиции, противоположной стороне оставалась единственная возможность использовать вопрос президентуры при обсуждении (в ходе торга) наиболее спорных вопросов. Отсюда появилось предложение оппозиции избирать президента на всеобщих выборах. Оно было неприемлемо для власти, но сам факт его выдвижения поставил «солидаристскую» сторону в выгодное положение. В конце концов было установлено, что Президент ПНР будет избираться на шестилетний срок Национальным собранием (объединявшим обе палаты парламента). «Им важно было... создать такой институт, который станет прямым продолжением власти партии», — подчеркивал впоследствии Б. Геремек⁸². Оппозиции пришлось согласиться, так как она считала это все же переменной к лучшему. Шансы на определенное выравнивание сил в новой системе виделись ею в наиболее широких прерогативах Сената, избранного полностью на свободных демократических выборах и призванного стать действенным представительством народа. Для правительства единственным возможным кандидатом мог быть только В. Ярузельский. «Солидаристская» же сторона выступала категорически против. «Согласиться с кандидатурой Ярузельского на посту президента означало бы одобрение военного положения, а это для "С" неприемлемо... Дело не в самой личности генерала, а в символе. Люди скажут, что мы продались коммунистам», — заявлял А. Михник. «Личность генерала — это ключ к успеху, — парировал А. Квасьневский. — Только он может убедить партийные кадры»⁸³.

Ход мысли лидеров оппозиционной стороны подробно изложил Яцек Куронь 8 марта в «Тыгоднике Мазовше». Главный его тезис содержался в заглавии: «Вместо революции». Автор считал, что причиной, склонявшей коммунистов к соглашению, является поражение прежней системы,

попытка спасти собственные позиции в реформируемой стране и страх перед «вторжением народа во дворец». Последнее, кстати, автор считал нежелательным. «Задача людей, действующих в политике, — сделать все, чтобы переворот заменить процессом», — утверждал Я. Куронь. Участие оппозиции в парламенте является для правящего лагеря гарантией спокойного хода перемен, а для его партнеров — шансом повлиять на их направление. Для усиления своей позиции, ослабленной отступлением от абсолютного преобладания депутатов от ПОРП в Сейме, коммунисты потребовали для себя президента с сильными полномочиями. Взамен власти предложили свободные выборы в Сенат, отказавшись от одной из догм. Показывая таким образом динамику переговоров, Куронь признавал, что наступило изменение философии представителей «С» — от простого возврата утраченного, т.е. новой легализации «С», к вовлечению в процесс демократизации и к формированию нового порядка⁸⁴. Каковы же горизонты экономических перемен? По его мнению, следует бороться с инфляцией, но еще важнее — постепенное введение элементов рынка и уравнивание экономики. «Даже если бы экономисты смогли доказать, что быстрый путь к равновесию — единственный, это путь, который может вызвать общественный взрыв». Подобным образом тогда мыслило большинство оппозиционной элиты. Проект «шоковой терапии», введенный в жизнь спустя год Л. Бальцеровичем, еще в начале 1989 г. в идейном и политическом отношении был неприемлем не только для рядовых членов профсоюза, но и для их лидеров. Примечательна следующая мысль Куроня: «Мы должны следить за тем, чтобы в процессе приближения экономики к рынку ... номенклатура не трансформировалась в класс капиталистов, чтобы смена форм собственности в экономике была наиболее справедливой в социальном отношении. Поэтому столь большое значение мы придаем самоуправлению». Лозунг социальной справедливости успокаивал его совесть, но оказывал слабое влияние на действительность. Однако эти вопросы, как известно, не обсуждались ни за «круглым столом», ни в Магдаленке. Политические торги без остатка занимали повестку дня — в идейной дискуссии не была заинтересована ни одна из сторон.

Существенным элементом переговоров за «круглым столом» стал вопрос о времени его окончания и, соответственно о сроке проведения ближайших выборов в Сейм. «Нас

беспокоит поспешность, которую навязывает правительственная сторона, — говорил А. Михник на заседании в Магдаленке 17 марта. — Не вижу возможности все завершить к началу апреля. Ситуация не созрела для контракта». В ответ Ст. Чёсек заметил: «Я знаю одно, что шанс не повторится, а ситуация, в которой возможно достижение соглашения, становится все более хрупкой. До осени нам не хватит сил ее удержать». Секретарь ЦК объяснил, что соглашение с оппозицией вызывает все большее возражение в руководстве партии; посвященное этому вопросу заседание Политбюро длилось целых 12 часов. «Торможение в отношении пакета политических вопросов будет означать отбрасывание той линии в руководстве, которая делает ставку на соглашение», — вторил ему Вл. Бака. Правительство, находившееся под давлением ухудшавшейся экономической ситуации и общественных настроений, считало, что следует спешить с завершением работы, если выборы планируются на июнь. «У меня тоже есть свое Политбюро», — отпарировал Б. Геремек, противясь форсированию работ⁸⁵. Таким образом, проведение выборов в ближайшее время было скорее выгодно власти, располагавшей сильным административным аппаратом. В более трудной ситуации оказывалась оппозиция, вынужденная вести избирательную кампанию в сжатые сроки, располагая ограниченными средствами. Если коммунисты стремились к быстрому соглашению, увенчанному голосованием, то оппозиция явно нацеливалась на затягивание всего процесса, но не до бесконечности. Обе стороны боялись нетерпения собственной политической базы, которая могла отказать в поддержке диалога и шаткой готовности к соглашению.

Острые споры велись по политическим вопросам вплоть до последнего дня работы «круглого стола». Так, 1 апреля была вынуждена состояться очередная встреча в Магдаленке. Коммунисты по-прежнему не соглашались ни на аннулирование статьи 52а кодекса правонарушений (позволявшей проводить репрессии за независимую деятельность и не восстанавливать на работе уволенных после введения военного положения), ни на предлагавшееся оппозицией большинство в две трети голосов, необходимое для отклонения вето Сената. «Мы не уступим в вопросе 2/3, — объяснял А. Михник. — Для нас не идет речь о принятии власти, мы хотим, чтобы правительство хотя бы немного считалось с общественным мнением»⁸⁶. В самом деле суть заключалась в

сохранении равновесия, правда, хрупкого, между Сеймом, Сенатом и президентом. В такой расстановке только Сенат мог, по мнению переговорщиков с «солидаристской» стороны, представлять интересы общества, и следовательно, цель оппозиции заключалась в максимальном увеличении полномочий Сената и ограничении власти президента. Опасения лагеря власти выразил А. Гдула, указывая на непрочность союза с Объединенной крестьянской партией и Демократической партией. «Ситуация может сложиться так, что ПОРП будет опираться в парламенте на собственные силы», — сетовал Ст. Чёсек⁸⁷.

Разногласия, выявившиеся в ходе дискуссий в Комиссии по делам политических реформ, касались также принципов, на которых должен быть основан будущий строй (солидаристско-оппозиционная сторона предложила возврат к принципу суверенности народа, а коалиционно-правительственная — к принципу разделения властей), а также очередности перемен. Как констатировалось в итоговом документе, коммунисты намеревались реформировать систему «сверху»: «срочный характер носят решения, касающиеся высших государственных властей, и лишь от нового парламента следует ожидать перемен в других сферах общественной жизни». Оппозиция же считала, что начинать надо «снизу»: «наиважнейшее значение имеет введение механизмов демократизации наиболее широкого размаха и что достичь этого можно немедленными решениями, касающимися судопроизводства, средств массовой информации, территориального самоуправления»⁸⁸.

В результате дискуссии *о политическом плюрализме* на «круглом столе» правительственная сторона согласилась на: 1) практическую реализацию этого принципа, «выражающегося прежде всего в праве свободно объединяться — в рамках демократического конституционного порядка в политических, общественных и профессиональных организациях». Это означало институционализацию политической оппозиции в Польше, неконфронтационные выборы в Сейм ПНР в ближайшем будущем (не позднее июня), участие оппозиции в представительских структурах, переоценку отношений в сфере правящей коалиции; 2) реализацию принципа профсоюзного и общественного плюрализма, т.е. легализацию новых союзов, в том числе НСПС «С», что составляло одну из основных проблем, для обсуждения и решения которых собрался «круглый стол», создание условий для

свободной организации общества⁸⁹. Легализация «Солидарности» произошла 17 апреля 1989 г. решением воеводского суда в Варшаве. Следует подчеркнуть, что и здесь не обошлось без уступок со стороны оппозиции. Устав НСПС «С» был дополнен приложением, приостанавливавшим статьи, противоречившие закону о профсоюзах 1982 г., в частности право на забастовки. Такое решение впоследствии резко критиковалось радикальными деятелями профсоюза и легло в основу создания в феврале 1990 г. конкурентной «Солидарности 80», решительно отбрасывавшей закон времен военного положения и заключенные в нем ограничения права на забастовки. Через три дня после регистрации «С», 20 апреля 1989 г. был легализован также Независимый профсоюз индивидуальных земледельцев «С».

В торжественной обстановке 5 апреля 1989 г. состоялось заключительное пленарное заседание «круглого стола». В том же зале, где два месяца назад начинались заседания, собралось 57 человек, в том числе 25 представителей «С». Первым выступил Чеслав Кищак. «Мы, — отметил он, — представили совместное видение реформированной общественно-политической системы, основой которой является гражданское общество, государство социалистической парламентарной демократии... Мы заявляем о желании добросовестно выполнять соглашение, которое сегодня символически заключаем». Выступавший вторым Лех Валенса напомнил, что в послевоенной истории звучало много красивых слов, «за которыми скрывалось вероломство, насилие и беспомощность народа». Поэтому оппозиция стремилась к конкретным требованиям: легализации «Солидарности», Солидарности земледельцев и Независимого союза студентов. «Тем самым, — заявил Валенса, — мы достигли необходимого минимума для вступления на путь демократических перемен... Мы хотим нормальной жизни. Этому должны служить реформы... Считаю, что заседания "круглого стола" могут стать началом пути к демократической и свободной Польше»⁹⁰. Таким образом, в выступлениях сторон проявились различные ожидания, касавшиеся будущего. Ч. Кищак делал акцент на точном соблюдении заключенного соглашения; «социалистический» контур парламентаризма, достигнутый в ходе переговоров «круглого стола», являлся, согласно пониманию генерала, прочной перспективой для Польши. А Л. Валенса не скрывал, что амбиции оппозиции идут дальше, что эти «контуры строя» — лишь переходное состояние

между социалистической системой и полной демократией. Иными словами, если для коммунистов подписываемое соглашение служило пределом перемен, то для оппозиции — их началом.

К *главным итогам «круглого стола»* можно отнести следующие: «Солидарность» признавалась в качестве независимого профсоюза; оппозиция принимала участие в выборах, но 65% мест в Сейме резервировалось за Польской объединенной рабочей партией и ее союзниками (Объединенной крестьянской и Демократической партиями); полностью свободные выборы проводились во вновь учрежденную высшую палату парламента — Сенат; как дополнительная гарантия для правящего лагеря вводился предусматривавшийся для коммунистов пост президента, обладавшего широкими полномочиями; оппозиция обязывалась отказаться от призывов к забастовкам и поддерживать правительственный курс на реформы; договоренности принимались на четыре года, после чего планировалось проведение полностью свободных выборов в парламента.

Коалиционно-правительственная и солидаристско-оппозиционная стороны, как отмечается в итоговом документе, пришли к соглашению, что 1) целью заключенного компромисса является «независимая, ... демократическая и экономически сильная Польша»; 2) реформы будут проводиться эволюционно; 3) будущая политическая система должна осуществлять «принцип суверенности народа, что означает политический плюрализм, свободу слова, демократический порядок формирования всех представительских органов государственной власти, независимость судов, территориальное самоуправление»; 4) «основой демократизации структур на всех уровнях станет разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную»⁹¹.

Таким образом, в «Соглашениях круглого стола» предусматривалось присутствие оппозиции на общественной сцене и связанное с этим разделение ее ответственности с властью за дела в стране. Создание Сената явилось уступкой властей оппозиции, так как при благоприятном для нее исходе выборов она могла получить большинство в Сенате и тем самым использовать возможность блокировать законы и поправки к ним. Пост президента должен был уравновесить создание в качестве уступки требованиям оппозиции Сената. Президент брал на себя компетенцию Госсовета и получал новые полномочия, в частности возможность распускать

парламент, отказывать в подписи закона, используя право вето. Основной успех оппозиции заключался, разумеется, в легализации «С», а также «Солидарности земледельцев» и (после долгих колебаний) Независимого союза студентов. «С» и объединенные вокруг нее деятели получили частичный доступ к радио и телевидению, стали издавать официальные печатные органы. Первый номер «Газеты выборов», редактируемого А. Михником ежедневника, вышел в свет 8 мая 1989 г. И хотя цензуру полностью не отменили, поле ее деятельности не только существенно сужалось, но сама она становилась значительно менее жесткой. Это было меньше, чем требовал Л. Валенса во время первого пленарного заседания «круглого стола», но значительно больше, чем профсоюз добился в 1981 г. Уступки властей польской католической церкви были не меньшие, нежели «солидаристской» оппозиции: законодательно признавалась независимость костела, что являлось свидетельством отказа от коммунистических принципов деятельности государства, не признававшего прав независимых субъектов.

Если с точки зрения ортодоксальных коммунистов происходящее было настоящей революцией, то для оппозиции — первым приближением к демократии, оплаченным упреками совести. Колебания представителей «Солидарности» до начала переговоров касались прежде всего вопроса политической платы за легализацию профсоюза, т.е. участия в недемократических выборах. В ходе переговоров эта позиция изменилась — проигрышная цена соглашения в глазах оппозиционной элиты трансформировалась в неожиданное вознаграждение. В перестройке системы они увидели шанс для себя; масштаб успеха выборов в июне доказал правильность расчета. Очевидно, это крупнейший парадокс «круглого стола».

Часть деятелей оппозиционных сил, которых не допустили к участию в «круглом столе», стали громко протестовать против его решений, заявляя, что и без него коммунисты сами бы отдали власть спустя несколько месяцев. Деятели «Борющейся Солидарности», Конфедерации независимой Польши (КНП), ППС Демократической фракции, движения «Свобода и мир», собравшиеся в начале марта 1989 г. на Конгресс антисистемной оппозиции в Ястшембе, утверждали, что их цель — «ликвидировать монопольную власть ПОРП и привести к полной политической и экономической демократии, к свободным выборам». Эта часть оппозиции уверяла, что

именно она ближе идеалам «С» 1980–1981 гг., чем поглощенная политикой группа Валенсы и его советников. По словам одного из лидеров Конгресса П. Иконовича, он выражал интересы той части общества, которая не видела возможности реформирования системы, желая построить совершенно новую — не с коммунистами, а вопреки им. По его мнению, следовало дождаться социального взрыва и только тогда приступить к переговорам с властью, вынуждая ее на реальные уступки. Конфедерация независимой Польши отрицательно относилась к «круглому столу» по двум причинам: во-первых, из-за того, что команда Ярузельского несла ответственность за введение военного положения, а во-вторых, (и это главное) КНП стояла на том, что «С» не имела права представлять всю оппозицию. «Сейчас мы имеем в своем распоряжении улицу, — заявлял лидер Конфедерации Лешек Мочульский. — Давайте организуем серию манифестаций под лозунгом свободных выборов... Мы не можем согласиться на то, чтобы кто-то за спиной общества решал, кому и сколько достанется мандатов в Сейме»⁹².

В любом случае «круглый стол» не являлся широким общественным соглашением. Критику вызывало покровительство его деятельности со стороны костела, который упрекали в том, что он оказывал посредничество в переговорах двух фракций коммунистов: «догматиков» с «ревизионистами». Добавляли, что правые были «вычеркнуты из игры». Одним из наиболее прочных негативных стереотипов является мнение о заключении секретного соглашения, которое предусматривало, в частности, ненаказуемость вдохновителей преступлений, совершенных в период ПНР, особенно в 1981–1989 гг. Но эта точка зрения оспаривается как историками, так и свидетельствами доступных документов. И те и другие утверждают, что в Магдаленке не было заключено ни одного дополнительного, тайного соглашения, а проходившие там заседания способствовали преодолению возникавших в ходе переговоров тупиковых ситуаций. Однако следует отметить благоприятный психологический климат, складывавшийся по мере продвижения переговоров. «Не так страшен черт, как его рисуют», — думали по обе стороны «круглого стола». К примеру, Е. Урбан подчеркивал своеобразие психологическое озарение: «ранее демонизированный противник оказался рассудительным и не таким далеким от нас в своих стремлениях и образе мышления». Впечатления другой стороны представил Я. Куронь: «Люди, сев-

шие с нами за стол переговоров, не только не были сталинистами, но даже и идейными коммунистами. Они оказались прагматиками, реалистами, понимавшими, что система централизованного управления развалилась и теперь нужно как можно быстрее и лучше перейти к новой»⁹³. Важнее симпатий или антипатий был политический реализм и растущее осознание общности интересов. Тот же деятель позднее очень образно вспоминал о психологических последствиях «круглого стола»: «Мы стали партнерами правительственной стороны, а партнера, даже после победы, люди из-за приличия уже не могут повесить»⁹⁴.

Таким образом, «Соглашения круглого стола» были достигнуты в результате переговорного процесса реформаторов из ПОРП и умеренного течения «С». Значение «Соглашений» в первую очередь в том, что они предусматривали политические и экономические преобразования в рамках демократического социализма, проводимые эволюционным, мирным путем. Они положили начало необратимой демократизации политической системы.

Как отмечалось выше, важным достижением стало решение о проведении неконфронтационных *парламентских выборов*. Вскоре Госсовет назначил день выборов — 4 июня 1989 г. Началась почти двухмесячная полоса открытой и довольно жесткой борьбы различных политических сил за голоса избирателей. Стратегия предвыборной кампании правительственной коалиции, разработанная одним из участников «круглого стола», специалистом в области социальной психологии профессором Я. Рейковским, основывалась на усилении агитации в последнюю перед выборами неделю с расчетом на не определившуюся в своих предпочтениях часть электората. «Солидарности» же, только что получившей возможность для легальной деятельности, удалось уже в первые недели грамотно проводившейся кампании прочно утвердиться на информационном поле, что предвещало ей шансы на успех.

Выборы проходили в два тура: 4 и 18 июня. Примечательно, что явка избирателей была довольно низкой: 62% в первом туре и 25% во втором. Объяснить это растущее безразличие можно отчасти тем, что общество не доверяло договоренностям «круглого стола», все более явно трактовало это событие как соглашение элит, как бесцветную, «переговорную» революцию, все больше выражало обеспокоенность постоянно ухудшавшимися условиями

жизни⁹⁵. Напомним, что предстояло избрать 460 депутатов Сейма и 100 сенаторов, причем свободные выборы из числа «беспартийных кандидатов» (т.е. оппозиции) были объявлены на 35% мест в Сейме и полностью в Сенат. Окончательно мандаты в Сейме распределились следующим образом: ПОРП — 173, ОКП — 76, ДП — 27, Объединение светских католиков «Пакс» — 10, Христианская общественная ассоциация — 8, Польский социальный католический союз — 5, так называемые беспартийные (т.е. «С» и другие представители оппозиции) — 161, т.е. все выделенные им по контракту места. В Сенат же, в который проводились полностью свободные выборы, ни один представитель правительственной коалиции не вошел. Особым ударом для властей стало голосование по всепольскому избирательному списку (а в нем, как отмечалось выше при анализе договоренностей «круглого стола», были выдвинуты только кандидаты от коалиции — наиболее известные деятели-реформаторы из ПОРП и союзнических партий). По нему из 35 кандидатов прошли только два.

Парламентские выборы сыграли роль неформального плебисцита «за» или «против» прежнего режима. Польская объединенная рабочая партия потерпела поражение. На Политбюро ЦК КПСС в сентябре 1989 г. рассматривался вопрос об обстановке в Польше, возможных вариантах ее развития и перспективах советско-польских отношений. «Сделав ставку на достижение национального согласия путем сотрудничества с оппозицией, — заявили советские лидеры, — ПОРП не удержала развитие событий под контролем. Сложилась беспрецедентная для социалистической страны ситуация — правящая коммунистическая партия не сумела убедительно выиграть парламентские выборы и вынуждена была уступить право на формирование правительства оппозиции»⁹⁶.

Анализируя причины таких результатов, следует учитывать один немаловажный факт: это был первый опыт проведения выборов с участием оппозиции в социалистической стране после более чем сорока лет авторитарного правления. Властям пришлось с опозданием осознать неспособность партийных структур, созданных для функционирования в условиях командной системы, сгруппироваться и подготовиться к участию в свободных выборах и к столкновению с полноценным противником⁹⁷.

Последствия выборов стали сказываться сразу же после созыва нового Сейма. «С» с отвоеванным на выборах меньшинством выглядела триумфатором, который мог диктовать новые условия игры. В этой ситуации депутаты от «союзных» партий ОКП и ДП заявили о «самостоятельной» позиции и переметнулись в лагерь победителя, а ПОРП, оставшись в одиночестве, уже не располагала в Сейме большинством, а только 38% депутатских мест в соответствии с «Соглашениями круглого стола»). Сложившееся в парламенте соотношение сил предвещало скорую трансформацию политического ландшафта страны.

19 июля 1989 г. на совместном заседании двух палат парламента *большинством всего в один голос* В. Ярузельский был избран президентом ПНР. Тем самым представители «С» не удержались от демонстрации своего преимущества: закрепление высшего поста за Ярузельским, являвшимся несколько недель назад безусловным и никем не оспаривавшимся лидером ПНР, представлялось в качестве дара со стороны победителей. Президентский пост для Ярузельского стал фактически единственным реализованным в полной мере пунктом соглашения. 21 августа, следуя выдвинутой А. Михником формуле «Ваш президент — наш премьер», В. Ярузельский предложил в качестве кандидата на пост премьер-министра известного католического деятеля и одного из видных представителей «Солидарности» Тадеуша Мазовецкого.

Пожалуй, единственным, что в итоге смогли обеспечить переговоры «круглого стола» и все многолетние попытки команды Ярузельского наладить диалог с обществом, стало сохранение эволюционного характера перемен. Как отмечалось на заседании Политбюро ЦК КПСС в сентябре 1989 г., на котором один из вопросов посвящался анализу положения в Польше, «представители целого ряда социальных групп, включая и некоторую часть членов ПОРП, связывают надежды по выводу страны из кризиса с разрабатываемой в «Солидарности» концепцией эволюционного переустройства Польши примерно по шведскому образцу с использованием социал-демократических положений католической социальной доктрины. Такая эволюция подразумевает, видимо, также изменения в базисе, включая денационализацию государственной собственности и всемерное поощрение частного предпринимательства... Свою роль сыграет и тот факт, что в конкретно-политическом плане руководство ПОРП ставит

сейчас на первое место общегосударственные интересы, выражая готовность своим взаимодействием с правительством Т. Мазовецкого способствовать его успеху»⁹⁸.

Итак, в результате поражения коммунистической элиты на выборах 1989 г. власть на четыре года ранее, нежели это предусматривалось «Соглашениями круглого стола», перешла в руки постопозиционных лидеров. Это в свою очередь свидетельствовало о том, что договоренности с властью не имели серьезного значения в перспективе, а «общественные соглашения в Польше стали инструментом политической борьбы за власть»⁹⁹.

29 декабря 1989 г. Сейм принял закон, вносивший ряд кардинальных поправок в текст Конституции. Государству было возвращено название Республика Польша, оно определялось как «демократическое и правовое», «осуществляющее принципы социальной справедливости». Вместо статьи о ПОРП как руководящей силе польского общества вводилось положение о свободе формирования политических партий. Появились статьи о свободе предпринимательской деятельности и защите частной собственности. Восстанавливался герб «Второй Республики» (орел с короной). Принятые поправки выносили окончательный приговор авторитарной командно-административной системе, гарантировали углубление процесса формирования новых политических, социально-экономических и идеологических структур.

Фундаментальная корректировка конституции ускорила эволюцию политических сил. Уже в январе 1990 г. на своем XI съезде ПОРП заявила о прекращении деятельности. Таким образом, с политической арены сошла массовая партия, более четырех десятилетий обладавшая монополией на власть. Летом Л. Валенса объявил о намерении претендовать на пост главы государства. Не имея достаточной опоры в обществе и не желая обострять ситуацию, В. Ярузельский 19 сентября попросил Сейм сократить срок его президентуры. В два тура, 25 ноября и 9 декабря 1990 г., прошли всеобщие свободные президентские выборы. Сенсацией первого тура стал неожиданно высокий результат (23,1% голосов) С. Тыминьского, малоизвестного бизнесмена из Канады, который опередил премьера Т. Мазовецкого (18,1%). Во втором туре президентом стал Л. Валенса, получивший 74,25% голосов (независимый кандидат С. Тыминьский, «темная лошадка», — 25,75%). Президентские выборы 1990 г. следует признать крахом политической модели, сформулированной за

«круглым столом». После этого Польша полностью сменила государственный строй и вступила в новый этап исторического развития.

Оценивая значение *перелома 1989 г.*, Т. Мазовецкий, один из творцов происходивших в Польше и Европе на протяжении последних полутора десятилетий перемен, писал: «У меня создается впечатление, что европейское сознание все еще — по сей день — не вполне прониклось значением перелома 1989 года, величиим его политического и духовного аспектов. Тогда, в 1989 г. и в течение двух следующих лет, распался порядок, установленный в Ялте, который почти полвека разделял Европу, а с ней весь мир на два враждебных блока. Завершилось политическое и идеологическое разделение Европы. После введения принципов экономики свободного рынка закончилось и разделение экономических систем... Перелом 1989 года создал также новые надежды на европейское единство в духовной сфере... Польша стала первой страной, проломившей брешь в системе коммунистических государств... Мы знали: то, что произошло у нас, наверняка будет иметь последствия в других странах. Однако невозможно было предвидеть, что это случится так быстро... Следовало считаться с противодействием противников перемен и в СССР, и в ГДР, и у нас ... Стратегию, принятую моим правительством, можно определить как революцию, осуществляемую мирным и эволюционным путем...»¹⁰⁰.

Что в наибольшей степени способствовало «великому перелому» 1989 г.? Т. Мазовецкий отвечает на этот вопрос следующим образом: «В брежневские времена перелом такого масштаба был немыслим. Мы могли рассчитывать лишь на то, что к существованию "С" отнесутся с уважением, так как за ней стоят массы народа... призрак нарастающего экономического кризиса вынуждал команду генерала Ярузельского искать какой-то выход. Однако прошло немало времени, пока польские коммунистические власти поняли, что никакой выход невозможен без признания "С" партнером в переговорах». Мазовецкий подчеркивает также фактор, который исследователи обычно обходят, — нравственный: «Объяснение связано... с нелегким, признаюсь, для обеих сторон решением сесть за стол переговоров... и с выбором эволюционного пути развития, не допускающим провокаций и поисков реванша... А роль папы?... Иоанн Павел II... придал новый аспект... восточной политике Ватикана. Аспект прямого диалога с массами, требований соблюдать пра-

ва человека и права народов поработенной части Европы. Редки примеры такого влияния нравственной силы на ход истории»¹⁰¹.

* * *

Подводя итоги в целом, следует отметить, что своеобразие Польши состоит в том, что за много лет до революционного перелома 1989 г. в стране возникла сильная оппозиция, а репрессии против нее были не слишком жестокими, и стало быть, не слишком эффективными. В 1980 г. на почве протеста против коммунистического режима выросло общественное движение в форме профобъединения «Солидарность». С самого начала оно преследовало не только экономические, но и политические цели. Это стало возможно в силу того, что во главе движения наряду с рабочими лидерами оказались интеллигенты, которые до этого вели широкую (как открытую, так и полуподпольную) правозащитную и просветительскую деятельность. Нигде «самиздат» не распространялся так активно, как в Польше: запрещенные произведения художественной литературы и публицистики, неподцензурные газеты и журналы выходили многотысячными тиражами. Поэтому, когда на волне забастовок лета 1980 г. стала формироваться «Солидарность», у нового движения были почти готовые кадры и организационные структуры. Под его натиском власть капитулировала, а «Солидарность» легализовалась. Вскоре она насчитывала около 10 млн членов. С такой силой власти вынуждены были считаться, тем более что в ряды «С» вступили даже многие члены ПОРП.

После введения военного положения в декабре 1981 г. все организации, кроме ПОРП, запрещались, лидеры оппозиции интернировались, многие из ушедших в подполье приговаривались к тюремному заключению. Однако на массовый террор власти все же не решились — отчасти из-за того, что в конце концов начали понимать: рано или поздно придется наладить какой-то вид сосуществования с силами оппозиции. Тем более что она продолжала свою профсоюзную, издательскую и другую деятельность в подполье.

После амнистии политических заключенных в 1986 г. с обеих сторон все чаще раздавались слова о необходимости проведения «круглого стола», чтобы обсудить судьбы страны. Более двух лет шла трудная подготовительная работа прежде чем он состоялся. Таким образом, политическая ре-

волюция прошла в Польше мирным, реформистским путем, в результате мягкой агонии «реального социализма», начавшейся с постепенной передачи прежней правящей элитой ответственности за государство в руки оппозиции. Революция не являлась непосредственным следствием развития в 1988 — 1989 гг. массового общественного протеста: она стала результатом договора между реформаторским крылом ПОРП и умеренной частью политической оппозиции, вышедшей из общественно-политического движения «Солидарность», которое сформировалось задолго до этого — в 1980 — 1981 гг. При этом следует подчеркнуть огромную заслугу польской католической церкви, которая, заняв позицию «успокоителя» и посредника, эффективно ускорила начало процесса демократизации в Польше. Договор, в свою очередь, был выработан в феврале — апреле 1989 г. в ходе работы «круглого стола». Именно он и обеспечил относительно благоприятные условия для перехода страны к демократии и рыночной экономике. Причем темпы этого процесса стали неожиданностью как для коммунистов, так и для антикоммунистической оппозиции.

Сегодня «круглый стол» оценивается по-разному. Историк и публицист А. Дудек пишет о существовании «белой» и «черной» легенды «круглого стола». Он подчеркивает, что сердцевину и той и другой составляют противоположные оценки события: «В каждой из них факты, в которых трудно усомниться, смешиваются с пристрастными интерпретациями и натянутыми анализами, служащими сиюминутным политическим целям»¹⁰². Особенно разнятся оценки в среде преемников прежней антикоммунистической оппозиции. Некоторые из них полагают, что «круглый стол» является символом неиспользованных шансов, связанных с падением коммунистического правления: не была проведена последовательная «декоммунизация» и люстрация, не осуждены преступления социалистического периода. Историческое противостояние, считают приверженцы антикоммунизма, играло и продолжает играть существенную роль. Наследники партийно-правительственной стороны в большинстве положительно оценивают итоги произошедшего весной 1989 г. диалога, подчеркивая, что коммунисты-реформаторы, уважая демократическое волеизъявление, добровольно отдали власть. Для Ст. Чёсека, одного из конструкторов переговоров, «круглый стол» и сегодня является символом и даже «польским экспортным товаром, способом разрешения кон-

фликтов в современном мире..., польской кока-колой». Убеждение, что «круглый стол» представляет «феномен мирового масштаба» разделяют и многие исследователи. Бывшие порповцы, а также некоторые представители оппозиции, заседавшей за «круглым столом», и близкие ей публицисты придерживаются мнения, что благодаря переговорам удалось «избежать крови» и «румынского варианта». Однако более вероятным представляется суждение уже упоминавшегося исследователя А. Дудека: «... вполне правдоподобно, что альтернативным решением была не кровавая баня, а процесс в течение нескольких месяцев окончательного распада ПНР, который мог бы закончиться событиями в стиле "бархатной революции" в Чехословакии. Коммунисты правили бы Польшей немного дольше, но их окончательный уход не имел бы двусмысленности, которую создал "круглый стол"»¹⁰³. При всех оговорках относительно «круглого стола» трудно не согласиться с тем, что идея такой формы общественного диалога оправдала себя.

Поражение на парламентских выборах в июне 1989 г. коммунистов и приход к власти «Солидарности» положили начало процессу коренного изменения общественного строя в Польше.

¹ Jaruzelski W. Stan wojenny. Dlaczego... W-wa, 1992. S. 282 – 283.

² Лыкошина Л.С. Гражданское общество в Польше. Теоретические представления и социальная практика. М., 1998. С. 18 – 19.

³ Dokumenty Komitetu Obrony Robotników I Komitetu Samoobrony Społecznej «KOR». W-wa; Londyn, 1994. S. 296.

⁴ Ibid. S. 297 – 298; Friszke A. Opozycja polityczna w PRL. 1945 – 1980. Londyn, 1994. S. 416 – 418.

⁵ Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja demokratyczna w Polsce 1976 – 1980: Zbiór dokumentów. W-wa, 1994. S. 231.

⁶ Ibid. S. 260, 273.

⁷ Подробнее см. Майорова О.Н. Третий век польских реформ // Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа: вторая половина XX века. М., 2006. С. 223 – 230.

⁸ Dokumenty Komitetu... S. 410.

⁹ Holzer J. «Solidarność» 1980 – 1981. Geneza I historia. W-wa, 1990. S. 61.

¹⁰ Gowin J. Kościół a «Solidarność» // Lekcja Sierpnia: Dziedzictwo «Solidarności» po dwudziestu latach. W-wa, 2002. S. 17.

¹¹ Karpirski J. Wykres gorączki: Polska pod rządami komunistycznymi. Lublin, 2001. S. 413.

¹² Dokumenty Komitetu... S. 593.

¹³ Ibid. S. 593.

¹⁴ Gowin J. Op. cit. S. 16, 23 – 24; Karpirski J. Wykres... S. 410.

¹⁵ Kisielewski T. Październik 1956 – punkt odniesienia: Mozaika faktów I poglądów. Impresje historyczne. W-wa, 2001. S. 245, 250, 263.

¹⁶ Jaruzelski W. Op. cit. S.79; Ярузельский В. Уроки истории — не соль на раны. Рязань, 2002. С. 26 — 28.

¹⁷ IX Nadzwyczajny zjazd Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej 14 — 20 lipca 1981 r. Podstawowe dokumenty I materiały. W-wa, 1981. S. 113, 124; Jaruzelski W. Op. cit. S. 204.

¹⁸ Выписка из протокола № 37 заседания Политбюро ЦК КПСС от 21 ноября 1981 г. // Свободная мысль — XXI. 2005. № 11. С. 170.

¹⁹ Jaruzelski W. Op. cit. S. 264 — 265.

²⁰ Rakowski M. Czasy nadziei I rozczarowań. W-wa, 1987. S. 124, 246, 249.

²¹ Jaruzelski W. Op. cit. S. 188 — 189.

²² Stan wojenny w dokumentach władz PRL (1980 — 1983). W-wa. 2001. dok.4. S. 56 — 57; dok. 26. S. 164.

²³ Jaruzelski W. Op. cit. S. 407, 409 — 410.

²⁴ Holzer J., Leski K. «Solidarność» w podziemiu. Łódź, 1990. S. 65.

²⁵ Wybór źródeł do historii «Solidarności» Os'wiaty I Wychowania. 1980 — 1989. (Zebrał I oprac. Zurek J.). W-wa, 2000. S. 301 — 302.

²⁶ Zuzowski R. Komitet Samoobrony Społecznej KOR: Studium dysyden-
tyzmu I opozycji politycznej w Polsce (Przekł. z ang.). Wrocław etc., 1996.
S. 197.

²⁷ Стренковский Я. Неподцензурная культура // Новая Польша. 2006.
№ 1. С. 3 — 10.

²⁸ Antoszewski A. Erozja systemu politycznego PRL w latach osiemdziesią-
tych. Studium procesu. Wrocław etc., 1991.

²⁹ Holzer J., Leski K. Op. cit. S. 71.

³⁰ См. подробнее: Бухарин Н.И. Внутренние факторы польской рево-
люции 1989 г. // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной)
Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001. С. 121 — 122.

³¹ Раковский М. Посмотрим трезво друг на друга // Литературная га-
зета. 2003. 3 — 9 дек.

³² Цит. по: Кувалгин Ст. Зачем договариваются с оппозицией // Сво-
бодная мысль — XXI. 2005. № 11. С. 155 — 156.

³³ Skórzyński J. Ugoda I rewolucja. Władza I opozycja. 1985 — 1989. W-wa,
1995. S. 111.

³⁴ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3,
ч. 1: Трансформация 90-х гг. М., 2002. С. 28.

³⁵ Цит. по: Skórzyński J. Op. cit. S. 46.

³⁶ Цит. по: Ibid. S. 9 — 13.

³⁷ Karpiński J. Trzecia niepodległość: Najnowsza historia Polski. W-wa,
2001. S. 46.

³⁸ Holzer J. Op. cit. S. 40 — 152.

³⁹ Цит. по: Skórzyński J. Op. cit.

⁴⁰ Цит. по: Zuzowski R. Op. cit. S. 202, 198, 200.

⁴¹ Цит. по: Ibid., S. 189 — 190.

⁴² Цит. по: Dudek A. Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. 1989 — 2001.
Kraków, 2002. S. 15.

⁴³ Цит. по: Paczkowski A. Od sfalszowanego zwycięstwa do prawdziwej
kłęski: Szkice do portretu PRL. Kraków, 1999. S. 136.

⁴⁴ Цит. по: Skórzyński J. Op. cit. S. 51.

⁴⁵ Цит. по: Ibid. S. 59.

⁴⁶ Следует отметить, что наиболее связный проект нового социально-
экономического уклада, который в своих основных элементах реализовы-
вался после перемен 1989 г., подготовили либералы из нелегальной Либе-

рально-демократической партии «Независимость». Публицистика этой группировки в значительной степени повлияла на формирование в сознании ее читателей необходимости замены социализма моделью рыночной экономики, представляемой как единственно рациональный, проверенный в мире проект хорошего государства и хорошего общества – хотя сама группировка сначала разделилась, а потом, в результате многочисленных внутренних противоречий, распалась, не сыграв какой-либо существенной политической роли ни в переменах 1989 г., ни позже. См.: *Molasy I. Konsercje polityczne liberalnych ugrupowan' polskiej opozycji politycznej z lat 1976 – 1989 // Wokół problematyki integracji europejskiej. Toruń, 2000. S. 120 – 121.*

⁴⁷ *Łabędź K. Spory wokół zagadnień programowych w publikacjach opozycji politycznej w Polsce w latach 1981 – 1989. Kraków, 1997. S. 268 – 269, 270, 272.*

⁴⁸ *Holzer J., Leski K. Op. cit. S. 125 – 126.*

⁴⁹ *Skorzyński J. Op. cit. S. 146 – 156.*

⁵⁰ *Łabędź K. Op. cit. S. 86 – 88.*

⁵¹ *Raina P. Droga do «Okrągłego Stołu». Zakulisowe rozmowy przygotowane. W-wa. 1998. S. 5 – 6.*

⁵² *Dudek A. Op. cit. S. 20.*

⁵³ *Dubiński Krz. Magdalena. Transakcja epoki. Notatki z poufnych spotkań Kiszczak – Wałęsa. W-wa, 1990. S. 5 – 6.*

⁵⁴ *Tajne dokumenty Biura Politycznego I Sekretariatu KC. Ostatni rok władzy. 1988 – 1989. Londyn. 1994. S. 169 – 175.*

⁵⁵ *Gędek M. Przetom: Polska 1976 – 1991. Lublin, 2002. S. 234.*

⁵⁶ *Ibid. S. 240.*

⁵⁷ Цит. по: *Trembicka K. Okrągły Stół w Polsce – mity I stereotypy // Studia Polityczne. W-wa, 2004. N 15. S. 99.*

⁵⁸ *Antoszewski A. Erozja systemu... S. 170; Trembicka K. Okrągły Stół w Polsce – mity... S. 99, 101.*

⁵⁹ *Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 473; Paczkowski A. Op. cit. S. 147.*

⁶⁰ *Trybuna Ludu. 1989. 16 stycznia.*

⁶¹ *Stanowisko Komitetu Centralnego PZPR w sprawie pluralizmu politycznego I pluralizmu związkowego // Trybuna Ludu. 1989. 20 янв. S. 3.*

⁶² *Dubiński Krz. Op. cit. S. 42; Karpinski J. Trzecia... S. 50.*

⁶³ *Gędek M. Op. cit. S. 245 – 246.*

⁶⁴ *Dubiński Krz. Op. cit. S. 11.*

⁶⁵ *Przemówienie Czesława Kiszczaka podczas inauguracji «okrągłego stołu» // Trybuna Ludu. 1989. 7 lutego. S. 3.*

⁶⁶ *Ibid.*

⁶⁷ *Przemówienia w pierwszym dniu obrad. Lech Wałęsa // Trybuna Ludu. 1989. 7 lutego. S. 4.*

⁶⁸ *Dubiński Krz. Op. cit. S. 12 – 13.*

⁶⁹ *Zespół ds. reform politycznych // Trybuna Ludu. 1989. 11 – 12 lutego. S. 3.*

⁷⁰ *Ibid.*

⁷¹ *Trybuna Ludu. 1989. 15 lutego.*

⁷² *Kto ma się zmienić: opozycja czy władza. Z prof. J. Reykowskim, członkiem Biura Politycznego KC PZPR, rozmawia M. Turski // Polityka. 1989. 25 lutego. N 8. S. 1, 4.*

⁷³ *Kulej Z. Zmiany muszą się zaziębiać. Co się dzieje przy «stoliku ds. reform politycznych»? // Trybuna Ludu. 1989. 1 marca. S. 5.*

- 74 *Dubiński Krz.* Op. cit. S. 76.
- 75 *Ibid.* S. 81.
- 76 *Ibid.* S. 116.
- 77 *Ibid.* S. 118.
- 78 *Ibid.* S. 125.
- 79 *Ibid.* S. 126.
- 80 *Ibid.* S. 61.
- 81 *Ibid.* S. 64–65, 78–88.
- 82 Цит. по: *Skórzyński J.* Op. cit. S. 222.
- 83 *Dubiński Krz.* Op. cit. S. 80.
- 84 Подробнее см.: *Skórzyński J.* Op. cit. S. 222–223.
- 85 *Dubiński Krz.* Op. cit. S. 129–132.
- 86 *Ibid.* S. 170.
- 87 *Ibid.* S. 173.
- 88 Porozumienia Okrąglego Stołu. W-wa, 1989. NSZZ «S» Region Warmin'sko-Mazurski. 1989. S. 6.
- 89 *Ibid.* S. 5, 7, 37.
- 90 Przemówienie Czesława Kiszczaka na plenarnym spotkaniu «okrąglego stołu» // *Trybuna Ludu.* 1989. 6 kwietnia. S. 3; Przemówienie Lecha Wałęsy // *Ibid.* S. 4.
- 91 *Ibid.* S. 5–7.
- 92 Цит. по: *Skórzyński J.* Op. cit. S. 220–230; *Gędek M.* Op. cit. S. 251.
- 93 Цит. по: *Skórzyński J.* Op. cit. S. 227.
- 94 *Gędek M.* Op. cit. S. 252; *Wałęsa L.* Droga do wolności. S. 112; *Trembicka K.* Okrągły Stół – mity... S. 104.
- 95 *Gędek M.* Op. cit. S. 263.
- 96 Выписка из протокола № 166 заседания Политбюро ЦК КПСС от 28 сентября 1989 г. // *Свободная мысль – XXI.* 2005. № 11. С. 174.
- 97 Подробнее см.: *Кувалгин Ст.* Указ. соч. С. 163.
- 98 Выписка из протокола № 166... С. 175.
- 99 *Hirsz Z.* Historia polityczna Polski. 1939–1993. Białyсток, 1996. S. 321–322; Переход к демократии стран Центральной и Восточной Европы в сравнительной перспективе / Под ред. А. Антошевского. Донецк, 2001. С. 29–32.
- 100 *Rzeczpospolita.* 2004. N 261; *Новая Польша.* 2004. № 12. С. 57.
- 101 Там же.
- 102 Цит. по: *Trembicka K.* Okrągły Stół w Polsce – mity... S. 79.
- 103 *Dudek A.* Op. cit. S. 42.

**«БАРХАТНАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ:
НАСТОЯТЕЛЬНОСТЬ НОВЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ**

Феномен «бархатной» революции в Чехословакии продолжает притягивать к себе как магнитом самое пристальное внимание исследователей. Различные аспекты его уже получили достаточно глубокое освещение в чешских, словацких, англо- и немецкоязычных работах, а также в трудах отечественных ученых. Удалось раскрыть многие «темные» пятна, а грядущие изыскания, разумеется, внесут новые штрихи в его оценки.

Непреложным сегодня остается одно: чехословацкая революция 1989 года является уникальным историческим событием, которое имело общие черты и в то же время во многом отличалось от «тектонических» социальных сдвигов в соседних странах. Интерес к ней не иссякает еще и потому, что волна «новых революций», захлестнувших постсоветское пространство в начале XXI столетия, ставит задачу проведения сопоставительно-типологических исследований, которые смогут раскрыть узловые характеристики «генов» революционных процессов и внести дополнительную ясность в рассматриваемую проблему.

**«Бархатная» революция
в ряду постсоциалистических трансформаций**

События «бархатной» революции раскрываются со временем во все в большем разнообразии ракурсов и аспектов. Главное в них — изменение «линейной» перспективы видения событий 1989 г. на «объемную». Все реже с перипетий революции отмечается, будто народ единодушно вышел на улицы, парламент единогласно избрал президента, а лидеры Западного мира в едином порыве встретили «возвращение» Чехословакии в «семью европейских народов». Уже года через три это «едино-» обернулось разделом среднего по европейским масштабам чехословацкого государства на два ма-

лых. Известно, что всякая революция порождает нежелательных детей и распад государства — одно из них, хотя, судя по проведенным спустя 10 лет после «бархатного» развода опросам, данное событие ни чехи, ни словаки трагедией не считали.

Важно и следующее соображение: взгляд на события 15-летней давности показывает, что, вспыхнув спонтанно, «бархатная» революция, постоянно балансировала на грани внезапного прекращения или осуществления лишь по видимости. Одна из причин такой угрозы заключается в том, что Чехословакия к концу 80-х годов XX в. являлась страной, которой в значительной степени был присущ политический дилетантизм (или же он нарочито декларировался). Это отличало страну от соседних Польши и Венгрии, где гораздо активнее бурлила политическая жизнь в среде как «властных», так и «безвластных» (этим термином Вацлав Гавел обозначал оппозицию совместно с лишенным реального политического голоса большинством населения).

Указанный дилетантизм проявлялся, *во-первых*, в том, что в Чехословакии «безвластные» провозглашали приоритеты «неполитической политики» и оппозиция отличалась большей аморфностью (особенно по сравнению с польской «Солидарностью»). В то же время и «властные» не отличались соответствовавшей новым веяниям политической энергией, признавая на словах необходимость «перестройки», а на деле занимая выжидательную позицию (особенно по сравнению с коммунистами-реформаторами в Венгрии). «Нормализаторы» из Коммунистической партии Чехословакии, осуществлявшие властные функции, не ощущали неизбежности перемен, а всего за месяц до ноябрьских событий внутри страны в их среде превалировало убеждение, что все пойдет по-старому. Так, на заданный М. Якешу в 2005 г. вопрос: не кажется ли ему, что руководство ЦК, включая его самого, недооценило ситуацию и вообще не предполагало, что акция 17 ноября может привести к системным изменениям, бывший генсек КПЧ ответил: «Я бы сказал, что это правда, мы этого не предполагали. Мы поддались какой-то лжедемократии: захотели они, чтобы мы ушли, мы и уйдем. А они постоянно называли конкретных людей, которые становились тормозом процесса демократизации и виновниками создавшегося положения. Ошибкой является то, что мы сдались без борьбы»¹. Реформаторским же силам в КПЧ по многим причинам так и не удалось сорганизоваться; и это не столько вина, сколько их беда.

Во-вторых, и силы, начинавшие общественный бунт, и силы, пытавшиеся его сдержать, переоценивали влияние внешнеполитических факторов, что также можно считать неким дилетантизмом. «Властные» были убеждены (по инерции, но, как оказалось, ошибочно), что СССР, даже сосредоточившись на перестройке, не оставит Чехословакию «в беде» и социализм в том или ином виде сохранится. «Безвластные» столь же безоглядно надеялись на США, предполагая, что при их поддержке внедрения образцов демократии большинство проблем разрешится само собой.

В-третьих, «единодушие» прятало достаточно значимые различия между основными участниками (актерами) революции: студентами и диссидентством, чехами и словаками, приверженцами социалистической идеи и их оппонентами. Эти различия, обнаружившиеся едва ли не на следующий день после переворота, не учитывались ни старыми, ни новыми политическими актерами. Правда, при знакомстве с массивами новых свидетельств создается впечатление, что иногда данные различия не учитывались некоторыми из участников нарочито, но все же в большей мере игнорирование их выступает как признак именно дилетантизма.

Полное выявление всех этих обстоятельств и условий «бархатной» революции — дело будущих исследований. Здесь же достаточно заметить следующее: у доминировавшей в среде «безвластных» идеи «неполитической политики» оказалось короткое дыхание — и ряд бывших «дилетантов» едва ли не молниеносно преобразовался в «политических политиков». В то же время идея такой «политики» служила своеобразной дымовой завесой для ожесточенных политических столкновений как с «властными», так и между собой.

Что касается «властных», включая стремившихся проводить курс на реформы коммунистов, то они отставали на один — два темпа (а часто всего на 1 — 2 дня) от хода событий. Это можно отнести и к одному из наиболее влиятельных из них — Л. Адамецу, который вполне мог бы исполнить ту роль, какую сыграли коммунисты-реформаторы в соседней Венгрии. Правда, положение осложнялось тем, что советские войска все еще размещались в Чехословакии, и у коммунистов-реформаторов в связи с этим имелся малый кредит доверия. Вывод войск становился все более настоятель-

ной задачей в духе времени (отказа от «доктрины Брежнев», провозглашения «нового мышления» и т.п.), но конкретно указанная проблема пока не ставилась, причем даже радикальные политики перестроечной волны в СССР не стремились в данном ракурсе осудить ввод в страну войск в 1968 г.

Относительно внешнеполитического фактора можно сказать, что здесь работа историка особенно сложна. Мифы о «руке КГБ» или «руке ЦРУ» (по иронии истории, как бы делавшими одно дело — «бархатную» революцию) оказались несостоятельными. Не следует забывать и о том, что Кремль и Белый дом были заняты куда более масштабными проектами и «крупной игрой», в которой Чехословакия (в отличие от Польши и ГДР) оказалась призом не столь уж весомым².

Разнородность целей различных социальных слоев, вовлеченных в революцию, проявлялась вслед за событиями первых недель ноября. Студенчество выступило зачинщиком и катализатором протестных выступлений, но относительно быстро вернулось в аудитории, массового «вброса» в политическую элиту из его рядов не последовало. Властные позиции переходили к бывшим оппозиционерам — но в основном к тем, кто отвергал перспективу не только коммунизма, но даже «социализма с человеческим лицом». Наивысшего поста из числа сторонников последнего варианта будущего развития государства достиг А. Дубчек, чья трагически оборвавшаяся жизнь, скорее всего, сняла неизбежность оттеснения его от значимых для Чехословакии мероприятий; остальные «герои 1968 года» к власти не допускались.

Исчисление «выигрыша» от революции для рабочих — дело весьма нелегкое. Однако в итоге можно признать, что они приняли ее результаты, примирившись даже с потерей позиции «ведущего класса». Следует подчеркнуть, что это было неизбежно и так: переход общества на постиндустриальную фазу развития, начавшийся уже в социалистической Чехословакии (как и в ГДР), отодвигал их с данной позиции. Правда, есть достаточно оснований утверждать, что Вацлав Гавел «героем рабочих», подобно Леху Валенсе, не стал, а от влияния на политику люди труда были отделены ненамного дальше, чем при социализме: не помогло и наличие двух партий, объявлявших себя опорой трудящихся — коммунистов и социал-демократов.

История расхождения чехов и словаков прозрачна своим исходом: распадом единой страны и появлением «вполне европейского государства» Чехии и «черной дыры Европы» (по слову бывшего госсекретаря США М. Олбрайт) — Словакии. История сложностей в отношениях между двумя народами и представляющими их элитами до и после 1993 г. полна свидетельств во многом чрезмерной платы за эйфорию «бархатной» революции и невесть откуда взявшегося (едва ли не на второй день после нее) национально (и даже националистически) ориентированного политиканства.

Отдельного разговора заслуживает судьба социалистической идеи в условиях Чехословакии (Чехии и Словакии). Здесь важно отметить лишь одно: придерживающиеся ее (хотя бы на словах) социал-демократы пришли к власти позже, чем в других странах центрально-европейского региона. При этом носителями данной идеи оказались в основном не реформировавшиеся коммунисты, а исконные социал-демократы, которые возродили традицию политики, коренящейся еще в первой половине XX в.

В целом именно 15-летний рубеж после «бархатной» революции выявил все обилие оценок ее устоявшихся последствий. Этого нельзя, к примеру, сказать о 10-летнем ее юбилее, окрашенном стремлением чешской элиты быть более западной, чем сам Запад (поддержка интервенции в Косово на фоне надрывной устремленности в НАТО), а словацкой — удавшейся попыткой наконец-то вытеснить из политики такого мощного «игрока», как В. Мечъяр.

Оценивая революционные события 1989 г., преобразившие страны социалистического содружества, или «восточного блока», как их тогда называли, английский исследователь Т.Г. Эш писал, что в Польше время преобразований длилось 10 лет, в Венгрии — 10 месяцев, в ГДР — 10 недель, в Чехословакии — всего 10 дней. Это яркая метафора, но все же именно метафора, ибо нетрудно обосновать тезис о том, что в Чехословакии данный период длился не 10 дней, а более 20 лет (точнее 21 год — с 1968 по 1989-й). Но на скоротечность смены власти, а вслед за этим и общественного строя данная метафора тем не менее указывает достаточно точно.

Время с 17 ноября, когда на улицы Праги вышли десятки тысяч студентов, по 29 декабря, когда президентом страны в Федеральном собрании ЧССР был единогласно избран Вац-

лав Гавел — поистине краткосрочный период «бури и натиска»* «бархатной» революции. В нем можно выделить два полупериода: в большей мере собственно массовая «буря» и в большей мере собственно политический «натиск».

Первый начинается упомянутыми студенческими манифестациями и постепенно нараставшим и ширившимся протестом представителей всех слоев чехословацкого общества. Его кульминация пришла на 25 ноября, когда на митинге в Праге собралось 750 тыс. человек, а всеобщая двухчасовая забастовка протеста 27 ноября охватила всю страну. После этого началось время «натиска» — схватки за политическую власть, происходившей в основном в кабинетах и закончившейся избранием нового президента страны.

Что касается легитимизированного в полной мере итога революции, то он проявился только вслед за июньскими (1990 г.) выборами и вторичным утверждением (избранием) сформировавшимся по их итогам новым парламентом Вацлава Гавела в качестве президента Чехословакии. Можно говорить и о более конкретной дате, свидетельствующей уже о полном завершении революции в Чехии — смене на президентском посту «идеалиста-писателя» Гавела «прагматиком-экономистом» Вацлавом Клаусом. Именно с этого времени в политических заявлениях перестали звучать многие декларации «идеалистического» характера, имевшие своей теневой стороной давление на «силы зла» восточнее чешских границ.

* Первоначально эта формулировка появилась в виде заглавия пьесы немецкого романтика Ф. Клингера в 1776 г. и обозначала литературно-общественное движение конца XVIII в., ставившее целью смену феодальных порядков в Германии. Позже она в целом и ее составляющие часто использовались революционно настроенными писателями и политиками (в России от Герцена до Горького с его призывом «Скоро грянет буря!»). Как известно, выражение «буря и натиск» довольно часто употребляется для объяснения ускоренных шагов в политическом развитии того или иного государства. В настоящем исследовании оно используется более приземленно — для обозначения двух ключевых этапов «бархатной» революции. При этом заметим, что выделение подобных этапов (полупериодов) значимо для анализа всей совокупности постсоциалистических революций в странах как Центральной, так и Восточной Европы. В большинстве случаев дело начиналось с «бури» — выхода разгневанных масс на улицы и требований смены власти без особой легалистической «казуистики», а заканчивалось «натиском» — зачастую являющим собой острую, хотя и подковерную борьбу новой элиты за властные позиции. Итоги этой борьбы могли носить и деструктивный характер для государственных структур. Так, в Югославии, Чехословакии и СССР дело заканчивалось распадом федеративных государств, которые в свою очередь демонстрировали готовность к «полураспаду» и «четвертьраспаду».

Минувшие со времени начала этих событий 15 лет заставляют оценивать по-новому их результаты с учетом того, что не только «передовая» Чехия, но и «отсталая» Словакия в 2003 г. одновременно вошли в Европейский Союз (вторая в том же году стала и членом НАТО). Потускнела и слава Гавела, который к концу своей политической карьеры чаще получал международные премии, чем решал внутривнутриполитические задачи. Довольно четко, на уровне декларируемых целей и одновременно аморфно — на уровне тактики и политических коалиций, — в ходе 90-х годов XX в. поляризовались политические силы в Чехии и Словакии, а состав правительства в той и другой стране принимал самый причудливый вид³.

Анализ множества других фактов и факторов бросает новый свет на некоторые процессы полуторадесятилетней давности, лишаящий их романтического ореола, присущего изложению событий любой революции в случае ее победоносности. При этом в перипетиях «бури», например, просматривается некая упорядоченность и целенаправленность, а в «натиске» — во многом агрессивность хватки и напора ряда политических «актеров».

И все же очевидно, что события первых десяти (с 17 ноября до 27 ноября) дней революции отличались массовостью и предельным динамизмом. Их тщательное рассмотрение является постоянной задачей для историков, особенно с учетом того, что они носили бескровный характер и послужили началом нового и, как оказалось, завершающего периода истории Чехословакии, три года спустя распавшейся на два государства.

Необходимость новых подходов к пристальному изучению преобразования общественной модели в Чехословакии диктуется и тем, что она проявила себя в качестве некоего образца для революций нового века в странах Центральной Европы и СНГ — так называемых «цветных»*. Прошедшие в начале XXI века общественные перевороты: «революция роз» в Грузии, «оранжевая» (поме-

* Правда, была «революция гвоздик» и в Португалии в 1974 г., но ее причины, движущие силы, ход и результаты имели иной характер и направленность. Этим историческим термином обозначается бескровный переход власти 25 апреля 1974 г. к возглавляемой генералом Спинолой группе офицеров, упразднивших полуфашистское государство Салазара (1889—1970) и его преемника Кастану. В результате в стране восстановили деятельность (после 1932 г.) политические партии, и начался процесс деколонизации, а в апреле 1976 г. была принята новая конституция и страна вошла в Совет Европы.

ранжевая) в Украине, наконец, удавшийся переворот в Киргизстане и неудавшийся в Узбекистане* — позволяют говорить о некоем едином алгоритме их протекания. Общее у всех них — недоверие к одному «старшему брату» (СССР, а затем России) и упование на другого «старшего брата» (США или абстрактную Европу). В основном это массовые студенческие и молодежные демонстрации; смена далекими от легитимности средствами правящей элиты и последующие, зачастую деструктивные, результаты в хозяйственной и общественной жизни. Характерно при этом, что провозглашение инициаторами «цветных» переворотов западного вектора на пути к демократии зачастую происходит посредством безнаказанного нарушения западных же норм политического процесса.

Что касается хода «бархатной» революции в Чехословакии в период «бури» и «натиска» и характеристики ее действующих и движущих сил, то главное внимание следует уделять анализу постоянно менявшихся статуса и программ двух движений — Гражданского форума и Общественности против насилия (ГФ и ОПН). Именно они возглавили стихийно возникшие массовые протесты граждан Чехословакии, даже с учетом того, что события развивались по своей логике, опережавшей самые смелые прогнозы и предсказания их лидеров. При этом существовавшие накануне общественных выступлений в чехословацком оппозиционном движении противоречия и разногласия не исчезли по мере их роста, в той или иной форме давая знать о себе. Не менее важно другое: уже в первые дни уличных волнений происходила дифференциация и в среде «властных», т.е. внутри правящей партийной и государственной элиты (изменения этого рода исследованы в меньшей степени). Взаимоуязвимость смены того, что можно назвать «властвующей элитой», обнаружилась относительно позднее: в пылу «демократических преобразований», когда превалировали лозунги, трудно было выявить ход реальных политических процессов.

Отсюда вытекает необходимость расстановки новых акцентов на освещении следующих аспектов: обсуждение лидерами чехословацкой оппозиции альтернативных мо-

* Ничто, кроме вмешательства военной силы, не могло бы помешать ей стать таковой, а точнее декларировать себя в качестве еще одной «победы демократии» на постсоветском пространстве.

делей борьбы с правящим режимом, роль радикального студенчества, характер рабочего движения в ноябрьских событиях, роль церкви и др. В свете этого по-новому предстают и позиции лидеров Гражданского форума, которые на начальном этапе «бархатной» революции призывали к эволюционной модели смены правящего режима, но затем под воздействием «бури» радикализировали свои требования, перейдя к жесткому «натиску» по отношению к «властным». Получают освещение и относительно «теневые» принципы формирования новых государственных институтов, что получило отражение в модели «реконструкции» высших органов власти, которая осуществлялась в ходе проходившей в ноябре — начале декабря 1989 г. серии переговоров лидеров оппозиции и представителей прагматического течения правящего режима.

Важно то, что при этом за «круглым столом» не могла игнорироваться роль «третьего действующего лица» — сотен тысяч граждан ЧССР, принимавших участие в массовых митингах и демонстрациях, а также в забастовках. Активная поддержка ими лидеров «бархатной» революции, но в не меньшей мере и невмешательство СССР в ход событий в Чехословакии позволили представителям ГФ и ОПН к середине декабря 1989 г. сформулировать более жесткие требования к своим партнерам по переговорам и занять активную позицию в плане формирования новых органов власти.

В итоге переговоры вылились в отставку федерального правительства во главе с коммунистом Л. Адамецем и в приход на его место тоже коммуниста, но гораздо более «сговорчивого», М. Чалфы. Это был своего рода переход от «бури» к «натиску», причем, пожалуй, в наименьшей степени поддающийся адекватной интерпретации. Ясно одно: как раз такой переход послужил началом президентской кампании В. Гавела — фигуры, ставшей столь же безальтернативной, как и его коммунистические предшественники на высших постах в государстве в период «режима нормализации».

Во многом загадочные события периода «бури» и «натиска» во всем своем многообразии будут интерпретироваться бесконечно⁴. Здесь же с опорой на документальную основу предполагается дать их анализ с учетом того, что своя динамика развития была у «безвластных» представителей оппозиции, но своя и у «властных».

Период «бури и натиска» в революционных событиях

В конце 80-х годов XX в. под влиянием процессов либерализации в Венгрии и Польше, а позднее перестройки в Советском Союзе в Чехословакии росло недовольство широких масс населения, которое выливалось в многочисленные демонстрации протеста. Все они подавлялись полицией, а лидеры «диссидентов» периодически подвергались арестам. И все же гул неизбежного взрыва ощущался все сильнее. Но самый сильный удар по коммунистическому правлению в Чехословакии был нанесен не изнутри, а извне: им стал провозглашенный в СССР курс на перестройку и демократизацию. Советская перестройка подрывала позиции «режима нормализации», который тем самым лишался опоры не только в своей стране, но и вне ее. Тем более что внутри партии находились и те, кто позитивно оценивал происходившие в КПСС и СССР трансформации. Если вспомнить известное выражение З. Млынаржа, «морозом из Кремля» уже не веяло. Но, естественно, ход и результаты возможных перемен в Чехословакии зарубежные и местные коммунисты предвидеть не могли.

Судя по вышедшему в 2004 г. из печати корпусу дипломатических депеш посольства США в Праге⁵, который подготовил известный чешский ученый В. Пречан, в Вашингтон сообщались самые различные сведения относительно гипотетических перемен в ЧССР в духе «перестройки». В качестве возможных политических «актеров» в доноябрьский период в них назывались как коммунисты-реформаторы, так и некоторые круги оппозиционной интеллигенции.

Все же несмотря на достаточно активные поиски американскими дипломатами ответов на вопросы о текущем и перспективном развитии Чехословакии, возможный ход событий оставался для них *terra incognita*. В частности, обращают на себя внимание самые различные источники сбора и передачи информации в Госдепартамент, в ряду которых первое место занимают беседы с чехословацкими деятелями и советскими дипломатами, находившимися в Праге.

Так, в телеграмме американского посольства от 7 ноября 1989 г. содержится изложение анализа (со слов одного из ведущих сотрудников Пражского института международных отношений) возможной чехословацкой модели реформ. В ней указывалось, что «изменения в Чехословакии

произойдут посредством существующих политических структур, причем КПЧ и в дальнейшем будет играть ключевую роль, а средний чехословацкий гражданин сохранит скепсис по отношению к политическим экспериментам, которые могли бы привести к аналогичным экономическим трудностям, как в Польше»⁶. Комментарии посольством этих и других моментов анализа указывают скорее на согласие с подобной точкой зрения, нежели на ее отрицание или хотя бы полемику.

В телеграмме от 9 ноября отмечалось, что Чехословакия, «на первый взгляд представляет собой "остров стабильности"»⁷. «Однако, — уточнялось в документе, — здесь имеется некий парадокс. В то время как руководство может ощущать давление, реагируя на развитие в ГДР хотя бы пока что только в форме персональных изменений, реакция чехословацкого народа иная. Как нам представляется, позиция обычного гражданина, в отличие от диссидентских и интеллектуальных кругов, по отношению к переменам, несмотря на события в ГДР*, самая недоверчивая»⁸. Данная констатация, как показал ход дальнейших событий, оказалась неверной; рядовые чехи и словаки уже пресытились «нормализацией» и настраивались на более резкие перемены.

Американские дипломаты стремились обосновать свой прогноз, фиксируя недоверие обывателя к любым трансформациям. «Эту реакцию, — отмечалось далее в документе, — можно лучше понять, если вникнуть в психологию чешского человека с его глубокой осторожностью по отношению к риску. Сталкиваясь лицом к лицу с переменами, люди избирают скорее то, что им известно. Привязанность к нынешнему положению усиливается — главным образом у старшего поколения, — если учесть опасения в связи с возродившейся Германией. Намного большее число людей опасается, что может лишиться своего относительного материального благосостояния, если развитие пойдет по пути Венгрии или Польши. Разумеется, и простому гражданину ясно, что Москва обеспокоена темпами проходящих перемен (об этом свидетельствует заявление Шеварднадзе по 1968 г.), и что сам Горбачев, возможно, уже оказался в затруднительном

* Имеются в виду массовые протестные выступления в ГДР против правящего режима под лозунгом единства немецкого народа, начавшиеся еще в октябре 1989 г. в период празднования 40-летия республики, раньше, чем в других странах социалистического содружества.

положении. Это в настоящее время могло бы сдерживать какое-либо реальное давление снизу в сторону существенных политических преобразований внутри системы. Без такого давления или без существенной смены поколений на высших постах нынешние сторонники твердого курса не решатся на проведение настоящих политических реформ»⁹.

В связи с этим весьма симптоматично, что 16 ноября, т.е. в самый канун «бархатной» революции, из посольства США в Госдепартамент были направлены сразу семь телеграмм по самым различным вопросам. Одна из них касалась демонстрации 15 ноября в Стромовке (телеграмма 08031), в которой приняли участие около тысячи человек и которая считалась уже массовой¹⁰. Ее целью было не допустить реализации проекта строительства скоростного туннеля через парк. «Диссидентские источники, — как отмечалось в документе, — были удивлены масштабом демонстрации "Стромовка" и теперь прогнозируют участие в студенческой демонстрации по случаю 17 ноября нескольких тысяч человек»¹¹.

В другом документе (08051) излагалось содержание пресс-конференции пресс-секретаря министерства иностранных дел ЧССР Л. Маршика. Ему задавали следующие вопросы: может ли Чехословакия и в дальнейшем противостоять проявлявшимся в Восточной Европе тенденциям и уклоняться от проведения важных политических реформ, включая введение плюралистической демократии. «В ответ, — по словам американского посла в Праге, в прошлом известной американской актрисы Ширли Блэк (Темпл), — Маршик высказал журналистам официальную позицию о возрождении Национального фронта, политической организации, в рамках которой помимо КПЧ объединены еще четыре некоммунистические партии, а также о запланированных на 1991 год альтернативных выборах*. В качестве доказательства благих намерений чехословацкого правительства в вопросах политических реформ Маршик указал на ведущиеся работы над новой конституцией. Однако он тут же стал сам себе противоречить, заявив, что даже после альтернативных выборов и принятия новой конституции КПЧ сохранит в обществе руководящую роль»¹².

Судя по тону этих и ряда других телеграмм, серьезного взрыва недовольства, который мог бы положить начало сме-

* Очередные парламентские выборы в Федеральное собрание страны, по Конституции ЧССР, должны были состояться в мае 1991 г.

де «режима нормализации», сотрудники американского посольства не ожидали. Но кризис приближался, а радиостанции и телевидение всего мира все чаще и четче фокусировали свое внимание на Чехословакии.

Помимо разногласий в руководстве ЦК КПЧ, которые для американцев представляли безусловный интерес, посольство обращало внимание и на внутреннюю деятельность партии. В единственной опубликованной в сборнике документов телеграмме, датированной 17 ноября (08075), речь шла о состоявшемся 16 ноября заседании президиума ЦК КПЧ, который наметил созыв пленума ЦК на 14–15 декабря 1989 г. На нем планировалось обсуждение широкого круга вопросов, в том числе: отчет о деятельности партии за период с 15 пленума; обсуждение реализации итогов плана на 1989 и проект плана на 1990 г., а также информация о 9-й пятилетке (1991–1996); доклад о подготовке «нового хозяйственного механизма», введение которого в действие предполагалось с 1 января 1990 г.; обсуждение проекта новой программы КПЧ.

В той же депеше дается весьма любопытный комментарий в связи с отъездом в Москву вечером 16 ноября «идеологического шефа КПЧ Яна Фойтика». В представлении посольства Фойтик являлся «самым откровенным критиком советского и восточноевропейского движения из всех членов чехословацкого руководства. Поэтому в Москве он может встретить со стороны своих хозяев холодный прием и жесткие слова. Не исключено, что Фойтик попытается представить медленный темп чехословацких реформ как можно в более благоприятных тонах, а в качестве аргументов в свою защиту предьявит следующие: поскольку во всем регионе события развиваются чем дальше, тем стремительнее, то в собственных интересах Советов удержать по крайней мере хотя бы одного постоянного и ортодоксального союзника»¹³.

Внимание к Фойтику было вызвано, в частности, тем, что он после Москвы собирался нанести визит и в Вашингтон. Его там ждали и надеялись на то, что объяснения на тот момент ведущего идеолога «нормализации» четче прояснят ситуацию в Чехословакии как стране, якобы не настроенной на перемены.

Может быть, Фойтик и намеревался убедить советское руководство в благодетельности отсутствия перемен, причем именно таким образом, как предполагали аналитики из аме-

риканского посольства. Однако приезд в Москву смешал все его карты. Мало того что с ним не встретился Горбачев, «поручив» эту миссию своему помощнику В.А. Медведеву, но и последний не дал каких-то не то что рецептов, но даже определенных оценок. По всей видимости, ноябрь 1989 г. в Москве оказался временем размышлений и действий по совсем другим поводам. В мае — июне 1989 г. прошел первый Съезд народных депутатов СССР, который ознаменовался не только предоставлением поста Председателя Верховного Совета М.С. Горбачеву, что свидетельствовало о признании его позиций как «гаранта перестройки», но и созданием Межрегиональной депутатской группы, ставшей катализатором принципиально новых идей. Готовился Второй съезд, которому предстояло оценить итоги уже происшедших перемен в странах Восточной Европы, преобразовавшейся на глазах в Европу Центральную. Все активнее шла борьба за отмену 6-й статьи Конституции СССР, т.е. о прекращении монополии КПСС на власть. Руководителям СССР и компартии было не до Фойтика; Чехословакия предоставлялась самой себе, а перемены в ней ощущались как неизбежность...

И все же взрыв произошел неожиданно — и даже как бы с разрешения властей. Как уже сказано, начало «бархатной» революции в Чехословакии датируется 17 ноября 1989 г. Именно тогда, в день 50-летия расстрела демонстрации пражских студентов гитлеровцами, на улицах столицы собралось около 25 тыс. человек. Они открыто выражали свое недовольство «режимом нормализации». Демонстранты провозглашали требования свободы и демократии, выдвигали лозунги политического характера, в частности звучали призывы к отмене всевластия одной партии и проведению свободных выборов¹⁴.

После завершения разрешенной властями манифестации ее участники направились в сторону Вацлавской площади. Кроме студентов в ней присутствовали многие жители чехословацкой столицы. На Национальной улице около 50 тыс. манифестантов были остановлены полицейскими кордонами, приступившими к их разгону. Часть участников колонны по требованию органов правопорядка разошлась, а остальные (около двух тысяч), заблокированные органами госбезопасности, подверглись жестокому избиению. Многие манифестанты получили ранения, некоторые из них тяжелые. Неожиданно вспыхнули слухи, что один из них, студент физико-математического факультета Карлова универ-

ситета Мартин Шмид, погиб при расправе полиции с демонстрантами¹⁵. Весть об этом молниеносно распространилась, вызвав гнев и возмущение жителей столицы. Эти слухи сразу же были подхвачены СМИ, в первую очередь зарубежными (хотя «убитый студент» вскоре благополучно «воскрес»).

Посвященная памяти расстрела пражских студентов мирная манифестация плавно превратилась в демонстрацию протеста против «коммунистического режима» и сразу же привлекла внимание всего мира. События были «ожидаемыми», поэтому и все заинтересованные силы включились в их раскрутку. Голос студенчества зазвучал наиболее громко уже с самых первых часов демонстрации, именно его лидеры не боялись выдвигать самые радикальные призывы и лозунги. Именно вследствие такого радикализма требований день 17 ноября стал первым днем «бархатной» революции.

С учетом этого обстоятельства чешский ученый М. Отагал утверждает, что в период, названный нами временем «бури», действия студентов оказались изначально решающими. «В первые два дня революции, — по его словам, — все находилось в руках студентов, они дали программу, объяснили суть, нашли инструмент, которым можно бороться; с властями они отказывались серьезно разговаривать, сознавая свою силу. Но как только возникает Гражданский форум, на первый план выходят те, кто заработал авторитет, пребывая в многолетней оппозиции. То, что молодые люди это поняли и все же вошли в Гражданский форум, явилось, как я думаю, выражением их политической мудрости. Полагаю, под напором студентов этот режим рухнул гораздо быстрее, чем в ходе возможных попыток прийти к соглашению между оппозицией и так называемыми "разумными" коммунистами»¹⁶. «Чехословакия являлась единственной центрально-европейской страной, где студенты играли в период падения коммунизма роль самостоятельного политического субъекта»¹⁷.

Между тем студенты в качестве решающей политической силы преобразований первоначально игнорировались даже столь пристрастным наблюдателем, как посольство США в Праге. Впервые информация о пражских событиях была представлена в Госдеп в телеграмме от 18 ноября (08082; с пометкой «секретно» и «срочно ночью»). Развернувшиеся события названы в ней «самой крупной антирежимной демонстрацией за последние 20 лет». В телеграмме

акцентировалось внимание на «официально санкционированной демонстрации в день памяти студенческого протеста», которая прошла днем раньше¹⁸. Число демонстрантов достигало, по мнению посольства, 50 тыс. чел. (как оно и было на самом деле). Повышенный интерес уделялся пострадавшим западным журналистам, включая раненную в голову женщину-репортера газеты «Чикаго Трибюн». По этому и другим поводам Ш. Блэк рекомендовала Госдепартаменту занять жесткую позицию и отменить, в частности, намечавшийся визит в Вашингтон уже упомянутого Я. Фойтика¹⁹.

Посол проинформировала Госдеп и о гибели «одного из студентов»²⁰. В комментарии отмечалось: «Это первая массовая исключительно студенческая демонстрация с 1969 года, и она является для Якеша переломным событием»²¹. «Однако, — моделировало ситуацию посольство, — то, как быстро режим Якеша исчезнет со сцены, сейчас, возможно, зависит не только от раскола в руководстве, но от давления общественности. Важным фактором, который мог бы сыграть ключевую роль, является советская реакция на здешнее развитие. Вчера вечером после возвращения из Москвы Фойтик выглядел физически потрясенным. Нет сомнений в том, что от своих советских "визави" он выслушал резкие слова и вопросы относительно того, что конкретно предполагает режим Якеша, говоря о реформах»²².

И все же американские дипломаты трактовали демонстрации 17 ноября всего лишь как акции протеста, хотя и более массовые и в чем-то неожиданные. Как раз поэтому прогнозировались «новые возможности для общественного протеста», которые должны появиться в Праге лишь 8 декабря в день памяти Джона Леннона либо 10 декабря в Международный день прав человека или даже 16 января в годовщину трагической гибели Яна Палаха. «Пример пражских студентов, — указывалось в документе, — может спровоцировать демонстрации в указанные даты даже в гораздо более крупных масштабах»²³. Как видно из телеграммы, посольство США не предполагало «бури», т.е. обвального хода событий и краха «режима нормализации»; решимости же студентов и, главное, ее последствиям не придавалось должного значения.

Примечательна молниеносная реакция большинства эмигрантских деятелей и ряда зарубежных политиков, давно ожидавших протестного движения в «отставшей» по темпах революционных преобразований Чехословакии²⁴. Ими

прогнозировался выход на авансцену А. Дубчека и В. Гавела; возможное насильственное сдерживание протеста, по их суждениям, сводилось к минимуму; допускалась возможность вовлечения остальных стран в процесс падения «коммунистических режимов»²⁵. Новости из Чехословакии мгновенно выплеснулись на первые полосы западных газет и журналов. И для этого имелись все основания: радикализм в студенческой среде крепчал не по дням, а по часам в отсутствие каких-либо организационно оформленных объединенных руководящих структур в среде чехословацкой оппозиции. Предложения студентов без оглядки решать главную задачу революции — вопрос о власти — мобилизовали оппозиционные силы, однако адекватных сложившейся ситуации ответных действий со стороны партийного руководства пока не вызвали.

Итак, первые два дня «бархатной» революции, начавшиеся со студенческой манифестации, не могли не всколыхнуть всю внутреннюю оппозицию, уже с лета ждавшую повода резко активизировать свою деятельность, и все же (как и любая революция) они застали ее врасплох. Это отразилось в ряде документов тех неформальных объединений и групп, которые начинали борьбу с «режимом нормализации» еще с середины 70-х годов в основном методами «неполитической политики»²⁶. Но стихийно возникшее массовое движение протеста стало проявлением как раз действенной политики — так сказать, «политической политики», резко изменившей ситуацию в стране. Надо подчеркнуть, что движение «Хартия — 77» одним из первых ощутило грянувшую «бурю», но все же конкретных политических программ выработать не успевало. Это касается и прочих оппозиционных структур, как бы по инерции вовлеченных только в правозащитную деятельность. Однако имелись исключения, и одно из них — «Чехословацкая демократическая инициатива»²⁷.

Вектор будущего развития Чехословакии попытался определить Клуб за социалистическую перестройку «Возрождение», включавший бывших коммунистов-реформаторов периода Пражской весны. Он связывался с демократическим социализмом, «социализмом с человеческим лицом» и предполагал диалог с теми частями правящей элиты, которые если и не признают значимости соответствующих идей, то хотя бы согласятся с необходимостью перестройки по чехословацкому варианту. И это, конечно же, не случайно: по-

пытки кардинальной общественной трансформации в 1968 г. членами клуба уже предпринимались. Следует отметить, что позднее «возрожденцам» это ставилось не в заслугу, а в порицание, хотя во многом по их сценарию и пошел ход политических событий, в частности наладился диалог с частью правящей элиты. Исполнительный комитет клуба «Возрождение» выпустил «Обращение»*, резко осуждавшее жестокое подавление полицией студенческой демонстрации 17 ноября. Не ограничившись этим, «возрожденцы» выдвинули довольно конкретные требования: отставка министра внутренних дел, проведение расследования и обнародование его результатов. «Одновременно, — указывалось в документе, — мы требуем отставки тех представителей нашей политической жизни, которые утратили доверие и скомпрометировали себя ответственностью за репрессивные акции, направленные против своего собственного народа»²⁸.

Этот набор требований совпадает с таковыми у других оппозиционных структур. Однако помимо этого лидеры клуба «Возрождение» выступили с призывами к «объединению всех сил для реализации последовательных преобразований, развития *реальной перестройки* (курсив мой. — Э.З), обеспечения прав человека и гражданина»²⁹. Если вспомнить, что на перестройку в рассматриваемый период возлагались весьма серьезные надежды не только в СССР и в странах социалистического содружества, но и во всем мире, то радикализм данного «Обращения» сомнению не подлежит.

Важно другое: составители документа существенно ограничивали базу оппозиции, ориентируясь на перестройку в ее исключительно социалистическом облике, хотя и подлежащем радикальному реформированию в направлении демократического социализма. Можно говорить в этом плане о поиске «третьего пути». Поскольку в СССР преобразование инициировало руководство КПСС, то и «возрожденцы» в ходе перестройки в своей стране не исключали диалога с высшими эшелонами КПЧ, вычлняя в ней реформистское крыло и опираясь именно на него.

Вторым документом клуба «Возрождение» стал «Проект предложения об объединении демократических левых сил»** с целью преобразования Чехословакии в демократическую и социально справедливую республику. В нем обос-

* Документ не датирован.

** Документ не датирован.

новывалась идея свободных выборов, по итогам которых следовало сформировать парламент, «выражавший истинную волю народа»³⁰; сроки проведения выборов не уточнялись. Проект призывал всех «демократически и социалистически мыслящих граждан» к «предметному диалогу»³¹. Можно предположить, что лидеры клуба ориентировались на классические процедурные образцы: сначала парламентские выборы, а затем формирование на основе его результатов высших властных структур. Пути и методы смены правительства в документе не поднимались, однако постановка вопроса об избрании нового парламента дает основание утверждать, что формирование правительства занимало в планах лидеров клуба подчиненное место.

Рассматриваемые документы показывают, что содержащиеся в них идеи демократического социализма служили более четкой платформой проектов преобразования общества по сравнению с другими. Что касается планов объединения «левых сил», то их можно назвать достаточно перспективными, если учесть, что спектр возможностей, предложенных клубом «Возрождение», был весьма широк и даже не исключал «перестраивавшихся» коммунистов.

В то же время Вацлав Гавел и «хартисты» стремились ограничить базу движения в своих программах, исключая социалистический путь развития не только в «нормализаторском», но и «перестроечном» его варианте. Это затрудняло поиск общей платформы действий, приемлемость модели «третьего пути», тем более что фактор «оккупации» страны советскими войсками тотально подрывал кредит доверия идее «социализма с человеческим лицом».

Конечно, ход событий определяли не эти разногласия. Тон им задавали массовые демонстрации. Однако «зазор» между реформистско-социалистической и иными составляющими оппозиционного движения обнаружился едва ли не в первые дни революции. Несмотря на то что ГФ поддерживала часть коммунистов-реформаторов, они по разным причинам не пошли в дальнейшем по пути сближения позиций и поиска общего концептуального пути развития Чехословацкого государства.

В целом можно с достаточной определенностью утверждать: первые два дня «бархатной» революции продемонстрировали отсутствие заранее сложившихся планов, а тем самым согласованности позиций ее «движущих сил», контуры разногласий которых наметились и определились еще в

предшествующий период. Отсутствовала не только скоординированная программа действий, но и единое мнение относительно проведения назревавшей забастовки³². Складывается даже впечатление, что некоторые лидеры независимых гражданских инициатив предпочли занять в первые часы неожиданно грянувшей «бури» выжидательную позицию.

Главное внимание в большинстве заявлений из лагеря оппозиции концентрировалось на осуждении правящего режима. При этом будущими «властными», в частности «хартистами», предлагались модели, основанные преимущественно на компромиссных вариантах демонтажа «режима нормализации». Бескомпромиссно в данный предельно спресованный исторически отрезок времени выступали в основном студенты. Именно они требовали изменить положение в стране коренным образом.

Таким образом, первые два дня «бури» не выявили тех политически организованных и структурированных сил, которые в дальнейшем стали задавать тон событиям: начала доминировать «улица», хотя во многих заявлениях устоявшихся или возникавших оппозиционных течений, включая студенчество, можно обнаружить элементы радикализма или компромисса. Лишь на третий день образовались структуры, способные воплотить в жизнь нового рода политические инициативы — Гражданский форум в Праге и Общество против насилия в Братиславе. Тогда же впервые прозвучали имена тех, кто в будущем стал определять ход событий, причем не только в ближайшей перспективе: со стороны пока еще «безвластных» — В. Гавел и А. Дубчек, а со стороны все еще «властных» — Л. Адамец, представлявший ту их часть, которая могла ориентироваться на диалог с оппозицией.

А что же в среде «властных» в целом? Как отреагировали они на охватившую Прагу, Братиславу и другие города «бурю»? Появились ли фигуры, осознающие возможность и даже признающие необходимость диалога? Разумеется, появились, и в первую очередь на улицах — на третий день после демонстрации. Это лидер ССМ В. Могорита, заявивший 19 ноября о недопустимости репрессий против студенчества. Но он оказался практически единственным из числа высшего эшелона «властных». Но мало того что «одна ласточка весны не делает»; если бы на улицы вышло все руководство КПЧ, то и тогда напор массового движения, требовавшего смены власти, едва ли удалось сдержать.

С самого утра 19 ноября студенты и другие жители Праги снова собрались на Вацлавской площади и в близлежащих улицах. Во второй половине дня площадь заполнилась демонстрантами, скандировавшими лозунги: «Пишите правду!», «Свободное слово!» «Масарик!». Последний лозунг перебрасывал мост не к 1968, а к 1918 г. и ориентировал на политические ценности межвоенной Чехословакии. Ясно, что их стремились «присвоить» все ключевые силы оппозиции, поэтому в дальнейшем за наследие Масарика развернулись целые идеологические баталии.

Около 18 часов несколько тысяч демонстрантов направились к Пражскому Граду, но прилегающие к нему мосты по-прежнему оставались перекрытыми полицейскими кордонами. Число демонстрантов увеличилось, в их ряды вливались интеллигенты, служащие, рабочие. В стихийной демонстрации против режима на Вацлавской площади в Праге сошлись более 100 тыс. человек; митинги протеста (не столь многочисленные) состоялись в Брно, Остраве и Братиславе. Во всех пражских вузах стали создаваться факультетские забастовочные комитеты, координировавшие свою деятельность из находившегося в Академии музыкальных искусств центра. Студенты призывали в своем основном воззвании рабочих и крестьян поддержать их требования, и эти призывы сразу же были услышаны.

В течение 19 ноября независимые группы продолжали представлять общественности свои версии демонтажа «режима нормализации». Так, в программном Заявлении президиум «Чехословацкой демократической инициативы» поставил перед правительством достаточно жесткое требование: уход до 25 ноября 1989 г. в отставку³³. В то же время предлагалось провести переговоры с перспективой заключения по их итогам соглашения о формировании переходного «правительства гражданского сосуществования». Назывались и конкретные участники этих переговоров: 1) А. Дубчек и члены государственного руководства до вооруженной интервенции 21 августа 1968 г.; 2) В. Гавел и представители независимого оппозиционного движения; 3) не скомпрометировавшие себя представители существовавшего правительства, которые еще не утратили полностью доверия населения (имена не упоминались). Участие в «правительстве гражданского сосуществования» ведущих деятелей реформистского движения 1968 г., по мнению составителей документа, должно было «подчеркнуть преемственность демократического процесса в ЧССР, а независимым граждан-

ским группам следовало обеспечить участие в правительстве населения"³⁴.

Как отмечает чешский историк М. Отагал, «Чехословацкая демократическая инициатива» несколько позднее не исключала из переговоров о составе нового правительства членов прежнего кабинета, но, в отличие от других частей оппозиционного спектра, «формирование его состава не отдавала исключительно на откуп Л. Адамецу». Следует отметить, что именно Гавел проявил в столь непростой и деликатной ситуации большую политическую гибкость: он, несмотря на демонстративное нежелание премьер-министра встречаться с диссидентом, именно его считал на данный момент ключевой фигурой.

«Инициативники» казались на тот момент самыми последовательными, но к 19 ноября выяснилось, что «в одиночку» оппозиционное движение не в состоянии возглавить ни одна из групп «безвластных». Как уже отмечалось, голос «хартистов» не звучал достаточно громко, но и другие оппозиционные группировки выглядели не столь радикально на фоне требований студенчества, а также поддержавших его широких масс.

Таким образом, намечался первый шаг по налаживанию диалога «безвластных» и «властных», что значило и продвижение к изменению их статуса: первые (не все) устремлялись к власти, вторые (тоже не все) ее теряли... В первой половине дня 19 ноября представители группы «Мост» (М. Горачек и М. Коцаб) отправились для встречи с Л. Адамецем на его квартиру и предложили ему начать переговоры с оппозицией. Однако тот лишь заверил оппозиционеров в скором проведении расследования полицейских акций 17 ноября, подчеркнув, что не вправе лично принимать всеобъемлющие политические решения, поскольку для этого существуют соответствующие органы.

Высшее же партийное руководство предпочло действовать всего лишь по сценариям мягкой «нормализации», с учетом необходимости хотя бы декларативно признавать линию на перестройку, но с блокировкой инициатив оппозиции. 19 ноября М. Якеш отмечал, что такие инициативы выдвигают антисоциалистические группы во главе с «Хартией»³⁵. Диалог в подобных условиях состояться не мог. События же под натиском «бури» развивались стремительно, и «улица» требовала решительных преобразований: счет пошел уже не на дни, а на часы.

19 ноября в 22 часа в Драматическом театре собрались представители чехословацкого оппозиционного движения: «Хартии – 77», Чехословацкого Хельсинкского комитета, Круга независимой интеллигенции, Движения за гражданскую свободу, Артфорума, клуба «Возрождение», «Чехословацкой демократической инициативы», Комитета защиты несправедливо преследуемых, Независимого объединения за мир, Открытого диалога, центра Пен-клуба, партий НФ ЧССР – ЧСП и ЧНП; церкви, творческих и других союзов, а также ряда бывших и числившихся на тот момент в партии коммунистов. Пришли также делегаты независимых студентов, представители других демократически ориентированных гражданских групп. Всех их объединяла борьба против «режима нормализации». Естественно, что соответствующее движение манифестировало себя как единый порыв всех передовых сил, представители которых сами верили в первые дни в наличие данного единства. Однако целый пласт опубликованных и неопубликованных документов свидетельствует, что это единство являлось скорее желаемой целью, чем реальностью.

Все собравшиеся признали необходимость создания организованной структуры под названием Гражданский форум (ГФ), которая в дальнейшем стала ведущей движущей силой политической жизни страны. ГФ выступил с «Обращением», за основу которого был взят подготовленный В. Гавелом³⁶ текст, включавший четыре позиции: отставка членов Президиума ЦК КПЧ Г. Гусака, М. Якеша, Я. Фойтика, М. Завадила, К. Хоффмана и А. Индры, имена которых связывались с оккупацией страны в августе 1968 г.; смещение первого секретаря пражского горкома КПЧ М. Штепана и федерального министра внутренних дел Ф. Кинцла; создание комиссии по расследованию полицейского произвола с включением в ее состав представителей ГФ; освобождение всех «узников совести», включая задержанных в связи с последними манифестациями. При этом ГФ провел водораздел между партийным и государственным руководством страны, допуская диалог со вторым. Другое дело, что практически все государственное руководство состояло в КПЧ и даже в ее Центральном Комитете и поначалу не стремилось расставаться с партийными билетами.

Нужно подчеркнуть, что в дальнейшем развитие событий пошло по предложенному ГФ сценарию переговоров с главой федерального правительства, при этом требования его без-

оговорочной отставки, на чем настаивала радикальная часть оппозиции, не реализовались. Здесь свою роль, видимо, сыграла ставка ГФ на реформаторскую часть высших чинов в государственном руководстве (Л. Адамец). Тем самым политическое развитие в Чехословакии, по словам М. Буриана, проходило по иному, компромиссному направлению, «в режиссуре Гражданского форума, а также премьера Адамеца, которому из своей канцелярии (президиума правительства. — Э.З.) удалось создать второй центр власти»³⁷.

Братиславская оппозиция активно отреагировала на пражские события с учетом того, что манифестации, собиравшие сотни тысяч участников, для Словакии чем-то необычным не были³⁸. В первой половине дня 19 ноября в здании Художественной беседы в Братиславе началась подписная акция протеста против подавления демонстрации пражских студентов, в которой приняло участие около 500 чел.; именно из их среды образовалось ядро оппозиционной структуры под названием «Общественность против насилия». Принятая резолюция решительно осуждала насилие на пражских улицах. Она содержала в целом требования немедленного расследования и наказания виновных, а также «очистки общественной жизни от сталинских элементов и их методов»³⁹.

На следующий день в Братиславе представителями культурной и научной общественности создано словацкое гражданское движение *Общественность против насилия* (ОПН)⁴⁰. В заявлении от 20 ноября 1989 г. ОПН требовала начать общественный диалог в качестве пути достижения реальной демократии⁴¹. ОПН выступила в поддержку требований ГФ, получив тем самым общечехословацкое выражение. «Для нас неприемлемо, — говорилось в документе, — чтобы наша страна со своими демократическими традициями и миллионами творческих людей оставалась островом стагнации и упадка»⁴². В дальнейшем требования ОПН конкретизировались. Движение поддержало программу ГФ, настаивая на проведении диалога, а также на встрече представителей ОПН, студентов и других общественных групп с главой словацкого республиканского правительства⁴³.

Все же, как справедливо пишет Я. Рыхлик, «в Чехословакии в ноябрьские дни проходили параллельно две революции — чешская и словацкая, а, возможно, даже (в определенном смысле слова) "две с половиной" революции — чешская, словацкая и венгерская. Было логично, что очень скоро

победила концепция двух центров революции и двух революционных организаций, сотрудничающих на основе признания базы для партнерства»⁴⁴. И данное наблюдение может многое объяснить в дальнейшей истории Чехословакии, которой было отпущено всего три года...

Несмотря на официальное опровержение ЧТК 20 ноября слухов о гибели студента во время демонстрации 17 ноября⁴⁵, власти убеждались, что пламя «контрреволюции» разгоралось со все большей силой: демонстрации в Праге не прекращались, охватив в последующие дни Брно, Братиславу и другие города страны.

Как говорилось выше, большая часть «властных» сразу же заняла бескомпромиссную и однозначную позицию: события 17 ноября квалифицировались ими как выступления антисоциалистических сил. ЦК КПЧ традиционно призвал партийные и трудовые коллективы решительно осудить предпринимаемые в стране попытки «политического переворота». Одновременно были приведены в готовность части народной милиции, а глава чешского правительства Ф. Питра выступил по телевидению с осуждением последних событий и призывом к чехословацким гражданам соблюдать порядок и поддержать партийно-государственное руководство. Его выступление прозвучало в 21.00, но до этого в течение дня появилось столько заявлений против проводившегося «властными» курса (так, в сборнике документов «Deset pražských dnů...» приводятся полтора десятка), что данный призыв не мог быть воспринят хотя бы по этой причине. Характерно, что Питра обещал при этом проведение реформ по совершенствованию существующего строя, но кто мог согласиться с его предложениями по укреплению социализма? Особенно в дни, когда его устои уже не латентно, а явно трещали по всем швам... Таким образом, ничего нового «властные» предложить не могли.

Однако среди части коммунистов имелись носители и более открытых взглядов. Как уже сказано, на состоявшейся 20 ноября 1989 г. в Праге 200-тысячной демонстрации к собравшимся обратился член Секретариата ЦК КПЧ, председатель ССМ В. Могорита. Он представил собравшимся заявление секретариата ЦК ССМ, в котором говорилось, что никогда не должно повториться противостояние друг другу молодых людей — демонстрантов и бойцов спецподразделений. «Насилие в данном случае считаем недемократичным, не отвечающим политике перестройки и демократизации

общества», — заявил В. Могорита от имени руководства молодежной организации⁴⁶.

Студенты же постоянно ужесточали свои требования, мобилизуя и оппозицию, включая ГФ. Созданный ими Общепражский координационный забастовочный комитет в «Призыве к соотечественникам» еще раз и настоятельнее потребовал отставки ведущих представителей «режима нормализации» с указанием конкретных имен, более резко повторяя соответствующие позиции «Обращения» ГФ от 19 ноября. Вместе с тем в документе можно обнаружить и более радикальные цели, например, отмену статьи в Конституции ЧССР о руководящей роли КПЧ⁴⁷. В нем прозвучали и новые мотивы, акцентировавшие внимание уже не только на диалоге с властями, но на «не ограниченной временными рамками *всенародной дискуссии* (курсив мой. — Э.З.) о современном положении, включающей также поиск путей выхода из катастрофического общественного, политического и экологического положения»⁴⁸.

Данный документ, как и целый ряд других, свидетельствует, что именно из студенческой среды исходили не только инициативы массовых движений протеста, но и конкретные предложения политического характера, отпугивавшие иногда даже диссидентов. Студенчество в самые первые дни «бархатной» революции представляло собой резервуар идей и инициатив радикального и одновременно конструктивного характера.

Таким образом, первые четыре дня потрясений показали: события принимали необратимый характер. Нараставшую «бурю» остановить уже не представлялось возможным. Кардинальные изменения политического строя казались неизбежными. Более того, они уже начинали воплощаться в жизнь. В связи с этим более четко определилась задача перегруппировки сил среди как «властных», так и «безвластных». Дело шло к тому, что масштаб употребления означенных слов сжимался: встал вопрос о смене власти.

Координационный центр ГФ (КЦ ГФ) в связи с этим принял решение встретиться с Л. Адамецем. Однако премьер потребовал: на переговорах не должен присутствовать Гавел, и это требование оппозиции, еще считавшейся с властью «властных», пришлось выполнить⁴⁹. Адамец сообщил, что правительство ЧССР готово принять какой угодно и от кого угодно добрый совет, если это будет спо-

собствовать обновлению социалистического общества. «Но социализм, — заявил премьер, — мы будем защищать, это дискуссии не подлежит»⁵⁰. Ключевые же политические решения по-прежнему оставались в компетенции не столько кабинета министров, сколько ЦК КПЧ. Об этом в день первой встречи федерального премьера с оппозицией в выступлении по чехословацкому телевидению заявил М. Якеш: «Мы приветствуем диалог со всеми, кто поддерживает социализм, хотя и критикует неурядицы и недостатки, с которыми мы сталкиваемся... Для нашей страны единственной перспективой является социалистический путь развития, мы обязаны защищать завоеванные в минувших битвах и самоотверженным трудом целых поколений ценности социализма, развивать и обогащать их в новых условиях, которые ставят перед нами все новые и новые задачи»⁵¹. Но становилось ясно, что монополию на власть данный партийный орган уже теряет с молниеносной быстротой.

К этому времени акции протеста стали приобретать общегосударственный масштаб: студенческие волнения проходили параллельно в Чехии и Словакии, к ним подключились широкие слои общественности. Аналогичные гавеловскому заявления о неприемлемости насилия в это время громко звучали и в Братиславе. В данной обстановке призывы к реальному диалогу уже не могли оставаться пустой декларацией ни с той, ни с другой стороны, а достаточно жесткая позиция властей должна была измениться. Но кто мог взять на себя смелость сделать первый шаг, рискуя получить ярлык «соглашателя» (со стороны оппозиции) или «предателя» (со стороны официальных властей)? В. Гавел всячески демонстрировал готовность к данному диалогу, но тот с самого начала шел не по его сценарию. Л. Адамецу на этот раз удалось не допустить его участия в качестве ключевой фигуры, но и сам премьер не мог претендовать на эту роль: принадлежность к КПЧ сковывала многие его инициативы. Венгерского сценария трансформации части прежней «властвующей элиты» в часть нового политического руководства не получалось.

Одновременно с данной встречей лидеры ГФ занимались поиском прямого контакта и с ОПН, который был установлен с приездом в этот день Прагу представителя Координационного комитета ОПН (далее КК ОПН) П. Заяца. В. Гавел встретился с ним и 21 ноября записал на магнитофон «Обра-

щение к словацкому народу»*. В нем, в частности, говорилось, что «федерализованная тоталитарность трансформируется в демократическую федерацию и мы будем жить как два полноправных братских народа ...дружба которых будет действительно аутентичной»⁵².

Неудача переговоров Л. Адамеца с представителями оппозиции рельефно отразила беспомощность партийного руководства в целом. За несколько дней до предполагаемого чрезвычайного пленума ЦК КПЧ выяснилось, что ситуация стремительно выходит из-под контроля коммунистов, а демонстрации и забастовки переходят в «бурю» гражданского неповиновения. Укротить народное недовольство оказывалось невозможным, а к протестному движению присоединялись все новые слои общества. Сначала перемены, а уже потом разговоры о социализме «с человеческим» или каким-либо другим лицом, а, возможно, и вообще не социализме, — таков был доминирующий настрой масс.

Координационный забастовочный комитет пражских вузов обратился с «Воззванием» ко всем правительствам мира, а также к ООН с просьбой о поддержке и помощи манифестантам всеми дипломатическими средствами, которыми они располагают. Воззвание передали в Посольства США и СССР⁵³. Апелляции к мировому сообществу содержались также в письмах ГФ, направленных 21 ноября Дж. Бушу и М. Горбачеву⁵⁴. Опять-таки студенты и ГФ шли параллельным курсом, но требования первых были более радикальны.

Что касается освещения событий американским посольством в Праге, то 19 ноября телеграмм отправлено не было. Образовавшаяся лакуна полностью компенсировалась 20 ноября, когда в Вашингтон полетели целых шесть депеш. В них шла речь о нападениях полиции на семерых американских журналистов; о прекращении насильственных действий против демонстрантов в субботу и воскресенье (соответственно 18 и 19 ноября), а также об аресте чешского репортера П. Ула, давшего ложную информацию о гибели студента М. Шмида; о позиции чехословацких газет в отношении демонстраций; об организации Гражданского форума⁵⁵.

Следует отметить новые акценты в сообщении посольства относительно Я. Фойтика. Он, как уже отмечалось, вместо Вашингтона устремился в Москву, где в ходе встречи с чле-

* В переговорах с органами государственной власти, проходившими в Праге как 21, так и 26 ноября, представители ОПН участия не принимали.

На заседании политбюро ЦК КПСС В.А. Медведевым речь шла о событиях 1968 года, о необходимости перестройки и ускорении темпов реформ. Подчеркивалось (телеграмма 08110) отсутствие каких-либо конкретных предостережений или наставлений с советской стороны. Согласно Фойтику, М.С. Горбачев якобы говорил, что нужно «завершать стадию перестройки, характеризующуюся митингами и бесконечными дискуссиями, и продолжить ее реальными делами». Одна из телеграмм извещала о 150-тысячной (по оценкам посольства — 200-тысячной) демонстрации в Праге, 30 тыс. чел. в Брно, 6 тыс. в Оломоуце, 1 тыс. в Остраве, Либереце и Теплице. Такой получился «день телеграмм», насыщенный самой разнородной информацией⁵⁶.

Безусловный интерес представляет видение американцами позиции советского посольства в Праге, которое содержится в тексте одной из направленных в Вашингтон телеграмм (08152). В ней зафиксирована секретная информация о состоявшемся 17 ноября телефонном разговоре сотрудника политико-экономического отдела американского посольства с советником по экономике посольства СССР в Праге О. Лушниковым, в котором затрагивались вопросы экономических реформ в Чехословакии. «Лушников сказал, — говорится в документе, — что "абсолютно" согласен с мнением сотрудника политико-экономического отдела, что чехословацкий режим серьезно относится к экономическим реформам, однако опасается политических последствий болезненных решений в ходе их реализации. Несмотря на это, он неоднократно заверял сотрудника политико-экономического отдела относительно того, что правительство эти шаги предпримет, и указал на меры, которые уже были приняты и должны претвориться в жизнь к 1 января; он также утверждал, что данная "подготовительная фаза" в конце концов приведет к "более радикальным" шагам. Вместе с тем, он полагает, что чехословацкая стратегия медленного и осторожного движения является "оптимальной" в сравнении с быстрым путем, который избрали Венгрия и Польша»⁵⁷.

В комментарии, завершающем заключительную телеграмму от 21 ноября (08156), отмечается: «Позиция Гражданского форума относительно невозможности диалога с теми, кто дискредитировал себя активным участием в процессе нормализации, находясь у власти после 1968 года, верна. Любой весомый диалог может состояться лишь в том случае, если нормализаторы уйдут со сцены и будут заменены полити-

ками, лучше понимающими смысл слова диалог»⁵⁸. Надо подчеркнуть, что ГФ пока еще не привлек должного внимания американских дипломатов. Телеграммы свидетельствуют, что в тот момент превалировала установка делать равные ставки на разные силы с акцентом на необходимости диалога. И это являлось скорее констатацией, нежели «подсказкой». Своего рода доказательством этого являются встречи американских дипломатов с сотрудниками посольства СССР в Праге в самые первые дни «бархатной» революции. В дальнейшем, по мере разрастания «бури», подобного рода контакты в опубликованных в сборнике документах не зафиксированы, предпочтения отдавались скорее представителям оппозиции.

Если вернуться к ходу событий в Праге, то надо подчеркнуть, что 22 ноября 1989 г. лидерами независимого студенческого движения было принято решение не противопоставлять платформы ССМ и независимых движений студентов. «Нам, — провозглашали лидеры студентов, — необходимо единство, в сложившейся обстановке мы забыли о том, что нас разделяет, и отдаем предпочтение тому, что нас объединяет»⁵⁹. Они договорились, что общей программой станут «семь пражских артикулов» — семь пунктов Пражского забастовочного комитета от 20 ноября 1989 г.⁶⁰ Более радикальные пункты из другого упомянутого выше заявления отодвинулись при этом на второй план. Тем самым намечались общие цели и имели место попытки объединить силы для их достижения как раз тогда, когда газета «Руде право» призвала студентов завершить забастовку, поскольку их требования якобы уже реализовались.

Не менее важно другое: главы федерального и чешского правительств Адамец и Питра наконец-то поручили генеральной прокуратуре провести расследования событий 17 ноября. В то же время по приказу партийного руководства в Прагу прибыли части народной милиции из других городов страны. События приобретали характерный для «бури» трудно предсказуемый характер.

23 ноября на прошедшей в Братиславе демонстрации выступил А. Дубчек (впервые его публичное выступление состоялось здесь же еще 14 ноября 1989 г.)⁶¹, проинформировавший ее участников о том, что составной частью многих гражданских инициатив являются предложения бывших членов КПЧ, исключенных из ее рядов «нормализаторским» ЦК. Дубчек поддержал также идею диалога, который «при-

вел бы наш народ к выходу из нынешней стагнации»⁶². Словакия также переживала «бурю», хотя и не столь напористую, как в Чехии. Но страна в своем отвержении коммунизма выступила как единое целое.

Позицию американского посольства в этот период можно охарактеризовать как довольно сдержанную по отношению и к ГФ, и к ОПН. Для него не менее важными «актерами» считались фракции в КПЧ в плане внутривнутриполитической жизни, и М.С. Горбачев — во внешнеполитической. В телеграмме от 22 ноября (08171) содержатся сведения, переданные американскому посольству «многолетним информатором посольства, членом коммунистической партии, имеющим доступ к секретной информации». Здесь, в частности, указывается на наличие в президиуме ЦК КПЧ двух фракций, которые расходились во взглядах по вопросу диалога с оппозицией и по тому, что делать с продолжавшимися демонстрациями. Лидерами первой названы премьер-министр ЧССР Л. Адамец и секретарь Компартии Словакии И. Кнотек (в другом месте он именуется секретарем по экономике), которые поддерживали линию на углубление реформ и неизбежность диалога. Вторая связывалась с именами М. Штепана и А. Индры — приверженцев жесткой линии. М. Якеш, по мнению посольства, занимал балансирующую позицию (в другом месте документа отмечено, что он лишь пытается играть соответствующую роль)⁶³.

Примечательны и суждения об отношении к событиям в ЧССР Горбачева. Судя по приведенным документам, он «за последние несколько недель занял по отношению к руководству Чехословакии более жесткую позицию...»*. Горбачев не направлял письмо Якешу о необходимости ускорить реформы, как о том извещала газета «Нью-Йорк таймс», а соответствующие слова прозвучали в интерпретации Фойтика по возвращении из Москвы: «Прекратите разговоры, начинайте перестройку». Горбачев, как информировало посольство, его даже не видел (встреча не состоялась вопреки общепринятой практике), а Медведев (также вопреки правилам) не предстал с ним перед телекамерами. Более того, как сообщало посольство, у Горбачева состоялась краткая беседа с представителем Чехословацкой академии наук. После этого советник Горбачева Г. Шахназаров сообщил чехословацко-

* Следующие две строчки документа не расшифровываются, а причины не приводятся.

му ученому*, что Горбачев ждет, когда же чехословацкая сторона начнет наконец смену своего старого руководства, приступит к проведению реформ, а затем пересмотрит оценки событий 1968 года. Наконец, посольство США извещало Госдепартамент, что советский посол в ЧССР В. Ломкин является-де апологетом Якеша⁶⁴.

Если оценивать документ с 15-летней дистанции, он свидетельствует о том, что посольство США могло связывать какие-то планы с коммунистами-реформаторами и выстраивало их возможные действия в одну линию с преобразованиями Горбачева (точнее, речь может идти о фиксации одного из вариантов развития событий, который мог прогнозироваться и просчитываться американцами). Правда, уже в следующем извещении (08183) о письме Гражданского форума Дж. Бушу и М. Горбачеву от 21 ноября 1989 г., в котором говорилось о необходимости осудить вторжение 1968 года, «лидером этой группы (то есть ГФ. — Э.З.) de facto» был назван В. Гавел⁶⁵.

Заключительная телеграмма дня (08198) фиксирует растущий не по дням, а по часам авторитет ГФ и его лидера Гавела, что выразилось в безальтернативности курса на общенациональную забастовку 27 ноября. Документ, где впервые упомянут В. Клаус, извещает о нахождении под арестом П. Уле за дезинформацию о гибели «студента» М. Шмида (и освобождении двух американских журналистов); посольство признавало сфабрикованность слухов. «Однако, — говорится в документе, — остается неясным, то ли это намеренная ложь молодой женщины, запустившей его, то ли провокация режима, которая, однако, обернулась против него самого»⁶⁶.

Первая телеграмма американского посольства в Госдеп от 23 ноября (08204) содержала известие о внеочередном пленуме ЦК КПЧ, намеченном на 24 ноября, одна из главных задач которого — кадровые перемены и возможные контакты с ГФ. Любопытно резюме посольства, в котором, на наш взгляд, содержатся несколько упрощенные оценки происшедших событий, в частности утверждалось, что «Адамец и Якеш, которые относятся к приверженцам твердой линии, совместно ведут борьбу за власть»⁶⁷. «Появляются, — констатировалось далее в резюме, — сигналы о недовольстве

* В книге уточняется: с Г. Шахназаровым 17 ноября встречался директор Института государства и права ЧСАН Й. Благож. См.: Praha — Washington — Praha... S. 128.

рядовых членов руководством КПЧ, но одновременно и сообщения о сторонниках твердой линии, которые укрепляют свои позиции»⁶⁸. Трудно сказать, на чем строились выводы посольства об укреплении позиций коммунистов-консерваторов в руководстве КПЧ. Не исключено, что поводом для них могли послужить исключительно словесные, не подкрепленные никакими практическими шагами, баталии, развернувшиеся в среде «властных». Тем не менее в комментарии посольства констатировалось, что борьба в президиуме ЦК КПЧ принимала все более ожесточенный характер, а на вопрос о возможной отставке Якеша, который поднял председатель ЧСП В. Кучера, тот ответил, что «готов опираться на силы безопасности для защиты социализма и своей собственной позиции»⁶⁹.

Вторая телеграмма (08205) сообщала о 50-тысячной демонстрации в Братиславе и о выступлении А. Дубчека в защиту находившегося в заключении Я. Чарногурского; третья (08206) — о демонстрациях на Вацлавской площади в Праге и о все большем вовлечении в движение рабочих. Четвертая телеграмма (08208) детальнее освещает предположения о пленуме ЦК КПЧ, включая возможную замену Якеша, а также встречу Адамеца и Гавела. В комментарии отмечается: «Студенты и Гражданский форум подчеркнули: каков бы ни был итог пленума — забастовка должна состояться во имя солидарности народа и как средство продолжающегося давления на режим, чтобы тот начал преобразования»⁷⁰. Пожалуй, лишь последняя телеграмма дня (08206) придает должный вес политически структурировавшейся оппозиции, в первую очередь ГФ, и неудержимой «буре» студенческого движения.

Несмотря на то что тон заявлений Гражданского форума с каждым днем становился все радикальнее, студенты опережали его идеи. Именно Координационный забастовочный комитет студентов ВУЗов отметил, что демонстрация 17 ноября переросла во всенародное движение, подчеркнул настоятельность проведения глубоких структурных преобразований политической системы и методов управления народным хозяйством, а главное — потребовал отмены статьи Конституции ЧССР о руководящей роли КПЧ⁷¹. «Бурю» вызвали студенты, они же способствовали растущему ее напору.

Интересно сопоставление позиций лидеров ГФ и представителей студенческого комитета: практически одновременно у них появились два списка требований, демонстри-

ровавших, что подавляющее большинство студенчества формулировало свои программы в радикальном ключе, продолжая «подтягивать» ГФ к настроениям «улицы».

Радикализация оппозиции не оставила безучастными к ходу событий «властных». По инициативе партийных органов 23 ноября в генштабе Чехословацкой народной армии завершилась подготовка к возможному подавлению силой оппозиционных центров и демонстраций. Министр национальной обороны М. Вацлавик провел ряд совещаний, направленных на повышение боеготовности соответствующих воинских частей. Реально в те дни происходил то вызов народной милиции в Прагу, то ее отзыв; то попытка активизации армии, то заверения ее командования в единстве действий с вышедшим на улицы народом⁷². Ведь одновременно с этим ЦК КПЧ признал право на митинги и собрания, которое уже в полной мере реализовывалось фактически. Использование армии в этих условиях было едва ли допустимым.

Подлинные, хотя и скрытые от глаз баталии развернулись за средства массовой информации. Деятели оппозиции (в их числе были и журналисты, к примеру, известный по 1968 г. Я. Румл) понимали их ничем не заменимую роль в современной политике. И борьба за них шла в двух направлениях: рекрутирование «в свои» работников СМИ, на что те шли с большой охотой, и организация массовых мероприятий. Так, 23 ноября перед зданием Чехословацкого телевидения проходила многотысячная демонстрация с требованием объективного отражения происходивших в стране событий; тем самым прямо ставилась задача отвоевать у КПЧ право на свободу информации. Впервые за весь социалистический период зазвучало требование наполнить провозглашенное Конституцией ЧССР право на свободу слова реальным содержанием.

23 ноября свою концепцию развития Чехословакии в политической, экономической и социальной сферах представил директор академического Института прогнозирования В. Комарек. В документе провозглашалось требование «формирования нового правительства "широкой коалиции" как полностью компетентного и полностью ответственного органа... Разумеется, одновременно с этими шагами необходимо начать подготовку широкомасштабного акта целостной политической реформы, включающей формирование плюралистической демократической системы, в том числе и

трансформацию ныне правящей КПЧ в обычную политическую партию, ...устранение Национального фронта, подготовку и проведение всеобщих, полностью демократических выборов и достижение нового национального консенсуса»⁷³. Эта концепция, разработанная в качестве основы для проходивших по всей стране дискуссий, отличалась от программного заявления ГФ от 19 ноября своим радикализмом и во многом сближалась с позицией «Чехословацкой демократической инициативы»⁷⁴. Однако сроки парламентских выборов в документе не оговаривались.

Коммунисты оценивали ситуацию по-иному, даже несмотря на то что чрезвычайное заседание пражского городского комитета КПЧ приняло решение о необходимости кадровых изменений в партийном руководстве и рассмотрении Программы действий партии до ее XVIII съезда. Тем самым именно столичные коммунисты, как и в ряде других стран региона, чувствовали подспудную неустойчивость своего положения.

В целом же ЦК КПЧ терял контроль над «бурей» и в Праге, и на местах. Выступивший на созванном 24 ноября чрезвычайном пленуме ЦК КПЧ М. Якеш признал, что происшедшие в стране события «застали врасплох» партийных лидеров, а «внутренние враги социалистической Чехословакии перешли к фронтальному наступлению для достижения своих целей»⁷⁵. Выяснилось также, продолжал Якеш, что партия недоценила влияние внутренних и внешних антисоциалистических сил, дестабилизирующих процессов в Польше, Венгрии и особенно в ГДР. В этом видно косвенное признание и своей вины: «властные» в первых двух странах раньше пошли на контакты с оппозицией, что позволило части их сохранить свои позиции; «непреклонность» же Хонеккера обошлась ему куда дороже. Важнее другое: Якеш не чувствовал прямой поддержки Москвы, откуда веял уже не столько холод, сколько ветер перемен.

Выход из кризиса партийной верхушке виделся в следующем: «После нашего пленума партийные органы и организации должны незамедлительно активизировать всех коммунистов, привлечь честно мыслящих трудящихся и других граждан на защиту социализма, на поддержку перестройки и демократии, являющийся определяющим условием дальнейшего развития социализма в нашей стране»⁷⁶. Лишь на таких условиях генсек допускал возможность игнорировавшегося партаппаратом в течение последних 20 лет диалога с

«безвластными». При этом диалог, по представлениям Якеша, должен способствовать воплощению в жизнь всего хорошего, что способствует развитию социалистического общества, укреплению процесса демократизации, который не должен сводиться к неконструктивному противостоянию сотен тысяч людей на площадях и улицах и государства⁷⁷. «Самое важное, — заключил он, — перед чем сейчас мы стоим, это сделать все для предотвращения всеобщей забастовки, полного возобновления учебы в вузах и нормальной работы культурных и спортивных учреждений»⁷⁸.

В целом доклад построен на уровне клише конца 60-х, но никак не конца 80-х годов XX в. Инерция «нормализации» оказалась непреодолимой даже перед угрозой вытеснения партии с правящих позиций, которое уже не только грезило вдали, но и реально осуществлялось в ряде других стран центрально-европейского региона⁷⁹. Под натиском «бури» коммунисты уже не способны оказались перехватить инициативу и были обречены тащиться в кильватере событий; им так и не удалось опередить их хотя бы на полшага. В рядах партии организовался «Демократический форум коммунистов», но большой роли он так и не сыграл, а призыв КПЧ сформировать в рамках Национального фронта равноправное объединение политических партий и влиятельных общественных организаций, дабы поручить им подготовку демократических выборов в национальные комитеты и представительные органы, повис в воздухе. Гражданское общество формировалось уже отнюдь не по подсказке партии. Тем более это происходило и потому, что партия не могла выйти за формат «режима нормализации».

Однако не признать целого ряда реалий уже было невозможно. Поэтому в постановлении чрезвычайного пленума действия полиции против демонстрантов назывались «политической ошибкой», а шестой пункт резолюции гласил: «Рекомендуем провести *реконструкцию* (курсив мой. — Э.З.) правительств ЧССР, ЧСР и ССР на более широкой платформе с участием представителей других политических партий и беспартийных»⁸⁰.

Эти события также не остались без внимания американских дипломатов, и телеграмма от 25 ноября (08237), освещавшая ход и итоги пленума ЦК КПЧ, — одна из наиболее объемных в коллекции. В отставку ушли Г. Гусак, Я. Фойтик, А. Индра, К. Хоффман — личности, с которыми ассоциировалась чехословацкая государственность, правда, периода

«нормализации», — и даже Л. Адамец. Новым партийным руководителем стал 48-летний К. Урбанек. Но позиции Адамеца как неформального лидера реформаторского движения сохранялись*. В комментарии к этому считавшемуся посольством США крайне важному событию указывалось, что перемены в ЦК не удовлетворили общественность, а ГФ воодушевили на новые требования. Действительно, демонстрации, достигавшие отметки в 300 тыс. участников (в Праге, где выступал Дубчек), заявления о необходимости включить оппозицию в правительство и обеспечить большую свободу для СМИ, а также подключение рабочих к протестному движению говорили о многом. Успех оппозиции, как указывалось в документе, «заключается в ее способности оставаться сплоченной и представить альтернативную политическую программу». По мнению посольства, планировавшаяся на 27 ноября забастовка «явится важным фактором в дальнейшем давлении на коммунистическое руководство и продемонстрирует, насколько рабочие поддерживают политические реформы»⁸¹.

Конечно же, компартия не собиралась полностью сдавать свои позиции. На пленуме ЦК КПЧ 24 ноября министр обороны ЧССР М. Вацлавик выступил с предложением применить для подавления демонстрации в Праге силовые методы. «Было бы достаточно, — сказал он, — чтобы над Летенской площадью, где через день будет проходить самый крупный митинг, пролетели низко над землей два истребителя и включили форсаж». Как считал Вацлавик, у находившихся на земле людей из-за сильного рева должна была политься кровь из носа и ушей, начаться сильные головные боли, после чего у них тут же исчезло бы желание участвовать в каких-либо демонстрациях⁸².

К этому же периоду относятся планы, разработанные сотрудниками органов чехословацкой госбезопасности. Они предлагали разместить пулеметные гнезда на крыше министерства внутренних дел, находившегося в непосредственной близости к Летенской площади⁸³. На наш взгляд, данные констатации вряд ли фиксируют наличие конкретных планов вооруженного сдерживания «бури». Времена кровопролития миновали, а на событиях в Праге концентрировалось

* Характерно, что его имя наиболее часто упоминается в телеграммах посольства США — 91 раз, Гавел — 63 раза. См.: Praha — Washington — Praha. Приложение. Именной указатель. С. 1, 2.

внимание всего мира. Говорить же на закрытых армейских совещаниях можно было о чем угодно. Поэтому когда В. Бартушка в своей работе, написанной пять лет спустя, отмечал, что «...сегодня по-прежнему остается неясным вопрос — почему партийное руководство все же не использовало в ноябре 1989 г. силу», то это в значительной мере вопрос риторический. Учитывая преобладающие настроения масс, большая часть коммунистов понимала, что режиму приходит конец и была готова смириться с этим.

Но ведь в стране находились и другие войска — советские. Однако и они не могли бы сдержать массового движения, да и вопрос о возможности их привлечения вряд ли в той исторической ситуации возникал. И дело не только в том, что, как подчеркивал тот же Бартушка, официальное советское влияние в ноябре 1989 г. «проявилось совершенно очевидно в одном: в пассивности. Еще до прихода к власти Горбачева Советский Союз уже не мог предложить своим вассалам чего-либо другого, кроме силы. Когда Горбачев порвал с доктриной Брежнева, он тем самым де-факто лишился большей части своего влияния»⁸⁴. Поэтому когда чешский исследователь утверждает, что для ЦК КПЧ, стремившегося удержаться у власти, так же как и для ГФ, «жизненно важным был вопрос: останутся ли советские войска нейтральными и в своих казармах»⁸⁵, — то это также в значительной мере вопрос риторический.

Дело в другом: готовились судьбоносные для всего мира переговоры о минимизации применения военной силы в политике — встреча в самом начале декабря 1989 г. М.С. Горбачева и Дж. Буша на Мальте, и вряд ли армия одного государства в другой стране демонстрировала бы свою мощь ее народу.

В то время как коммунисты заседали на пленуме, во второй половине дня на Вацлавской площади состоялась уже 300-тысячная демонстрация, на которой выступили А. Дубчек, В. Гавел, И. Ганзелка, И. Гамел и В. Чаславска. Выступление Дубчека сопровождалось бурными овациями и скандированием «Дубчек!», «Свобода!», «Дубчека на Град!» Последний призыв выражал волю части собравшихся видеть словацкого политика президентом. В. Гавел, выступивший после Дубчека, обратился к Адамецу с просьбой назвать точную дату переговоров «об актуальных требованиях общественности».

Поздно вечером 24 ноября ГФ представил на суд общества «Проект тезисов программы ГФ», который с полным пра-

вом можно считать первой попыткой привести свои требования в соответствие с популярными в обществе лозунгами и скоординировать все оппозиционные силы. В нем речь шла о создании такого климата в стране, который «предоставит всем существующим политическим партиям и вновь появляющимся политическим структурам равные условия в подготовке и проведении свободных выборов с независимыми списками кандидатов. Бесспорным условием является отказ КПЧ от закрепленной в конституции руководящей роли в нашем обществе и от монополии на все средства массовой информации». Аналоги подобного отказа в ряде соседних стран региона уже имелись, и они показали, что правящие партии демонстрируют способность к мгновенному краху.

Следует еще раз подчеркнуть, что на пленуме ЦК КПЧ 24 ноября Л. Адамец отказался от поста в руководстве партии и заявил, что сделал это в знак протеста против медленных темпов перестройки. Именно он оказался тем представителем «властных», который осознал необходимость действовать по-новому. Линия раздела на консерваторов и прагматиков проводилась с достаточной четкостью, и вторых в ЦК КПЧ оказалось крайне мало — почти никого. Партийное руководство приняло на пленуме решение провести 26 января 1990 г. чрезвычайный съезд КПЧ, но теперь уже вряд ли кто мог гарантировать, что это будет съезд партии «властных».

Все же как раз под руководством Адамца, под аккомпанемент массовых демонстраций, 25 ноября состоялось заседание федерального правительства, на котором власть впервые открыто отреагировала на требования оппозиции. В принятом коммюнике содержались призывы к президенту Гусаку: освободить всех политических заключенных; ввести в состав федерального правительства представителей других партий НФ, а также беспартийных; обязать министра внутренних дел освободить от занимаемых постов тех, кто отдавал приказ для вмешательства полиции 17 ноября. Кроме этого правительство назначило своих представителей для переговоров со студентами и взяло на себя обязательство в ближайшее время выработать законы о праве на собрания, митинги и петиционные акции⁸⁶.

И все же звучавшие в поддержку диалога голоса были почти не слышны в стройном шуме митинга на Летенской площади, который впервые передавался чехословацким телевидением в прямой трансляции. Он собрал, по некоторым

оценкам, 800 тыс. чел.⁸⁷ Наконец, именно Л. Адамец вышел на трибуну, где не побоялся высказать свою позицию. Выступивший перед этим Гавел выразил от имени ГФ протест против нового состава партийного руководства. При этом он заявил, что единственным, севшим до настоящего времени с представителями ГФ за стол переговоров, является председатель федерального правительства Адамец. Тем самым лидер оппозиции противопоставлял его линию руководству КПЧ, а также адресовал ему публично конкретный призыв к диалогу, альтернативы которому уже просто не существовало. Митинг на Летне позже трактовался многими историками и публицистами как «неформальный референдум», свергнувший власть КПЧ. Об этом говорили Гавел и Дубчек (который подчеркнул, что недоверие к партии — неизбежный исход «политики нормализации»), М. Земан (репрезентовавший возрождающуюся социал-демократию), «хартист» В. Малы, а также остальные десять выступавших. Митинг стал ключевым событием и фактически завершением первого периода «бархатной» революции.

В Праге развернулись крайне важные события, о которых со всей серьезностью сообщалось в трех телеграммах американского посольства от 27 ноября. В первой из них (08245) говорилось о приходившихся на выходные дни встречах лидеров партийных и государственных органов с ГФ — в самых разных местах и в самых различных форматах. При этом не остались незамеченными расхождения в позициях противников режима. Так, по мнению посольства, Дубчек все еще верил в способность социализма к реформированию, в то время как Гавел выражал предпочтение экономической системе, «в которой экономические организации (акционерные общества, кооперативы, или что-либо еще) станут вырабатывать собственные решения в ответ на требования рынка»⁸⁸. Согласно посольским данным, субботние демонстрации нарастали: утром собралось 100 тыс. у собора св. Вита, днем уже 500 тыс. на Летне⁸⁹. Важно и то, что они полноформатно освещались на телевидении.

Самая объемная из всех представленных в коллекции документов — телеграмма от 27 ноября (08247). Она посвящена «спонтанному всенародному массовому и партийному восстанию против результатов состоявшегося в пятницу (24 ноября) пленума ЦК КПЧ»⁹⁰. В ней детально затрагивался и вопрос о крахе стратегии «примиренца» Адамца, критика которым всеобщей забастовки стоила ему массовой

поддержки. Наконец, отмечено, что громче зазвучал голос ГФ о необходимости отмены лидирующей роли КПЧ и проведении свободных выборов.

В воскресенье 26 ноября состоялся внеочередной пленум ЦК КПЧ, закончившийся еще одной ротацией президиума. В него вошли столь непривычные для нормализаторских времен лица, как секретарь ССМ В. Могорита, выразивший сочувствие требованиям студентов-демонстрантов; рабочий ЧКД А. Малы, представлявший интеллигенцию Б. Бенда и др. Генсек К. Урбанек подчеркнул необходимость реагировать на задачи дня и созвать 26 января 1990 г. чрезвычайный съезд партии. Он признавал возможность коалиционного правительства и возросшую роль Национального фронта, а также необходимость большей открытости СМИ.

Посольство в связи с этим информировало Госдеп о том, что им получено «сообщение о намерении реформаторского крыла внутри КПЧ основать Демократический форум в качестве реформаторского течения внутри партии»⁹¹. Под пертурбациями десятидневной «бури» можно было подводить черту, а Госдеп нуждался в связи с этим в новой стратегии относительно Чехословакии. В связи с этим посол Ширли Блэк готовилась к поездке в Вашингтон. В одной из последних подписанных ею перед отъездом телеграмм содержатся весьма любопытные сведения о взгляде на ход событий в Чехословакии посольства СССР в ЧССР. 28 ноября (телеграмма 08311) один из советников советского посла в беседе с советником посла американского подчеркнул, что «вмешательство чехословацкой армии в происходящие в стране события вообще не принимается во внимание». По его словам, советское посольство «ожидало эти перемены и они ими не встревожены, однако ему хотелось бы, чтобы социализм был сохранен. Они были бы обеспокоены, если бы развитие вело к "антисоветизму"»⁹². Советский дипломат подчеркнул, что советская позиция — это невмешательство в дела других государств⁹³.

Последним отзвуком «бури» можно считать двухчасовую забастовку 27 ноября. Она прошла относительно спокойно и ГФ совместно с ОПН могли поставить себе в заслугу ее организацию. Это второе массовое мероприятие вслед за митингом на Летне, но здесь важно следующее: во-первых, в забастовке приняло участие большинство рабочих и служащих; во-вторых, воля забастовщиков была направлена против власти «партии рабочего класса». Требования басту-

ющих носили утверждающий неизбежность перемен характер. Именно поэтому ГФ счел возможным объявить о завершении массовых демонстраций. Забастовка и митинг получили широкое освещение на телевидении.

К этому времени оппозиция полностью выиграла битву за СМИ, что оказалось не столь уж трудно. Наибольшее сопротивление, причем непосредственно Гавелу, оказывал директор чехословацкого телевидения Павел, поддерживавший линию Адамеца⁹⁴. Но лидер ГФ понимал значимость этого ключевого ресурса в современной политике и проявил не ожидавшуюся от него жесткость. Забастовщики и бастовали, и видели сами себя на телеэкранах, что делало их прямыми участниками большой политики.

Что говорилось об этом переломном моменте в телеграммах посольства США? В них описывался как удачный (для ГФ) ход всеобщей забастовки, получившей широкое освещение на телевидении. Все ее участники уже не желали считаться с руководящей ролью партии, а некоторые рабочие (через то же телевидение) утверждали, что хотели бы видеть на посту министра промышленности либерально мыслящего экономиста В. Комарека, директора Института прогнозирования ЧСАН.

Примечателен комментарий посольства (телеграмма 08274): «Мощная поддержка сегодняшней забастовки подтверждает справедливость утверждений Гражданского форума, что он является представителем широкой общественности. Забастовка серьезно упрочила позиции Гражданского форума именно сейчас, когда [форум] вступает в важнейший раунд переговоров во вторник с представителями власти во главе с председателем правительства Адамецем»⁹⁵. Данный комментарий свидетельствует, что именно забастовка убедила американское посольство в полной необратимости перемен. Сразу же после нее посол США в Чехословакии покинула страну, чтобы лично проинформировать Госдепартамент и президента Соединенных Штатов: Чехословакия переходит в сообщество демократических государств.

Забастовку 27 ноября «ключевым событием в решении кризиса» считает и М. Отагал⁹⁶. После нее, по его мнению, сложились благоприятные условия для переговоров КЦ ГФ с Л. Адамецем относительно реорганизации федерального, чешского и словацкого правительств, которые вели к взятию власти в исполнительной сфере. Решающую роль в них сыграл КЦ ГФ, принявший решение о проведении переговоров

за закрытыми дверями, стремясь ограничить влияние народного движения и активизировать его лишь в случае неуступчивости властей⁹⁷. И совсем не случайно 27 ноября ГФ заявил: «Данный неизбежный этап крупных народных выступлений постепенно завершается»⁹⁸.

Полупериод «бури» закончился, таким образом, одной из наиболее массовых демонстраций за всю историю страны. Курс на перемены в этом плане альтернатив не имел. Дело заключалось в том, чтобы найти конкретные пути формирования новых органов власти — с сохранением многих особенностей конституционного поля. Этим объясняется сложность политических маневров по самым разным направлениям, и в первую очередь по декоммунизации законодательной власти и смене президента. На данном фоне на второй план отошел ряд значимых для будущего государства проблем, в первую очередь отношения между двумя республиками.

Есть достаточно оснований утверждать, что начиная с 28 ноября Чехословакия становилась другой страной, и, как оказалось в дальнейшем, несоциалистической — даже несмотря на то, что этому предшествовали ожесточенные политические схватки.

Специфика формирования исполнительных и законодательных органов власти

Забастовка 27 ноября завершила десятидневное противостояние в Чехословакии «властных» и «безвластных» в пользу вторых. Однако победа была еще далеко не окончательной. 28 ноября выдалось относительно спокойным днем на улицах и площадях страны, казалось, она отдыхает от «бури» массовых демонстраций и ее кульминации, всеобщей забастовки. Но в этот же день резко активизировался Гражданский форум (ГФ), руководство которого признало, что вскоре оно может прийти к власти в стране. Прошедшую достаточно организованно двухчасовую общенациональную забастовку лидеры ГФ трактовали как своего рода выигранный референдум в пользу неизбежных перемен. Но для их проведения нужен был постоянный «натиск», который осуществлялся уже в переговорных помещениях; в их ходе ГФ и ОПН все успешнее добиваются реализации ряда поставленных в своих программах требований.

29 ноября 1989 г., через два дня после всеобщей забастовки, Федеральное собрание ЧССР на 16-м совместном заседа-

нии двух своих палат приняло правительственный законопроект об изменении Конституции ЧССР, ликвидировавший ее 4-ю статью о руководящей роли КПЧ. Одновременно была новеллизирована статья 6-я Конституции о руководящей роли КПЧ в Национальном фронте*. Хотя период «бури» завершился крупнейшими уступками со стороны «властных» и выполнением практически всех требований «безвластных», перемены на этом не закончились и продолжались на стадии формирования высших исполнительных органов власти, в первую очередь федерального и двух республиканских правительств, по модели их «реконструкции».

Слом старой государственной машины и формирование новых высших государственных исполнительных органов власти начался в ходе переговоров «властных» и «безвластных», на которых вторые доминировали почти полностью. Спецификой Чехословакии в этом плане являлось то, что в ходе преобразований представителям ГФ и ОПН удалось договориться с реформистски настроенным главой федерального кабинета министров коммунистом Л. Адамецем не об отставке коммунистического правительства, а о проведении его *реконструкции*⁹⁹. Главная ее цель — такое изменение состава правительства, в котором большинство министерских постов могли занять представители некоммунистической оппозиции. Меняется тактика ГФ и ОПН, лидеры которых стали использовать методы «натиска».

Нам уже приходилось детально анализировать перипетии, связанные с формированием высших органов власти в ходе народных волнений. Главным выводом этого анализа стала констатация специфичности форм и методов формирования высших органов власти в Чехословакии, отказавшейся от авторитаризма и вставшей на демократический путь развития¹⁰⁰. Если обратиться к новым источникам (в частности, к документам американского дипломатического корпуса), в которых также затрагивается этот вопрос, то получаем возможность дополнить, оттенить, а в отдельных случаях и детализировать некоторые интересующие нас сюжеты.

* 7 февраля 1990 г. Национальный фронт самораспустился, что было связано и с ослаблением позиций входивших в него партий. Позднее, после выборов в июне 1990 г., депутаты ФС от Гражданского форума внесли законопроект об изъятии 6-й статьи о Национальном фронте из чехословацкой конституции, а также 16-й статьи о марксизме-ленинизме как государственной идеологии.

Обсуждая тему свободных парламентских выборов в трактовке «властных» и «безвластных», а также проходившие в этой связи политические дебаты и подковерные схватки, следует отметить, что в Чехословакии по основному вопросу, легитимизировавшему перемены, — смене законодательной власти — прошла определенная задержка. Ирония чехословацкой истории в этот период заключается в том, что революционной оппозиции оказался удобным как раз консервативный (коммунистический) парламент, находившийся, однако, под постоянным страхом давления «бури». Как известно, «азбукой» демократии в революции является проведение свободных парламентских выборов для закрепления позиций победившей стороны. В Чехословакии же оппозиция, напротив, оттягивала сроки парламентских выборов, видимо, не будучи уверенной до конца в своей силе.

Интересна предыстория данного вопроса. Уже с первых дней «бури» представители различных течений, объединившиеся под крышей ГФ, выработали несколько вариантов демократической смены власти в государстве, включая проведение выборов в высший законодательный орган государства. Впервые термин «свободные выборы» был вынесен на пражские улицы и площади студентами в виде лозунгов и повсеместно раздававшихся призывов 17 ноября. Их поддержало Общество за права человека в «Заявлении» от 18 ноября* и клуб «Возрождение»; при этом дата проведения выборов не уточнялась.

Лишь 19 ноября «Чехословацкая демократическая инициатива» предложила завершить работу коммунистического парламента (избранного при «режиме нормализации» в 1986 г.) до 1 декабря 1989 г.; до 15 декабря планировалась разработка нового демократического избирательного закона, на основе которого до 1 февраля 1990 г. следовало избрать новое Законодательное собрание ЧССР**. Таким образом, рубеж проведения выборов прозвучал достаточно внятно. Пожалуй,

* В нем требовалось, чтобы «те, кто правит против воли людей, ушли в отставку и дали возможность нашим народам в ходе свободных выборов (курсив мой. — Э.З.) вернуться к заветной свободе и демократии. Не диктаторский монолог, а гуманный, свободный диалог со всеми гражданами избавит наши народы от зависимости от тирании». Цит. по: Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 2. С. 269.

** «Избирательный закон, — говорилось в документе, — должен позволить выдвигать свои кандидатуры независимым группам, а также всем тем, кто получит поддержку не менее 1000 чехословацких граждан». Цит. по: Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 2. С. 272 — 273.

1 февраля 1990 г. — самая ранняя (известная по опубликованным документам) датировка выборов из всех предлагавшихся оппозицией версий и вариантов их проведения.

Концептуально созвучным программным установкам «Чехословацкой демократической инициативы» можно назвать Обращение под названием «Не ждать — действовать», которое 20 ноября приняли студенты — слушатели театрального факультета и кинофакультета Академии музыкальных искусств. В ряду десяти требований этого документа можно найти и пункт о немедленном объявлении свободных выборов¹⁰¹.

А что же ГФ и ОПН? как реагировали они на выдвигавшиеся студентами и деятелями различных оппозиционных структур требования относительно свободных парламентских выборов? каковы их собственные представления на сей счет? Анализ первых программных документов этих организационных структур чешской и словацкой оппозиции показывает, что в период с 19 по 23 ноября такая проблема не поднималась ими вообще. Один из ответов на эти вопросы может, видимо, заключаться в стремлении ГФ и ОПН «осмотреться» и оценить складывавшуюся в стране обстановку. Не исключено и нежелание ГФ идти на риски и ставить под угрозу отвоєванные у «властных» позиции. К слову, сметаемая «бурей» коммунистическая номенклатура в этот период также не ставила вопрос о проведении новых парламентских выборов, видимо, делая определенные ставки или же связывая какие-то расчеты с «нормализаторской» высшей законодательной властью.

Следует отметить, что свободные выборы — как раз тот вопрос, в котором словацкие студенты демонстрировали полное единение с установками своих пражских сверстников. Координационный комитет словацких вузов (КК СВ) в своей «Политической программе» от 24 ноября требовал гарантии свободных выборов органов управления всех уровней. Принятое на следующий день совместное «Заявление» Общественности против насилия (ОПН) и КК СВ развивало предыдущие установки. «Мы требуем, — говорилось в документе, — проведением свободных выборов в Словацкий национальный совет [создать] настоящий парламент Словацкого народа, в котором должны быть представлены все составные части общества»¹⁰².

Что касается ГФ, то в его лексиконе термин «свободные выборы» появился поздно вечером 24 ноября в документе

«Проект тезисов программы ГФ». В нем, в частности, речь шла о создании климата в стране, который «предоставит всем существующим политическим партиям и вновь появляющимся политическим структурам равные условия в *подготовке и проведении свободных выборов* (курсив мой. — Э.З.) с независимыми списками кандидатов»¹⁰³. Тем не менее, судя по приведенным документам, ни ОПН, ни ГФ пока еще не фиксировали конкретные сроки проведения парламентских выборов.

26 ноября в своей программе «Чего мы хотим» ГФ впервые официально потребовал ликвидации руководящей роли КПЧ и проведения свободных выборов. В принятом в тот же день документе «Заявление гражданской инициативы Общественность против насилия» словацкая оппозиция настаивала уже на «незамедлительном объявлении свободных выборов»¹⁰⁴. Таким образом, включив в свои программы положение о свободных выборах, ГФ и ОПН демонстрировали несколько различные подходы относительно их сроков. ГФ ограничивался общей констатацией в контексте равных условий участия в выборах всех политических сил; ОПН же настаивала на «незамедлительном» их проведении¹⁰⁵.

Подобный настрой ГФ подмечен и американскими дипломатами. Так, в телеграмме от 28 ноября (08312. «Срочно»), содержащей информацию о дальнейшем развитии и организации ГФ, затрагивается программа ГФ от 26 ноября и комментируются ее основные положения. В комментарии говорится: «Следует ожидать, что Гражданский форум будет намеренно *выстраивать свою программу в рамках общих формулировок* (курсив мой. — Э.З.). Тем самым он и в дальнейшем может действовать как организация, под крышей которой объединены все, кто не согласен с монополией коммунистической партии на власть и стремится добиться проведения свободных выборов. Более конкретно сформулированные цели подвергли бы риску ГФ, поскольку тем самым он может потерять своих приверженцев и ослабить свое влияние»¹⁰⁶.

Здесь же дается примечательный комментарий относительно нового статуса ГФ. Поскольку «безвластные» активно осваивали пространство власти, то некоторые студенческие лидеры начали говорить об «украденной» Гражданским форумом «их революции» и по этой причине учащиеся вузов не реагировали на призыв ГФ немедленно завершить студенческую забастовку¹⁰⁷. Что касается некоторых рабо-

чих, то у них, по мнению посольства, также имелись «более воинственные взгляды, чем у руководства Гражданского форума». А представители завода ЧКД на своей пресс-конференции подчеркивали, что «студенты своей забастовкой уже сыграли свою роль и что настало время рабочим взять эстафету в свои руки»¹⁰⁸. В связи с этим американские дипломаты собирались в ближайшие дни понаблюдать, как лидерам ГФ удастся справиться с подобными настроениями студентов и рабочих, «выстроить» эти две важнейшие группы «в формат» своих тактики и программ¹⁰⁹.

Забастовка покончила с большинством недомолвок по вопросу о парламентских выборах; нужно было уже назначать день и оформлять процедуры. Именно повсеместно раздававшиеся на этапе «бури» решительные требования заставили В. Гавела конкретизировать дату на совместной с А. Дубчеком пресс-конференции все того же 26 ноября: а именно, через год, т.е. лишь в ноябре 1990 г. Данная установка, как уже отмечалось, «вполне укладывалась в рамки отстаивавшейся ГФ в первые революционные дни эволюционной концепции трансформации чехословацкого общества, унаследованной от доноябрьских времен»¹¹⁰. Однако стало очевидным, что данная дата продержится недолго: народ требовал смены власти активнее по сравнению с осторожностью оппозиции.

После проведения всеобщей забастовки ГФ стала резко уходить от своей концепции, издержки которой все же давали о себе знать по ряду вопросов. Однако в датировке свободных выборов ясность по-прежнему отсутствовала. Так, 28 ноября на вторых переговорах* делегация ГФ и ОПН потребовала от Адамеца принять в ближайшее время «принципы правительственной программы, из которых должно четко следовать, что правительство готово *создать правовые предпосылки для обеспечения свободных выборов* (курсив мой. — Э.З.), свободы собраний и объединений, свободы слова и печати, ликвидации государственного контроля над церквями, подготовке закона о воинской обязанности и других». Все же, во-первых, термин «свободные выборы» представлен и на сей раз как один из общедемократических тре-

* В переговорах принимали участие: делегация ЦК НФ ЧССР и правительства ЧССР, с одной стороны, и делегация ГФ во главе с Гавелом и ОПН, которую представлял Я. Чарногурский, — с другой. Детальное освещение хода переговоров см.: Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 2. С. 297 — 302.

бований в ряду с прочими. Во-вторых, ГФ, поддерживая требование проведения парламентских выборов, продолжал уклоняться от конкретизации даты их проведения. Подобного рода тактика, как представляется, могла свидетельствовать о нерешительности ГФ и неуверенности в силе отвоєванных у коммунистов к концу ноября позиций.

Посольство США в телеграмме от 29 ноября (08342. «Срочно») констатировало: «Гражданский форум требует, чтобы программа коалиционного правительства содержала такие детали, как свободные выборы и гарантия свободы слова, права на собрания, свободы печати и вероисповедания»¹¹¹. И далее: «Гражданский форум требует, чтобы новое коалиционное правительство в рамках своего "программного заявления" представило конкретную информацию, касающуюся свободных выборов и гарантии свободы печати и прессы, свободы собраний и вероисповедания»¹¹². Как совершенно справедливо пишет чешский историк М. Отагал, оппозиция не ставила вопрос о свободных выборах во главу угла переговоров с «властными». Поэтому вопрос этот, в отличие от польского и венгерского вариантов прихода к власти оппозиционных сил, делавших ставку именно на выборы, звучал в общем ряду с другими общедемократическими лозунгами и призывами.

Тем не менее с прежним «нормализаторским» коммунистическим парламентом все же надо было безотлагательно что-то делать. Если не срочные свободные выборы, то что? Выход «безвластные» нашли: того же 28 ноября ГФ и ОПН предложили главе кабинета, чтобы правительство ЧССР представило в Федеральное собрание (ФС) ЧССР проект конституционного закона. В соответствии с ним депутаты ФС, ЧНС, СНС и национальных комитетов всех уровней, которые не выполнили своих обещаний и не заботились об интересах народа, отзывались со своих постов. Их места следовало занять депутатам, избранным в ходе проведения дополнительных выборов, способ реализации которых ГФ и ОПН обязывались предложить в кратчайшие сроки. Тем самым в конце ноября для высших законодательных органов власти ГФ и ОПН предусматривали демократическую процедуру проведения дополнительных выборов. Впрочем, это как раз предполагалось и «нормализаторской» Конституцией ЧССР.

Интересна реакция американского посольства на то, что можно назвать «замедленной съемкой» в плане подготовки

демократической процедуры выборов. Это в чем-то реакция недоумения, разделявшегося зарубежными наблюдателями (точнее, аналитиками) в целом.

Следует подчеркнуть, что опыт проведения революционных изменений в других странах региона уже подвергся осмыслению. Как раз с его учетом, судя по телеграммам, должного внимания посольства заслуживали взгляды на будущее страны не только «безвластных», но и коммунистических функционеров, в первую очередь тех, кто шел на контакты с американскими дипломатами и делился с ними своими взглядами на происходившие события. Так, соображениям одного из них, Я. Седлака, посвящена телеграмма от 28 ноября (08315. «Секретно»), в которой излагается содержание состоявшейся 25 ноября беседы сотрудника посольства США, как уточнялось в телеграмме, с «информатором из КПЧ».

Надо признать, что уже одно то, что Седлак в ранге советника Адамеца являлся «информатором» американского посольства, многое говорит не только о его отношении к «режиму нормализации», но и о стремлении покончить с ним на пути реформ — как происходило, к примеру, в Венгрии. Л. Адамец в данном отношении являлся подходящей фигурой для демонтажа, а не взрыва системы*. «Хотя Седлак, — говорится в телеграмме, — допустил, что "его" партия переживает драматическую потерю авторитета, однако лично ему совершенно ясно, что настало его время как прореформаторской фигуры». Он обозначил пленум КПЧ 24 ноября «как "первый круг" ожесточенной борьбы между сторонниками твердой линии в партии и более либеральными деятелями, к которым относится бывший председатель правительства Штроугал и руководитель отдела государственной безопасности ЦК КПЧ Гегенбарт. Он сказал, что они объединились, чтобы ввести в президиум других настроенных на реформы лиц. Сторонники жесткой линии в пятницу проголосовали за введение своих кандидатов, хотя через два дня, встретив массовый протест общественности, центральный комитет вынужден был пойти на внесение поправок».

В этих условиях разные группировки коммунистов, включая некоторых функционеров ЦК КПЧ, обращали взо-

* Именно демонтажа и дальнейшего переустройства. Что касается уже начавшего звучать термина «реконструкция», то он носил многосоставной характер.

ры в сторону Москвы. Но там набирали силу процессы внутривластной борьбы за «свою» демократизацию, а в плане внешней политики шла активная подготовка встречи Горбачева и Буша на Мальте.

Правда, и без этого было ясно, что Якеш особой поддержки из Кремля не получит, а периоду «нормализаторства» приходит конец. И если уж кого-то из коммунистов Горбачев и мог поддержать, так это или реформаторов, или даже бывших членов КПЧ, активизировавших свою политическую активность. Так, М. Гаек, председатель входившего в ГФ клуба «Возрождение», свидетельствовал: Якеш и политбюро «знали, чего они могут ждать от Горбачева, и мы знали это также. Они должны были опасаться, как бы русские не начали вести переговоры именно с нами. К примеру, здесь находилось АПН, мы туда заходили и нас они не прогоняли, мы предоставляли им материалы и они не отказывались от них»¹¹³.

Как раз вследствие этого «Возрождение», а также близкие ему политические «акторы» (к примеру З. Млынарж) могли выступить в качестве наиболее приемлемого партнера по переговорам, ставившим цель интенсификации «перестроечных процессов», которых и ожидал от Якеша Горбачев. Но и «возрожденцы» оказались невостребованными, и тем самым лозунг «больше социализма», запущенный внутри СССР, так и не получил значительного отклика, по крайней мере в Чехословакии.

И все же несмотря на то, что последовательные планы подобного рода переговоров отсутствовали, для ключевых фигур ГФ такая угроза (даже гипотетическая) представлялась страшнее нападения. Этим, на наш взгляд, объясняется тогдашнее жесткое и в чем-то невротическое отвержение Гавелом всех инициатив «возрожденцев», даже если они носили конструктивный характер. Что касается реформистского и даже умеренного течений внутри «официальных» коммунистов, то они допускали возможность использовать растущий авторитет «возрожденцев», так сказать, «перестройщиков без перестройки». Другое дело, что предоставлявшимся шансом они не смогли и не сумели воспользоваться и переговоры прошли в дальнейшем без них.

Надо подчеркнуть, что о политическом потенциале (а, возможно, и об амбициях) своих союзников по ГФ, ставших вскоре оппонентами, сдвинутыми на обочину политической жизни, свидетельствовал и Д. Кроупа, один из основателей

оппозиционного Движения за гражданскую свободу. Он, в частности, отмечал, что представители клуба «Возрождение», «имевшие в своих рядах способных специалистов, слишком долго надеялись, что будут играть некую совершенно самостоятельную роль; моя гипотеза заключается в том, что они дожидались, что снова придет Горбачев из Москвы и передаст им власть. Собственно, этим выжиданием они потеряли драгоценное время, а в момент, когда они поняли, что никакой Горбачев не придет, события продвинулись настолько далеко, что их уже трудно было повернуть вспять»¹¹⁴.

Действительно, клуб «Возрождение» не стал заметным политическим игроком, хотя он одним из первых, еще в самом начале народных волнений, обосновывал необходимость свободных выборов¹¹⁵. Но на него вскоре начали навешиваться ярлыки носителя устаревших коммунистических идей. При этом фактические носители подобных идей оказывались как бы в тени; их по каким-то причинам не замечали — вплоть до появления Коммунистической партии Чехии и Моравии — крупнейшей по численности и получавшей существенную поддержку избирателей.

Что касается ГФ, то его лидеры в первые дни протестных выступлений создавали вокруг идеи свободных выборов нечто наподобие атмосферы умалчивания. Весьма примечательно выглядит на фоне общих заявлений ГФ трактовка данной проблемы Я. Седлаком. «Адамец, — отмечается в уже упоминавшейся телеграмме посольства США, — попытается оттянуть дату выборов настолько, насколько это будет возможно, однако Седлак полагает, что это затягивание в интересах и самого Гражданского форума. Преждевременные выборы привели бы только к усилению позиций нынешних некоммунистических партий Национального фронта. Для новых политических инициатив Гражданского форума понадобится время, чтобы можно было разработать и представить свои программы»¹¹⁶. К сожалению, посольство никак не комментирует сюжет с возможной датой свободных выборов, однако то, что оно практически ежедневно в своих депешах в Госдепартамент так или иначе поднимает этот вопрос, — достаточно симптоматично. Как симптоматично и то, что приведенная Седлаком аргументация относительно сроков проведения выборов в парламент вскоре станет доминирующей и превалирующей в позиции самого ГФ, вставшего на путь перенесения выборов на более поздний

срок, а в итоге даже решившегося на кооптацию депутатов в федеральный парламент при отказе от дополнительных выборов депутатов на освободившиеся места, как это предписывалось конституционными нормами, хотя ранее их проведение не исключалось.

В дальнейшем данный момент фиксируется весьма четко. «Преждевременные выборы, — говорится в комментарии посольства США 29 ноября (телеграмма 08343), — не обязательно выгодны для Гражданского форума. Многие политические группы, представителем которых он стал, все еще находятся в зачаточном состоянии и им понадобится какое-то время, прежде чем они оформятся»¹¹⁷.

Действительно, в документах самого ГФ вплоть до 26 ноября, когда наконец обозначилась дата свободных парламентских выборов: ноябрь 1990 г., — никаких уточнявших сроки сведений не содержалось. В связи с этим создавалось не во всем благоприятное для ГФ представление о его стратегии: вопрос о власти, к которому лидеры Форума подходили все с большей настойчивостью (внешне все еще кокетничая с лозунгами «неполитической политики») — вставал сам по себе, а классические избирательные процедуры, присущие демократическим обществам — сами по себе. Ход дальнейших событий подтверждал соответствующие опасения, но не отменял уверенности в том, что политическая система Чехословакии подвергается кардинальным изменениям.

Американское же посольство, напротив, придавало значение не только самому факту свободных выборов, но и срокам их проведения. Возникает даже мысль о появлении у американцев некоторой доли недоумения относительно того, что сроки выборов оппозицией не назывались, о желании дипломатов разобраться в этом вопросе. Не случайно, ведь, они собирали информацию самого различного рода и из самых разных источников по этому поводу, включая представителей прореформаторски настроенной коммунистической верхушки.

Следовало бы разобраться в отношении к проведению свободных парламентских выборов терявших свои позиции «властных». Косвенно, как уже отмечалось выше, она представлена Я. Седлаком в интерпретации его взглядов американскими дипломатами. Но и в других документах можно найти свидетельства, характеризующие двойственную позицию КПЧ по данному вопросу. В телеграмме от 29 ноября (08343 с пометками «секретно» и «срочно»), предмет кото-

рой обозначен следующим образом: «Чехословацкая мирная революция и ее перспективы», — говорится: «Представители ГФ не недооценивают длительную борьбу, которая их ждет, прежде чем им удастся преодолеть тактические и законодательные препоны, которые КПЧ будет ставить на пути к достижению таких целей, как свободные выборы и постепенная трансформация нынешней тоталитарной системы в парламентскую демократию»¹¹⁸. Подтвердить этот пассаж конкретными чехословацкими или чешскими документами не представляется возможным. Более того, угроза препятствий, к которым якобы станет прибегать КПЧ при проведении свободных выборов, выглядит явно надуманной и натянутой. В современной чешской и словацкой историографии не приводятся какие-либо документы или исследования, из которых следовало бы, что ГФ действительно в эти дни настаивал на незамедлительном проведении парламентских выборов, как об этом, скажем, заявляли студенты или добивалась «Чехословацкая демократическая инициатива». Скорее, напротив, коммунисты под натиском «бури» шли на любые компромиссы с ГФ и принимали практически все выдвигавшиеся лидерами оппозиции требования.

Проблематика свободных выборов оставалась в поле зрения американского посольства и в дальнейшем и рассматривалась под различными углами зрения. В первую очередь выяснялось отношение к самой идее свободных выборов «властных». Такое повышенное внимание нельзя назвать случайным. Во-первых, в соседних Польше и Венгрии свободные или частично свободные выборы в высшие законодательные органы власти уже состоялись; во-вторых, для американцев решение проблемы власти таким способом являлось азбучной истиной. Действительно, трудно было представить какой-то иной вариант перехода власти в Чехословакии к оппозиции, которая начертала на своих знаменах возврат к избирательным процедурам правового государства и демократическим нормам, ставя в вину «режиму нормализации» пренебрежение ими.

Но политическая реальность оказалась куда более сложной. «Реконструкция» обрела форму затяжных политических переговоров, если не сказать торгов и сделок. В ходе подготовки встречи М.С. Горбачева и Дж. Буша они как-то выпадали из поля зрения аналитиков, но то, что проблема свободных выборов оттеснялась на периферию, было очевидно. ЦК КПЧ при этом как бы «перемалывался» (28 нояб-

ря в отставку ушел А. Индра), а ГФ консолидировался, статьи о руководящей роли компартии отменялись Федеральным собранием, в котором преобладали коммунисты. Адамек вел консультации о составе правительства и призывал к ответственности тех, кто не стремился поначалу в нем участвовать, — деятелей ГФ. Американское посольство (телеграмма от 29 ноября, 08343) небезосновательно констатировало: «Тормозом трансформации станет руководство нынешнего режима, которое попытается маневрировать, стремясь отложить сроки проведения реформ, особенно свободных выборов. Режим имеет в распоряжении ряд препятствий, политических и законодательных, которые могут их заблокировать. Как нас предупредил генеральный секретарь Чехословацкой социалистической партии Ян Шкода, для одобрения более ранних сроков проведения свободных выборов потребуется большинство в две трети депутатов Федерального собрания. Учитывая, что Федеральное собрание в своем большинстве состоит из коммунистов, которые имеют ничтожные перспективы на повторное избрание, они, возможно, не пожелают с этим более ранним сроком согласиться»¹¹⁹. Здесь в качестве преграды на пути реализации демократических норм избирательной системы приводится коммунистическое большинство Федерального собрания, что еще 29 ноября вызывало значительную тревогу не только Я. Шкоды, но и всех политических акторов.

Между тем отсутствие ясности с проведением свободных парламентских выборов осложняло и вопрос об избрании нового чехословацкого президента. Эти сложности касались процедуры выборов. Согласно сложившейся практике и букве закона, президент в социалистической Чехословакии избирался федеральным парламентом страны. К моменту ухода в отставку Гусака вопрос о судьбе старого «нормализаторского» парламента решен не был, и дело шло к тому, что нового главу государства будет избирать именно он. Различные течения чехословацкого оппозиционного движения предлагали самые разные варианты решения вопроса о судьбе ФС ЧССР: от наиболее радикального (ропуск парламента и незамедлительное объявление новых свободных, полных или частичных, демократических выборов) до компромиссного (сохранение практики периода «режима нормализации»). В этой ситуации КПЧ выступила с предложением проведения прямых всеобщих выборов президента; ГФ же высказался за избрание пре-

зидента в соответствии с конституцией социалистической Чехословакии, т.е. ФС ЧССР*.

Вопрос об избрании нового президента ЧССР не обходился стороной и американские дипломаты. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что какого-либо прогностического анализа телеграммы не содержали. Они во многом шли вслед за событиями, не опережая и не предсказывая их. Впервые вопрос о новом президенте прозвучал в телеграмме (08315 от 29 ноября), подписанной Расселом. «Гражданский форум, — говорится в ней, — также требует, чтобы президент Гусак ушел в отставку не позднее 10 декабря. Гражданский форум не предложил никакого преемника, однако в этой связи часто приводится имя Александра Дубчека. Приход Дубчека "на Град" явился бы способом отдать ему должное за реформаторские усилия в 1968 году и одновременно воспрепятствовать ему принимать активное участие в формировании политики»¹²⁰. Действительно, голоса в поддержку Дубчека были достаточно весомыми, и посольство не могло не отметить или замолчать этот факт, не преминув, однако, оценить «выгоду» от президентства Дубчека для дальнейшего развития государства как «сомнительную», что придавало тем самым этой оценке сугубо этическую окраску. Важнее другое: сами граждане Чехословакии не в полной мере определились со своими предпочтениями, хотя данные опросов и свидетельствовали в пользу А. Дубчека, а главное, у них не оказалось механизмов ретрансляции этих предпочтений. Массовые демонстрации в период «бури» были, ощущение их мощи оставалось, а вот участие в рутинных политических процедурах представлялось некоторым лидерам оппозиции (или прилагались усилия, чтобы такое представление доминировало в восприятии масс) как бы неважным, второстепенным, а то и третьестепенным делом.

Информация о Дубчеке как возможном претенденте на пост президента ЧССР содержится и в других телеграммах посольства. В частности, интерес, на наш взгляд, представляет позиция лидера ЧСП Я. Шкоды. «Шкода, — говорится в телеграмме 80392 от 30 ноября, 17 часов 52 минуты — посе-

* Начавшиеся с 1 декабря сражения за ведущие посты в чехословацком государстве (их анализ см.: «Чехия и Словакия в XX веке»... Кн. 2. С. 304–310), имели характерную особенность: говорилось об одном (кандидатура премьер-министра), а имелось в виду другое (пост президента). Свободные выборы опять оставались в тени... Все концентрировалось на вопросе о том, кто же станет президентом.

товал, что "психоз толпы" мог бы вынести на президентское кресло Дубчека, однако сам он не смог назвать в качестве преемника Гусака имя какого-либо другого кандидата, который пользовался бы поддержкой населения в случае вынужденного ухода в отставку Гусака»¹²¹. И далее: «Шкода выразил тревогу в связи с перспективой занятия президентского поста Дубчеком. Он сказал, что определенный "психоз толпы мог бы вынести Дубчека на Град", однако это явилось бы историческим анахронизмом. Но когда Шкоду попросили назвать в качестве преемника Гусака какую-нибудь другую кандидатуру, которая пользовалась бы поддержкой народа, он не смог назвать ни одного имени»¹²². Меж тем в телеграмме (08387), отправленной того же 30 ноября в 17 часов 25 минут, указывалось: «Вацлав Гавел де факто выступает как его (т.е. ГФ. — Э.З.) руководящая личность, несмотря на то, что у него нет никакого титула или формального положения. Члены Форума обращаются к нему почти всегда как к лидеру ("шефу")»¹²³.

Весьма примечателен комментарий посольства: «Нравится это Шкоде или нет, кроме Дубчека имеется лишь несколько кандидатов, которые в случае выдвижения кандидатами на этот пост могли получить поддержку общественности. Шкода об этом не говорил, однако он мог иметь в виду следующее: пока не решится вопрос о 1968 годе, в том числе и чистки в КПЧ в 1969 году и возможные реабилитации, было бы нетактично номинировать Дубчека. Избрание Дубчека зависело бы от голосования в парламенте, депутаты которого все еще остаются такими же репрезентантами периода нормализации, как Биляк и Штроугал»¹²⁴.

Судя по тону комментария, американские дипломаты все в большей мере проникались мыслью о безальтернативности кандидатуры В. Гавела и прислушивались к любым мнениям, подтверждавшим эту мысль. Кроме этого, они, возможно, не тревожились относительно результатов президентских выборов, исходя из, так сказать, презумпции данной безальтернативности.

Однако ситуация складывалась не столь просто, а противостояние Гавела и Дубчека оказалось нешуточным¹²⁵. Впервые, Дубчек постоянно придерживался позиции об участии в президентских выборах, а «безальтернативность» кандидатуры Гавела обеспечил не кто иной, как коммунист Мариан Чалфа, фактически выводя из игры экс-коммуниста Дубчека¹²⁶. Более того, вопреки договоренности о том, что

встреча с Чалфой будет не только неофициальной, но и практически конфиденциальной, Гавел сразу же известил соратников о факте встречи, наложив «информационное эмбарго» на ее содержание. О ее результате для других потенциальных кандидатов на президентский пост нетрудно было догадаться.

Нужно отметить, что через 15 лет после беседы Гавела и Чалфы, чешский президент по-своему трактовал исход борьбы за «безальтернативность» в квазидемократическом варианте. Он говорил о Дубчеке как фактически выходящем из игры «акторе». «Абсурдность положения, — по словам Гавела, — заключалась в том, что в течение всего этого периода никто не имел отваги и энергии четко сказать ему (т.е. Дубчеку. — Э.З.), что он не будет выдвигаться кандидатом на пост президента от Гражданского форума и Общественности против насилия и что эти два института предложат другого кандидата. Общественность против насилия тоже не хотела Дубчека. Но никто не осмеливался сказать ему об этом, пока в конце концов это не пришлось сделать мне. То есть сложилась абсолютно курьезная ситуация. Я, будучи кандидатом, должен был ему объяснять, что президентом стану я, а не он — совершенно гротескная ситуация, каких в то время насчитывался миллион»¹²⁷.

Вторая не менее важная тема документа — рассуждения Шкоды относительно свободных парламентских выборов. «Если выборы, — сказал он, — надо было бы провести раньше, чем это установлено конституцией (т.е. май 1991 г.), это стало бы возможным только при условии одобрения большинством в две трети членов [Федерального] собрания»¹²⁸. Из документа следует, что Шкода со всей серьезностью относился к проведению свободных парламентских выборов в мае 1991 г., по крайней мере не исключая именно такого «конституционного» варианта развития событий.

Вряд ли следует преувеличивать роль Я. Шкоды, лидера партии со становившимся «сомнительным» названием — «социалистическая» (даже несмотря на то, что он находился в дружеских отношениях с Гавелом). Важнее другое: передаваемые им ощущения политической неопределенности соответствовали реальному положению вещей. Мало кто стремился взять на себя ответственность за политический курс на уровне не деклараций, а реальных дел. В декабрь страна вступала неуверенным шагом, а положение требовало решительных мер.

К этому моменту стали более четко выраженными и противоречия внутри самого мотора революции — Гражданского форума. В нем были представлены разные политические группировки от коммунистов-реформаторов (клуб «Возрождение») до либералов («Чехословацкая демократическая инициатива»). Словаки предпочли свое движение — Ответственность против насилия. Студенты при этом начали оттесняться с передовых позиций в общем движении, что вызвало их недовольство¹²⁹ Гражданским форумом. Даже рабочие к началу декабря считали темпы продвижения к демократии замедленными и готовились ко второй всеобщей забастовке. «Форум, — указывалось в посольской телеграмме (29 ноября, 08343), — пытается примирить эти разногласия тем, что подчеркивает свой переходный и неполитический характер, а также нацеленностью внимания своих сторонников на перспективные общественные цели, а именно: смешанная экономика, плюралистическая политическая система и интеграция Чехословакии в Западную Европу. Следует обратить внимание на то, что в программном заявлении Форума из семи пунктов ... ни разу не упоминается слово социализм»¹³⁰. Целью ГФ, как отмечалось в телеграмме, является «подготовка почвы для проведения свободных выборов и трансформация нынешней тоталитарной системы в демократическое общество»¹³¹.

Действительно, ГФ уже нацеливался на власть. День 30 ноября 1989 г. не отличался обилием событий на улицах и площадях. Но именно в этот день началась окончательная подготовка к переговорам о составах федерального, чешского и словацкого правительств. Пока же федеральный кабинет обсудил проект закона о бюджете федерации.

В этот же день состоялось еще одно примечательное событие, которое можно было бы трактовать и как предупреждение о необходимости ускоренного курса реформ, и как консультацию об их реализации. Речь идет о встрече представителей ГФ с американскими сенаторами. В ней приняли участие в основном «интеллектуалы», а не реальные политики, и она походила, судя по тону телеграммы, на своеобразное благословение демократических перемен из-за океана.

Лидеры ГФ подчеркивали: американское правительство должно понять, что «*путь к демократии в Чехословакии будет отличаться от пути к ней Венгрии и Польши* (курсив мой. — Э.З.)»¹³². Однако цель такая же, как и у соседей: установление парламентской системы западного типа¹³³. Об

этом заговорили открыто как раз 30 ноября, но сама «специфика» чехословацкого пути к демократии не уточнялась и не разъяснялась. Одна особенность все же бросалась в глаза — нацеленность на «реконструкцию» правительства, а не на формирование кабинета по образцам «западного типа». К этому времени, как уже отмечалось, в Польше и Венгрии уже прошли переговоры за «круглыми столами», на которых обсуждался главный вопрос — проведение свободных парламентских выборов. И именно по их итогам формировались новые высшие исполнительные органы власти в этих странах.

Но, похоже, сенаторы по данному поводу особо не беспокоились: их скорее интересовало происходившее на Мальте. Действительно, именно там, как представляется, выявлялись меры возможного внешнего воздействия на ситуации в странах Восточной Европы, превращавшейся в Европу Центральную, даже в том случае, если та или иная страна даже не упоминалась.

Комментарий посольства к встрече был следующий: «Несмотря на то, что присутствовавшие представители Гражданского форума поддерживают свободные выборы и парламентскую демократию, они различаются во взглядах на сроки проведения выборов (курсив мой. — Э.З.). Большинство представителей Гражданского форума, судя по всему, планировало проведение выборов не позднее мая, считая подобного рода "досрочные выборы" в качестве способа, с помощью которого можно и в дальнейшем удержать нынешнюю прореформаторскую энергию. Др. Габал, напротив, полагает, что выборы во второй половине 1990 г. предоставили бы больше времени для формирования политических партий и других демократических структур»¹³⁴. Аргументы Габала напоминают мотивацию Шкоды в вопросе о сроках проведения выборов. Правда, здесь указаны иные даты и настрой более решительный, а май 1991 года в качестве альтернативы вообще не упоминался.

В целом на встрече с американскими сенаторами лидеры ГФ подтвердили, что участвовавшие в его деятельности представляли широкий спектр взглядов, «однако целью, которую разделяют в Гражданском форуме почти все, является установление в Чехословакии парламентской системы западного типа». За фразой «почти все», скорее всего, скрывалось то, что далеко не все разделяли основные цели лидеров. А те в основном ориентировались уже не на социализм, при-

чем с любим «лицом», и при этом ощущали поддержку масс, особенно антисоциалистически настроенного студенчества.

«Учитывая, — говорилось в информации Рассела, — широкий спектр взглядов внутри Гражданского форума, ГФ избегает “слишком сильных слов”. ГФ, например, не включил в свои принципы положения, касавшиеся частной собственности, поскольку многие рядовые его члены — социалистических или левых убеждений. Избегая спорных заявлений и концентрируясь лишь на одной общей цели — установлении парламентской демократии, Гражданский форум надеется, что сохранит высокий уровень поддержки большинства населения, и, следовательно, давление на чехословацкое правительство с тем, чтобы оно провело основные демократические реформы»¹³⁵.

Ход начавшихся с 1 декабря разнородных переговоров с участием первых лиц со стороны «властных» и «безвластных», проанализирован нами в других работах¹³⁶. Остается добавить, что все они проходили под контролем «улицы», требовавшей как можно более стремительной смены власти. При этом если какие-то рекомендации и американских сенаторов лидерам ГФ, и кремлевских правителей в Москве Л. Адамецу (где он находился с визитом в первых числах декабря) давались (не будучи, естественно, запротоколированными), сам факт подобного рода встреч можно трактовать как своеобразные рекомендации. В любом случае решающей роли они не играли.

Первый проект состава федерального правительства, представленный вице-премьером З. Урбаном 3 декабря, «улица» забраковала. Вот что отмечается по этому поводу в телеграммах (08445) посольства США: «Гражданский форум призвал 4 декабря в 16.00 к демонстрации, которая должна выразить несогласие с этим новым кабинетом». Демонстранты потребуют «от правительства обещание провести свободные выборы в июле 1990 года (курсив мой. — Э.З.)». Гражданский форум угрожает всеобщей забастовкой, если эти требования не будут реализованы»¹³⁷. В ответ на это 3 декабря, до отъезда в тот же день в Москву на заседание лидеров стран — членов ОВД, Адамец заявил, что «в случае необходимости правительство может быть улучшено». В качестве же главной задачи он назвал «ускорение общественной перестройки и подготовку условий для проведения свободных выборов»¹³⁸. Однако дату свободных выборов премьер уточнять не стал.

Между тем спикер ГФ в телевыступлении 4 декабря потребовал, чтобы «правительство выразило согласие со свободными выборами, которые должны состояться *до июля 1990 г.* (курсив мой — Э.З.)»¹³⁹. Как говорится в телеграмме от 4 декабря (08445), ГФ «изначально занял следующую позицию: требование отставки Адамеца и нового правительства, если оно не будет в состоянии создать репрезентативную коалицию и предложить программу, гарантирующую защиту прав человека и проведение свободных выборов»¹⁴⁰. Таким образом, лишь в самом начале декабря ГФ удалось определиться с датой проведения парламентских выборов, назвав их срок — до июля 1990 г.

Посольство Соединенных Штатов в Праге, ведя своего рода мониторинг событий, изучало позицию всех сторон в вопросе свободных выборов и пришло к выводу: определенности не было ни у одной из них. В телеграмме от 5 декабря 1989 г. (08513) посол Ш. Блэк, еще и еще раз поднимая вопрос о дате проведения свободных выборов, замечает: «*Выборы, в которых Гражданский форум намеревается номинировать кандидатов, до сих пор не были объявлены* (курсив мой. — Э.З.). Несмотря на то, что отдельные члены президиума ЦК КПЧ дали понять, что свободные выборы желательны, официально по вопросу свободных выборов все еще не высказались ни чехословацкое правительство, ни КПЧ. Руководство Гражданского форума тем не менее полагает, что свободные выборы — несомненная кульминация нынешнего процесса и что остается лишь определить сроки их проведения. Руководство Гражданского форума требует, чтобы они состоялись не позднее июля 1990 г., но одновременно выступает против "молниеносных выборов", к которым Гражданский форум и другие оппозиционные политические силы не были бы готовы»¹⁴¹. В первые дни декабря посольство, назвав дату «не позднее июля 1990 г.», с которой в эти дни определился ГФ, полностью разделяло точку зрения оппозиции о том, что с выборами торопиться не следует.

Определенным шагом в данном направлении можно считать призыв Гражданского форума 5 декабря ко всем дискредитировавшим себя депутатам ФС ЧССР отказаться от мандатов. А что взамен? В комментарии американского посольства от 5 декабря за подписью посла Блэк, говорится: «Решение Гражданского форума вступить в избирательную политику должно было бы драматически изменить облик любого правительства, которое сформируется после свобод-

ных выборов. Еще до оглашения Гражданским форумом своего решения произошло создание ряда политических партий (например, «Возрождение», Партия зеленых, Социал-демократическая партия, «Чехословацкая демократическая инициатива»), однако ни одна из них не способна завоевать симпатии большинства населения. Многие наблюдатели прогнозировали формирование правительства переходного типа, в котором не будет доминировать ни одна из партий. [В качестве возможной параллели приводится положение в Чехословакии в годы Первой республики]. Решение Гражданского форума выставить собственную кандидатуру могло бы, разумеется, означать и то, что в будущем правительстве (если свободные выборы состоятся) большинство получат представители Гражданского форума»¹⁴².

Таким образом, 4 декабря сформировалось федеральное правительство, которое не удовлетворило по многим параметрам оппозицию. Тем не менее это событие наметило сдвиг к демократизации высшей исполнительной власти, хотя уже начались разговоры о необходимости смены президента и даже обсуждались кандидатуры на этот пост; все же перспектива свободных выборов по-прежнему оставалась неопределенной. Сложилась ситуация, когда органы исполнительной власти «перемалывались» без опоры на народное волеизъявление (если не считать таковым неумолкавший гул «улицы»). В итоге получалось так: по отношению к свободным выборам и с трудом реформировавшаяся компартия, и набиравший политические очки ГФ относились с позиций оппортунизма — чем позже, тем лучше.

КПЧ допускала возможность сохранения властных полномочий хотя бы и в урезанном объеме, поскольку она в определенной степени обладала потенциалом самореформирования, олицетворявшегося в первую очередь фигурой Л. Адамеца. Более того, в ее рамках создавалась структура, которая могла бы обеспечить такое самореформирование, — Демократический форум коммунистов (ДФК), учрежденный 28 ноября (около 200 чел.). Его программа, включавшая 8 разделов, во многом походила на требования Гражданского форума и предполагала конец руководящей роли партии; разработку нового устава партии и проведение чрезвычайного съезда; переоценку событий 1968 — 1969 гг.; упразднение Народной милиции. Однако солидного авторитета она так и не приобрела, да и яркого лидера (наподобие А. Квасьневского в Польше) не

выдвинула. Более умеренные реформаторы, следовавшие за Адамецем, также отставали от хода событий, но уже вынуждены были считаться с ГФ и ОПН. И все же именно эта группа, как представляется, являлась резервуаром для отбора высших руководителей страны. И имена не только Адамеца, но и Б. Урбана, М. Чалфы, К. Урбанека звучали постоянно. Все же основная масса партии с трудом поддавалась ветрам перемен, а в безотлагательности свободных парламентских выборов большинство коммунистов особой необходимости не видело.

Адамец хотя и предпринял шаги по реформированию федерального кабинета с равным представительством коммунистов и некоммунистов, но 7 декабря оставил поле политического сражения. «Представители Гражданского форума, — пишет по этому поводу Ш. Блэк 7 декабря (08589), — полагают, что какое бы решение Адамец не принял, они в борьбе с КПЧ победят, ибо переход к демократическому плюрализму в Чехословакии необратим... Представители Гражданского форума убеждены, что имеют поддержку 14-ти миллионов чехословацких граждан и что борьба с КПЧ практически во всех отношениях завершена. Их оптимизм в определенной мере соответствует видению из столицы и Братиславы, но не может неизбежно правильно отражать настроения деревни. Несмотря на это мы также полагаем, что неутешительные итоги КПЧ за последние 40 лет практически не дают ей никакой надежды на завоевание вновь доверия чехословацкой общественности и что эйфория Гражданского форума, возможно, в какой-то мере и преждевременная, но она ни в коем случае не является необоснованной»¹⁴³.

Переговоры не прекращались, правительство, в котором коммунисты занимали 10 мест из 21 министерских поста, сформировалось, а на первый план вышел вопрос о будущем президенте страны. Густаву Гусаку предстояло покинуть его 10 декабря. Комментируя последнее выступление Гусака по радио и телевидению 9 декабря, словацкий историк В. Плевза заметил, что чехословацкий президент «ни словом не обмолвился об ультиматуме, который унижал его и как человека, и как политика и который вынудил его уйти именно в День прав человека»¹⁴⁴. Но что мог сделать этот немолодой политик, осознававший, что его неизбежно сменит В. Гавел, официальные документы о выдвижении которого со стороны ГФ и ОПН были уже готовы?

Примечательно, что американские дипломаты в Праге тщательно отслеживали ситуацию и с правительством, и с президентом. В телеграмме от 11 декабря (08627) отмечалось: «Когда Чалфа говорил о новом кабинете, он охарактеризовал его как правительство национального согласия. Он сказал, что это правительство будет действовать только до свободных выборов 1990 года, однако точная дата выборов определена не была»¹⁴⁵. К этому, действительно, добавить нечего, за исключением того, что как раз дату — не позднее июля 1990 г. — к этому времени ГФ для себя наконец-то уточнил.

10 декабря 1989 г., по требованию оппозиции, в отставку ушел президент ЧССР Г. Гусак. Вакантность президентского поста актуализировала решение вопроса об избрании нового президента страны, и «реконструкция» на этом уровне приобрела особо запутанные формы, которые рядом исследователей (в частности, Дж. Кином) оцениваются как весьма далекие от легитимных форм смены высшей власти. Так, приоритет получила в борьбе за власть «улица» (точнее, угроза апелляции к ней, к которой прибегали постоянно пока что «безвластные»), которая могла быть наполнена сотнями тысяч митингующих, а не электорат — как это предполагается в стабильных демократиях.

За два дня до отставки Гусака вопрос, казалось бы, нашел свое успешное решение. 8 декабря на заседании ГФ, в котором приняли участие 37 человек, на пост президента ЧССР выдвигается кандидатура Вацлава Гавела («за» Гавела проголосовал 31 участник заседания, воздержались — 6)¹⁴⁶. Бурные дебаты о способе избрания нового президента велись и в Федеральном собрании ЧССР. При этом предложения КПЧ о всенародных выборах президента на альтернативной основе в расчет не принимались и квалифицировались лидерами ГФ и ОПН как попытка «дестабилизации государства»¹⁴⁷.

Помимо Вацлава Гавела выдвигались и другие кандидаты на президентский пост. В их числе — Чеслав Цисарж, представлявший крыло экс-коммунистов-реформаторов. Они проявляли большую активность в ходе ноябрьских дней. Так, Цисарж, бывший в 1968 г. членом секретариата ЦК КПЧ, дважды выступил по первой программе телевидения в качестве представителя клуба «Возрождение». О. Шик, бывший заместитель председателя правительства и руководитель работ по экономической реформе 1968 года, выразил

желание, в случае его полной реабилитации, вернуться на родину из Швейцарии, где провел в изгнании 20 лет. В Прагу из Австрии прибыл З. Млынарж. Все они, видимо, полагали, что их реформаторский багаж пригодится и будет востребован в «бархатной» революции. Однако идеи Пражской весны не получили поддержки ни у студентов, ни у рабочих, ни тем более у лидеров ГФ. Цисарж оказался кандидатом без особых шансов.

Но все же по-настоящему ожесточенная (хотя и «подковерная») борьба развернулась между В. Гавелом и другим кандидатом — Александром Дубчеком¹⁴⁸. Анализируя перипетии этой борьбы, чешский ученый И. Сук в конце 2004 г. отметил: «Политические партии и организации в Словакии, бывшие до того времени составной частью режима, стали решительно насаждать кандидатуру Дубчека как определенный символ Словакии, как ее икону на позицию руководителя событий 1989 г. Но в глазах руководства чешского Гражданского форума и словацкой Общественности против насилия Дубчек уже не выглядел олицетворением триумфальной революции. Им хотелось выйти из порочного круга попыток реформы и следовавших за ними репрессивных мер. Дубчек символизировал традицию реформного коммунизма, Гавел — демократическую традицию Первой Чехословацкой республики»¹⁴⁹.

11 декабря ГФ и ОПН издали ряд предварительных, а 14-го — окончательных заявлений, в которых решительно выступили против внесения изменений в конституцию ЧССР (1968 г.) и введения прямых всеобщих выборов президента. Тем самым складывалась парадоксальная ситуация: лидеры ГФ и ОПН призывали соблюдать «коммунистическую конституцию» времен «режима нормализации» в части избрания президента, в то время как представители старого режима, депутаты-коммунисты, намеревались коренным образом ее изменить¹⁵⁰.

Американское посольство, как и большинство зарубежных аналитиков, постоянно разгадывали непростые загадки в связи с событиями в Чехословакии. Их смысл заключался в том, что в ходе «бархатной» революции демократические цели в политике зачастую достигались посредством игнорирования демократических процедур. Почему происходили задержки даже с провозглашением даты свободных выборов в парламент, а «реконструкции» («перестройки» по чехословацки) правительства путем включения в него лидеров

оппозиции шли через «нормализаторский» коммунистический парламент? Почему идея прямых президентских выборов то принималась, то отбрасывалась ГФ? Наконец, почему парламентарии-коммунисты послушно исполняли волю своих идеологических оппонентов, зная, что «наградой» за это станет их неминуемая и неизбежная отставка?

Что же касается непоследовательного курса, то из анализа телеграмм посольства складывается впечатление, что идея свободных выборов лишь американцы и были озабочены... Касаясь грядущих выборов президента, телеграмма от 11 декабря (08627) фиксировала: «От информатора из Гражданского форума нам стало известно, что Вацлав Гавел хочет принять номинацию на пост президента, однако в игре остаются еще два других кандидата. Бывший председатель правительства Адамец сказал, что проявляет интерес к этому посту, а Советы* якобы его поддерживают. Александр Дубчек в качестве претендента уже не упоминается столь часто. Скорее всего Федеральное собрание приступит к обсуждению вопроса о преемнике нынешнего президента на своем следующем заседании во вторник 12 декабря»¹⁵¹.

Годы спустя один из ведущих деятелей оппозиции, а затем и ГФ П. Питгарт пытался объяснить некоторый оппортунизм Гражданского форума, сопоставляя ситуации 1968 и 1989 годов. Относительно Пражской весны он допускал, что тогда общество не во всем было согласно с тем, что перемены осуществлялись только партией. И все же оно понимало, что делало политбюро, чего следует опасаться, чего оно хотело бы, а чего нет. «По крайней мере, — отмечал он, — мы могли представить, на что оно способно, а на что нет. Но сейчас — в этом состояла суть положения — партийцы просто не знали, способны ли мы за один час заставить всю страну бастовать, могут ли пустить в ход дубинки. Но и мы в свою очередь тоже не знали, начнут ли они стрелять, или же могут ввести танки; мы не знали, была ли это игра на нервах, вообще ничего не знали. Поэтому то, что сегодня представляется как излишняя мягкость и осторожность, на самом деле обуславливалось неопределенностью, просто мы не знали, с кем имеем дело. Лишь постепенно мы обнаруживали, что они готовы сдать довольно быстро и без каких-либо компенсаций»¹⁵².

* Имеется в виду руководство СССР. Кто здесь блефовал, сам Адамец, «информатор» или посольство, — разобраться сложно.

На данном основании Питгарт заключает, что оппозиция ни с кем не вступала в торги, «не занималась ни продажей, ни обменом»¹⁵³. В этом он видит причину достаточно медленного продвижения к власти оппозиции¹⁵⁴, что приводило в недоумение не только американское посольство.

Действовал ли Чалфа от имени всей партии? По всей видимости, нет — партия не желала уступать властных позиций до последнего. В. Менцл, один из деятелей клуба «Возрождение», свидетельствует: «До последней минуты она (то есть КПЧ. — Э.З.) цеплялась за "Уроки". До последней минуты плела интриги против Горбачева, все еще надеясь на чудо поворота в СССР. А когда все это в ноябре лопнуло, она разложилась, она не была способна принять решение — подавлять ли ей все это или не подавлять. Они попросту сбежали. И фактически они потом пошли по пути некоей продажи власти, передав ее Гавелу и Гражданскому форуму. Они дали им возможность провести смену президента и фактически передали власть, а за это в качестве вознаграждения получали заверения, что хотя и потеряют собственность и др., хотя и будут дисквалифицированы, но их не уничтожат... С другой стороны, у Хартии в тот момент, когда, собственно говоря, она должна была взять власть в свои руки, вообще не имелось экономической программы, не было в ней ни сил, ни каких-то коалиционных субъектов, на базе которых можно было составить такую программу. Впоследствии эту программу де-факто сформулировал Клаус, который пришел с самым главным — то есть с экономической реформой, с большой волной ускоренной приватизации»¹⁵⁵.

Следует подчеркнуть, что подобного рода оценки явно не соотносятся с заверениями Питгарта о том, что «никаких торгов не было». Может, с самим Питгартом и не торговались, но факта встречи Гавела и Чалфы, где подобная «торговля», скорее всего, шла, это не отменяет.

Возвращаясь к рассмотрению хода «бархатной» революции на этапе «натиска» через призму аналитических оценок посольства США в Праге, следует отметить телеграмму от 11 декабря (08674), в которой затрагивались сюжеты о прямых выборах президента. Здесь шла речь о встрече посла с некоторыми лидерами ГФ (посол Ш. Блэк пригласила их в свою резиденцию на ужин) 10 декабря. «По тому, — пишет она, — что говорили некоторые представители Гражданского форума, мог быть предложен проект, согласно которому новая конституция позволила бы ввести прямые выборы

президента. В таком случае Гавел мог бы летом уйти со своей должности, чтобы новые президентские выборы могли состояться одновременно со всеобщими парламентскими выборами»¹⁵⁶. Это несколько туманное примечание (скорее лишь информация без оценок) мало проясняет ситуацию; прежде всего не совсем понятно, — чья же все таки была инициатива с прямыми всеобщими выборами президента? И как к этому относился ГФ. И посол тоже не дает своего видения проблемы. Между тем известно, что с этой инициативой выступили коммунисты. Более того, она пользовалась поддержкой масс, настроения которых уловил единственный из представителей рабочих в ГФ, вошедший в правительство. «Один из гостей, — как пишет Блэк, — например, указал на растущие разногласия между Петром Миллером, новым министром труда и социального обеспечения и некоторыми "академическими" экономистами в Гражданском форуме (а теперь и в новом правительстве), которые хотят проводить реформы быстрее, чем это, согласно Миллеру, готовы принять трудящиеся»¹⁵⁷.

Представители ГФ говорили о нескольких кандидатурах. Со своей стороны, К. Урбанек в своем заявлении для прессы (в трансляции Ш. Блэк; телеграмма 08700 от 12 декабря), сообщал, что «Клуб коммунистических депутатов в Федеральном собрании поддерживает предложение об избрании президента на референдуме. Это могло бы означать только подтверждение кандидата, избранного Федеральным собранием. Демократический форум, реформаторское крыло КПЧ, также не исключает прямых выборов президента... Возможно, в прямых выборах президента заинтересован ряд тех, кого это касается, разумеется, по разным причинам. Гражданский форум сомневается, что ему удастся провести кандидатуру Гавела в Федеральном собрании, в котором все еще по-прежнему доминируют коммунисты и дискредитировавшие себя политические фигуры. С другой стороны, коммунисты могут полагать, что в случае проведения прямых выборов, у них больше надежды на то, чтобы помешать избранию Гавела. Разумеется, они основываются на предположении, что помимо Праги и Братиславы он не столь хорошо известен и что консервативная деревня даст преимущество тому, кого знает, напр[имер], Адамецу. Сотрудники посольства, которые встретились с лидерами Гражданского форума 10 декабря в резиденции посла, выяснили, что тех беспокоит их имидж в целом, но и имидж самого Гавела. У них такое

чувство, что из-за своей причастности к театру Гавел может выглядеть "элитарным", но ни в коем случае как представитель трудящихся. Возможно, коммунисты рассчитывают также и на то, что если будет больше кандидатов, как напр[имер], Цисарж, произойдет распыление голосов оппозиции»¹⁵⁸. В документе тем самым указана еще одна причина отказа ГФ от всеобщих прямых выборов президента. Однако от проникательного взгляда посольства ускользала истинное положение вещей: закулисная игра в стане ГФ, на что в телеграммах нет даже намек. Особенно примечательно то, что посольство практически не информировало об имевшем место именно в это время жестком противостоянии Гавела и Дубчека в борьбе за выдвижение кандидатуры на президентский пост.

Надо заметить, что вопрос о порядке президентских выборов становился все более актуальным на фоне ускорявшихся перемен во всех ветвях власти. Так, 12 декабря словацкий парламент (Словацкий Национальный Совет) назначил правительство Словацкой Социалистической Республики: в его состав вошли 6 коммунистов и 9 представителей словацкой оппозиции. И здесь в результате переговоров между представителями коммунистического государственного руководства и ОПН удалось договориться о «реконструкции» прежних исполнительных органов власти, в которых большинство постов занимали уже не коммунисты, а представители демократически ориентированных политических сил страны. И здесь противостоявшая коммунистическому режиму оппозиция ориентировалась не столько на слом старой государственной машин, сколько на *реконструкцию* высшего органа законодательной власти. И в этом случае предпочтительнее оказалась не революционная, а эволюционная форма слома старой государственной машины и утверждение новой государственно-правовой системы. Планировался компромиссный путь: *отставка* одиозных коммунистических партийных лидеров и *кооптация* в высший законодательный орган Чехословакии депутатов из рядов оппозиционных ГФ и ОПН. И начавшийся после отставки Гусака первый этап реконструкции чехословацкого парламента завершился к 22 декабря 1989 г., когда от депутатских мандатов вынуждены были отказаться 23 коммуниста¹⁵⁹ из 350 депутатов ФС ЧССР, избранных еще в период «режима нормализации» в 1986 г.; в федеральный парламент вошли тем самым 23 новых депутата (включая А. Дубчека).

Связанные с «реконструкцией» неопределенности достаточно четко просматриваются и в посольских телеграммах от 13 декабря. В них постоянно смещаются акценты на процедуру президентских выборов, и через это смещение видна непростая борьба между КПЧ и ГФ. Аргументы оппозиции в интерпретации американского посольства звучали следующим образом (08746): «Гражданский форум сначала обсуждал вопрос о прямых выборах президента, однако в настоящее время публично выступает против них, приводя в качестве доказательства то, что постоянные изменения конституции, которые были бы необходимы для прямых выборов президента, не в интересах стабильной демократии. Гражданский форум далее указывает на то, что президентская кампания может расколоть народ в период, когда он призван в едином порыве приступать к политическим реформам и готовиться к всеобщим выборам будущим летом. Скорее всего произошла бы отсрочка выборов, поскольку за короткий срок для избрания президента (14 дней), как установлено в конституции, не представляется возможным провести избирательную кампанию. Гражданский форум также выступает против массовой отставки Федерального собрания и преждевременных всеобщих выборов. Гражданский форум вместо этого предпочитает отставку дискредитированных политиков»¹⁶⁰. В качестве уточняющего обстоятельства посольство учитывало растущую не по дням, а по часам, причем во всех возможных направлениях — активность бывшего «неполитического» Вацлава Гавела.

С одной стороны, все считали, что его кандидатура будет фактически безальтернативной, но, с другой — как же быть с демократическими процедурами? Тогда по форме нужно, чтобы кандидатов было больше, но вдруг один из них выигрывает — вопреки прогнозам? «Национальный фронт СР, — говорится в телеграмме, — в настоящее время формально в качестве своего кандидата назвал Александра Дубчека, а опрос общественного мнения в Словакии показывает, что там его поддержка избирателями существенно выше, чем Гавела. Гражданский форум опасается, что если оппозиционные голоса распределятся между Дубчеком и другими кандидатами, кандидат от коммунистов, как например, бывший председатель правительства Адамец может получить большинство на пятилетний президентский срок, тем самым КПЧ оказывала бы значительное влияние на политические события»¹⁶¹. В этом, видимо, одна из разгадок торпедирова-

ния ГФ идеи об альтернативных формах избрания президента, не исключая лукавой казуистики.

Думается, что гражданам Чехословакии ситуация казалась не менее запутанной, чем американскому посольству. Обнаружилось, что Гражданский форум «гул» улицы еще слышал, но уже особо к нему не прислушивался. Больше он прислушивался к «конструктивным» предложениям некоторых отдельных коммунистических функционеров, видевших неизбежность краха прежней системы власти, в отличие от все еще находившегося у власти и державшегося за нее их большинства.

«Гражданский форум, — указывается в телеграмме (08749), — не согласен с предложением КПЧ об избрании будущего президента на референдуме. Он, несомненно, опасается, что референдум привел бы к резкой антикоммунистической кампании, что могло бы нарушить стабильность переходного периода накануне свободных выборов, которые Гражданский форум хочет провести... Они признались, что не любят Зденека Млынаржа, поскольку Млынарж пытается убедить общественность, что проблемы страны могла бы решить реформированная коммунистическая партия, а это является взглядом, который Гражданский форум не разделяет»¹⁶². Складывалась в какой-то мере абсурдная ситуация: антикоммунистический ГФ опасался «антикоммунистической кампании».

В телеграмме (08746) диспозиция уточняется: «Гражданский форум также опасается, что выборы президента из нескольких кандидатов могут вести к раздробленности оппозиции, ограничив тем самым шансы Вацлава Гавела и улучшив позиции коммунистического кандидата, в частности, бывшего председателя правительства Адамеца... Депутаты некомунистических партий (включая Йозефа Бартончика из ЧНП и Йозефа Шимута из Словацкой партии возрождения) предостерегали от прямых выборов. Вместо этого они предлагали дискредитировавшим себя депутатам выйти из состава Федерального собрания и провести дополнительные выборы, чтобы Федеральное собрание более оптимально представляло общественность и стало тем самым органом, больше способным избирать президента в соответствии с конституцией. Независимый депутат С. Ганак обвинил коммунистов, что их предложение является всего лишь тактическим маневром, который приведет к отсрочке выборов и помешает избранию личности с высокими моральными качествами — то есть Вацлава Гавела»¹⁶³.

В этой ситуации инициативу в свои руки взял временно исполнявший обязанности президента глава федерального кабинета коммунист М. Чалфа, который 15 декабря 1989 г. провел с В. Гавелом, потенциальным кандидатом на президентский пост, тайную встречу. Именно на ней разрабатывался план дальнейших совместных действий федерального кабинета министров и чехословацкой оппозиции по избранию нового президента¹⁶⁴.

Фабула и интрига этой и других встреч крайне запутанны¹⁶⁵. Эту дату можно считать начальным временем полного доминирования закулисной политической игры, в которую были втянуты и КПЧ, и ГФ. Все ее перипетии раскрываются лишь постепенно, и «тайн мадридского двора» будет открыто еще немало. Ясно одно: «бархатная» революция светила в это время мерцающим светом, и главные ее события совершались «в тени».

Что считал при этом главным ведущий политический «актор»? Одной из важных предвыборных стратегий Гавела являлась демонстрация широты «политических» взглядов. Так, в интервью советской газете он подчеркивал, что Чехословакия должна быть страной демократической, плюралистической и миролюбивой, с различными видами собственности; «то есть, — утверждал он, — такой страной, которая прежде всего в гораздо большей мере обеспечивала бы социальную уверенность трудящихся, нежели прежняя тоталитарная система»¹⁶⁶. В качестве важного достижения революции он назвал конституционную отмену официального признания руководящей роли компартии в Чехословакии, оговорив при этом, что рассчитывает на компартию как на равноправного партнера¹⁶⁷.

Относительно своих президентских амбиций и перспективы пребывания на данном посту, Гавел заявил: «Я, конечно же, писатель. Но я служу своему обществу не только тем, что пишу. Как гражданин своей страны я всегда ставил интересы общества выше личных. Если как кандидат Гражданского форума на пост президента буду избран, то эта служба оставит мне очень мало времени для писательской работы. Но мое пребывание на этом высоком посту будет временным — несколько месяцев. Потом национальная ассамблея, представляющая волю всего народа, выберет своего президента на пять лет»¹⁶⁸.

Комментируя происходившие события, корреспондент советской газеты «Комсомольская правда» в Праге утвер-

ждал: «До сих пор у главных политических сил Чехословакии нет единства по принципиальным вопросам — о процедуре и сроках избрания президента. Нельзя было получить ответ и на Круглом столе с участием заинтересованных сторон на вопрос: почему ГФ игнорирует требование провести общенародные выборы главы государства, за что высказывалось 4/5 населения страны? Ответ сводился к тому, что сложившаяся ситуация для ГФ была беспроигрышная. Если парламент не изберет Гавела, то, следовательно, не выполнит волю народа и его следует полностью сменить, а если тот победит, то это станет лишним свидетельством его популярности»¹⁶⁹. Здесь, на наш взгляд, сказывалась все та же безальтернативность, покончить с которой раз и навсегда и была призвана «бархатная» революция.

Альтернативной позиции придерживался Демократический форум коммунистов. На собранном им митинге, в котором приняли участие тысячи членов партии, к собравшимся обратился генсек ЦК КПЧ К. Урбанек. «Главной задачей момента для нас, — заявил он, — являются выборы президента республики. Клуб депутатов-коммунистов в парламенте высказался за всеобщие прямые выборы. Это не маневр, как пытаются доказать некоторые, а шаг, отвечающий демократическому духу современной политической жизни страны»¹⁷⁰. Но голос ДФК оказался в то время слабым. Позиции других претендентов на президентский пост в СМИ получили слабое освещение.

Действительно, дело шло к логическому заключению по «взаимной договоренности» сторон. Это не преминуло отметить посольство, комментируя выступление 19 декабря в чехословацком парламенте главы кабинета М. Чалфы, который представил ФС ЧССР программу нового чехословацкого «правительства национального согласия». «Программа, — констатируется в документе, — практически совпадает с политическими и экономическими реформами, предлагаемыми Гражданским форумом. Она включает переход к рыночной экономике, а также политические законодательные перемены, гарантирующие демократические права и демократическую систему западного типа. В программе не определена дата проведения свободных выборов»¹⁷¹. Яснее не скажешь... Как говорится, за что боролись? За то, что одна безальтернативность коммунистических выборов заменялась другой: поддержкой и без того мощных позиций единственного кандидата на президентский пост в условиях наступавшей демократии...

Чалфа далее предложил от федерального правительства кандидатуру Гавела на пост президента. В этот же день в Палату национальностей Федерального собрания (ФС) ЧССР на пост председателя федерального парламента ЧССР кооптировался А. Дубчек, кандидатура которого была предложена 22 декабря. Чалфа гарантировал Гавелу, что до 29 декабря «убедит» коммунистическое большинство федерального парламента проголосовать за все предложения федерального «правительства национального согласия». Конечно, прибегая к аргументам далеко не правового характера и скорее адресуясь к страху депутатов перед «улицей».

Для исключения неожиданного поворота событий и полного контроля за ситуацией инициативная группа депутатов из рядов оппозиции выступила с предложением внести изменения в процедуру избрания главы высшей исполнительной власти страны. В итоге на рассмотрение ФС ЧССР был внесен конституционный закон (№ 161/1989 Кодекса законов ЧССР) об отмене тайного и введении открытого голосования на время выборов в Федеральное собрание ЧССР нового чехословацкого президента¹⁷².

21 декабря завершил свою работу чрезвычайный съезд КПЧ, который избрал новый ЦК и принял новый проект программы. Л. Адамец стал председателем партии, В. Могорита — первым секретарем, а К. Урбанек — председателем центральной контрольной и ревизионной комиссии. В обширной информации, посвященной анализу работы съезда содержатся весьма интересные строки: «Съезд рекомендовал депутатам-коммунистам в Федеральном собрании уважать при избрании нового президента волю народа, что является явной уступкой в деле неизбежного избрания Вацлава Гавела 29 декабря в Федеральном собрании». Трактовка данной установки съезда КПЧ выглядит весьма своеобразно, если учесть, что договоренности между Гавелом и Чалфой подвели черту под этим вопросом.

22 декабря 1989 г. представители большинства чехословацких политических партий и организаций собрались за «круглым столом» и вели переговоры прежде всего о предстоявшем избрании президента*.

* В «круглом столе» приняли участие представители ГФ, ОПН, НФ ЧССР, Чешско-моравского гражданского форума, КПЧ, КПС, ЧСП, ЧНП, Демократической партии, Партии свободы, Христианско-демократической партии, Социал-демократической партии в Словакии, Общегосударственного координационного комитета баствующих студентов, Словацкого координационного комитета вузов и ССМ.

Однако депутаты-коммунисты, имевшие в федеральном парламенте страны абсолютное большинство, выступили с контрпредложением о внесении поправок в чехословацкую конституцию. Одна из них касалась референдума, на который следовало вынести вопрос о введении в Чехословакии прямых всеобщих президентских выборов; вторая — проведения всеобщих выборов президента на альтернативной основе. Можно сказать, что в ходе «реконструкции» коммунисты и оппозиция менялись местами: первые выступали за легалистические процедуры, вторые — за их свертывание. Однако после проведенных ГФ и ОПН в эти дни массовых демонстраций протеста в поддержку Вацлава Гавела как безальтернативной кандидатуры на пост президента предложения коммунистов с повестки дня были сняты.

Между 22 и 28 декабря «на поверхности» политической жизни Чехословакии ничего интересного не происходило, если не считать съезда Гражданского форума, на котором он позиционировал себя как политическое движение (а не партия), а также доведение до оптимума необычной по результату процедуре избрания президента. Все это происходило в основном за закрытыми дверями.

Частично ситуация решилась 28 декабря на совместном заседании двух палат ФС ЧССР, на котором от имени депутатов ЧНП, ЧСП и ряда членов КПЧ выступил Й. Бартончик (ЧНП). Он предложил в случае освобождения депутатского мандата отказаться от проведения дополнительных выборов, восполнив недостающее число депутатов методом кооптации на основе соглашения «решающих политических сил». Закон прошел без каких-либо серьезных возражений как со стороны фактически потерявших власть «властных», так и со стороны ее обретавших «безвластных». Как полагает чешский историк Рыхлик, был избран «ускоренный, хотя с правовой точки зрения и не совсем чистый способ». Трудно сказать, что подвигло коммунистов пойти на этот «не совсем чистый способ» «избрания» депутатов. Не исключено, что одним из мотивов мог стать и корыстный расчет на сохранение несмотря ни на что своего депутатского мандата.

Как бы там ни было, на этом первая часть работы двух палат завершилась. Во второй половине дня шла работа в комитетах парламента, которые в форсированном порядке проводили так называемые «выборы» новых депутатов. Предложения по тем или иным «кандидатам» вносились политическими партиями после согласования в соответствии

с достигнутыми ранее договоренностями с лидерами ГФ и ОПН. Поскольку «избранные» депутаты являлись, как правило, выходцами из ГФ или ОПН, «довыборы» проходили под лозунгом, демонстрировавшим доминирование «беспартийных».

После этого обе палаты ФС ЧССР снова собрались на свое совместное заседание, на котором прошло избрание А. Дубчека председателем федерального парламента. Я. Рыхлик заключает: «Из всего сказанного видно, что все участники стремились хотя бы с формальной точки зрения сохранить видимость законности происходившего. С этой точки зрения передача власти в значительной мере напоминала события февраля 1948 года»¹⁷³. В итоге на первой волне в состав ФС ЧССР кооптировались 23 новых депутата, которые получили мандаты, освободившиеся после отставок наиболее одиозных коммунистов. Параллельно велась «реконструкция» президиума ФС ЧССР с тем, чтобы лишить большинства в нем представителей КПЧ.

28 декабря 1989 г. ФС ЧССР единогласно избрало своим председателем словака, бывшего коммуниста-реформатора А. Дубчека, что явилось своеобразной репетицией избрания и президента. Всего за день до этого Дубчек стал парламентарием, заняв место одного из скомпрометировавших себя депутатов согласно процедуре кооптации. Дело в том, что накануне президентских выборов еще громче зазвучали требования вывести из парламента всех тех, кто «скомпрометировал себя», а взамен кооптировать новых депутатов.

Насколько правомерными являлись подобного рода действия? На этот случай нашелся полузабытый закон, который принимали в 1969 г., когда потребовалось избавиться от сторонников Пражской весны. Вследствие исторической удобопревратности и своего рода преемственности с «режимом нормализации» этот закон использовался теперь для других целей, минуя (как это свершалось и в былые времена) барьер легитимности.

В связи с этим в рамках ГФ против принципа кооптации выступил, в частности, член КЦ ГФ И. Деймал, который на съезде ГФ в январе 1990 г. критиковал взятие власти псевдоконституционным путем. Он заявил: «Корень ситуации лежит в решениях рубежа ноября – декабря, когда был принят легалистический ход с обменом депутатами. Парламент рассматривался как демократический, чтобы избрать президента». Вместе с тем, по его словам, предлагался альтернатив-

ный путь: заявить, что Федеральное собрание ЧССР демократическим институтом не является и сформировать до выборов директорат из 50 или 100 членов, представленных отдельными партиями¹⁷⁴. Можно отметить сходство этой позиции с предложениями коммунистов, но рациональное ее зерно заключалось главным образом в том, что оппозиции представлялся шанс по меньшей мере «сохранить лицо».

ГФ предпочел «аргументы» коммунистического специалиста по конституционно-правовым вопросам рубежа 1950 – 1960 годов профессора З. Йичинского о предпочтении «неконституционного» пути (ибо он был таковым лишь с точки зрения действовавшей тогда коммунистической конституции). По его логике, такая «неконституционность» сработала, когда речь шла о беспроблемном смещении враждебной коммунистам элиты 1968 года. Она должна сработать и сейчас. Тем самым после ноября всего лишь новеллизировалась старая «плохая недемократическая» система для новых «хороших демократических» целей.

29 декабря парламент е д н о г л а с н о избрал Вацлава Гавела президентом ЧССР. На этом торжественном аккорде, формально напомнившем коммунистические мелодии, завершился период «натиска», и власть в стране стала вполне «легитимной».

Информируя Госдеп об этом, посол США в Праге в телеграмме от 29 декабря (09083) сигнализировала: «*Избрание Гавела символически* утверждает рядовых чехов и словаков в убеждении, что нынешний демократический процесс является необратимым и что *свободные выборы* (курсив мой. — Э.З.) гарантированы»¹⁷⁵. Ключевые слова данного документа — «символически» и «свободные выборы».

Может сложиться впечатление, что американцы сами себя убеждали в легитимности происходившего в стране, понимая своеобразие избрания высшего должностного лица новой демократической Чехословакии. «Будущее Гражданского форума и Гавела, — констатируется в документе, — после выборов летом либо осенью 1990 г. неясно. Хотя Форум заявляет, что после этих выборов намерен "сойти со сцены", однако не исключено, что он сыграет определенную роль в формировании будущей политической коалиции. Гавел обязался уйти с президентского поста после свободных выборов»¹⁷⁶. Строя свои прогнозы, американское посольство полагало более вероятным решение вновь избранного парламента выдать ему полный пятилет-

ний президентский мандат, но от определенных прогнозов оно воздерживалось.

Признавая свершившееся как «шаг к настоящей демократии» (который точнее можно было бы называть успешным «броском в нее»), посольство США в Праге констатировало: «И хотя некоторые критиковали президентскую кампанию как излишнее распыление энергии Гражданского форума за счет реализации более существенных реформ, представляется, что это был успешный экзамен как для Гражданского форума, так и для самого Гавела на политическом поприще. У нового президента произошел сдвиг от сугубо морального авторитета к статусу политика, при этом он явно не утратил своей популярности. Гражданский форум продемонстрировал, что вопреки коммунистической тактике отсрочек, включая проект об избрании чехословацкого президента в ходе прямых выборов, он способен оказывать влияние на общественность, чтобы она разделяла с ним общую точку зрения»¹⁷⁷.

Сам Гавел, по свидетельству посольства, обещал, что как только пройдут свободные выборы, сложит свои полномочия. Действительно, примерно то же он говорил и корреспонденту советской газеты «Комсомольская правда», намереваясь вернуться к творчеству и к театру. «Однако, — пишет посол, — он настолько гладко вошел в политическую жизнь, что это позволяет нам сделать предположение: он может пристраститься к президентским функциям настолько, что ему будет трудно уйти с данного поста»¹⁷⁸. И данный прогноз оказался весьма успешным.

С избранием высших должностных лиц чехословацкого государства завершается этап формирования новых органов государственной власти демократической Чехословакии (где большинство принадлежало уже не коммунистам). Этап этот отличался от аналогичных процессов в других посткоммунистических государствах рядом характеристик. Институты власти сформировались не в результате свободных парламентских выборов, а путем таких процедур как кооптация, ротация кадров и других, получивших обобщенное (и юридически трудно определяемое) название «реконструкция». Программы ГФ и ОПН были призваны защитить права и свободы личности, провозглашенные в международных актах, требовали восстановления полноценных многопартийной политической системы и принципа разделения властей, конституционной законности. Предполагалось, что это

возможно в рамках существующих прокоммунистических государственно-правовых отношений, и это предположение оказалось в целом справедливым.

Вакантность высшего государственного поста актуализировала решение вопроса об избрании нового президента страны, и «реконструкция» на этом этапе приобрела особо запутанные формы, которые рядом западных ученых (в частности, английским исследователем Дж. Кином) оцениваются как весьма далекие от легитимности. В частности, приоритет получила улица, наполненная сотнями тысяч митингующих, а не электорат.

В то же время единогласное избрание президентом В. Гавела было осуществлено на во многом искусственно созданной безальтернативной основе, а вслед за этим республиканские парламенты (в первую очередь словацкий) начали дистанцироваться и друг от друга, и от общего государства при решении своих задач. Безальтернативность в этом плане оборачивалась безответственностью к судьбе единого государства. В этом уже тогда можно было углядеть причины, породившие в дальнейшем кризис чехословацкой государственности.

На этой звонкой ноте единогласия, поразительно напоминавшем прежние ругаемые времена «нормализации», «бархатная» революция завершилась. И если единство первых дней революции — периода «бури» — носило массовый и основанный на общенародной воле характер, то «единство» депутатов-коммунистов ФС ЧССР периода «режима нормализации», избравших президентом экс-диссидента, внушало недоверие со стороны многих трезвых наблюдателей. В итоге единение, проявившееся в ходе «бури», в период «натиска» трансформировалось в единогласность. Единогласность при выборе президента можно считать некоей ширмой, за которой начинала разворачиваться серьезная борьба, закончившаяся распадом единого государства. Пристальный анализ вновь появившихся источников и новые интерпретации уже известных позволят четче прояснить причины, породившие в дальнейшем кризис чехословацкой государственности и разность исторических путей Чехии и Словакии.

Важно подчеркнуть следующее: стремление чехословацкой оппозиции, ставшей новой политической элитой, «вернуться в Европу», «покончить с коммунистическим прошлым» и «восстановить демократию» действительно, в тот период разделялось значительной массой людей Чехии и

Словакии. И, как показывают материалы опросов спустя 10 и 15 лет со времени «бархатной» революции, оправдались надежды и первой, и вторых. Правда, имелись издержки в виде безработицы, распада государства, упадка промышленности, люстраций и прочих «мелочей», но в принципе народные массы пошли на это, а новые элиты при их поддержке укрепляли свои позиции.

Единодушные манифестации на улицах — в начале и *единогласное* выражение воли в парламенте — в конце. Этот парадокс завершается «бархатная» революция в Чехословакии. Надо сказать, что этот парадокс длительное время намеренно не замечался. К примеру, распад Чехословакии изображается неким историческим фатумом, однако его истоки как раз и крылись в пресловутых единогласии и единодушии. При этом игнорировались те нормы политической демократии и демократических процедур, к которым апеллировали лидеры революции, вошедшие во власть (ставя в упрек их отсутствие прежнему пражскому руководству, считая это едва ли не главным его грехом и возводя в абсолют демократические процедуры и процессы).

Это не единственная неразгаданная загадка чехословацкой «бархатной» революции. Именно поэтому необходимо постоянно углублять анализ прошедших исторических катаклизмов как на кратком, но весьма насыщенном этапе «бури», так и на этапе полного загадок «натиска» с учетом новых документов и новых интерпретаций событий конца 1989 года.

¹ Vítězové? Poražení? Životopisná interview / Ed. M. Vaněk, P. Urbášek. Praha, 2005. D.I. S. 211. В целом позицию Якеша характеризует следующее признание, сделанное им в 2003 г.: «По прошествии времени я понимаю, что все касающееся упоминавшихся перемен, шло в русле общеевропейского процесса, ускоренного позицией и фактически предательством лидеров СССР во главе с Горбачевым, отказа от классовых подходов на международной арене. Это вело к неприемлемым уступкам перед США и освобождению уже занятых в мире позиций, что являлось одной из главных причин ослабления и затем временного поражения социализма в Европе». (Ibid. S. 217).

² Вышедшие из печати в конце 2004 г. документы (телеграммы из американского посольства в Праге в Госдепартамент в период с 14 сентября по 29 декабря 1989 г.) несут на себе печать некоторой растерянности от обвально го хода событий. См.: Praha – Washington – Praha: Depeše velvyslanectví USA v Československu v listopadu a prosinci 1989 / Ed. V. Prečan. Praha, 2004. Хотя они оцениваются с позитивным знаком, их исход вовсе не представлялся американцам однозначным. Если бы удалось открыть подобный пласт источников

из советского посольства в Праге, картина оказалась бы во многом похожей: та же растерянность и неопределенность...

³ См.: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 2. С. 332 – 429.

⁴ Например, в 1999 г. чешский исследователь П. Гусак писал, что о «таинственном дне» 17 ноября 1989 г. даже спустя десятилетие можно судить «лишь на уровне гипотез». См.: *Husák P. Česká cesta ke svobodě. Revoluce či co? Praha, 1999. S. 82.* По сути об этом же говорил в 2005 г. И. Динстбир: «...затем прошла та самая акция на Национальной улице, которую до сих пор никто не объяснил. Что это могло быть? Какая-то логика вообще отсутствовала. Не знаю, объяснит ли кто-нибудь, почему там сотрудник органов госбезопасности играл роль мертвого студента и тому подобное. Видимо, имелся какой-то idiotский расчет каких-то находившихся у власти людей, которые думали, пожалуй, этим они сумеют изгнать всяких там якшей и занять их посты. Но по этому поводу нет смысла спекулировать. Имела место какая-то абсурдная вещь, но потом сдержать что-либо уже не представлялось возможным». См.: *Vítězové? Poražení? D. I. S. 52.*

⁵ *Praha – Washington – Praha: Depeše velvyslanectví USA v Československu v listopadu a prosinci 1989 / Ed. V. Prečan. Praha, 2004.*

⁶ *Ibid.* S. 39.

⁷ *Ibid.* S. 45.

⁸ *Ibid.* S. 47.

⁹ Цит. по: *Prečan V. Opětovně vynošení občanské společnosti: nezávislé občanské aktivity v komunistickém Československu 70. a 80. let // Česká a slovenská společnost v období normalizace. Liberec, 2001. S. 177.* См. также: *Praha – Washington – Praha. S. 47.*

¹⁰ *Praha – Washington – Praha. S. 70 – 71.*

¹¹ *Ibid.* S. 71.

¹² *Ibid.* S. 76.

¹³ *Ibid.* S. 86.

¹⁴ *Deset pražských dnů. 17–27. listopad 1989: Dokumentace / Ed. M. Otáhal, Z. Sládek. Praha, 1993. S. 16 – 18.*

¹⁵ *Ibid.* S. 59.

¹⁶ См.: *Otáhal M. Studenti a komunistická moc v českých zemích. 1968 – 1989. Praha, 2003; см. также: <http://www.radio.cz/ru/statja/60375>.*

¹⁷ *Otáhal M. Studenti a komunistická moc... S. 164.*

¹⁸ *Praha – Washington – Praha. S. 89.*

¹⁹ *Ibid.* S. 93.

²⁰ *Ibid.* S. 89.

²¹ *Ibid.* S. 92.

²² *Ibid.*

²³ *The Democratic Revolution in Czechoslovakia: Its Precondition, Course and Immediate Repercussions. 1987 – 1989. Briefing Book / Ed. V. Prečan, D. Paton. Prague, 1999. P. 165.*

²⁴ Подробнее см.: *Загорожнюк Э.Г. Процесс распада социализма в Восточной Европе в оценках Запада (журнал «Тайм» о событиях января – декабря 1989 г.) // Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991. С. 307.*

²⁵ Там же.

²⁶ Подробнее см.: *Загорожнюк Э.Г. Путь к «бархатной» революции: противостояние «властных» и «безвластных» в Чехословакии // Славяноведение. 2005. № 3.*

²⁷ Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 2. С. 272 – 273.

²⁸ Obroda. Klub za socialistickou predstavbu: Dokumenty / Ed. Z. Kokošková, S. Kokoška. Praha, 1996. S. 168 – 169.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. S. 169.

³¹ Ibid.

³² В одних документах содержится требование бессрочной забастовки (см.: Deset pražských dnů. S. 31 – 32); в других – всеобщей двухчасовой (Ibid. S. 32); в третьих – семидневной забастовки (Ibid. S. 33).

³³ Deset pražských dnů... S. 48.

³⁴ Ibid. S. 49.

³⁵ The Democratic Revolution in Czechoslovakia. Doc. 51. P. 169.

³⁶ Гавел появился в Праге вечером 18 ноября, приехав из Градечка. Если до его прибытия звучали призывы «Да здравствует Гавел», то вскоре ГФ инициировал лозунги иного рода: «Гавела – на Град!», т.е. в президенты. См.: Keane J. Vaclav Havel. A Political Tragedy in Six Acts. L., 1994. P. 334, 349.

³⁷ Burian M. Prognostici v takzvané sametové revoluci // Soudobé dějiny. 1997. № 3/4 S. 499.

³⁸ Подробнее см.: Šimulčík J. Čas svitania: Sviečková manifestácia 25. marca 1988. Prešov, 1998.

³⁹ November 1989 a Slovensko. Chronológia a dokumenty (1985–1990) / Ed. J. Žatkuliak, V. Hlavová, A. Sedliková, M. Štefanský. Bratislava, 1999. S. 324.

⁴⁰ Ibid. S. 325. Через три дня в заявлении ОПН от 22 ноября 1989 г. подчеркивалось, что ОПН объединяет «активистов и подписантов из рядов словацкой научной и культурной общественности, экологов, журналистов, писателей, а также рабочих и служащих – граждан, которые выступают против насилия в политической, общественной и культурной жизни». Ibid. S. 337.

⁴¹ Подробнее см.: Kováč D. Dejiny Slovenska. Bratislava, 1998. S. 312.

⁴² November 1989 a Slovensko... S. 325.

⁴³ Ibid. S. 329; см. также: Suk J. Občanské fórum. Listopad-prosinec 1989. D. 2. Dokumenty. Brno, 1998. S. 51.

⁴⁴ Rychlík J. Rozpad Československa. Česko-slovenské vzťahy 1989–1992. Bratislava, 2002. S. 73.

⁴⁵ См.: Deset pražských dnů. S. 59. Как было установлено позднее, офицер госбезопасности Л. Зифчак, внедренный в студенческую среду, во время демонстрации намеренно сыграл роль «убитого» студента, а после окончания демонстрации отбыл из Праги. Расследованием событий, связанных с мнимой смертью Шмида, занималась в 1990 г. специальная парламентская комиссия, которой так и не удалось до конца их объяснить и «расшифровать». См.: Měchyř J. Velký převrat či snad revoluce sametová? Několik informáci, poznámek a komentářů o naší takřečené něžné revoluci a jejich osudech 1989–1992. Praha, 1999. S. 25. П. Питгарт также считал «единственной загадкой "мертвого студента" с Национальной улицы: как будто его придумали, чтобы придать событиям более решительный ход». См.: Klusáková J., Pithart P. Jana Klusáková a Petr Pithart rozmlouvají nadoraz... O Havlovi, Klausovi, Mečiarovi a revoluci, která požívá své děti. Praha, 1992. S. 95. Именно эту «таинственность» революции имел в виду П. Гусак, предполагая, что ее придется разгадывать практически постоянно.

⁴⁶ Известия. 1989. 21 нояб.

⁴⁷ Deset pražských dnů... S. 77.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Гавел приехал в здание, где проходили переговоры, однако их завершения ему все же пришлось ждать в коридоре. См.: Zrychlený tep dějin. Reálné drama o deseti jednáních. Autentické záznamy jednání představitelů státní moci s delegacemi hnutí Občanské fórum a Verejnost' proti násiliu v listopadu a prosinci 1989 / Ed. V. Hanzel. Praha, 1991. S. 6.

⁵⁰ Ibid. S. 137.

⁵¹ Suk J. Občanské fórum... D. 2. S. 140 – 141.

⁵² Ibid. D. 1. S. 58.

⁵³ Один из студенческих лидеров так писал в феврале 1990 г. об этих событиях: «Затем мы отправились в посольство СССР. Уже стемнело, но нас пустили внутрь здания; мы сказали, что мы из центрального забастовочного комитета и что нам нужно поговорить с господином послом. Минут 20 мы ждали, после чего пришел третий секретарь посольства. Он прочитал наше Обращение и констатировал: "Официальная позиция Советского Союза вам известна – это внутреннее дело Чехословакии". "Да", – согласились мы. – "Но каково ваше личное мнение?". Господин секретарь посмотрел нам в глаза и сказал: "Личное мнение? Мое личное мнение таково, что вам нечего опасаться". И в этот момент я понимал, что он говорит правду». Цит. по: Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 2. С. 327.

⁵⁴ Deset pražských dnů. S. 163 – 164.

⁵⁵ Praha – Washington – Praha. S. 94, 97, 99 – 100, 101, 103 – 104.

⁵⁶ Ibid. S. 106, 109.

⁵⁷ Ibid. S. 113.

⁵⁸ Ibid. S. 124.

⁵⁹ Deset pražských dnů. S. 313.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ См.: November 1989 a Slovensko... S. 60.

⁶² Ibid. S. 346; см. также: Alexander Dubček: od totality k demokracii. Prejavy, články a rozhovory výber 1963–1992 / Ed. J. Žatkuliak, I. Laluha. Bratislava, 2002. S. 321.

⁶³ Praha – Washington – Praha. S. 125 – 126.

⁶⁴ Ibid. S. 128 – 129.

⁶⁵ Ibid. S. 130.

⁶⁶ Ibid. S. 138.

⁶⁷ Ibid. S. 139.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid. S. 142.

⁷⁰ Ibid. S. 150.

⁷¹ Deset pražských dnů. S. 316.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid. S. 342 – 343.

⁷⁴ Подробнее см.: *Burian M.* Op. cit. S. 497 – 498. Следует отметить, что подобная позиция Комарека помогла ему завоевать значительный авторитет и популярность, возможно, как пишет Буриан, «самый высокий из всех лиц, принимавших участие в ноябрьских событиях». См.: Ibid. S. 498. На дискуссионном вечере в театре на Виноградах его участники почти единогласно избрали Комарека символическим главой правительства ЧССР. См.: Ibid.

⁷⁵ November 1989 a Slovensko... S. 351 – 352; Poslední hurá. Stenografický záznam z mimofádných zasedání ÚV KSČ 24. – 26.11.1989. Praha, 1992. S. 351, 353.

- 76 November 1989 a Slovensko... S. 354.
- 77 Poslední hurá...; November 1989 a Slovensko... S. 354 – 355.
- 78 Ibid.
- 79 Подробнее см.: Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989 – 1990 гг.). М., 1991; Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2000; см. также: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2002. Т. III, Ч. 1 – 2.
- 80 Deset pražských dnů. S. 406.
- 81 Praha – Washington – Praha... S. 158.
- 82 Бартушка В. Советское влияние на смену режима в Чехословакии в 1989 г. // Революции 1989 года ... С. 179.
- 83 Там же.
- 84 Там же.
- 85 Там же.
- 86 Deset pražských dnů. S. 468.
- 87 Československá cesta k demokracii. Chronologie událostí 1985 – 1989 / Ed. V. Prečan, J. Cuchra, V. Břeňova, M. Janišová, F. Koudelka, A. Nosková, S. Rohlíková, Z. Sládek, J. Suk, O. Tůma. Praha, 1999. S. 76.
- 88 Praha – Washington – Praha. S. 159 – 160.
- 89 Ibid. S. 160.
- 90 Ibid. S. 163.
- 91 Ibid. S. 169.
- 92 Ibid. S. 172.
- 93 Ibid. S. 173.
- 94 См.: Keane J. Vaclav Havel.
- 95 Praha – Washington – Praha. S. 171.
- 96 Otáhal M. Studenti a komunistická moc... S. 152.
- 97 Ibid.
- 98 Suk J. Občanské fórum... D. 2. S. 32.
- 99 Praha – Washington – Praha. S. 157.
- 100 См.: Чехия и Словакия в XX веке... Кн. 2. С. 304 – 325.
- 101 Там же. С. 279.
- 102 November 1989 a Slovensko ... S. 358.
- 103 Цит. по: Чехия и Словакия в XX веке... Кн. 2. С. 289.
- 104 November 1989 a Slovensko ... S. 359.
- 105 См.: Чехия и Словакия в XX веке... Кн. 2. С. 296.
- 106 Praha – Washington – Praha. S. 179.
- 107 Ibid. S. 180.
- 108 Ibid. S. 179 – 180.
- 109 Ibid. S. 180.
- 110 Чехия и Словакия в XX веке... Кн. 2. С. 296.
- 111 Praha – Washington – Praha. S. 186.
- 112 Ibid. S. 188.
- 113 Vítězové? Porážení? D. I. S. 111.
- 114 Ibid. S. 309.
- 115 Чехия и Словакия в XX веке... Кн. 2. С. 270.
- 116 Praha – Washington – Praha. S. 184.
- 117 Ibid. S. 192 – 193.
- 118 Ibid. S. 190.
- 119 Ibid. S. 192.
- 120 Ibid. S. 188.

¹²¹ Ibid. S. 207.

¹²² Ibid. S. 209.

¹²³ Ibid. S. 200.

¹²⁴ Ibid. S. 209.

¹²⁵ О его перипетиях см.: Чехия и Словакия в XX веке... Кн. 2. С. 317—325.

¹²⁶ Там же. С. 320.

¹²⁷ *Vítězové? Porážení?* D. I. S. 152. Думается, что «миллион» — это крайнее преувеличение. Но на «театр абсурда» ситуация в чем-то похожа... По логике данного свидетельства получается, что Гавел единолично взял на себя миссию не только собственного продвижения на президентский пост, но и объяснения того, что альтернативы его кандидатуре попросту нет. Конечно, такое объяснение может удовлетворить любителя «театра абсурда», но все же и в его рамках желательным было бы услышать не только того, кто говорит, но и того, кто отвечает. В частности объяснения того, почему Дубчек все же соглашался с выдвижением своей кандидатуры, кто его поддерживал и почему он пошел на компромисс, сегодня нет. Но это не отменяет того момента, что Дубчек вступил в эту борьбу с серьезными намерениями, а не ради создания «гротеска».

¹²⁸ Praha — Washington — Praha. S. 208.

¹²⁹ Студенты намеревались продолжать забастовку как минимум до воскресенья 3 декабря включительно. «Продолжение студенческой забастовки, — указывалось в комментарии посольства США, — могло бы свидетельствовать, что студенты подчеркивают свою независимость от Гражданского форума. Судя по всему, студенты не желают просто влиться в широкое движение, представленное Гражданским форумом и, кажется, раздражены умеренной тактикой Гражданского форума». См.: Praha — Washington — Praha. S. 211.

¹³⁰ Ibid. S. 191.

¹³¹ Ibid.

¹³² Ibid. S. 221.

¹³³ Ibid. S. 219.

¹³⁴ Ibid. S. 220.

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Чехия и Словакия в XX веке... Кн. 2. С. 304—325.

¹³⁷ Praha — Washington — Praha. S. 222.

¹³⁸ *Suk J. Občanské fórum...* D. 1. S. 107.

¹³⁹ Praha — Washington — Praha... S. 226.

¹⁴⁰ Ibid. S. 226—227.

¹⁴¹ Ibid. S. 242.

¹⁴² Ibid. S. 245.

¹⁴³ Ibid. S. 253—254.

¹⁴⁴ Цит. по: *Žiak M.* Op. cit. S. 44.

¹⁴⁵ Praha — Washington — Praha. S. 268.

¹⁴⁶ *Suk J.* К проसазení kandidatury Václava Havla na úřad prezidenta v prosinci 1989: Dokumenty a svědectví // *Soudobé dějiny*. 1999. № 2/3. S. 347.

¹⁴⁷ *Keane J.* Op. cit. P. 238.

¹⁴⁸ Подробнее см.: *Загорожнюк Э.Г.* Политический портрет... С. 143—145.

¹⁴⁹ <http://www.radio.cz/ru/statja/60340>

¹⁵⁰ Примечательно, что, согласно опубликованным 13 декабря 1989 г. пражским Институтом по изучению общественного мнения результатам опросов, 4/5 населения страны поддерживали прямые всенародные выбо-

ры президента. См.: *Tůma O. November 1989, Years Later: Models for Interpreting the End of the Communist Regime in Czechoslovakia. Prague, 1998.*

151 Praha – Washington – Praha. S. 270.

152 *Vítězové? Poražení?* D. I. S. 776.

153 *Ibid.*

154 С данным объяснением, больше похожим на самооправдание, не во всем можно согласиться. Гавел и другие лидеры оппозиции шли на поиск контактов с руководителями компартии, которые были готовы на переговоры, исходя из реформистской позиции. Но оказалось, что открытые переговоры приносили мало успехов. И, в соответствии со вновь открытыми документами, началась серия тайных переговоров Гавела и Чалфы. Они не были задокументированы, но сама их фабула, а главное, результаты, — свидетельство того, что торги-то как раз и велись.

155 *Vítězové? Poražení?* D. I. S. 539.

156 Praha – Washington – Praha. S. 273.

157 *Ibid.*

158 *Ibid.* S. 277.

159 См.: *Bradley J. Czechoslovakia's Velvet Revolution. A Political Analysis. N.Y., 1992.*

160 Praha – Washington – Praha. S. 284 – 285.

161 *Ibid.* S. 285.

162 *Ibid.* S. 289.

163 *Ibid.* S. 283 – 284.

164 *Keane J. Op. cit. P. 249.*

165 Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке... Кн. 2. С. 320.

166 Комсомольская правда. 1989. 12 дек.

167 Там же.

168 Там же.

169 Корреспондент советской газеты передавал из Праги: «Согласно конституции, выборы нового главы государства должны состояться не позднее чем через 14 дней после отставки прежнего, т.е. этот срок заканчивался 24 декабря. Оппозиции удалось путем внесения поправок продлить этот срок с 14 до 40 дней. Проводит выборы ФС. Депутаты-коммунисты предложили изменить соответствующую статью в Конституции и избрать президента всенародным голосованием. С этим проектом категорически не согласен ГФ. Основной его довод: на избирательную кампанию потребуется по меньшей мере три месяца — зачем тратить драгоценное время, необходимое для широких перемен в обществе?». См.: Комсомольская правда. 1989. 19 дек.

170 Комсомольская правда. 1989. 16 дек.

171 Praha – Washington – Praha... S. 317.

172 *Keane J. Op. cit. P. 249.*

173 Цит. по: Чехия и Словакия в XX веке... Кн. 2. С. 323.

174 *Lidové noviny. 1999. 25. XI.*

175 Praha – Washington – Praha. S. 361.

176 *Ibid.* S. 361 – 362.

177 *Ibid.* S. 362.

178 *Ibid.* S. 364.

**ЧЕШСКАЯ И СЛОВАЦКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
НА ПУТИ К НОЯБРЮ 1989 г.
И В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ НЕГО**

Историки в Чехословакии, и прежде всего чешские, всегда активно участвовали в общественно-политической жизни, оказывая иногда, например в 60-е годы XX в., заметное влияние на течение событий. Поэтому их поддержкой постоянно стремились заручиться власть предержащие, чтобы укрепить свое положение. И чешские, и словацкие историки предпринимали неоднократные попытки показать развитие исторической науки в Чехословакии в послевоенный период, подступая к этой теме с разных сторон и предлагая слушателям (либо читателям) то общие, более или менее критические обзоры, то аналитический разбор той или иной проблемы. В частности, доклады первого рода делались на всех шести съездах историков, прошедших до 1989 г. На VII съезде Чешского исторического общества в сентябре 1993 г., обсуждалась тема «Эволюция чешской историографии. 1945—1989 гг.». Следует отметить, что участники дискуссии не пошли по пути очернения всего предшествовавшего периода развития историографии или создания новых мифов. На съезде, несмотря на трагичность судьбы многих его делегатов после августа 1968 г., возобладал дух справедливого взвешивания всех негативных и позитивных черт прошлого развития исторической науки¹. В период подготовки VIII съезда чешских историков и на самом съезде (он состоялся в сентябре 1999 г.) развернулась бурная дискуссия по проблеме «легитимизации истории», т.е. роли исторической науки в установлении того или иного политического строя, в оправдании и доказательстве правомерности его утверждения либо краха. Затем обсуждение этой проблемы продолжилось на трех дискуссионных форумах, организованных инициативной группой молодых пражских историков в 1999—2001 гг.², в том числе и в Интернете. Резкой критике подвергалось скептическое отношение большей части чешского исторического сообщества к теории историографии, т.е. поднимались вопросы, которые примерно со второй по-

ловины 90-х годов XX в. начали волновать и российскую историческую общественность в связи с крахом социалистического строя и его марксистско-ленинской методологической основы³. Активно обсуждались на форумах вопросы этики и служебно-политической роли истории.

Проблемы институционального, методологического и тематического развития историографии в странах бывшего «советского блока» после 1989 г. рассматривались и участниками конференции, организованной на переломе веков австрийским Институтом Восточной и Юго-Восточной Европы в Вене⁴. Ставились вопросы новизны и преемственности, изменения отношения между политикой и историографией, ее роли в посттоталитарных обществах, говорилось о возникшем сначала методологическом вакууме и поисках новой идеологической базы, приветствовался появившийся плюрализм теорий и методов, как предпосылка свободного исследования. В то же время отмечался новый политический натиск на историческую науку после падения «коммунистических» режимов, приход на смену потерпевшей фиаско марксистско-ленинской идеологии новой идеологии — национализма, особенно значимой в условиях вновь возникших или обострившихся этнических конфликтов, выступление историографии в роли защитницы национальных интересов.

Развитие чешской и словацкой исторической науки стало предметом исследования и отдельных ученых. Чешский историк В. Пречан, еще находясь в эмиграции, критически оценивал состояние чехословацкой историографии в 70—80-е годы, а также много писал о независимой (самиздатовой) исторической продукции. Позднее эта тематика стала частью его книги⁵. В 90-е годы проблемы историографии поднимали также Й. Яблоницкий⁶, Й. Ганзал⁷, Я. Млынарík⁸ и, возможно, другие ученые, труды которых не дошли до автора из-за ослабления после 1989 г. контактов между историками России, с одной стороны, и Чехии и Словакии — с другой. Автор данной главы тоже в последнее время обращалась к историографическим проблемам⁹.

Задача настоящей главы — обозреть путь, проделанный чехословацкой, чешской и словацкой исторической наукой с 1945 г. и до конца XX в. Но речь пойдет лишь о новейшей историографии, затрагивавшей проблематику Второй мировой войны и послевоенных лет. При этом предполагается обращение лишь к отдельным, прежде всего знаковым для своего

времени работам, но не их аналитический разбор и стремление охватить всю историческую продукцию того или иного периода. Автор предлагает свое видение этапов развития историографии и их характерных черт, следуя при этом принципу историзма, который, как известно, требует от историкографа рассматривать историческое произведение в конкретно-исторических условиях его появления, видеть заслуги автора по сравнению с предшествующим, а не последующим уровнем исторического знания, стремиться избежать эмоций и, как это ни сложно, политизированных оценок.

Сегодня, на наш взгляд, можно выделить примерно пять этапов развития послевоенной чехословацкой историографии: первый — от освобождения страны до конца 40-х годов XX в.; второй охватывает 50-е годы; третий — 60-е годы; четвертый (самый продолжительный) — начало 70-х — конец 80-х годов; пятый — последнее десятилетие XX в. Сейчас трудно судить, но, возможно, в скором времени можно будет говорить и о шестом этапе, связанном с началом XXI в. и акцентированием в исторических исследованиях теоретического аспекта в ущерб фактографии. Историческая наука была частью культурной жизни страны и развивалась вместе с нею, поэтому намеченные хронологические отрезки по существу совпадают с определенными веками послевоенной Чехословакии. Представляется, что каждому этапу развития историографии были присущи элементы континуитета и дисконтинуитета, то есть преемственности и новизны. Их соотношение зависело от конкретно-исторической обстановки и задач, решаемых обществом и его элитами.

Становление «марксистской историографии»

Обратимся к краткой характеристике каждого из обозначенных выше этапов, акцентируя внимание на четвертом и пятом. После войны большая часть чешской и словацкой интеллигенции поддержала идею так называемой народной демократии¹⁰ и одну из ведущих политических сил общества — Коммунистическую партию Чехословакии (КПЧ)¹¹. В феврале 1948 г. многие из чешских (но в определенной мере и словацких) интеллектуалов положительно отнеслись к коммунистическому перевороту¹².

Положение дел на историческом фронте в этот переломный для страны период нашло адекватное отражение в работе второго (первый состоялся в 1937 г.) съезда чехословац-

ких историков, работавшего в Праге с 5 по 11 октября 1947 г.¹³ Поэтому остановимся на нем подробнее, тем более что его ход и результаты впоследствии были фальсифицированы. Съезд был созван Чехословацким историческим обществом, возглавляемым В. Халоупецким. В его работе приняли участие около 800 в большинстве своем чешских историков. Словаки, создавшие в 1946 г. свое Словацкое историческое общество (председатель Д. Рапант), несмотря на настойчивые приглашения прислать представителей на съезд, отказались это сделать.

Большинство делегатов съезда было адептами «старой школы» с ее преимущественно демократическими традициями, учеными, начавшими свою деятельность в период Первой республики, пережившими оккупацию и намеревавшиеся принять активное участие в общественной жизни восстановленной Чехословакии. Левое крыло исторического фронта представляла небольшая группа так называемых историков-марксистов, тесно сотрудничавших с коммунистами или являвшихся таковыми (В. Гуса, Я. Харват, В. Чейхан, Я. Пахта, О. Ржига, Я. Вавра). Разногласия между этими двумя группами обнаружили еще в период подготовки съезда. Второй водораздел между историками ЧСР проходил по национальной линии и выразился в отказе словаков принять участие в съезде. Что касается внешнеполитической ориентации, то среди историков были как русофилы, так и западники. Тем не менее все они в первые послевоенные годы с симпатией относились к СССР и освободившей страну от фашизма Красной Армии, хотя уже стали обнаруживаться опасения чрезмерного советского влияния на Чехословакию и усиления имперских амбиций Москвы.

Программа съезда была чрезвычайно обширна: предстояло обсудить вопросы преподавания истории в школах и вузах, экономической и социальной истории, начиная с древних времен и кончая современностью, отношения к немцам и Германии (напомним, что тогда завершалось выселение немцев из Чехословакии), взаимоотношений чехов и словаков, положения ЧСР между Востоком и Западом, значения Октябрьской революции 1917 г. в России для славянского мира и др. Докладчиком по последней из указанных тем первоначально был определен один из видных представителей чешских историков Я. Славик. Однако сторонники «марксистского» крыла потребовали, чтобы вместо него выступил коммунист, профессор З. Нееды, всю войну проведший в

СССР, занимавший в правительстве пост министра труда и социального обеспечения и являвшийся одновременно президентом Чешской академии наук и искусств. Мотив такой смены докладчика был следующий: труды Славика были подвергнуты серьезной критике в Москве, журнал «Новое время» означил его как враждебно настроенного по отношению к СССР ученого. Эту позицию разделяли и чехословацкие коммунисты. Главный редактор «Руде право» В. Новы 3 октября 1947 г., т.е. накануне открытия съезда, рассказывая на активе работников культуры и пропагандистов о поездке чехословацких писателей и журналистов в СССР, заявил: «мы не можем допустить, чтобы славика, тигриды¹⁴ и им подобные бросали тень на нашу нацию»¹⁵. Вместо Славика докладчиком стал Нееды.

Блок докладов был посвящен вопросам диалектического и исторического материализма, который являлся философской основой советской историографии. «Подавляющее большинство наших историков, — пишет Й. Ганзал, — марксизм тогда не отвергало априори, однако видело в нем только одну из философий истории»¹⁶. В докладах же (особенно Харвата) марксизм уже обозначился в качестве доминирующей идеологии, однако эта точка зрения не нашла живого отклика в дискуссии. Участники съезда поддержали мысль о необходимости продолжить практику издания источников по всем периодам чехословацкой истории.

Живо обсуждался вопрос о взаимоотношениях чехов и словаков в Чехословацкой республике (на протяжении 1945 — 1948 гг. происходило непрерывное ограничение прав национальных словацких органов¹⁷. — В.М.), несмотря на почти полное отсутствие представителей последних на съезде. Этот вопрос дискутировался еще на первом съезде историков в 1937 г., когда они пришли к однозначному выводу, что чехи и словаки являются единым чехословацким народом, хотя не все словацкие да и чешские историки согласились с этим. Основной докладчик по указанному вопросу на втором съезде В. Халоупецкий констатировал, что Словакия в прошлом никогда не была страной, которая бы «изнутри создавала свою собственную историю». По его мнению, в Словакии определяющим было чешское или венгерское влияние. Словацкий социолог А. Штефанек, проследивший развитие чешско-словацких отношений на протяжении последнего полувека, по существу поддержал мнение Халоупецкого, выделив тенденции, направленные на создание

единого народа. Но одновременно с этим, как считал докладчик, в Словакии все более давали о себе знать национализм и представления об отличии обоих народов. В дискуссии прозвучали критические голоса по адресу Халоупецкого, указывалось на политическую тональность его доклада. Однако большинство участников съезда явно согласилось с выводами докладчика¹⁸.

Обсуждение темы «Наша страна между Востоком и Западом» обнаружило перевес сторонников восточной ориентации. Однако по вопросу об историческом значении Октябрьской революции 1917 г. в России мнения разошлись. Доклад Неедды на эту тему носил чисто политический характер. Ему оппонировал Славик, который, в частности, упрекнул Неедды, что при его содействии Сталину был передан пражский Русский архив, имеющий большую историческую ценность и бесспорно интересный для советских органов безопасности. Далее он говорил о своем понимании истории российской революции и Советской страны, усматривая в ее намерениях не стремление к победе социализма, а продолжение политики царского самодержавия в иных формах. Он подчеркнул, что победу так называемого социализма в России обеспечила не революция, а только сталинская гегемония в 30-е годы. Неедды, по свидетельству очевидцев, почувствовал себя оскорбленным и покинул зал заседания.

При обсуждении специальных вопросов, касавшихся тематики исторических исследований, была подчеркнута необходимость обращения к истории рабочего движения (М. Вольф), не упуская из вида чешский вклад в современную теорию и практику социализма, внесенный Т.Г. Масариком и Э. Бенешем. Что касается политической истории, то первоочередное внимание обращалось на вопрос о развитии демократии. С докладом на эту тему выступил один из ближайших соратников президента Э. Бенеша национальный социалист Г. Рипка, занимавший пост министра внешней торговли. Он также отметил чешский вклад в теорию и практику демократии.

Взаимоотношения чехов и немцев в исторической ретроспективе рассматривались главным образом в историографическом плане. Говоря о влиянии немцев на развитие чешской культуры, все докладчики пришли к выводу о его преувеличении в прошлом и подчеркивали контакты с другими европейскими странами и культурами. И здесь справедливо

отмечался немалый чешский вклад в развитие других, в том числе и немецкой, культур.

В целом съезд прошел без особых эксцессов, дискуссии отличались спокойным академическим характером. Его результатами были сначала удовлетворены и историки-коммунисты (В. Гуса, О. Ржига). Атмосферу съезда Й. Ганзал характеризовал так: «в чешском историческом сообществе царил относительное спокойствие, коллегиальные отношения между пражскими и региональными историками, а также между старшими и младшими сохранились и были прочными. Преобладало и согласие во взглядах по основным историческим и политическим вопросам, подавляющее большинство историков стояло на демократических принципах и исповедовало здоровый чешский патриотизм. Не существовало и сколько-нибудь серьезных опасений за будущее; и совершенно поразительно, что за полгода до свершившейся катастрофы (имеется в виду февраль 1948 г. — В.М.) историки в целом были спокойны. Только из открыто коммунистического выступления Неедлы и принципиальной критики со стороны Славика можно было почувствовать, что не все в порядке»¹⁹.

Напомним, что осенью 1947 г. коммунисты активизировали борьбу за власть²⁰ и начали наступление также и на идеологическом фронте. Его проявлением, в частности, стало заявление девятнадцати историков-коммунистов 1 ноября 1947 г., в котором давалась резко критическая оценка прошедшего съезда. Список подписавших этот документ возглавлял З. Неедлы. Среди них были также В. Чейхан, В. Гуса, Я. Харват, А. Клима, О. Ржига, В. Сойяк, В. Ванечек и др. Прикрывшись духовным завещанием крупнейшего историка XIX в. Ф. Палацкого и Т.Г. Масарика, они заявили, что «часть официальных представителей чешской исторической науки не выполняет своей миссии в отношении чешского народа, а, наоборот, своими реакционными толкованиями вносит в ряды как учителей истории и учащихся, так и широкой общественности неуверенность и смятение». Халоупецкий подвергся обоснованной критике за его «чехословакизм», а Славик за то, что его выступления направлены на подрыв доверия к Советскому Союзу. Заявление, проникнутое агрессивностью и нетерпимостью к иным мнениям, требовало усилить ответственность историков перед народом, провести ревизию существовавшего персонифицированного понимания истории, исходить из всего прогрес-

сивного и революционного, покончить с зависимостью от немецкой исторической идеологии, преодолеть отсталость и анархизм в исторической науке и, наконец, наладить спокойное сотрудничество со словацкими историками. «Заявление, — считает Й. Ганзал, — извращало действительные позиции и мысли подвергшихся критике историков. Тем самым оно как бы предзнаменовало время, наступившее после февраля 1948 г.»²¹. Впоследствии, как отмечалось выше, ход и результаты съезда были фальсифицированы в выгодном для КПЧ свете, а в историографии закрепилась трактовка о резко конфронтационном характере этого форума.

Что касается характеристики интересующей нас исторической тематики, то можно сказать, что в первые послевоенные годы только обозначилось намерение (прежде всего со стороны публицистов) заняться историей военных лет. Вышедшие тогда статьи и немногочисленные книги, преимущественно по истории Словацкого национального восстания 1944 г. (СНВ) и чешского антифашистского Сопротивления, не могут быть отнесены к историографии в строгом смысле слова, а принадлежат к жанру мемуарной литературы и в лучшем случае публицистики.

Второй из означенных выше этапов начинается после установления фактически монополярной власти коммунистов в феврале 1948 г. и связан со становлением и развитием так называемой марксистской чехословацкой исторической школы. Тогда Чехословакия, как и другие европейские народно-демократические страны, политически примкнула к Советскому Союзу, испытывая его возрастающее влияние на всю свою внутреннюю жизнь, включая развитие гуманитарных наук и, в частности, историографии. Воздействие советской исторической науки на чешскую и словацкую в конце 40-х — начале 50-х годов XX в. нельзя оценить иначе, как негативное. Наступил конец плюрализма в области науки и культуры. Первым шагом на этом пути в Чехословакии стали обширные чистки, которые под руководством Комитетов действия проходили сразу после февраля 1948 г. в творческих объединениях, высших учебных заведениях, научных институтах, редакциях газет и журналов. Так, на Философском факультете Карлова Университета, где преподавалась история, тон при проведении "чисток" задавал Арношт Колман²², прибывший из Москвы в 1945 г. и ставший как «старый большевик» деканом факультета. Места пожилых профессоров заняли молодые преподаватели марксизма-лени-

низма, одной из первоочередных задач которых было убедить чехословацкую общественность, и прежде всего учащуюся молодежь в том, что «февральская» победа коммунистов — исключительное благо для народа. История должна была стать составной частью коммунистической идеологии и пропаганды. Поэтому партийное руководство уделяло исторической науке пристальное внимание. Генеральный секретарь ЦК КПЧ Р. Сланский на его заседании 17 ноября 1948 г. заявил: «Мы беспощадно очистим средние и высшие учебные заведения от реакционных студентов и позаботимся о том, чтобы преобладающая часть учащихся средних и высших учебных заведений рекрутировалась из рабочих семей»²³. В Праге возможности продолжить учебу лишились 7565, т.е. 28,1% всех студентов. В Высшей школе политических и социальных наук были отчислены 783 из 1393 студентов²⁴. Исключенные из высших учебных заведений вынужденно занимались физической или неквалифицированной работой.

Составной частью программы, принятой IX съездом КПЧ (май 1949 г.), стали вопросы, касавшиеся политики в области науки и культуры. Разработкой и реализацией ее занимались созданный в 1948 г. Совет по культуре ЦК КПЧ и партийный аппарат, в первую очередь отдел по пропаганде и культуре во главе с Г. Барешем, а также возглавляемые коммунистами министерство образования (З. Нееды) и министерство информации и просвещения (В. Копецкий). Выдвигались задачи преодоления буржуазной идеологии, усиления воздействия идей научного социализма, воспитания интернационализма, утверждения марксистского мировоззрения. Старую интеллигенцию необходимо было либо привлечь на сторону строящегося в стране социализма советского типа, либо нейтрализовать. Одновременно ставилась цель воспитать новую интеллигенцию, связанную по своему социальному происхождению и своей идеологии с рабочим классом и трудящимся крестьянством. В массовом порядке создавались «рабочие курсы», которые за год готовили абитуриентов для поступления в высшую школу. В 1950 — 1952 гг. их посещали 2800 рабочих, а в 1952 — 1953 гг. численность слушателей намечалось увеличить до 3 тыс. человек²⁵.

Осенью 1948 г. в СССР и странах народной демократии торжественно отмечалось десятилетие выхода в свет сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», который был при-

знан образцом для подражания при написании исторических работ. «Примером научного исследования может быть История ВКП(б)», — подчеркивалось на научной конференции, состоявшейся в декабре 1954 г. и посвященной Словацкому национальному восстанию²⁶. Советская историческая наука признавалась образцом для подражания. Стал издаваться журнал «Советская наука — история», в котором печатались переведенные с русского статьи. Пропагандой советской науки и культуры занимался Чехословацко-советский институт (директор Я. Варга)²⁷. Партийное руководство внимательно следило за содержанием и идейной направленностью исторических работ, давая соответствующие указания. В Словакии, например, после съезда компартии в апреле 1950 г., положившего начало борьбе против словацкого буржуазного национализма, историческая наука уже прямо должна была руководствоваться рекомендациями генерального секретаря ЦК КПС Ш. Баштеванского сосредоточиться на разработке «отдельных важных периодов национальной истории с упором на классовую борьбу нашего народа» и «в соответствии с нашими потребностями строительства социализма»²⁸. В 1951 г. во всех высших учебных заведениях страны в качестве обязательного был введен курс марксизма-ленинизма. Огромными тиражами стали издаваться произведения классиков марксизма-ленинизма, деятелей чехословацкого и международного коммунистического движения. Изучение этих работ и трудов советских ученых-гуманитариев ставилось в качестве обязательного перед историками, которые должны были учиться «у идейно более зрелой советской науки». Проведение «курса на единomyслие» среди историков встретило поддержку их молодых представителей, пришедших в науку либо из партийного аппарата, либо из вузовских аудиторий. Имея ограниченный жизненный опыт и слабую профессиональную подготовку, они вместе с тем были вооружены идеей борьбы «за светлое социалистическое будущее» под руководством КПЧ и во главе с Советским Союзом. Например, К. Гайян, впоследствии один из видных чешских историков, так вспоминал об этом периоде своей жизни: «...уже перед войной идея социализма представлялась мне наиболее привлекательной; я наивно полагал, что, как только будет устранен капитализм и утвердился социализм, исчезнет национальная и религиозная нетерпимость, а также антисемитизм... Годы перед февралем 1948 г. я понимал и объяснял так, что новый народно-демократиче-

ский режим будет означать преодоление некоторых недостатков первой республики (особенно в социальной области), что принесет больше свободы, больше демократии и будет означать больше возможностей для развития каждого индивида». Другой историк П. Олива в молодости пришел к выводу, что «единственной гарантией против восстановления нацизма и фашизма будет коммунизм»²⁹. Некоторые из молодых историков обучались в СССР и вольно или невольно идеализировали советскую действительность, в том числе и положение дел в исторической науке.

Становление новой «марксистской» историографии в Чехословакии началось в обстановке нараставшей «холодной войны», международной конфронтации, усвоения коммунистическими партиями тезиса об «обострении классовой борьбы» по мере построения социализма. Основной задачей исторической науки, как она понималась тогда, было создание истории коммунистической партии как авангарда рабочего класса, противостоявшего буржуазии на всех этапах своей истории. Среди историков старой школы лишь незначительная часть испытала влияние марксистской идеологии. Ее носителями стали в основном представители молодого поколения, которые активно пропагандировали новые взгляды, участвуя в качестве членов редколлегии и авторов в работе таких журналов как теоретический орган КПЧ «Новая мысль», «Чехословацкий исторический журнал», издаваемый созданным в 1953 г. Историческим институтом Чехословацкой Академии Наук (директор Й. Мацек). Особое внимание обращалось на разработку проблем и периодов, которые ранее либо не исследовались вообще, либо, как считалось, извращались буржуазной историографией: социально-экономические отношения, классовая борьба, революционное рабочее движение, создание коммунистической партии и ее деятельность. Именно под этим углом зрения началась подготовка краткой истории Словакии, в которой участвовали представители молодого поколения Я. Дубницкий, М. Гозиоровский, Я. Декан, Я. Тибенский и др.

В это же время приступили к разработке «на основе марксистско-ленинской теории» проблем антифашистской национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов (Й. Грозиенчик, М. Кропилак, Ч. Аморт, Й. Долежал, Б. Граца, Я. Шолц). Основное внимание уделялось, как и ранее, Словацкому национальному восстанию и руководящей роли в нем коммунистической партии. Однако тут воз-

ники трудности: партия действовала без своего верховного органа, V нелегального ЦК КПС, члены которого (К. Шмидке, Г. Гусак, Л. Новомеский) были объявлены буржуазными националистами. В 1950 г. в рамках набиравшего силу «поиска внутреннего врага строительства социализма» против них была развязана мощная политическая кампания. Своего апогея фальсификация СНВ достигла в 1954 г., когда отмечалось десятилетие восстания. «Огромной помощью и неким ориентиром для нас должны стать выступления и статьи наших руководящих партийных деятелей, в которых выражено мнение партии», — говорилось на научной конференции, организованной Словацкой академией наук в преддверии десятилетия СНВ³⁰. Тогда в результате проведенного политического процесса Гусак был осужден на пожизненное заключение, а Новомеский — на 10 лет лишения свободы.

Мы остановились более подробно на освещении истории Словацкого национального восстания по двум причинам. Во-первых, это была одна из главных тем, которая привлекла внимание исследователей, как в связи с ее исторической значимостью, так и по политическим соображениям. Во-вторых, изучение этой проблемы в ту пору выявило все пороки чехословацкой историографии начала 50-х годов, безоглядно следовавшей тогда в фарватере советской исторической науки. При всем этом несомненно, что и в тот период шло дальнейшее, хотя и одностороннее, обусловленное существовавшей в стране атмосферой, накопление фактического материала, столь необходимого для дальнейших более глубоких исследований.

Историки и Пражская весна 1968 г.

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 г., положившая начало тенденциям к некоторой либерализации режимов советского образца в странах «социалистического лагеря», стала толчком и к определенному оживлению общественно-политической жизни в Чехословакии. Еще более сильные импульсы в этом направлении дал XX съезд КПСС (февраль 1956 г.), на котором был разоблачен «культ личности» Сталина и положено начало реабилитации безвинно пострадавших ранее в результате политических репрессий. Стала зарождаться и набирать силу идея обновления социализма, очищения его от «искажений» сталинизма. В стране развернулась сначала внутрипартийная, а затем всенародная дис-

куссия по основным вопросам строительства социализма. Новые веяния проявились и в исторической среде, о чем, в частности, свидетельствовала статья К. Гайяна, Й. Мацека и З. Шолле «К некоторым проблемам нашей исторической науки» в партийном журнале «Новая мысль»³¹. Критиковались пренебрежение объективной реальностью, догматизм, преклонение перед политическими авторитетами, лизоблюдство, не всегда обоснованное восхваление советской науки и т.д. Содержались призывы вернуться к действительному марксизму и принципам ленинизма. Примерно в таком же духе писали статьи Й. Гайек, М. Гюбл, К. Пихлик, Ф. Яначек, Й. Долежал, Л. Липтак³². Подвергались критике допущенные деформации при одновременном подчеркивании направляющей роли партии. Руководство КПЧ, формально принимая и поддерживая курс, заданный XX съездом КПСС, в то же время не склонно было глубоко переосмысливать свою прежнюю политику и пересматривать, в частности, политические процессы. Резкие суждения о положении дел в Чехословакии и деятельности КПЧ, раздававшиеся во время вышеозначенных дискуссий, клеймились властями как ревизионистские. В 1957 г. ревизионизм был объявлен главной опасностью для строительства социализма в стране.

В чехословацкой исторической науке в то время не наступило явственно ощутимого подъема и перелома. Вместе с тем она не стояла на месте. В этот период обнаружилось стремление к более глубокому изучению источников и фактов. Но исторической наукой по-прежнему руководили партчиновники из кабинетов ЦК КПЧ. Под их неустанным наблюдением находилась, в частности, подготовка учебника по истории компартии. Наиболее сложные вопросы, относившиеся к новейшему времени, консультировались с членами политбюро ЦК КПЧ Й. Новотным, В. Широкиным, В. Копецким, Й. Гендрихом и Я. Доланским. В 1960 г. вышли в свет тенденциозные воспоминания В. Копецкого «ЧСР и КПЧ»³³, подвергшиеся впоследствии весьма резкой критике за содержащиеся в них фальсификации. Увидела свет доведенная до 1960 г. «История КПЧ»³⁴, в которой хотя и были скорректированы некоторые утверждения Копецкого, но общая положительная оценка деятельности партии в послевоенные годы и в период «строительства основ социализма» в стране не подвергалась сомнению.

Особое внимание руководители КПЧ уделяли съездам, конференциям и другим собраниям историков, о чем сви-

детельствовала в том числе подготовка их III съезда (1959 г.), его ход и результаты. Программа съезда была предложена секретариату ЦК КПЧ, рекомендовавшему ее доработать. Новый вариант рассматривался и получил одобрение на заседании политбюро ЦК КПЧ, которое утвердило и состав делегации на съезд. Ее возглавлял Й. Гендрих, второе лицо в партии, а членами стали В. Коуцкий, З. Неядлы, Й. Ленарт и З. Урбан. Историкам надлежало поддержать решения XI съезда КПЧ и поставить историю «на службу культурной революции в период завершения строительства социализма в стране». Рекомендовалось творчески сотрудничать с советской наукой и «занять непримиримые позиции в отношении ревизионистских и буржуазно-идеалистических течений в новейшей историографии». Политбюро также одобрило основные доклады Й. Мацека «Задачи исторической науки в период завершения строительства социализма» и И. Веселого о роли рабочего класса в борьбе чешского и словацкого народов. Тональность доклада Мацека соответствовала заданной, но, думается, не отвечала его внутренним сомнениям, о чем свидетельствовали как его позиция в 1956 г., так и деятельность в 60-е годы. По окончании съезда политбюро проанализировало его ход и результаты. По мнению Гендриха, съезд выполнил возложенные на него задачи и стал первым съездом историков, руководствовавшимся принципами марксизма-ленинизма.

Представляется, что в первые годы после XX съезда КПСС, создавшего благоприятные условия для раскрепощения умов и отказа от догматического мышления, в чехословацкой исторической науке не наступило какого-либо ощутимого подъема, хотя в других сферах духовной жизни, например в литературе, стремление к переосмыслению достигнутого было весьма заметно. Однако было бы неправильно считать, что историография стояла на месте. Говоря современным языком, «шоковая терапия» XX съезда КПСС требовала времени для осмысления происшедшего, для освобождения от сковывавших пут догматизма, для внутренней перестройки историка, прежде всего занимавшегося современностью. В этот период обнаружилось стремление к более глубокому изучению источников и фактов, к более объективному взгляду на историю страны в военные и первые послевоенные годы.

Во второй половине 50-х годов продолжалось исследование истории СНВ и освободительной борьбы в Чехослова-

нии. В то же время наметились некоторые более конкретные аспекты их изучения. К числу фундаментальных трудов, написанных во второй половине 50-х годов XX в., следует, на наш взгляд, отнести и работу В. Крала, посвященную проблемам социально-экономического развития чешских земель в 1938 — 1945 гг.³⁵, впоследствии незаслуженно забытую историками в связи с личностью ее автора, в 60 — 70-е годы выступавшего с яростной критикой «ревизионистских» тенденций в историографии. Что касается истории СНВ, то внимание исследователей привлекли такие темы, как международная солидарность в восстании, деятельность первых подпольных руководящих органов КПС, развитие партизанской войны, освободительная миссия советских вооруженных сил³⁶. Но коренного пересмотра оценок предшествовавшего периода, в том числе касавшихся деятельности подпольного руководства компартии Словакии в период подготовки и хода восстания, не произошло. В работах, опубликованных к 15-летию СНВ, сохранялась принятая в начале 50-х годов концепция и содержалась критика негативных сторон восстания, связанная с деятельностью «буржуазных националистов»³⁷. В резолюции третьего съезда историков отмечалось, что ревизионистские тенденции не нашли серьезного проявления в исторической науке³⁸.

О некотором ослаблении «зашоренности» историографии во второй половине 50-х годов свидетельствовали и дискуссии, проходившие по такой острой теме, как характер «народной демократии» и народно-демократической революции в Чехословакии³⁹. Однако споры не выходили за рамки представлений марксистско-ленинской теории о революции, учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Разница состояла в том, что некоторые исследователи трактовали процессы, происходившие в стране сразу после войны, как начало социалистической революции, другие же (их было большинство) стояли на позициях перерастания и окончательной победы социалистической революции в феврале 1948 г. Видение в народной демократии особого, специфического пути к социализму осуждалось как ревизия марксизма-ленинизма.

Историки партии приступили к изучению такой архиполитизированной темы, как строительство основ социализма в Чехословакии. На внутрипартийных дискуссиях, в документах партийного характера ставились и теоретические вопросы, например, о формах диктатуры пролетариата в Чехо-

словакии, об осуществлении общих принципов социалистического строительства в конкретных условиях ЧСР. Обсуждение этих проблем началось еще ранее и было связано с выработкой генеральной линии строительства социализма, намеченной IX съездом КПЧ в 1949 г. Перед съездом на конференции партработников обозначилось стремление выявить различия между Чехословакией и Советским Союзом в построении социалистического общества и определить национальную специфику этого процесса⁴⁰. Однако в дальнейшем об особенностях перестали говорить, сделав упор на «общих», проявившихся в ходе строительства социализма в СССР, закономерностях. Указания шли сверху и как бы закреплялись в выступлении К. Готвальда в январе 1953 г., посвященном международной значимости ленинизма, воплощенного в советском опыте. «Народная демократия» в Чехословакии теперь однозначно трактовалась как одна из форм диктатуры пролетариата⁴¹.

Внимание историков, занимавшихся главным образом историей КПЧ, было обращено на необходимость изучения процессов построения основ социализма в стране. Такие работы, вышедшие преимущественно из-под пера Я. Опата, стали появляться уже с середины 50-х годов⁴². В них рассматривались вопросы формирования генеральной линии партии после ее февральской 1948 г. победы, строительства и перестройки национальной экономики, в частности особенности процесса индустриализации в Чехословакии, взаимоотношений классов и политики по отношению к ним. Естественно, методологической основой этих, пока немногочисленных работ, была марксистско-ленинская теория.

Можно сказать, что вторая половина 50-х и начало 60-х годов XX в. являлись для чехословацкой исторической науки временем внутреннего метания и поисков направления дальнейшего развития. «Новая интеллигенция, воспитанная на идеологии марксизма-ленинизма, только постепенно осознавала действительное положение вещей и бралась за ум»⁴³, — писала в 1994 г. группа чешских историков-шестидесятников, возражая против создания новых легенд в историографии. В 60-е годы налицо было и стремление советской исторической науки отойти от существовавших догм и схем, что не могло не сказаться благотворно на работе чехословацких историков. «Мы все чувствуем и знаем, — отмечал в 1963 г. чешский военный историк О. Яначек, — что не будь XX и XXI съездов КПСС, мы не смогли бы правильно понять и ото-

бразить годы Второй мировой войны" ⁴⁴. Именно исследователи истории чешского и словацкого народов в годы войны ⁴⁵ стали первыми уточнять и корректировать оценки предшествовавшего периода. Уже в начале 60-х годов явственно обозначилась идейная и политическая дифференциация творческой интеллигенции, особенно проявившаяся в общественных науках, в области литературы и искусства. Историография постепенно освобождалась от гипноза коммунистической идеологии с ее черно-белым изображением мира.

Положение в исторической науке Чехословакии в 60-е годы и ее разгром после ввода советских войск в страну в августе 1968 г. довольно подробно рассмотрены в ранее вышедших работах автора данной главы ⁴⁶. Поэтому скажем лишь, что в центре внимания историков, занимавшихся проблемами современности, по-прежнему находилась Вторая мировая война и национально-освободительная борьба чешского и словацкого народов, разрабатывались вопросы истории первых послевоенных лет, в частности развернулась дискуссия по вопросу о характере революции 1944 – 1948 гг. в стране. Многие чехословацкие историки, анализируя сложные общественные процессы этого периода, снова обратились к забытому в 50-е годы термину «чехословацкий путь к социализму», активно обсуждались возможность реализации альтернативной сталинизму модели демократического социализма ⁴⁷ и роль Национального фронта в послевоенной истории страны. Однако, в общем и целом, дискуссия о характере революции 1944 – 1948 гг. и чехословацком пути к социализму, имевшая, несомненно, творческий и новаторский для своего времени характер, не вышла (да и не могла тогда еще выйти) за рамки марксистско-ленинской доктрины с ее незыблемым постулатом о руководящей роли рабочего класса во главе с компартией в революциях XX в.

Дискуссии и новые подходы к оценкам событий недавнего прошлого не могли не вызвать интереса в пришедшем в движение чехословацком обществе. Политическая ангажированность историков новейшего времени была налицо. Они, безусловно, внесли свой вклад в подъем национального самосознания и активности общества в конце 60-х годов и сыграли важную роль в подготовке Пражской весны 1967 – 1968 гг. Гуманитарная интеллигенция, в том числе и историки, приложила немало усилий для реализации январского (1968 г.) курса ЦК КПЧ, олицетворением которого стал А. Дубчек.

«Нормализация» и андеграунд («историческое подполье»)

1968 — 1969 годы были апогеем третьего из упомянутых выше этапов развития чехословацкой историографии, вершиной политической ангажированности историков и одновременно переходом к следующему, двадцатилетнему периоду, времени казавшегося укрепления, но фактически все более слабевшего тоталитарного режима. Подавляющая часть историков решительно осудила оккупацию Чехословакии войсками пяти стран Варшавского договора 21 августа 1968 г.⁴⁸ После нее и в 1969 г. историки, прежде всего чешские, еще продолжали курс на эмансипацию исторической науки от политики и идеологии. В Словакии было несколько иное положение: здесь интеллигенцию, которая поддерживала в основном Г. Гусака, возглавившего в апреле 1969 г. ЦК КПЧ вместо А. Дубчека, занимал главным образом национальный вопрос и возможности его решения в создавшейся ситуации (1 января 1969 г. вступил в действие закон о чехословацкой федерации).

Август 1968 г. положил конец благотворному развитию чехословацкой исторической науки. Однако в чешских исторических журналах примерно до весны 1970 г. продолжалась публикация статей, свидетельствовавших о «вольномудстве» их авторов. Большая часть историков участвовала в движении ненасильственного сопротивления оккупантам, выступая в средствах массовой информации, пока они не стали инструментом так называемой нормализации. В числе выдвинутых Г. Гусаком первоочередных задач значились борьба с правым оппортунизмом, восстановление единства партии на принципах марксизма-ленинизма и ее руководящей роли в обществе, укрепление функции социалистического государства как органа власти рабочего класса и трудового народа. Ускорились консолидация так называемых здоровых сил общества, особенно усиливших свои позиции в партийных верхах. Процесс освобождения от «засилья правых и антисоциалистических сил» постепенно охватил все сферы жизни, в том числе научные и культурные учреждения. Президиум ЦК КПЧ принял постановление о борьбе с проникновением антикоммунистической идеологии и пропаганды в Чехословакию.

В марте — апреле 1970 г. на основании решения президиума ЦК КПЧ об обмене в течение года партийных билетов

была начата массовая охота на «правооппортунистических ведьм»: антисоветчиков, ревизионистов, контрреволюционеров и т.д. Согласно секретному распоряжению президиума ЧСАН в ее институтах не должны были работать организаторы антигосударственных и антипартийных кампаний; создатели и участники так называемого второго центра в партии, прежде всего делегаты высочанского партийного съезда, состоявшегося в августе 1968 г., соавторы и идейные сторонники «манифеста 2000 слов» и др.; сотрудники и сторонники неформальных организаций К 231, КАН, Общества за права человека; тесно сотрудничавшие с правыми журналистами; люди, содействовавшие разложению вооруженных сил⁴⁹.

Среди историков особенно пострадали от «чисток» те, областью научных интересов которых являлся XX век. Уже в первой фазе проверок были практически ликвидированы Институт истории социализма (на его базе возник Институт марксизма-ленинизма ЦК КПЧ) и Высшая политическая школа ЦК КПЧ, в которых работали крупнейшие специалисты по истории чехословацкого и международного рабочего движения. Институт истории Восточной Европы снова был преобразован в Чехословацко-советский институт, который возглавил В. Крал.

Факты о разгроме чешской исторической науки (в Словакии положение было несколько иным) скрупулезно собрал по горячим следам и позднее опубликовал за рубежом В. Пречан⁵⁰. Он же обобщил и методы, которыми осуществлялась «нормализация» в исторической науке: назначение нового руководства на соответствующие факультеты и кафедры, в институты, архивы и музеи; массовое увольнение историков (в 1975 г. неполный их список, содержащий 145 фамилий, был передан Международному съезду историков в Сан-Франциско); ликвидация или коренная реорганизация неудобных институтов; закрытие исторических журналов («История и современность», «Ревю истории социализма», «История в школе») или назначение новых редакционных советов; пересмотр издательских планов и запрещение публиковать труды тех, кто стал жертвами «чисток»; прекращение работы над рядом крупных научных проектов; изъятие из библиотек, переводение в спецхран, запрещение цитировать труды историков, подвергшихся остракизму⁵¹. Как следует из перечисленного выше, методы борьбы с диссидентством, т.е. инакомыслием, в исторической науке были приблизительно те же, что и после февраля 1948 г. Разница

состояла в том, что не проводилось громких политических процессов, а все делалось без особого шума, совместными усилиями партаппарата и госбезопасности: проверки, чистки, обыски, изъятие рукописей и книг, ведение следствия, аресты и т.д.

Реорганизация постигла и словацкую историческую науку, но здесь ее последствия оказались менее разрушительными, чем в Чехии. В первую очередь пострадали известные историки, чьи интересы были связаны с проблематикой новейшего времени: их увольняли с работы с запретом заниматься научной деятельностью. Некоторые продолжали служить, но им не разрешали публиковаться. Но в целом, по словам Й. Яблоницкого, словацкие историки, писавшие, в частности, о Словацком национальном восстании, пострадали меньше, чем их чешские коллеги⁵². Думается, можно согласиться с мнением Й. Ганзала, считающего, что репрессии властей после чисток 1970–1971 гг. в целом выглядели несколько иначе, чем после февраля 1948 г.: не было столько людей посажено в тюрьмы и лишено жизни, однако число тех, условия существования которых ухудшились, оказалось больше, и среди них преобладали бывшие коммунисты, работавшие в чешских землях⁵³.

Историческая наука после относительной свободы 60-х годов попала под сильный идеологический прессинг. Выступая на семинаре историков-коммунистов в ноябре 1972 г., заведующий идеологическим отделом ЦК КПЧ Я. Обзина говорил: «Мы будем поддерживать такую научную деятельность, которая осознанно служит делу социализма, социалистического строительства и однозначно ведет борьбу со всеми антикоммунистическими и враждебными партии взглядами». Он подчеркнул, что КПЧ никогда не откажется от руководства наукой⁵⁴. Те же мысли развивал и главный «нормализатор» от истории В. Крал, который выступил с резкой критикой взглядов «шестидесятников»⁵⁵. Новейшая историография была заклеена как ревизионистская, буржуазно-объективистская, порвавшая с марксизмом-ленинизмом, выступающая под флагом «пресловутого демократического социализма». Оценки давались только негативные, всё сделанное изображалось одной черной краской. Однако подлинно научной критики, анализа вышедших в 60-е годы трудов не производилось. Этот разбор заменялся манипулированием фактами и цитатами, чтобы сконструировать миф об «историографической контрреволюции».

Конкретные направления развития исторической науки в 70-е годы определялись документом «Развитие, современное состояние и задачи общественных наук в ЧССР», подготовленным президиумом ЦК КПЧ в мае 1974 г. Исторической науке было вменено помогать процессу консолидации в области идеологии: именно так ставился вопрос на состоявшихся в 1975 г. съездах Чешского и Словацкого исторических обществ. «В сегодняшнем классово разделенном мире на передний план выступает идеологическая функция науки», — говорилось, например, в резолюции XII съезда словацких историков⁵⁶. В соответствии с этим центром внимания исследователей опять становилась революционная борьба народных масс, рабочего класса и коммунистической партии, приведшей народ к «победе социализма».

70 — 80-е годы XX в., и особенно первое из этих двух десятилетий, были достаточно сложными для исторической науки и прежде всего того отряда историков, которые занимались новейшей проблематикой. Уход из науки (да и из высших школ) значительного числа профессионально подготовленных и активно работавших историков создал определенный «кадровый вакуум». Возможности тех, кто остался «на плаву», были ограничены рамками официально допущенного способа мышления и имеющих право на существование идей, главной из которых являлось утверждение тезиса о руководящей роли коммунистической партии. «Финальная продукция, — пишет Й. Яблоницкий, — проходила через такую сеть контроля, что практически не мог появиться труд, который бы отклонился от официальной линии»⁵⁷.

Но внешне все обстояло благополучно. Число опубликованных работ было огромно, о чем свидетельствуют, например и подготовленные тогда библиографии⁵⁸. Что касается тематики в области новейшей истории, то она была достаточно разнообразной⁵⁹. Пристальное внимание уделялось истории социалистического строительства в Чехословакии с акцентом на утверждении, что оно проходило с учетом специфических чехословацких условий, но на основе общих закономерностей⁶⁰. При рассмотрении его этапов критически оценивалось упрочившийся с начала 60-х годов взгляд на дальнейшее строительство социализма как на созидание развитого социалистического общества в ЧССР. Словацкие историки продолжали активно разрабатывать национальную проблематику⁶¹. Особенности политической системы ЧССР, место в ней Национального фронта, отдельных пар-

тий и организаций (в частности профсоюзов, Корпуса национальной безопасности) рассматривались в трудах как чешских, так и словацких исследователей⁶². Большое внимание уделялось изучению экономической истории страны, рассмотрению как ее роли в рамках «социалистического лагеря», так и места в мире, структурным проблемам чехословацкого хозяйственного комплекса⁶³.

Особо следует сказать о разработке послевоенной истории деревни, освещении и оценке аграрных реформ 1945 – 1948 гг., специфики кооперирования сельского хозяйства в 50-е годы. Этой проблематикой историки активно занимались и в 60-е годы. Тогда были созданы немалые заделы, которые использовались большим коллективом исследователей под руководством словацкого историка С. Цамбела в дальнейшей работе над этой темой. Отметим, что в начале 70-х годов на словацкий язык была переведена книга советских авторов В.В. Марьиной и Г.П. Мурашко. Подготовленная еще в конце 60-х годов и основанная в значительной мере на архивных материалах, она получила высокую оценку специалистов⁶⁴. Тогда уже историки «не стеснялись» говорить об ошибках, трудностях, промахах и даже насилии над крестьянами в период кооперирования чехословацкой деревни, но методологически по-прежнему исходили из постулата марксистско-ленинской теории о социалистическом преобразовании сельского хозяйства как общей закономерности строительства социализма.

То же самое можно сказать и об изучении проблем промышленного строительства после войны в чешских областях и Словакии, а также рабочего класса, как основной движущей силы прогресса и гаранта социалистического развития страны, реализующего свою историческую миссию. Внимание исследователей привлекали проблемы формирования класса кооперативного крестьянства и в меньшей степени ликвидации многочисленного в Чехословакии слоя городских мелких собственников в процессе строительства «фундамента социализма», которые активно разрабатывались в 60-е годы. Изучались вопросы развития чешской и словацкой культуры⁶⁵.

Выходило много так называемой юбилейной литературы, посвященной созданию и деятельности коммунистической партии, Словацкому национальному восстанию⁶⁶, освобождению Чехословакии и Майскому восстанию 1945 г., февральским событиям 1948 г., «победе» над Пражской весной.

Как видно из перечисленного, чехословацкая историография 1970–1980-х годов в количественном отношении была достаточно продуктивной и в разработке отдельных конкретных вопросов (особенно на региональном материале) сделала определенный шаг вперед. Но не было в ней яркости, одухотворенности, подъема, характерных для исторической науки предшествовавшего периода, немало родившихся тогда идей было «положено под сукно». На многих работах лежала печать вынужденной или принимаемой как должное ограниченности, идеологической скованности и «табуированности».

В начале 80-х годов официальным стал курс на приоритетность исследований в области современной (т.е. после 1938 г.) истории. Это продемонстрировал и V съезд чехословацких историков в феврале 1982 г., потребовавший первоочередного внимания к «изучению начатого Великой Октябрьской социалистической революцией перехода человечества от капитализма к социализму, руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии в этом процессе». Историкам надлежало содействовать «укреплению убеждения, что победа социализма и коммунизма в широком масштабе закономерна и неотвратима..., что империализм исторически изжил себя и осужден к исчезновению»⁶⁷. Все это в той или иной форме утверждалось и в официальной историографии. Отрицательно повлияло на состояние и развитие чехословацкой исторической науки и ограничение ее связей с западной историографией, которая снова стала восприниматься как единое, недифференцированное целое, идеологически враждебное и противостоящее «марксистскому» направлению.

Большая часть историков-асов, лишенных возможности официально заниматься своей профессиональной деятельностью, вынуждена была зарабатывать на жизнь, нанимаясь кочегарами, сторожами, вахтерами, строителями, мойщиками окон или в лучшем случае выполняя вспомогательные работы в архивах, музеях и других учреждениях культуры. Однако идеи и мысли, родившиеся в 60-е годы и казавшиеся похороненными, на самом деле продолжали существовать, поджидая своего времени. В официальной историографии «нормализаторского» и «консолидационного» периодов, как представляется, существовало двухуровневое отношение к литературе 60-х годов: первый — яростное неприятие и негативная ее оценка как ревизионистской, второй — понимание правиль-

ности взятого в 60-е годы курса при сдержанно-критическом отношении к отдельным оценкам той поры, стремление не растерять идейный багаж предшествовавшего периода, использовать накопленный опыт в дальнейшей работе. Думается, сторонников этого второго подхода было немало как среди тех, кто продолжал разработку новейшей тематики, так и среди молодого пополнения историков, заявивших о себе в конце 70-х — 80-е годы. В этот период появилось значительное число работ, естественно несших на себе более или менее явную печать своего времени, но основанных на большом новом фактическом, часто архивном материале, или затрагивавшие ранее «табуированные» проблемы. К числу таковых можно, думается, отнести труды чешских историков Я. Гебхарта, Я. Шимовчека, Я. Коутека, Я. Куклика, писавших об антифашистском сопротивлении, партизанском движении, разведывательной деятельности в годы Второй мировой войны, В. Пеши, много сделавшего для освещения освободительной миссии Красной Армии в Чехословакии, П. Вошагликовой, обратившейся к истории чехословацкой социал-демократии, Л. Слезака, разрабатывавшего тематику послевоенного преобразования чешской деревни, М. Тейхмана, занимавшегося историей балканских государств; словацких историков М. Барновского, В. Быстрицкого и И. Каменеца, внесших свою лепту в разработку отдельных вопросов истории Словакии в военные и послевоенные годы. Думается, что с точки зрения введенного в научный оборот нового фактического материала работы этих авторов явились весомым вкладом в разрабатываемую проблематику и не потеряли своего значения до сих пор. Представляется также, что, несмотря на резко отрицательное сегодня отношение к В. Краю в связи с его деятельностью в период «нормализации», следует более объективно подходить к оценке его работ, основанных, как правило, на изучении и введении в научный оборот огромного объема архивного материала, касавшегося, в частности, истории «мюнхенского сговора», нацистской оккупационной политики в чешских землях, майского восстания чешского народа 1945 г. и т.д.

Первые признаки выхода чешского общества из шока, в который оно вверглось усилиями так называемых здоровых сил, обозначились во второй половине 70-х годов и были связаны с рождением гражданской инициативы «Хартия — 77»⁶⁸. Ее деятельность, среди активистов которой были и историки, то набирала силу, то становилась малозаметной

из-за репрессий властей. Но и «Хартия», и связанный с ней «Комитет защиты несправедливо преследуемых» продолжали действовать до конца 80-х годов и вместе с другими диссидентскими группами образовали 19 ноября 1989 г. движение Гражданский форум, сыгравшее большую роль в победе «бархатной» революции.

Возникновение и деятельность «Хартии – 77» важны еще и тем, что вместе с ней начала развиваться параллельная информационная система в виде «самиздата» (этот русский термин прижился в чехословацком обществе). Тем самым, был дан импульс к появлению так называемой независимой (диссидентской, свободной, оппозиционной, подпольной – она называется по разному) литературы, которая доходила до общественности сначала в виде нескольких машинописных экземпляров. Так, в Чехословакии возникло творческое сообщество независимых историков, которые, будучи заняты на разных, не требующих особой квалификации работах, не бросали своего профессионального дела. XV международному съезду историков в Бухаресте (август 1980 г.) был представлен библиографический обзор, содержащий аннотации 183 работ (из них более 70 по периоду после 1938 г.) чехословацких историков, которые после августа 1968 г. подверглись дискриминации⁶⁹.

Конец 70-х годов ознаменовался не только количественным приращением новых работ, но и началом неофициально организованной «издательской» деятельности. В чешских областях до конца 80-х лет функционировало около 70 независимых издательств; общее число их периодических изданий достигало 200. В январе 1978 г. появился первый выпуск машинописного («самиздатовского») сборника «Исторические исследования» (Historické studie), который под разными названиями выходил дважды в год и к 1989 г. насчитывал 26 выпусков. Редакционный совет сборника возглавляли Я. Мезник, М. Отагал, Я. Кржен, М. Гайек, Б. Черны, Г. Мейдрова. Частыми авторами издания являлись историки Новейшего времени как оставшиеся в стране, так и находившиеся в эмиграции: Й. Долежал, К. Гайан, Й. Гайек, М. Гайек, М. Гюбл, Й. Яблоничский, К. Каплан, Я. Кржен, В. Курал, В. Менцл, Я. Млынарик, Я. Опат, М. Отагал, К. Пихлик, П. Питгарт, В. Пречан, М. Рейман, Й. Сладек, Й. Тесарж, В. Врабец и др.⁷⁰ Выходили и работы монографического плана, в частности касающиеся некоммунистических организаций в чешском Сопротивлении, истории Словацкого национального восстания⁷¹.

Одним из факторов, способствовавших развитию «самиздата», было сотрудничество «внутренней эмиграции» с коллегами, оказавшимися за рубежом, главным образом в Германии и во Франции. Эмигрантские издательства и журналы «Сведецтви» (Svědectví), «Листы» (Listy), «Студие» (Studie), «Промены» (Proměny), «Обрыс» (Obrys), «Розмлювы» (Rozmluvy) публиковали значительную часть чешской и словацкой исторической продукции, которая выходила сначала в «самиздате». Основная часть тиража предназначалась для Чехословакии, куда тайно переправлялась. Ряд трудов чешских и словацких историков увидел свет на Западе⁷². Например, К. Каплан, которому удалось вывезти из Праги обширный архивный материал, главным образом из фондов ЦК КПЧ, опубликовал документальные книги о политических процессах в Чехословакии в 1948 — 1954 гг., о преследовании католической церкви в это же время, обзорную работу о послевоенной Чехословакии 1945 — 1948 гг. и др. В. Пречан, занимавшийся как научной, так и организаторской деятельностью, много сделал для поддержки независимой литературы в стране⁷³. Его усилиями в ФРГ был создан Центр чехословацкой документалистики, материалы которого в настоящее время переправлены в Чехию и стали доступны исследователям.

В конце 80-х годов чехословацкое общество пришло в движение. Важным фактором дестабилизации режима явилось развитие событий в Советском Союзе, Польше и Венгрии. «Чехословацкие оптимисты и пессимисты, — писал в 1989 г. находившийся в эмиграции В. Пречан, — едины в том, что существующая система неизбежно рухнет; их прогнозы отличаются друг от друга лишь в представлениях о том, как скоро это произойдет: оптимисты говорят о месяцах, пессимисты — о годах»⁷⁴. В течение 1988 г. в дополнение к «Хартии — 77» и «Комитету защиты несправедливо преследуемых» возникла целая структура независимых гражданских инициатив с политизированными программами, включавшими и претензию на участие во власти⁷⁵.

Активизация общественной жизни, существование «исторического подполья», его связи, с одной стороны, с эмигрантскими кругами на Западе, а с другой — неформальное общение со многими представителями официально допущенных к профессиональной деятельности историков, оказывали свое влияние и на позиции последних. Отражением начавшегося «брожения умов» было, в частности, письмо, направленное

VI съезду чехословацких историков (февраль 1989 г.) и подписанное не только «нелегалами» и эмигрантами, но и официально работавшими учеными. В число 85 подписавших письмо входили известные историки Й. Яначек, Ф. Кавка, Й. Мацек и др. Общий смысл письма сводился к требованию изменения положения дел в исторической науке, отказа от идеологического прессинга, независимости науки от политики, возможности существования разных школ, допущения плюрализма и состязательности мнений и взглядов, упрочения связей с мировой наукой, свободы дискуссий, ликвидации цензуры и т.д. На пленарном заседании съезда письмо не разрешили огласить, как и в секции, посвященной современной истории. Однако в других секциях по письму развернулась горячая дискуссия. Все это не могло не повлиять на ход и решения съезда. В принятой им резолюции говорилось о необходимости перестройки исторической науки, как части перестройки всего общества, о дальнейшем развитии теории и марксистско-ленинской методологии при одновременном искоренении схематизма, конъюнктурщины и стереотипов в исторических исследованиях, об обращении к тематике, которая разрабатывалась неадекватно или обходилась молчанием, об открытии доступа к архивам и «другим источникам информации» в библиотеках (имелись в виду спецхраны. — В.М.), о проведении научных дискуссий и т.д.⁷⁶ Поставленные задачи по своей сути были аналогичны тем, которые выдвигались чехословацкими историками еще в 60-е годы, но не были реализованы в связи с подавлением Пражской весны. Однако в отличие от 60-х, когда историки являлись одной из активнейших общественных сил, готовых бороться за утверждение социализма «с человеческим лицом», официальная чехословацкая историческая наука не содействовала победе «бархатной» революции ноября 1989 г., хотя представители независимой и эмигрантской историографии, несомненно, внесли определенный вклад в развитие гражданских инициатив, приведших к падению уже весьма ослабленного коммунистического режима.

На пути к демократии

Ноябрь 1989 г. положил начало новому этапу в развитии чехословацкой историографии. Представить полную картину ее развития в последнее десятилетие XX в. сегодня российскому исследователю довольно трудно. Происшедшие на грани 80 — 90-х годов события — «бархатная» революция

ноября 1989 г., распад Советского Союза, а затем и Чехословакии — нарушили все наработанные ранее связи между советскими (российскими) и чехословацкими (чешскими и словацкими) историками. В библиотеки Москвы, не говоря уже о других городах, перестали поступать чешская и словацкая историческая литература и исторические журналы. Резко сократилась возможность поездок в Чехию и Словакию российских исследователей для работы в библиотеках и архивах. Их эпизодические контакты с чешскими и словацкими коллегами не давали полного представления о состоянии исторического фронта в этих странах. И все таки, некоторые, главным образом частные связи, еще сохранились. Попытки установить контакты и наладить сотрудничество между историческими институтами Чехии и Словакии, с одной стороны, и России — с другой, привели в конце 90-х годов к некоторым практическим результатам: несколько улучшился обмен книгами и журналами, увеличилось количество научных командировок, начали функционировать двусторонние комиссии историков и архивистов.

Деятельность созданной в 1994 г. Комиссии историков и архивистов России и Чехии (ее первым председателем с чешской стороны был Ф. Яначек, ушедший из жизни в 1995 г., вторым — д-р В. Пречан; в настоящее время сопредседателями являются академик Г.Н. Севостьянов и д-р Я. Немечек) тормозится из-за трудностей с финансированием, как и начавшей работать в 2005 г. Российско-словацкой комиссии историков, председателем которой с российской стороны является член-корреспондент РАН В.А. Тишков, а со словацкой — д-р М. Барновский. Российско-чешская комиссия к настоящему времени провела пять заседаний (три в Праге и два в Москве⁷⁷). Они были посвящены проблемам истории Чехословакии и чехословацко-советских отношений на завершающем этапе Второй мировой войны, февральским событиям 1948 г. и Пражской весны 1967—1968 гг. в ЧСР, «бархатной» революции 1989 г., сотрудничеству российских и чешских архивистов. Материалы московской встречи, на которой рассматривались вопросы истории Чехословакии в 1945—1948 гг., опубликованы⁷⁸. Российско-словацкая комиссия провела первое заседание, посвященное 60-летию окончания Второй мировой войны, в Братиславе. На нем обсуждались вопросы советско-словацких отношений на завершающем этапе войны и истории Словакии в первые послевоенные годы с акцентом на конфессиональную политику этого периода.

Существуют более или менее эффективные контакты на личном, частном уровне между сотрудниками Института славяноведения РАН и Института всеобщей истории РАН, с одной стороны, и Института современной истории АН ЧР, Института истории АН ЧР и Исторического института АН СР — с другой. Пока преимущественно этот канал дает возможность получать, конечно, в весьма ограниченном объеме, научную литературу и исторические журналы из Чехии и Словакии, и, следовательно, судить о том, что происходит в исторической науке этих стран. Как и прежде, чешские историки активно занимаются библиографической работой⁷⁹; в журнале «Современная история» («Soudobě dějiny»), который начал выходить в 1994 г., регулярно публикуются библиографические обзоры и рецензируются выходящие книги. Все это и дает возможность определить основные направления и тенденции в развитии чешской и словацкой историографии последнего десятилетия ушедшего века.

Признаки нового этапа в развитии чехословацкой исторической науки обозначились сразу после ноября 1989 г. как в публицистике, так и в деятельности той группы историков, которые незаслуженно пострадали после 1968 г. и теперь активно восстанавливались в своих правах как исследователи. Началось переосмысление национальной истории чехов и словаков в XX в., сопровождавшееся выявлением так называемых «белых пятен»⁸⁰ и введением в научный оборот массы нового архивного материала. Этому способствовало открытие ранее недоступных или малодоступных для исследователей архивов и их секретных фондов. Начавшаяся и идущая полным ходом реставрация чехословацкой истории в военное и послевоенное время, к сожалению, сопровождалась рождением новых мифов и легенд. Причин было много: и стремление к сенсационности, и однобокое толкование вновь выявленных материалов, и перехлестывавшие через край эмоции, и обиды за потерянные 20 лет активной жизни на поприще истории и пр. Содержавшая весьма резкие оценки вышеупомянутая книга Й. Ганзала о развитии чешской историографии в 1945 — 1989 гг., вызвала неоднозначную реакцию чешского исторического сообщества.

Вскоре после «бархатной» революции был закрыт ряд институтов, повинных в коммунистической индоктринации исторической науки: Институт марксизма-ленинизма, Высшая политическая школа при ЦК КПЧ, Музей Клемента Готвальда. Возник Институт современной истории АН ЧР, пер-

вым директором которого стал вернувшийся из эмиграции в 1990 г. В. Пречан (сейчас Институт возглавляет О. Тума). Главным редактором журнала «Современная история» тоже являлся Пречан (в настоящее время — Тума). Институт современной истории и издаваемый им журнал стали застрельщиками реставрации новейшей истории Чехословакии (Чехии). В журнале публиковались не только чешские, но и зарубежные авторы, в том числе российские, в частности Л.Я. Гибианский, В.В. Марьина, Г.П. Мурашко, И.И. Орлик.

В начале 90-х годов в Чехословакии (Чешской республике) были изданы или переизданы те работы, которые в предшествующий период либо лежали в ящиках письменных столов историков-диссидентов, либо печатались в «самиздате», либо публиковались за границей, например, книги Й. Яблоницкого⁸¹, К. Каплана⁸², Т. Брода⁸³. Все они касались истории Чехословакии и Словакии периода Второй мировой войны и первых послевоенных лет. С начала 90-х годов стали издаваться воспоминания и труды видных чешских и словацких политических деятелей, эмигрировавших в разное время на Запад и публиковавшихся там: В. Черного, И. Дерера, П. Дртины, Л. К. Файерабенда, В. Крайины, Ф. Моравца, Я. Урсини, Г. Рипки и т.д.⁸⁴ Значительное или преимущественное внимание в книгах уделено событиям 1938—1948 гг. Особо в этой серии следует выделить труды Э. Таборского и Я. Смутного⁸⁵, людей, близко знавших президента ЧСР Э. Бенеша и постоянно общавшихся с ним. Первый из них был секретарем президента в 1939—1945 гг., а второй — начальником его канцелярии с 1940 по 1948 гг. Эти работы, основанные на документах личных архивов их авторов, дают возможность представить Бенеша как политика и человека, понять мотивы принимаемых им решений, увидеть неофициальную реакцию на те или иные события. Существовавший прежде однобокий и поэтому далекий от действительности взгляд на Бенеша, лишал возможности оценить его всесторонне, показать объемно эту неординарную политическую фигуру⁸⁶. Предлагаемые им концепции и проводимая политика и до сего времени оцениваются в историографии весьма неоднозначно и зачастую с противоположными знаками. Об этом свидетельствуют, в частности, работы, изданные к 110-летию Бенеша⁸⁷. Помимо указанных трудов и многочисленных статей в журналах вышел ряд документальных сборников, дающих представление о деятельности президента и его взглядах во время войны⁸⁸.

Вторая мировая война и судьбы чешского и словацкого народов, как и прежде, оставались в центре внимания историков, особенно словацких. С опорой на новую документальную базу, более всесторонне и взвешенно оценивались создание и история первой Словацкой республики, возникшей по воле Гитлера в марте 1939 г. и просуществовавшей до мая 1945 г. Первой обобщающей работой на эту тему была книга И. Каменеца «Словацкое государство», рассчитанная на массового читателя и, к сожалению, не имеющая научно-аппарата⁸⁹. Не снижался интерес и к истории Словацкого национального восстания 1944 г., тем более что явственнее стали звучать голоса его зарубежных критиков⁹⁰. Й. Яблоницкий, крупнейший историк СНВ и его историограф, в 1994 г. писал, что, несмотря на гигантский объем литературы о восстании, пока еще не создан синтетический труд о нем. Дополнительного изучения, по мнению ученого, требуют вопросы, касающиеся участия в восстании армии, демократических организаций и группировок, оппозиционного режиму президента Й. Тисо, отношения Советского Союза к СНВ. Яблоницкий полагал, что новый взлет историографии о восстании будет связан с критикой книги Г. Гусака «Свидетельство о Словацком национальном восстании»⁹¹, вышедшей в 1963 г. и затем неоднократно переиздававшейся в период пребывания ее автора у властного руля. Яблоницкий обозначил ряд нуждающихся в переосмыслении конкретных вопросов, в том числе объединение коммунистов и социал-демократов в единую партию во время восстания, создание Национального фронта, характер и эволюция оккупационного режима и др.

Уже в конце 1990 г. Исторический институт САН организовал международный симпозиум на тему «Словакия в годы Второй мировой войны», материалы которого увидели свет в 1991 г.⁹² В книге нашли отражение как внутри-, так и внешнеполитические аспекты истории Словацкого государства в указанный период, в том числе и истории СНВ. В начале 90-х годов в стране и за рубежом активизировались сторонники и почитатели режима Тисо, среди которых своими нападка на СНВ особенно выделялся Ф. Внук. В его изображении повстанцы выглядели лишь мятежниками, поднявшими руку на законное правительство и выступившими против своего народа. Стали раздаваться голоса о реабилитации видных представителей тисовского режима в Словакии или же критического переосмысления их деятельности.

В мае 1992 г. состоялся научный симпозиум по этим проблемам, материалы которого вышли в том же году под названием «Попытка воссоздания политического и человеческого портрета Йозефа Тисо»⁹³. Слово было дано представителям различных взглядов, высказавших немало интересных мыслей, которые позволили в дальнейшем скорректировать укоренившиеся представления о характере первой Словацкой республики. Жизни и деятельности Й. Тисо посвятил свою книгу И. Каменец⁹⁴.

Политическая борьба вокруг оценки значения СНВ для судеб словацкого народа особенно в преддверии его 50-летия не утихала. Полувековой юбилей восстания был отмечен международной конференцией, где сторонники его негативной оценки не были представлены. СНВ рассматривалось в контексте широких связей и взаимозависимостей. По новому ставились многие конкретные вопросы⁹⁵. Однако страсти вокруг оценки режима Тисо и направленного против него восстания не утихли. Особенно активны были зарубежные исследователи Ф. Внук и М. Дюрица, которые нашли поддержку части националистически настроенных словацких историков и встретили противодействие другой части словацкого исторического сообщества⁹⁶. На международной конференции, посвященной 55-й годовщине восстания (Банска Быстрица, июнь 1999 г.), были представлены новые материалы, касающиеся всех аспектов истории СНВ⁹⁷. Кроме того, появились книги, посвященные отдельным сторонам жизни Словацкого государства, в частности положению крестьянства и состоянию армии⁹⁸. Широкое полотно истории Словакии в XX в. создал Л. Липтак⁹⁹.

Годы Второй мировой войны и ее кануна не были обойдены вниманием и чешскими исследователями, снова обратившимися к истории протектората, Майского восстания 1945 г. и к другим, ранее не поднимавшимся или менее изученным вопросам¹⁰⁰, например, деятельности чехословацких тайных служб на территории протектората, участия Русской освободительной армии А. Власова в освобождении Праги в мае 1945 г. В рамках издательского проекта «Документы чехословацкой внешней политики» вышли два тома публикации о 1938 г., увидел свет сборник, посвященный началу деятельности чехословацкой эмиграции на Западе: «Протоколы заседаний Чехословацкого национального комитета 1939 – 1940 гг.»¹⁰¹ Э. Чейка создал книгу о чехословацком Сопротивлении на Западе¹⁰². Стали объектом изучения видные

военные деятели, игравшие в свое время важную политическую роль. Подготовлена и издана вторая часть (первая увидела свет еще в 1971 г.) воспоминаний командира чехословацкой воинской части в СССР Л. Свободы, основанных на хранящихся в архиве его дневниковых записях¹⁰³. Вышли книги о генералах Г. Пике и Ф. Моравце. Первый возглавлял чехословацкую военную миссию в СССР (1941–1945 гг.), затем стал заместителем начальника Генерального штаба чехословацкой армии, а после февральских событий 1948 г. был арестован, предан суду за «шпионаж в пользу Запада» и в 1949 г. казнен. Второй накануне и в годы войны руководил чехословацкой разведывательной службой, жил и умер в эмиграции¹⁰⁴. Ряд книг чешских и словацких исследователей был посвящен дипломатам¹⁰⁵.

Новую, критическую направленность приобрела оценка советско-чехословацких отношений в период войны и первые после нее годы, что нашло отражение даже в названиях вышедших на эту тему книг Т. Брода и В. Моулуса¹⁰⁶. Опубликован ряд сборников документов¹⁰⁷, подготовленных на основании чешских архивных материалов, большая часть которых впервые введена в научный оборот. Они дают возможность более точно и всесторонне оценить развитие советско-чехословацких отношений в указанное время¹⁰⁸. Привлекательным для чешских и словацких историков стал и вопрос о возникновении, кризисе и распаде «советского блока» в Восточной Европе¹⁰⁹.

Совершенно под иным чем прежде углом зрения стал рассматриваться и оцениваться период чехословацкой истории 1945–1948 гг. Если ранее он именовался временем «народной демократии», «народно-демократической революции», развивающейся в социалистическом направлении, то теперь – временем «ограниченной», «лимитируемой», «регулируемой», «контролируемой», «направляемой» и прочее демократии, приведшей в конечном счете к монополии коммунистической партии. Еще в начале 90-х годов вышел, помимо упомянутых ранее, ряд сборников документов, освещающих процесс становления и укрепления властных позиций КПЧ в стране в 1945–1948 гг.¹¹⁰ На словацком материале эта тема была рассмотрена в монографиях М. Барновского и Р. Летца¹¹¹. История партий, партнеров-соперников коммунистов по Национальному фронту в 1944–1948 гг. рассмотрена в монографиях Ш. Шутая, Й. Коциана, Я. Реннера¹¹². Менее изученные вопросы развития Чехословакии

на пути к февралю 1948 г. и методы действия КПЧ (в частности, ее связь с отечественными и советскими органами безопасности) нашли отражение в книге Каплана «Пять глав о феврале»¹¹³. Роль секретных служб в период борьбы коммунистов за власть рассмотрены в книге Ф. Ганзлика¹¹⁴. Самые разнообразные аспекты указанной проблематики были обсуждены на международной конференции, проведенной в конце 1994 г. в Смоленицах под Братиславой. Материалы ее изданы под названием «От диктатуры к диктатуре. Словакия в 1945—1953 гг.»¹¹⁵. Предпосылки, ход и последствия февральских событий 1948 г. в Чехословакии стали предметом рассмотрения международной конференции в Праге в феврале 1998 г.¹¹⁶

Началось переосмысление оценок, относящихся к решению очень важного для Чехословакии национального вопроса. Благостные и выдержанные, как правило, в светлых тонах характеристики уступили место стремлению разобраться в том, как из многонациональной страны, восстановленной в 1945 г., Чехословакия превратилась сначала в двунациональное практически унитарное (после 1948 г.), затем в федеративное (с 1969 г.) государство, а с 1 января 1993 перестала существовать вообще, распавшись на самостоятельные Чешскую и Словацкую республики. Изучению этого вопроса в значительной степени помогают изданные в 90-х годах документальные сборники, касающиеся складывания чешско-словацких отношений в 1945—1947 гг.¹¹⁷ и выселения немцев из Чехословакии в послевоенные годы¹¹⁸. Фундаментальное исследование истории чешско-словацких отношений в XX веке провел Я. Рыхлик, этому же вопросу посвящен сборник, подготовленный Р. Хмелем¹¹⁹. Й. Жаткульяк посвятил свою монографию федерализации Чехословацкого государства в 1969—1970 гг.¹²⁰ Большое внимание национальной проблематике уделяет Чешско-словацкая (Словацко-чешская) комиссия историков, созданная после распада Чехословакии и имеющая свой ежегодник. В 1996 г. в нем были опубликованы материалы конференции на тему «Восстановление совместного государства чехов и словаков в 1945 г. Надежды и опасения, представления и действительность»¹²¹. Ежегодник печатает документальные материалы, статьи и дискуссии на указанную тему. Вышли пять томов истории чешско-словацких отношений, первый из которых посвящен межвоенным годам, второй времени Второй мировой войны, третий — 1968 г. и периоду «нормализации»,

четвертый охватывает в основном 50-е годы XX в., пятый — с ноября 1989 г. до середины 90-х годов прошлого столетия¹²².

В ряде монографий рассмотрен вопрос о выселении немцев из Чехословакии в 1945—1947 гг.¹²³ Журнал «Современная история» в 1994 г. провел заочный форум о судетонемецком вопросе и опубликовал первые результаты его историографии¹²⁴. Одной из важнейших задач чешско-немецкой комиссии историков после 1989 г. стало изучение отношений этих двух народов на протяжении веков. И уже в середине 90-х годов была изложена совместно выработанная точка зрения на проблему¹²⁵. Получили освещение развитие словацко-венгерских отношений в XX в.¹²⁶, а также некоторые важнейшие события новейшей истории Венгрии. Например, один из номеров журнала «Современная история» в 1996 г. был практически полностью посвящен событиям 1956 г. в этой стране¹²⁷.

Началось обсуждение вопросов, которые ранее не только освещались под «заданным» углом зрения, но были просто «табуированными». Это касалось, например, вопроса о Подкарпатской Руси, которая в 1918—1939 гг. входила в состав Чехословакии, а в 1945 г. была присоединена к СССР (УССР) под названием Закарпатская Украина. Все, что относилось к истории этой области, негласно считалось как бы делом советских (украинских) историков. В конце 1996 г. в Праге прошла конференция «Центральная Европа и Подкарпатская Русь», а в начале 1997 г. на конференции в Прешове обсуждались вопросы ее положения в Чехословакии¹²⁸. На эту тему публикуются также документы, книги, статьи¹²⁹. Другим «запретным плодом» для чешских и словацких историков в прошлом являлся еврейский вопрос. Теперь изучается и он. И. Каменец исследовал политику Словацкого государства по отношению к еврейскому населению в годы войны, назвав свою книгу «По следам трагедии»¹³⁰. Каплан, опубликовавший документы «Чехословакия и Израиль. 1945—1956 гг.», включил в сборник ряд материалов об отношении чешского и словацкого населения и политиков к еврейскому вопросу¹³¹. Впервые также была поднята тема реэмиграции чехов и словаков в послевоенные годы¹³².

Сразу же вслед за «бархатной» революцией увидели свет многие документы по истории «послефевральской» Чехословакии, единовластно руководимой коммунистами.

Их публикаторами в основном сначала являлись К. Каплан и К. Ех. Эти документы касались главным образом репрессий и политических процессов конца 40-х — начала 50-х годов: стали известны списки умерших в тюрьмах и приговоренных к смерти в 1948 — 1956 гг., материалы о выселении «неблагонадежных граждан» из Праги, Братиславы и других городов (1952 — 1953 гг.), о переселении «кулаков» (1951 — 1953 гг.), о закрытии и ликвидации костелов (1950 г.), о преследованиях после проведения денежной реформы (1953 г.), о трудовых лагерях (1948 — 1954 гг.), о политических процессах (например, Р. Сланского, М. Гораковой и других), проведенных в 1948 — 1954 гг. Были опубликованы отчеты так называемой комиссии Пиллера, изучавшей материалы о политических процессах и реабилитациях в 1949 — 1968 гг. В ряде сборников документов нашла отражение организационная сторона деятельности КПЧ: работа аппарата ЦК КПЧ и кадровая политика партии в 1948 — 1956 гг.

Опираясь на опубликованные и другие архивные материалы, исследователи обратились к истории Чехословакии в 50-е годы, которые ранее в силу идеологических и политических причин, а также в связи с отсутствием серьезной источниковой базы почти не освещались, за исключением некоторых социально-экономических сюжетов, в историографии. Среди чешских историков этой проблематикой занимался прежде всего К. Каплан, который уже в начале 90-х годов опубликовал ряд работ как общего¹³³, так и специального плана¹³⁴. Судебным преследованиям политического характера в Чехословакии в 1948 — 1989 гг. посвящена отдельная книга¹³⁵. Эта же тема, но на материале Словакии 1948 — 1953 гг., обсуждалась на конференции в Братиславе в 1995 г.¹³⁶ Деятельность органов государственной безопасности в Словакии в 1948 — 1953 гг. рассмотрена в выдержавшей два издания книге Я. Пешека¹³⁷, а затем эта тема раскрыта им на материале 1953 — 1970 гг.¹³⁸. Я Пешек совместно с М. Барновским проанализирована политика государства в отношении церкви в Словакии в 1948 — 1953 гг.¹³⁹

Особая тема чехословацкой (чешской и словацкой) историографии, которая стала разрабатываться сразу после 1989 г., — предпосылки Пражской весны 1968 г., ее подавление войсками пяти стран Варшавского договора и процесс так называемой нормализации в стране (1969 — 1970 гг.). Уже в 1990 г. была создана Государственная комиссия по изучению событий 1967 — 1970 гг., в работе которой приняли уча-

стие видные историки: В. Курал, Я. Моравец, Ф. Яначек, Я. Навратил, А. Бенчик, М. Барта, Й. Белда, В. Менцл, О. Фелцман и др. Ее задачей были сбор и изучение материалов по указанной проблеме, а также подготовка публикации документов. Богатейшие фонды Комиссии¹⁴⁰ в настоящее время находятся в архиве Института современной истории в Праге. Первые результаты деятельности Комиссии были обнародованы уже в 1993 г. в двухтомной работе «Чехословакия 1968 года. Т. 1: Процесс возрождения; Т. 2: Начало нормализации»¹⁴¹. Затем началась публикация документов, насчитывающая в настоящее время более десяти томов. Чехословацкие события 1968 г. и их международный контекст явились темой обсуждения двух международных конференций, состоявшихся в Либлицах и Праге в 1991 и 1994 гг.¹⁴² Одновременно стали выходить книги и статьи, посвященные Пражской весне 1968 г. Их авторами в основном являлись участники и свидетели указанных событий¹⁴³. Несколько книг было переведено на русский язык¹⁴⁴. Исследованы некоторые аспекты деятельности КПЧ в период «нормализации»¹⁴⁵, изданы документы о методах этой политики в области культуры, науки, просвещения, средств массовой информации¹⁴⁶.

70–80-е годы в целом были мало привлекательны для историков 90-х годов, если не считать темы диссидентских движений и организаций в этот период: «Хартия–77», «Общественность против насилия», клуб «Возрождение» и т.д.¹⁴⁷ Вопросы взаимоотношения власти и общества после подавления Пражской весны рассмотрены в книгах М. Отагала¹⁴⁸. Хронология событий на пути к ноябрю 1989 г. в Чехословакии представлена в двух книгах, подготовленных большими коллективами ученых Института современной истории¹⁴⁹. В Братиславе изданы документальные свидетельства развития словацкого общества в 1985–1990 гг.¹⁵⁰ Опубликованы также документы конца 80-х годов об отношении руководства КПЧ к диссидентскому движению и оппозиции¹⁵¹. Стоит отметить книгу о Г. Гусаке, написанную видным в прошлом словацким историком В. Плевзой с серьезным послесловием Л. Липтака¹⁵². Она интересна прежде всего во второй своей части, где автор, близкий к Гусаку человек, опираясь на материалы своего личного архива и записи бесед с президентом ЧССР, попытался объяснить мотивы его действий и политики после того, как тот стал первым (генеральным) секретарем ЦК КПЧ (1969 г.), а затем возглавил страну (1975 г.).

События ноября 1989 г., резко изменившие судьбу Чехословакии, по мере удаления от них и накопления документального материала все чаще становятся предметом исторического исследования. Надо сказать, что единства в их оценке нет. Для характеристики происшедшего употребляются термины революция («бархатная», «нежная», демократическая), контрреволюция, переворот, хотя чаще используется первый¹⁵³. Эти различия в подходе выявились и на международной конференции «Демократическая революция в Чехословакии 1989 г.: предпосылки, течение и непосредственные результаты» (Прага, октябрь 1999 г.), перед участниками которой выступил тогдашний президент ЧР В. Гавел. Повышенный интерес, что продемонстрировала и конференция, наблюдается к позиции Советского Союза в отношении указанных событий¹⁵⁴.

Что касается собственно внутренней истории Чешской и Словацкой республик, возникших в 1993 г., то ее изучение в 90-е годы делало лишь первые шаги, при этом основное внимание уделялось политической проблематике. В числе прочего это касалось состояния коммунистического движения в ЧР¹⁵⁵. Предметом изучения стало и положение Чехии в современной Европе¹⁵⁶. Однако по настоящему серьезное исследование истории Чешской и Словацкой республик в конце XX в., несомненно, дело будущего.

Заканчивая обзор, еще раз подчеркнем, что объем главы не позволил упомянуть еще десятки серьезных трудов чешских и словацких историков, написанных главным образом в формате статьи и опубликованных в 90-е годы в журналах «Современная история», «Славянский обзор», «Военно-исторический журнал», «Чешский исторический журнал», «Исторический журнал» (Словакия) и т.д. Общий вывод сводится к тому, что историческая наука Чехии и Словакии, хотя и испытывает в настоящее время определенные трудности, связанные прежде всего с финансированием работы ученых, переживает несомненный подъем, обусловленный интересом общества к своему прошлому и уважением к труду историков. К сожалению, следует сказать, что российские специалисты лишь частично знакомы с результатами их исследований.

¹ Hojda Z. Sjezd českých historiků posedmé a přece poprvé (24 – 27 září 1993) // Dějiny a současnost. Kulturně historická revu. Praha, 1993. N 6. S. 60 – 61.

² Дискуссионные выступления опубликованы в журналах «Современная история» и «История и современность» См.: Soudobé dějiny. 2001. N 1; Dějiny a současnost. 1999. N 6; 2000. N 1.

³ См., например: *Смолянский Н.И.* Возможна ли общеисторическая теория? // Новая и новейшая история. 1996, № 1. С. 3–17; *Он же.* Теоретический плюрализм и проблемы исторической теории // Там же. 1996. № 3. С. 76–80.

⁴ *Klio ohne Fesseln? Historiographie im östlichen Europa nach dem Zusammenbruch des Kommunismus.* Frankfurt a. M., 2002. См. также рец.: *Kolát P.* Nenápadné okovy Kleió. Východoevropské dějepisectví po pádu železné opony mezi vědeckým étosem a legitimizací panství // *Soudobé dějiny.* 2004. N 1/2. S. 224–228.

⁵ *Prečan V.* V kradeném čase. Výběr ze studií, článků a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994.

⁶ *Jablonický J.* Glosy o historiografii SNP: Zneužívania a falšovanie dejin SNP. Bratislava, 1994.

⁷ *Hanzal J.* Cesty české historiografie 1945–1989. Praha, 1999.

⁸ *Mlynárik J.* Diaspora historiografie: štúdie, články a dokumenty k dejinám československej historiografie v rokoch 1969–1989. Praha, 1998.

⁹ См., например: *Марьина В.В.* Чехословакия: движение Сопротивления в историографии // Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991; *Она же.* Словацкое национальное восстание в послевоенной историографии // *Славяноведение.* 1999. № 6; *Она же.* Чехословацкая историография: перипетии движения к «бархатной» революции 1989 г. (1945–1989) // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001.

¹⁰ См. подробнее: *Власть — общество — реформы.* Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 14–77.

¹¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Чехословацкая историография... С. 148–149.

¹² *Rupnik J.* Intelektualové a moc v Československu // *Soudobé dějiny,* 1994. N 4/5. S. 542.

¹³ О съезде см. подробнее: *Hanzal J.* *Op. cit.* S. 58–76.

¹⁴ Тигрид — журналист и общественный деятель, член правого крыла Чехословацкой национально-социалистической партии.

¹⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Май 1945 г. — февраль 1948 г. М., 1988. Т. 5. С. 372.

¹⁶ *Hanzal J.* *Op. cit.* S. 63.

¹⁷ См. подробнее: *Национальная политика в странах формирующегося советского блока.* 1944–1948 гг. М., 2004. С. 113–153.

¹⁸ *Hanzal J.* *Op. cit.* S. 68.

¹⁹ *Ibid.* S. 75.

²⁰ См. подробнее: *Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории.* М., 2005. Кн. 2. С. 59–66.

²¹ *Hanzal J.* *Op. cit.* S. 76.

²² В 50-е годы Колман возвратился в СССР, со временем занял критические позиции в отношении советского режима, протестовал против оккупации Чехословакии в августе 1968 г., в конце жизни эмигрировал в Швецию.

²³ *Rudé právo.* 1948. 18.XI.

²⁴ *Hanzal J.* *Op. cit.* S. 87.

²⁵ *Ibid.* S. 94.

²⁶ *Historický časopis.* 1954. N 1. S. 118.

²⁷ *Mouliš V.* Léta mých studií historie (1950–1955) // *Soudobé dějiny.* 2004. N 3. S. 114–115, 120.

²⁸ *Досталь М.Ю.* Внедрение марксистской идеологии в историческую науку (По материалам Архива Словацкой академии наук и искусств) // *Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы.* М., 1995. С. 232.

²⁹ *Hanzal J.* Op. cit. S. 88.

³⁰ *Historický časopis.* 1954. N 1. S. 6.

³¹ *Nová mysl.* Praha, 1956. N 6.

³² *Hanzal J.* Op. cit. S. 101.

³³ *Kopecký V.* ČSR a KSČ. Praha, 1960.

³⁴ *Dějiny KSČ.* Praha, 1961.

³⁵ *Král V.* Otázky hospodářského a sociálního vývoje v českých zemích 1938—1945. Praha, 1957—1959. Díl I—III.

³⁶ *Doležal J., Boje Sovětské armády na území Československa.* Praha, 1955; *Doležal J., Hrozičnik J.* Mezinárodní solidarita v SNP. Bratislava, 1959; *Fal'an S.* Partizánska vojna na Slovensku. Bratislava, 1959; *Hučková-Štvrtecká A.* Činnost prvního ilegálního ÚV KSS. Bratislava, 1959; *Krajčák O.* Komunisti bratislavské oblasti v boji proti fašismu v letech 1938—1942. Bratislava, 1959; *Partizánské hnutí v Československu za druhé světové války.* Praha, 1961.

³⁷ См.: 15 výročie Slovenského národného povstania. Materiály z vedeckej konferencie. Bratislava, 1959; *Jablonický J.* Op. cit. S. 39.

³⁸ *Československý časopis historický.* 1960. N 1. S. 54.

³⁹ *Otázky národní a demokratické revoluce v Československu.* Praha, 1955; *Houška J., Kára K.* Otázky lidové demokracie. Praha, 1955; *Bystřina I.* Lidová demokracie. Praha, 1957; *Lakatoš M.* Otázky lidové demokracie v Československu. Praha, 1957; *Foustka R.* K diskusi o naší lidové demokracii // *Filosofický časopis.* 1957. S. 106—114.

⁴⁰ *Rudé právo.* 1949. 6. IV.

⁴¹ *Gottwald K.* Výbrané spisy. Praha, 1955. Díl II. S. 509.

⁴² *Opat J.* KSČ v boji za výstavbu a přestavbu národního hospodářství, za socialistickou industrializaci země (1948—1953). Praha, 1955; *Idem.* Generální linie výstavby socialismu v Československu. Praha, 1957; *Idem.* K základním problémům třídních vztahů a politiky KSČ v době upevňování únorového vítězství // *Příspěvky k dějinám KSČ.* 1959. S. 3—70.

⁴³ *Belda J., Benčík A., Kural V.* Místo tzv. legend legendy? // *Soudobé dějiny.* 1994. N 2. S. 345.

⁴⁴ *Historie a vojenství.* 1963. N 3. S. 454.

⁴⁵ См. подробнее: *Марьина В.В.* Чехословакия: движение Сопротивления в историографии // *Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (Вопросы национальной историографии).* М., 1991.

⁴⁶ См. примеч. 9.

⁴⁷ См.: Чехословакия конца 60-х годов: социализм с человеческим лицом: реф. сб. М., 1991.

⁴⁸ *Odboj a revoluce: Zprávy.* 1969. N 1. S. 94—96.

⁴⁹ *Hanzal J.* Op. cit. S. 171.

⁵⁰ *Prečan V.* Op. cit. S. 247—343.

⁵¹ *Ibid.* S. 328; см. также: *Hanzal J.* Op. cit. S. 169—178.

⁵² *Jablonický J.* Glossy o historiografii SNP... S. 85, 89.

⁵³ *Hanzal J.* Op. cit. S. 163, 168.

⁵⁴ *Ukoly československé historiografie. Soubor příspěvků z vědeckého semináře historiků-komunistů z 10—11.XI. 1972.* Praha, 1972.

- ⁵⁵ Král V. Historická věda v socialistickém Československu // Československý časopis historický. 1972. N 5. S. 706–729; *Idem*. Ke kritice našeho dějepiscetví. Praha, 1973; *Idem*. Myšlenkový svět historie. Praha. 1974.
- ⁵⁶ Historický časopis. 1974. N 1/2. S. 312.
- ⁵⁷ Jablonický J. Glossy o historiografii SNP...S. 85.
- ⁵⁸ Historiografie v Československu. 1970–1980. Výběrová bibliografie. Praha, 1980; Historiografie v Československu. 1980–1985. Výběrová bibliografie. Praha, 1985.
- ⁵⁹ См. подробнее: Felcman O., Mlýnský J., Pechaček L., Slezák L., Verbík A. Období budování základů socialismu v Československu a jeho odraz v naší historiografii // Československý časopis historický. 1986. N 6. S. 829–855.
- ⁶⁰ См., например: Cestou socialistického vývinu. Bratislava, 1973; Aktuální otázky rozvoje naší socialistické společnosti. Praha, 1973; Generální linie výstavby socialismu. Bratislava, 1975.
- ⁶¹ Plevza V. Československá štátnost a slovenská otázka v politike KSČ. Bratislava, 1971; *Idem*. Národnostná politika KSČ a československé vzťahy. Bratislava, 1979; Šindelka I. Národnostná politika v ČSSR. Bratislava, 1975.
- ⁶² Matějíček I. Politické organizace ČSSR. Praha, 1974; Matoušek S. Postavenie Národného frontu v politickem systéme ČSSR. Bratislava, 1975; Mlýnský J. Unor 1948 a akční výbory Národní fronty. Praha, 1978; Snítíl Z. a kol. Stručný přehled dějin SNB. Praha, 1981; Přehled dějin československého odborového hnutí. Praha, 1984; Řehůřek M. Výstavba socialistického politického systému v Československu. Bratislava, 1985.
- ⁶³ См. историографическую ст., указ. в примеч. 59. С. 836–840.
- ⁶⁴ Марьяна В.В., Мурашко Г.П. Путь чехословацкого крестьянства к социализму. 1948–1960 гг. М., 1971; Marjinová V.V., Murašková G.P. Rozorané medze. K historii socialistického združstevňovania československej dediny. 1948–1960. Bratislava, 1971.
- ⁶⁵ См., например: Bukovský M. Kultura a ideologický boj. Praha, 1978; Paluda Š. O kultúrnej politike KSČ. Bratislava, 1979; Bružek M. Kultura v revolučných preměňách spoločnosti, 1945–1976. Praha, 1978; Grešik L. Slovenská kultúra v revolúcii 1944–1948. Bratislava, 1977; *Idem*. Slovenská kultúra v začiatkoch budovania socialismu 1948–1955. Bratislava, 1980; *Idem*. Kulturna politika KSS v období dobudovania základov socialismu 1956–1960. Bratislava, 1984.
- ⁶⁶ См. подробнее: Марьяна В.В. Словацкое национальное восстание 1944 г. в послевоенной историографии // Славяноведение. 1999. № 6.
- ⁶⁷ Československý časopis historický. 1982. N 3. S. 323–346.
- ⁶⁸ О Хартии – 77 см. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 2. С. 238–240; Prečan V. Op. cit. S. 175–247.
- ⁶⁹ Prečan V. Op. cit. S. 314–315.
- ⁷⁰ Hanzal J. Op. cit. S. 228.
- ⁷¹ См.: Марьяна В.В. Чехословакия: движение Сопrotивления в историографии. С. 101–102; Она же. Словацкое национальное восстание 1944 года в послевоенной историографии. С. 55.
- ⁷² Prečan V. Op. cit. S. 382–388.
- ⁷³ Hanzal J. Op. cit. S. 242.
- ⁷⁴ Prečan V. Op. cit. S. 162.
- ⁷⁵ См. Подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 2. С. 233–262.
- ⁷⁶ Rudé právo. 1989. 6. III.
- ⁷⁷ О заседании в Москве (ноябрь 2004 г.) см. информацию Коровицкой Н.В. в журнале «Новая и новейшая история». 2005. № 3. С. 247–248.

⁷⁸ Февраль 1948 г. в Чехословакии: Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.

⁷⁹ Bibliografie českých/československých dějin 1918 – 1995. Výběr knih, sborníků a článků vydaných v letech 1990 – 1995. Praha, 1997. Sv. 1 – 2.; Czech and Czechoslovak history, 1918 – 1999. Prague, 2000.

⁸⁰ См., например: *Křen J.* Bílá místa v našich dějinách? Praha, 1990.

⁸¹ *Jablonický J.* Povstanie bez legiend. Bratislava, 1990; *Jablonický J.* Glosy o historiografii SNP. Zneužívania a falšovanie dejin SNP. Bratislava, 1994.

⁸² *Kaplan K.* Pravda o Československu 1945 – 1948. Praha, 1990; *Idem.* Československo v letech 1945 – 1953: Základatelské období komunistického režimu. Praha, 1991. Č. 2.; *Idem.* Dva retribučních procesy. Komentované dokumenty (1946 – 1947). Praha, 1992; *Idem.* Nekrvává revoluce. Praha, 1992.

⁸³ *Brod T.* Operace Velký Podvod: Cesta československých komunistů k mocí v letech 1945 – 1948. Praha, 1990, 1991. Č. 1 – 2.

⁸⁴ *Černý V.* Křik koruny české. Paměti 1938 – 1945. Naš kulturní odboj za války. Brno, 1992; *Derer I.* Antiferlinger 1: Politické paměti. 1945 – 1949. Praha, 1994; *Drtina P.* Československo můj osud: kniha života českého demokrata 20 století. Sv. 1. Kn. 1, 2. Sv. 2. Kn. 1, 2. Praha, 1991 – 1992; *Feierabend L.K.* Politické vzpomínky. Brno, 1994 – 1996. Sv. 1 – 3.; *Krajina V.* Vysoká hra: vzpomínky. Praha, 1994; *Ursiny J.* Spomienky na Slovenské národné povstanie. Lipt. Mikulaš, 1994; *Moravec F.* Špion, jemuž nevěřili. Praha, 1990; *Ripka H.* Únorová tragédie: Svedectví přímého účastníka. Brno, 1995; Svedectvá pravdy o Slovensku. Díl 1: Prvá Slovenská republika 1939 – 1945. Sered'. 1997.

⁸⁵ *Taborský E.* Prezident Beneš mezi Západem a Východem. Praha, 1993; *Smutný J.* Svědectví prezidentová kancléře. Praha, 1996.

⁸⁶ См.: *Марьина В.В.* Вступление к публикации Эдвард Бенеш. Демократия сегодня и завтра // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 88 – 91.

⁸⁷ *Havlíček F.* Eduard Beneš – člověk, sociolog, politik. Praha, 1991; *Ort A.* Dr. Eduard Beneš – evropský politik. Praha, 1993; *Kaplan K.* Poslední rok prezidenta. Ed. Beneš v roce 1948. Praha, 1993; *Edvard Beneš československý a evropský politik.* Praha, 1994.

⁸⁸ *Jech K., Kaplan K.* Dekrety prezidenta republiky 1940 – 1945. Dokumenty. 1 – 2. Brno, 1995; *E. Beneš: Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc.* Praha, 1996; *Beneš E.* Přednášky na Univerzitě Karlově: 1913 – 1948. Praha, 1998; *Beneš E.* Odsun Němců z Československa. Výběr z Paměti, projevů a dokumentů 1940 – 1947. Praha, 1996; *Michalek S.* Jan Papanek za vojny Edvardovi Benešovi. Dokumenty. 1939 – 1945. Výběr. Bratislava, 1997.

⁸⁹ *Kamenec I.* Slovenský stát. Praha, 1992.

⁹⁰ См. подробнее: *Марьина В.В.* Словацкое национальное восстание 1944 г. в послевоенной историографии // Славяноведение. 1999. № 6.

⁹¹ О книге и ее месте в историографии см. подробнее: Там же.

⁹² Slovensko v rokoch druhej svetovej vojny. Bratislava, 1991.

⁹³ Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu. Bratislava, 1992.

⁹⁴ *Kamenec I.* Tragédia politika, kňaza a človeka: dr. Jozef Tiso. 1887 – 1947. Bratislava, 1998.

⁹⁵ SNP v pamäti národa. Bratislava, 1994.

⁹⁶ См.: *Марьина В.В.* Словацкое национальное восстание 1944 г.... С. 56 – 57.

⁹⁷ SNP 1944 – vstup Slovenska do demokratickej Európy. Banská Bystrica, 1999.

⁹⁸ *Cambel S.* Slovenská dedina (1938 – 1944). Bratislava, 1996; *Kliment Ch.* Slovenská armáda: 1939 – 1945. Plzeň, 1996.

⁹⁹ *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 1998.

¹⁰⁰ *Frajdl J.* Protektorát Čechy a Morava 1939 – 1945. Mor. Třebová, 1993; *Gebhart J., Kuklik J.* Dramatické a všední dny protektorátu. Praha, 1996; *Mudrá M.* České národní povstání 1945. Praha, 1995; *Kural V.* Vlastenci proti okupaci: Ústřední vedení odboje domácího 1940 – 1943; *Pasák T.* Pod ochranou říše. Praha, 1998; *Idem.* Český fašismus 1922 – 1945 a kolaborace 1939 – 1945. Praha, 1999; *Brandes D.* Češi pod německým protektorem: Okupační politika, kolaborace a odboj. 1939 – 1945. Praha, 1999.

¹⁰¹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Praha, 2000 – 2001. Sv. 1 – 2.; Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády 1939 – 1940. Zápisy ze zasedání Československého národního výboru 1939 – 1940. Praha, 1999.

¹⁰² *Čejka E.* Československý odboj na Západě 1939 – 1945. Praha, 1997.

¹⁰³ *Svoboda L.* Cestami života. Praha, 1992. 2.

¹⁰⁴ *Richter K., Benčík A.* Kdo byl generál Pika: Portret čs. vojáka a diplomata. Brno, 1997; *Tomašek D., Kvaček R.* Generál Alois Eliáš: Jeden český osud. Praha, 1996; *Šolc J.* Ve službách prezidenta: General František Moravec ve světle archivních dokumentů. Praha, 1994.

¹⁰⁵ Jan Masaryk: Diplomat, státník, humanista. Praha, 1996; *Sladek O.* Osudové krohy Jana Masaryka. Vyběr dokumentů k 110 výročí narození Jana Masaryka. Praha, 1996; *Michálek S.* Diplomat Štefan Osuský. 1889 – 1973. Bratislava, 1999. *Čierny J.* Vladimír Clementis: diplomat. Bratislava, 1999.

¹⁰⁶ *Brod T.* Československo a Sovětský Svaz 1939 – 1945: Moskva – objeti a pouto. Praha, 1992; *Mouliš V.* Podivné spojenectví. K československo-sovětským politickým a hospodářským vztahům mezi dubnem 1945 a únorem 1948. Praha, 1996.

¹⁰⁷ Československo-Polská jednání o vytváření konfederace 1939 – 1944. Praha, 1994. Č. 1 – 4, ČSR a SSSR. 1945 – 1948. Dokumenty mezivládních jednání. Brno, 1997; Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939 – 1945. Praha, 1998, 1999. Díl 1, 2.

¹⁰⁸ См. подробнее: *Марына В.В.* Февраль 1948 г. в Чехословакии. Современное видение проблемы // Вопросы истории. 1998. № 10; *Она же.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939 – 1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4.

¹⁰⁹ *Mouliš V., Valenta J., Vykoukal J.* Vznik, krize a rozpad sovětského bloku v Evropě 1944 – 1989. Ostrava, 1991; *Tejchman M.* Sovětizace východní Evropy. Praha, 1995; Sovětizace východní Evropy: Země střední a jihovýchodní Evropy v letech 1944 – 1948. Praha, 1995; Krízy režimů sovětského bloku v letech 1948 – 1989. B. Bystrica, 1997.

¹¹⁰ Tři roky: Přehled a dokumenty k československé politice v letech 1945 – 1948. Praha, 1991. Č. 1 – 3. *Kaplan K.* První poválečná vláda. Komentované dokumenty // K ústavnímu vývoji v Českých zemích a na Slovensku v letech 1938 – 1948. Praha, 1992.

¹¹¹ *Barnovský M.* Na cestě k monopolu moci. Mocenskopolitické zápasy na Slovensku v letech 1945 – 1948. Bratislava, 1993; *Letz R.* Slovensko v letech 1945 – 1948: Na cestě ku komunistické totalitě. Bratislava, 1994.

¹¹² *Šutaj Š.* Občianské politické strany na Slovensku v letech 1944 – 1948. Bratislava, 1999; *Kocian J.* Československá strana národně-socialistická v letech 1945 – 1948: Organizace, program, politika. Brno; Praha, 2002; *Renner J.* Československá strana lidová 1945 – 1948. Brno, 1999.

- ¹¹³ *Kaplan K.* Pět kapitol o únoru. Brno, 1997.
- ¹¹⁴ *Hanzlík F.* Únor 1948 – výsledek nerovného zápasu. Tajné služby na cestě k moci. Praha, 1997.
- ¹¹⁵ *Od diktatury k diktatuře. Slovensko v letech 1945–1953.* Bratislava, 1995.
- ¹¹⁶ См. подробнее: *Марьина В.В.* Конференция о феврале 1948 г. в Чехословакии // *Славяноведение.* 1998. № 6.
- ¹¹⁷ *Pražské dohody 1945–1947. Sb. dokumentů.* Praha, 1992; *Příprava Ústavy ČSR v letech 1946–1948. Soubor dokumentů.* Praha, 1993.
- ¹¹⁸ *Komu sluší omluva: Češi a suděťští Němci: Dokumenty, fakty, svědectví.* Praha, 1992; *Češi a sudetoněmecká otázka 1939–1945.* Praha, 1994; *Beneš E.* Odsun Němců z Československa: Výber z Paměti, projevů a dokumentů 1940–1947. Praha, 1996.
- ¹¹⁹ *Rychlík J.* Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1945–1992. Bratislava, 1998; *Chmel R.* Slovenská otázka v 20. storočí. Bratislava, 1997.
- ¹²⁰ *Žatkuliak J.* Federalizácia československého štátu 1968–1970: vznik československej federácie roku 1968. Brno, 1996.
- ¹²¹ Česko-slovenská historická ročenka. 1996. Brno, 1996. S. 11–194.
- ¹²² *Radičová I.* Malé dejiny česko-slovenských vzťahov. Bratislava, 1994–1995. 1–5.
- ¹²³ *Stanek T.* Odsun Němců z Československa 1945–1947. Praha, 1991; *Kural V.* Studie o sudetoněmecké otázce. Praha, 1996; *Hahnová E.* Sudetoněmecký problem: Obtížné loučení s minulostí. Praha, 1996.
- ¹²⁴ *Soudobé dějiny.* 1994. N 2/3. S. 236–292, 365–373.
- ¹²⁵ *Konfliktní společenství, katastrofa, uvolnění. Načrt výkladu německo-českých dějin od 19. století.* Vydala společná česko-německá komise historiků // *Soudobé dějiny.* 1996. N 2/3. S. 392–437 (параллельный текст на чешском и немецком языках).
- ¹²⁶ *Slovensko-madžarske vzťahy v 20. storočí.* Bratislava, 1992.
- ¹²⁷ *Soudobé dějiny.* 1996. N 4.
- ¹²⁸ *Střední Evropa a Podkarpatská Rus.* Praha, 1997; *Podkarpatská Rus v dějinách Československa. 1918–1939* // Česko-slovenská historická ročenka 1997. Brno, 1997. S. 8–186.
- ¹²⁹ *Hofec J.* Dokumenty o Podkarpatské Rusi. Praha, 1997; *Podkarpatsko včera a dnes.* Praha, 1994; *Pravda o Podkarpatsku.* Praha, 1994; *Švorc P.* Zakliatá krajina: Podkarpatská Rus 1918–1946. Prešov, 1996; *Idem.* Stručné dejiny Podkarpatskej Rusi. Prešov, 1996 etc.
- ¹³⁰ *Kamenec I.* Po stopách tragedie. Bratislava, 1991.
- ¹³¹ Československo a Izrael 1945–1956. Dokumenty. Praha, 1993.
- ¹³² *Vaculik J.* Reemigrace zahraničních Čechů a Slováků v letech 1945–1950. Brno, 1993.
- ¹³³ *Kaplan K.* Československo v letech 1953–1966: Společenská krize a kořeny reformy. Praha, 1992; *Idem.* Sociální souvislosti krize komunistického režimu v letech 1953–1957 a 1968–1975. Praha, 1993.
- ¹³⁴ *Kaplan K.* Sovětští porádcí v Československu 1949–1956. Praha, 1993; *Idem.* Stát a církev v Československu 1948–1953. Brno, 1993.
- ¹³⁵ *Soudní perzekuce politické povahy v Československu 1948–1989.* Praha, 1993.
- ¹³⁶ *V tieni totality: Politické perzekuce na Slovensku v rokoch 1948–1953.* Bratislava, 1996.
- ¹³⁷ *Pešek J.* Státná bezpečnosť na Slovensku 1948–1953. Bratislava, 1996, 1998.

¹³⁸ Pešek J. Nástroj represie a politickej kontroly: Státna bezpečnosť na Slovensku 1953–1970. Bratislava, 2000.

¹³⁹ Pešek J., Barnovský M. Štátna moc a cirkvi na Slovensku. 1948–1953. Bratislava, 1997.

¹⁴⁰ Их характеристику см. в кн.: Латыш М.В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998. С. 4.

¹⁴¹ Československo roku 1968. Díl 1: Obrodny proces; Díl 2: Počátky normalizace. Praha, 1993.

¹⁴² Československý vývoj roku 1968, jeho mezinárodní souvislosti a důsledky. Konference. Liblice. 2–6. XII. 1991; Československo a svět 1968 v světle nových archivních dokumentů. Konference. Praha. 18–20. IV. 1994.

¹⁴³ См. подробнее: Библиография чeských/československých dějin. 1918–1995. S. 292–301.

¹⁴⁴ Валента Й. Советское вторжение в Чехословакию 1968 г. М., 1991; Шук О. Весеннее возрождение – иллюзии и действительность. М., 1991; Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992.

¹⁴⁵ Maňák J. Čistky v Komunistické straně Československa. 1969–1970. Praha, 1997; Cuhra J. Církevní politika KSČ a státu v letech 1969–1972. Praha, 1999.

¹⁴⁶ Svědectví o duchovním útlaku 1969–1970: Dokumenty. Praha, 1993.

¹⁴⁷ Charta 77 (1977–1989): Od morální k demokratické revoluci: Dokumentace. Bratislava, 1990; Verejnosť proti násiliu 1989–1991: Svedectví a dokumenty. Bratislava, 1998; Obroda. Klub za socialistickou přestavbu. Dokumenty. Praha, 1996; Čas Demokratické iniciativy: Sborník dokumentů. Praha, 1993; Hnutí za občanskou svobodu. 1988–1989. Sborník dokumentů. Praha, 1994; Honajzer J. Občanské Fórum. Vznik, vývoj a rozpad. Praha, 1996; Suk J. Občanské fórum. Události. Brno, 1996.

¹⁴⁸ Otahal M. Opozice, moc, společnost 1969–1989: Příspěvek k dějinám «normalizace» v Československu. Praha, 1994; Idem. Podíl tvůrčí inteligence na padu komunismu. Brno, 1999.

¹⁴⁹ Deset pražských dnů. 17–27 listopad 1989. Dokumentace. Praha, 1990; Kronika demokratického parlamentu 1989–1992. Praha, 1992; Československá cesta k demokracii. Chronologie událostí 1985–1989. Praha, 1999; Chronologie zániku komunistického režimu v Československu 1985–1990. Praha, 1999;

¹⁵⁰ November 1989 a Slovensko: chronologia a dokumenty 1985–1990. Bratislava, 1999.

¹⁵¹ Vedení KSČ o disentu a opozici. Dokumenty z ledna 1986 – října 1989. Praha, 1999.

¹⁵² Plevza V. Vzostupy a pady. Gustav Husák prehovoril. Bratislava, 1991.

¹⁵³ Husák P. Česká cesta k slobode. 1. Revoluce či co? Praha, 1999; Mechyř J. Velký převrat či snad revoluce sametová: Několik informací, poznámek a komentářů o naší takřčené nežné revoluci a jejích osudech 1989–1992. Praha, 1999.

¹⁵⁴ Martens L. Sovětský Svaz a sametová kontrrevoluce. Praha, 1996; K vývoji sovětské politiky vůči státům Varšavské smlouvy: Dokumenty a materiály. 1989–1990. Praha, 1999; Pecka J. Kronika odsunu sovětských vojsk z Československa 1989–1991. Praha, 1993; Sovětská armáda v Československu 1968–1991. Praha, 1996; Sovětská vojska v československém vývoji 1968–1991. Praha, 1998.

¹⁵⁵ Komunismus v České republice. Vývojové, systemové a ideové aspekty působení KSČM a dalších komunistických organizací v České republice. Brno, 1999.

¹⁵⁶ Česká republika v menicí se Evropě. Praha, 1993.

«БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ПО-СЕРБСКИ

Югославию эпохи И.Б. Тито часто выделяют из других европейских социалистических стран как некий феномен, непохожий, специфичный и даже стоящий совершенно особняком во всем социалистическом лагере. При этом подчеркивается самостоятельность, «аутентичность» революции в Югославии, особый путь развития страны вне рамок «реального социализма» — так называемый югославский эксперимент, межэтнические войны 90-х годов XX в. взамен «бархатных революций» и т.п. Такой взгляд «по наследству» переносится и на «милошевичевскую» сербско-черногорскую Югославию, которая также трактуется как нечто совершенно выбивавшееся из общего строя стран, решавших задачи трансформации.

Сразу же заметим, что вынесение югославского опыта за рамки общих процессов, проходивших после Второй мировой войны в Восточной Европе (включая и Советский Союз), мы считаем неправомерным. На наш взгляд, развитие Югославии в общих чертах шло синхронно с остальными европейскими социалистическими странами. Это, конечно, не означает, что в «титовской» Югославии не имелось своей специфики, связанной прежде всего с конфликтом между нею и СССР в 1948 г. Но даже эксперименты с так называемым «самоуправленческим социализмом» не были чем-то уж совсем необычным и вполне могут трактоваться как первые попытки реформирования тоталитарного социализма, поиски его модели с более «человеческим лицом».

С 70-х годов XX в. для стран социалистического содружества постепенно наступало время так называемого «застоя». Сходные процессы происходили и в Югославии.

Сползание в системный кризис

Еще в начале 70-х годов в политической и экономической сферах Югославии начали возникать кризисные явления, которые ее руководство пыталось разрешить различными способами.

С одной стороны — это жесткое подавление всех несанкционированных выступлений и усиление цементирующей роли партии. Считалось, что именно партия не должна дать федерации расползтись «по республиканским квартирам». Однако сама партия также постепенно «федерализировалась». Еще труднее было совместить руководящую роль коммунистической партии с объективными законами экономического развития.

С другой стороны, в 1974 г. в Югославии была завершена конституционная реформа и принята новая конституция, расширившая еще больше права республик и краев и почти превратившая государство в конфедерацию. Конституция внесла настолько серьезные изменения во все сферы жизни югославского общества, что некоторые исследователи даже назвали государство, функционировавшее с 1974 по 1990 г., «карделевской» Югославией, по имени главного разработчика этого документа Э. Карделя¹.

Со второй половины 70-х годов самоуправленческие преобразования в Югославии в основном закончились, ничего принципиально нового придумано не было. Ни творческих, ни физических сил у стареющего коммунистического руководства этой страны уже не было. Самоуправление «закостенело», превратилось в некий фетиш, догму, которую запрещалось критиковать. Вернее, критика допускалась только в рамках так называемой самоуправленческой идеологии, все другие считались враждебными.

Такая ситуация вела к стагнации, к застою в югославском эксперименте, власть использовала старый идеологический багаж и все более оторванные от жизни квазидемократические схемы, которые, по меткому выражению сербского правоведа В. Дмитриевича, являлись «формами искоренения демократии посредством нее самой»². Одной из наглядных черт югославского застоя была формализация несменяемости власти маршала Тито. Он стал пожизненным председателем и партии, и государства. И именно Тито являлся последней помехой на пути к дальнейшей дезинтеграции государства. После его смерти в

1980 г. начался последний этап в истории Югославии. Провозглашенную новым югославским руководством цель: «И после Тито — Тито» реализовать оказалось невозможно. С начала 80-х годов Югославия стала неумолимо втягиваться в глубокий системный кризис, который был одновременно и политическим, и экономическим. Как с ним бороться, новые югославские руководители не знали. Они смогли предложить лишь программу «стабилизации», которая фактически была направлена на консервацию существовавшего положения, да к тому же и не выполнялась с самого начала³.

По мере развития кризиса в стране заметно усиливались позиции национальных бюрократий, или «этнократий». Возникла концепция «национальной экономики», согласно которой каждая республика сама должна производить для себя все необходимое. Более того, республики начали вводить специальные меры для защиты своих предприятий от конкуренции с другими югославскими предприятиями. Это привело к окончательному экономическому обособлению республик. Хрупкий общегославский рынок стал на глазах распадаться на шесть республиканских и два краевых. Центральное правительство все больше теряло контроль над экономическими процессами, а республики набирали все больше иностранных займов, которыми не могли эффективно распорядиться. Ведя борьбу на двух фронтах, экономическом и политическом, югославское руководство проигрывало на обоих.

Ситуация еще более осложнилась из-за нового обострения обстановки в сербском автономном крае Косово. К тому времени он уже более чем на 80% был заселен этническими албанцами. Сербское население края под давлением албанцев продолжало покидать Косово во все большем количестве. В то же время албанское население также считало себя ущемленным по сравнению с другими народами Югославии. По численности оно занимало уже третье место в стране после сербов и хорватов, но не имело собственной республики. По уровню же жизни албанцы прочно занимали в Югославии последнее место.

Меньше чем через год после смерти Тито, в марте 1981 г. в Косово прошли демонстрации с требованием предоставления краю статуса республики. В Белграде это расценили как первый шаг на пути выхода Косово из Югославии и объединения его с Албанией. Демонстрации были

разогнаны с применением военной силы, но с тех пор успокоения в крае уже не наступало. Относительный порядок там мог держаться только благодаря военному присутствию федеральных сил.

Сразу же после косовских событий сербские власти попытались вновь поднять вопрос об изменениях в конституции 1974 г.⁴ Однако оппоненты Сербии в югославском руководстве из других республик любую подобную попытку трактовали как возвращение к этатизму, централизму и великосербским поползновениям. Изменения конституции были заблокированы. Хотя именно «политическая система, установленная конституцией 1974 г., делала существовавший кризис более глубоким, тяжелым и безвыходным»⁵.

Работающий в Лондоне серб из Хорватии Д. Йович в своей монографии, посвященной распаду югославской федерации, соглашается, что после принятия этой конституции в Югославии стал доминировать сербский вопрос, подобно тому как в королевской Югославии доминировал хорватский. И это ослабляло страну как в первом, так и во втором случае. В целом же, полагает Йович, конституция базировалась на марксистском тезисе об «отмирании государства», и тем самым «социализм благодаря своей господствующей саморазрушающей идеологии растворился изнутри... Он совершил самоубийство, увлекая за собой Югославию... Югославия была (анти)государством, которое отмерло»⁶.

Отсутствие правового способа решения проблемы конституции 1974 г. не могло не вызвать постепенной радикализации сербских настроений. Обострилось и давняя борьба в ЦК Союза коммунистов Сербии между «либералами» во главе с И. Стамболичем и сторонниками радикального разрешения существовавших противоречий. Тогда же в 1984 г. на политической арене Сербии появился Слободан Милошевич — главное действующее лицо сербской истории 90-х годов XX в. «Либералы» среди сербских коммунистов потерпели поражение, а «радикалы» привели Милошевича через несколько лет к руководству партией. Сербский историк Л. Димич считает, что в тот момент, когда тоталитарная модель, включающая идеологический утопизм и неограниченную власть партийной элиты с харизматическими вождями, стала терять свою мощь в Европе, она начала укрепляться в Сербии, до тех пор самой либеральной югославской республики⁷.

Непрекращавшиеся волнения албанцев в Косово привели в конце концов к ответной реакции в Сербии. В частности, члены Сербской академии наук и искусств в проекте своего известного меморандума фактически обвинили коммунистическую власть в 45-летней антисербской деятельности и в создании антисербской коалиции в Югославии. Одновременно лидер сербских коммунистов С. Милошевич начал использовать такие настроения для упрочения своего положения, и ему это во многом удалось. Союз коммунистов Сербии в глазах многих сербов превратился в главного защитника сербских интересов, прежде всего в Косово. В целом С. Милошевич в то время довольно ловко совершил идеологический переход «от власти от имени класса к власти от имени нации»⁸.

В конце 1988 г. Милошевич с помощью в значительной степени инспирированных массовых акций протеста против местной бюрократии смог заменить руководство в Воеводине и Черногории на своих ставленников. Аналогичные попытки предпринимались и в Боснии и Герцеговине, но они провалились. Эти перевороты получили название «антибюрократических революций». Но, конечно, они не имели ничего общего с революциями конца 80-х годов в Восточной Европе — природа у этих явлений была различной.

В то время, когда везде в Восточной Европе социализм доживал последние дни, старый режим в Сербии под лозунгом «антибюрократических революций» сумел основательно утвердиться. «Старый режим выступил в роли нового», сербское партийное руководство ухитрилось «стать одновременно и властью, и оппозицией». Наконец, в какой-то момент в Сербии «власть и оппозиция оказались не противоборствующими сторонами, а единым фронтом, противостоящим интересам других югославских народов и их элит»⁹.

Направляемый Милошевичем националистический бум в Сербии подпитывался параллельным ростом национализма в северо-западных республиках — Словении и Хорватии. Так, в Словении явно в пик сербам открыто поддержали албанских сепаратистов в Косово. Попытка Милошевича направить в конце 1989 г. в Люблян 100 тысяч сербов для проведения там «митинга истины» о положении в Косово была расценена в Словении как новое доказательство стремления сербского руководства к расширению своего влияния на всю Югославию. Служба безопасности Словении не допус-

тила проведения митинга, что привело к бойкоту словенских товаров в Сербии.

В 1989 г. сербская Скупщина приняла поправки к конституции Сербии. Автономные края Косово и Метохия (Косово было возвращено это более полное название) и Воеводина теряли атрибуты государственности (полученные ими по конституции 1974 г.) и вновь становились лишь территориальными автономиями. В этом вопросе фактически произошел возврат к нормам федеральной конституции 1963 г. В сентябре 1990 г. эти изменения были закреплены в новой конституции Сербии. После этого у албанского населения Косово и Метохии заметно усилились никогда не исчезавшие сепаратистские настроения, и сербские власти были вынуждены ввести в край дополнительные полицейские и воинские подразделения. Позже в условиях фактического военного положения албанцы Косово, оставлявшие уже около 90% населения, провели нелегальный референдум, на котором проголосовали за независимость. «Подпольным» президентом края был избран литератор Ибрагим Ругова.

Тем временем экономическое положение СФРЮ быстро ухудшалось. В конце 1989 г. гиперинфляция достигла уже 3000% в год. Избранный незадолго до этого на пост премьер-министра (единственно оставшийся общегославский пост, который не замещался по очереди представителями республик) известный экономист-практик из Хорватии А. Маркович заявил, что правительство может работать и без разваливавшейся компартии. Более того, распад партии, всегда командовавшей экономикой, развязывал премьер-министру руки.

В декабре 1989 г. Маркович предложил пакет мер по оздоровлению хозяйства: превращение динара в конвертируемую внутри страны валюту, сбалансирование бюджета, свободное формирование цен и широкая приватизация. Речь, таким образом, шла уже не о «стабилизации», а о резком повороте в сторону рыночной экономики. И первые результаты реформы оказались на удивление успешными. С 1 января 1990 г. курс динара был привязан к немецкой марке и держался твердо, инфляция упала до нулевого уровня; экспорт увеличился на 25%, а импорт — на 40%; внешний долг снизился с 21 до 16 млрд долларов США. Трудно сказать, чем бы реформа закончилась: возможно, у Югославии появлялся последний шанс, альтерна-

тива все более усиливавшемуся национализму. Однако времени для завершения реформ у Марковича уже не оставалось.

Первые многопартийные выборы и начало распада

Окончательно югославские республики разошлись на XIV чрезвычайном съезде Союза коммунистов Югославии, начавшем свою работу в январе 1990 г. Словенская делегация после отклонения ее требования о реорганизации партии на конфедеративных принципах покинула съезд. Без словенцев не захотели продолжать работу депутаты от Хорватии и от Боснии и Герцеговины. На съезде был объявлен перерыв, который оказался бессрочным. Крах коммунистической партии не мог не иметь далеко идущих последствий. В политико-идеологическом плане югославские республики фактически больше ничего не связывало. Начинался последний акт югославской драмы.

Одновременно под давлением событий в Восточной Европе и в результате своего собственного кризисного развития югославские власти разрешили, наконец, выборы на многопартийной основе. 21 февраля 1990 г. Скупщина Сербии приняла закон о политических организациях, вводивший в республике многопартийную систему. Через неделю многопартийная система и принцип разделения властей получили свое окончательное закрепление в новой сербской конституции.

Еще в период подготовки к последнему съезду СКЮ сначала в Словении, а затем и в других республиках развернулся процесс образования новых партий, которым после полувековой коммунистической монополии предстояло участвовать в многопартийных выборах. В подавляющем большинстве эти партии возникали исключительно на национальной основе, многие из них считали себя преемницами партий, существовавших в период между двумя мировыми войнами и даже до образования единого югославского государства. Так, в Сербии возникли, например, Демократическая партия и Сербская радикальная партия. Однако ведущие позиции сохранили коммунисты. Правда, им пришлось изменить название. Объединившись с Социалистическим союзом трудового народа (организация, выросшая из послевоенного Народного фронта и олицетворявшая «нерушимый блок

коммунистов и беспартийных»), республиканский Союз коммунистов переименовал себя в Социалистическую партию Сербии (СПС).

Первые многопартийные выборы в Югославии проходили с весны до конца 1990 г. В Сербии выборы состоялись в декабре 1990 г. В отличие от Словении и Хорватии, где к власти пришли оппозиционеры, и от Македонии и Боснии и Герцеговины, где победили хрупкие коалиции партий различной направленности, в Сербии убедительную победу одержала Социалистическая партия. Она получила три четверти мест в парламенте, а ее лидер С. Милошевич был избран председателем Президиума Сербии. В Черногории также победил республиканский Союз коммунистов, который даже не менял своего названия. Лишь через два года, в 1992 г., он был переименован в Демократическую партию социалистов Черногории.

Как и в других республиках, конкуренцию бывшим сербским коммунистам составили правые и националистические (национально ориентированные) партии. В Сербии эту роль играло прежде всего «Сербское движение обновления» (СДО) во главе с В. Драшковичем. Но национальный козырь был уже в руках у С. Милошевича, контролировавшего к тому же средства массовой информации. Не добилась успеха на выборах и Демократическая партия во главе с Д. Мичуновичем (позже на посту главы партии его заменил З. Джинджич). Полностью проиграли выборы выступившие в коалиции две небольшие проюгославски ориентированные партии: Союз реформаторских сил (созданный премьером А. Марковичем) и «Объединение за югославскую демократическую инициативу». Присутствие этих партий на выборах было заметно лишь в Белграде.

Необходимо отметить, что к первым многопартийным выборам Милошевич сумел хорошо подготовиться. В 1987—1989 гг. он смог консолидировать собственных сторонников, его представители занимали командные позиции в политике, экономике и средствах массовой информации. В июле 1990 г. Милошевич инициировал референдум, давший ему возможность еще до выборов утвердить в парламенте новую сербскую конституцию. В то же время он фактически проигнорировал требование оппозиции провести переговоры между властью и оппозицией за «круглым столом». Как отмечал один из лидеров Демократической партии В. Коштуница, власти превратили эти переговоры в разновидность

пресс-конференций, где рапортовали о своих достижениях, и если «в большинстве восточноевропейских стран оппозиционные группы имели возможность влиять на способ организации выборов, то в Сербии речь скорее шла о некоторых уступках, чем о переговорах»¹⁰.

Впрочем, даже после выборов режим Милошевича не мог почивать на лаврах. Ему пришлось выдержать столкновение с оппозицией, выведшей народ на улицы Белграда в марте 1991 г. Власти прибегли к силе, послав в центр города танки, и восстановили контроль над ситуацией. Однако экономическое и внешнеполитическое положение страны настолько быстро ухудшалось, что в обозримой перспективе можно было ожидать повторения акций протеста еще большего масштаба и ожесточения.

Мартовские события 1991 г. имели еще одно важное последствие. По словам английского политолога Р. Томаса, если в 1987–1990 гг. стратегия Милошевича формировалась в рамках федеративной Югославии, то с этого времени он становится защитником и носителем идеи «Великой Сербии», идеи создания государства из тех частей Югославии, где проживали сербы. Не случайно уже 25 марта Милошевич провел тайные переговоры о разделе Боснии и Герцеговины с хорватским президентом Франьо Туджманом в Караджорджево¹¹.

Курс Милошевича действительно поменялся, но прежде всего вследствие становившейся все более эфемерной задачи сохранения прежней Югославии. Вряд ли решающее влияние на этот поворот могла оказать оппозиция. Кроме того, безапелляционно называть его новую стратегию «великосербской» — значит, повторять известный жупел времен еще австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины¹². Впрочем, тезис о «великосербской политике» стал в 90-е годы XX в. одним из важнейших клише антисербской пропаганды. Его автоматически, не особенно задумываясь, ретранслируют многие западные исследователи.

Не оправдывая всех злодеяний, совершенных сербами (как, кстати, хорватами и боснийцами, албанцами и македонцами) в ходе межэтнических гражданских войн, заметим, что после начавшегося развала Югославии сербский народ имел право на самоопределение ничуть не меньше, чем любой другой народ федерации. Это допускала и югославская конституция. Ничего «великодержавного» в этом не было. Гораздо более «великодержавным» было фактически проти-

воречившее конституции страны право на отделение югославских республик¹³. Тем более что в составе этих республик находились нетитульные нации, которые в результате сецессии могли подвергнуться и уже подвергались дискриминации. Кстати, ничего «великохорватского» не было и в претензиях Хорватии после распада Югославии на заселенную хорватами Западную Герцеговину.

Таким образом, под тенью других более грозных событий, «бархатные революции» в Югославии прошли почти незаметно в форме многопартийных выборов, которые за исключением Сербии и Черногории во всех других республиках привели к власти оппозицию. Однако революционные потрясения на этом отнюдь не заканчивались, а только начинались. Революции недолго оставались «бархатными», на смену им надвигались межэтнические гражданские войны, связанные с развалом многонационального государства.

С исторической точки зрения, здесь не было ничего необычного, достаточно вспомнить почти бескровный захват власти большевиками в 1917 г. в России, который довольно быстро перерос в кровавую Гражданскую войну на фоне распада единого государства. Вопрос о том, считать ли гражданскую войну частью революции и в российском, и в югославском варианте остается дискуссионным. Мы придерживаемся мнения, что в любом случае это был один процесс, который мог принимать разные формы, но решал один и тот же главный вопрос — вопрос о власти.

В конце 1990 г. республиканские руководители еще продолжали попытки как-то договориться. На заседании Президиума СФРЮ было решено провести переговоры представителей всех республик об изменении федеративного устройства страны. Такие переговоры открылись в начале 1991 г. Параллельно с ними происходили двусторонние контакты республиканских делегаций. Но все они не принесли желаемого результата. Столкнулись в основном две концепции: сохранение федерации или ее преобразование в конфедерацию. Первую концепцию выдвигали Сербия и Черногория, вторую — Словения и Хорватия. Промежуточное положение занимали Босния и Герцеговина (БиГ) и Македония. Впрочем, идея конфедеративного устройства (элементы которого уже с 1974 г. существовали в стране) использовалась ее сторонниками главным образом лишь для того, чтобы замаскировать истинные цели — полное отделение от Югославии.

В апреле 1991 г. на совещании представителей и председателей Президиумов всех республик вновь прозвучали два подхода к разрешению кризиса — федеративный или конфедеративный. Тогда же Словения оповестила о своей бескомпромиссной позиции: стать самостоятельным, суверенным и независимым государством, согласно результатам проведенного плебисцита. Представители Хорватии также заявили, что в случае, если не удастся подписать договор о союзе суверенных государств, они предпримут самостоятельные шаги для выхода из Югославии.

В своей борьбе за сохранение единого государства Сербия (не считая маленькой Черногории) все больше оставалась в одиночестве. Действия ее руководства объяснялись тем, что, если другие народы бывшей Югославии при распаде федерации образовывали свои национальные государства, сербы наоборот оказывались разделенным народом — треть сербского населения оставалась за рамками Республики Сербии. В этих условиях сербская позиция содержала несколько принципиальных положений: желательность сохранения целостности Югославии; признание за хорватами и словенцами права на образование собственных национальных государств, включающих хорватские и словенские «этнические территории»; признание за сербским народом такого же права на образование национального государства, включающего территории с преобладающим сербским населением; отказ признать межреспубликанские административные границы в качестве будущих межгосударственных границ¹⁴.

Таким образом, цели Сербии и северо-западных республик были противоположными; компромисса никто не искал. В какой-то степени свою роль сыграл и субъективный фактор. Лидеры трех ключевых для сохранения Югославии республик — Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины — были очень разными людьми, но в своей неуступчивости и национализме в чем-то походили друг на друга. Про сербского и хорватского лидеров любопытную характеристику оставил тогдашний посол США в Югославии У. Циммерман. «В отличие от С. Милошевича, — пишет он, — которым руководило стремление к власти, Ф. Туджман был обуян хорватским национализмом. Его преданность Хорватии была самого примитивного типа...»¹⁵ Добавим, что глава боснийских мусульман Алия Изетбегович был также обуян фанатичным религиозным чувством «самого примитивного типа». Своими

упорными попытками создать унитарную исламскую Боснию он провоцировал гражданскую войну, в которой затем погибли многие десятки тысяч его соотечественников¹⁶.

Национализм существовал во всех югославских республиках, был присущ всем народам и народностям Югославии, однако в те годы он достиг почти запредельного уровня. Все республиканские СМИ соревновались в разжигании и провоцировании национальной истерии. В целом во всех югославских республиках, как и везде в Восточной Европе, национализм стал средством борьбы с коммунизмом. Только Сербия оказалась исключением. Ее лидер С. Милошевич с помощью национализма попытался наоборот сохранить «коммунистический режим» у себя в республике¹⁷. Это имело для сербов самые печальные последствия.

Больше всего сербов проживало в Хорватии (11%) и Боснии и Герцеговине (32%). Поэтому устойчивость и жизнеспособность Югославии зависела прежде всего от отношений, которые складывались между Сербией, Хорватией и находящейся между ними Боснией и Герцеговиной. Кроме сербов, население последней состояло из 44% мусульман славянского происхождения (их с середины 90-х годов стали называть боснийцами или «бошняками») и 17% хорватов. Именно по оси Сербия – Босния и Герцеговина – Хорватия и началось основное противостояние после поражения в республиках коммунистов и прихода к власти националистических лидеров в результате первых альтернативных выборов.

Формально началом распада федерации можно считать 25 июня 1991 г., когда парламенты Словении и Хорватии в одностороннем порядке объявили о выходе своих республик из Югославии и провозгласили независимость. Окончательно же Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) перестала существовать еще через полгода – 15 января 1992 г., когда независимость Словении и Хорватии была признана странами Европейского Союза; а 6 апреля 1992 г. была признана независимость Боснии и Герцеговины. В ответ 27 апреля была образована «третья», сербско-черногорская Югославия (Союзная Республика Югославия)¹⁸.

Раздел без договоренностей, как правило, означает войну. Это понимали все – и желающие приобрести независимость югославские республики, и одобрявшие это западные державы. И все же и те, и другие выбрали именно этот путь.

Случившееся далее было закономерным, происходило на виду у всего мира и получило название «югославского кризиса».

Международное противостояние в Югославии проявилось вначале в попытках Югославской народной армии (ЮНА), в которой большинство составляли сербы, не допустить антиконституционного развала государства. Затем это противоборство обернулось поочередно вооруженными столкновениями в Словении (июль 1991 г.) и двумя тесно связанными, но все-таки самостоятельными межэтническими гражданскими войнами, — хорватской (1991 — 1995 гг.) и боснийской (1992 — 1995 гг.). Вторым этапом югославского кризиса стала 78-дневная натовская агрессия против СРЮ в 1999 г. в связи с событиями в Косово. Наконец, с марта 2001 г. в результате усиления албанского сепаратизма югославский кризис на несколько месяцев распространился и на Македонию.

Самопровозглашенные непризнанные государства

Революционные потрясения 90-х годов XX в. в Восточной Европе характеризовались еще одним феноменом — возникновением сразу нескольких так называемых самопровозглашенных, или непризнанных государств¹⁹. Конечно, многие современные государства прошли в своем развитии этапы самопровозглашения и непризнанности. Ту же Советскую Россию в течение десятка лет не признавали многие государства, включая США. Да и сами США возникли в результате самопровозглашения после кровопролитной Войны за независимость.

Однако в 90-е годы прошлого века самопровозглашенные государства в Европе возникали не в связи с предшествующей национально-освободительной борьбой и/или революциями, а вследствие распада двух федераций — СССР и Югославии. Этот распад проходил по внутренним административным границам, проведенным между национальными республиками. Добившись независимости, республики эти на короткое время стали самопровозглашенными государствами. Во время и после получения республиками международного признания происходила уже их собственная этническая фрагментация, но новые государственные образования уже не встретили одобрения у «международного сообщества» и остались в статусе самопровозглашенных.

В отличие от «бархатных революций» этот процесс не был мирным и сопровождался кровопролитными межэтническими бойнями. Фактически, перевороты в республиках Югославии и Советского Союза были «бархатными» лишь в первое время и в столицах, в дальнейшем и на окраинах во многих из них процесс принял отнюдь не мирный характер. Наконец, в Боснии и Герцеговине линии вооруженного противостояния прошли даже по столице этой республики — городу Сараево.

Отделить «бархатные революции» от межэтнических гражданских войн в постсоветских и постюгославских республиках невозможно. И особенно это очевидно для постюгославского пространства. Всего в бывшей Югославии во время хорватской и боснийской войн и косовского кризиса возникло пять самопровозглашенных государств — по одному в Хорватии и Сербии и сразу три в Боснии и Герцеговине. Ими являлись Республика Сербская Краина в Хорватии; Республика Сербская, Хорватская республика Герцег-Босна и Республика Западная Босния (Цазинская краина) в Боснии и Герцеговине и Республика Косово в Сербии.

Судьба у самопровозглашенных государственных образований на территории бывшей Югославии оказалась различной. Республика Сербская Краина и Республика Западная Босния были уничтожены в ходе истребительных боев, Герцег-Босна — упразднена согласно Дейтонским соглашениям, а для Республики Сербской в тех же Дейтонских соглашениях был найден определенный статус. Наконец, албанскому населению Косово фактически дан «зеленый свет» в обретении независимости, хотя открыто это, естественно, не подчеркивается.

Но все-таки косовский вариант — исключение. Он возник в результате прямого военного вмешательства извне. И нигде больше ни на постюгославском, ни на постсоветском пространстве Запад столь открыто не поддерживал ни одно из самопровозглашенных государственных образований. И нет никаких признаков того, что поддержит впредь. Тенденция прослеживается прямо противоположная, направленная на ликвидацию этих гособразований.

Более универсальная модель — «дейтонская», примененная по отношению к Республике Сербской, хотя и в Боснии и Герцеговине не обошлось без прямого военного вмешательства НАТО. Но именно здесь был найден известный компромисс, который в определенной мере мог бы распро-

страниться и на другие самопровозглашенные государства. Кроме того, из всех них на постюгославском пространстве только Республика Сербская прошла полный цикл своего развития: не имевшие даже автономии боснийские сербы, хотя и не добились независимости (присоединения к Сербии), но все же получили международное признание в рамках государственного образования в составе Боснии и Герцеговины.

Напомним, что сутью «Дейтона» стало деление формально единой Боснии на два равноправных государственных образования — Республику Сербскую (49% территории) и Федерацию Боснию и Герцеговину (51%). Над ними создана строго ограниченная в своих полномочиях «надстройка» — Президиум Боснии и Герцеговины, состоящий из трех членов (серба, боснийца и хорвата), решения которого принимаются на основе консенсуса, а также общий двухпалатный парламент. Для утверждения решений парламента также требуется согласие депутатов от каждой из трех сторон. Кроме нескольких центральных министерств (иностраннных дел, внешнеэкономических сношений, финансов, юстиции и по делам беженцев), все остальные вопросы отнесены к ведению Республики Сербской и Федерации Боснии и Герцеговины. Каждое гособразование имеет свои законодательные органы, формирует правительство (в РС избирается еще и президент), обладает собственными вооруженными силами, самостоятельно решает все внутренние вопросы.

Однако в настоящее время «Дейтонская модель» вызывает больше вопросов, чем ответов. И главная проблема — реализация этой модели на практике. К сожалению, еще не высохли чернила над Дейтонскими соглашениями, а уже раздались голоса с требованием их пересмотра. И все годы существования «дейтонской» Боснии продолжается политика, направленная на создание централизованного унитарного государства. Эта политика проводится посредством посланных в Боснию и Герцеговину для выполнения соглашения Высокого представителя ООН и многотысячного военного контингента под командованием НАТО (сейчас командование перешло к европейским военным структурам).

В то же время, Босния и Герцеговина — государство, которого никогда в истории не существовало, и если оно и имеет право на жизнь, то уж никак не в унитарной форме. В такой перемешанной по этническому составу стране, с такой сложной, часто трагической историей, в стране, пережив-

шей совсем недавно кровавую межэтническую войну, — возможно только федеративное или даже конфедеративное устройство.

Проблема самопровозглашенных государств заслуживает специального исследования. Повторим лишь, что и получившие международное признание бывшие югославские республики начинали свой путь к независимости не только с «бархатных революций» в форме многопартийных выборов, но и с вооруженной сецессии. Но если самопровозглашение в рамках республик международным сообществом допускалось и даже после легкого колебания поощрялось, то самоопределение внутри этих республик уже отвергалось как недопустимый сепаратизм. Исключение, повторим, было сделано лишь для сербского автономного края Косово и Метохия.

Сербия под режимом санкций

Как уже упоминалось, в результате первых многопартийных выборов власть в Сербии сохранили бывшие коммунисты, переименованные в социалистов. Антисоциалистической «бархатной революции» в этой республике не произошло. В то же время в условиях начавшихся преобразований в странах Восточной Европы сербские власти не могли ничего не менять. Процесс трансформации затронул и Сербию, однако в условиях сохранения старой властной номенклатуры шел здесь крайне медленно и непоследовательно. Но в отличие от прошлых лет в Сербии все-таки существовала, хотя и деформированная, многопартийная парламентская система, полусвободная пресса, оппозиция периодически могла проводить акции протеста, принимавшие иногда массовый характер. Однако власть и правящая партия полностью контролировали армию, полицию, в значительной степени экономику (прежде всего денежные потоки) и другие сферы общественно-политической жизни.

Говоря о природе «милошевичевского режима», Д. Стоянчевич называет его «постмодерным тоталитаризмом», когда государство разрешает своим гражданам все, что не угрожает самой власти. Это, по словам исследовательницы, была «своего рода разновидность политического апартеида, когда две противостоявшие стороны, власть и ее противник, жили один рядом с другим, но без взаимных коммуникаций и без возможности влияния друг на друга»²⁰. Соглашаясь в

целом с наблюдениями сербской исследовательницы, отметим, что режим Милошевича был все-таки авторитарным, но никак не тоталитарным (пусть даже с добавлением определения «постмодерный»). Он являлся даже менее авторитарным, чем «самоуправленческий» режим Тито, который также следует квалифицировать авторитарным, а не тоталитарным.

В данном случае мы разделяем позицию сербского политолога В. Цветковича, назвавшего режим Милошевича «мягким авторитаризмом», приправленным, с одной стороны, «примесями посткоммунистической криминальной «братковой» системы, а с другой — цинизмом «международного сообщества» и его глуповато-подлыми санкциями»²¹. В то же время следует заметить, что режим Милошевича с его попытками трансформации не был каким-то уникальным явлением для Восточной Европы. Во многих республиках Советского Союза никаких «бархатных революций» не произошло, и власть сохранили бывшие коммунистические функционеры. Но это не помешало, скажем, Украине или Казахстану начать общие для постсоциалистических стран преобразования. Специфика Сербии состояла в другом. Становление нового государства было здесь полностью деформировано и во многом из-за международных экономических санкций.

Санкции против Союзной Республики Югославии были введены 30 мая 1992 г. (резолюция СБ ООН № 757) в наказание за участие ЮНА в военных действиях в Боснии и Герцеговине. Санкции вводились без каких-либо временных ограничений и затем только ужесточались — в том же 1992-м (резолюция № 787) и в 1993 г. (резолюция № 820). Антисербские санкции предусматривали запрет на торговлю, включая нефть и нефтепродукты, замораживание научно-технического сотрудничества и культурных обменов, сокращение штатов посольских и консульских представительств Югославии за рубежом, запрет на участие в международных спортивных состязаниях, блокирование воздушного сообщения и замораживание югославских авуаров в зарубежных банках. Санкции, принося страдания простому народу, объективно способствовали сохранению власти в руках у Милошевича — внешняя угроза, как всегда, сплачивала нацию вокруг правящего режима. Кроме того, санкции вели к криминализации всей сербской экономики, ведь обходить их приходилось с помощью нелегальных контрабандных методов.

Но, несмотря на все ухищрения, экономическое положение страны неуклонно ухудшалось. В 1993 г. Сербию захватила невиданная гиперинфляция, бившая все мировые рекорды. Курс югославского динара по отношению к немецкой марке падал каждый час. В обращении была купюра достоинством 500 млрд динар (5 и одиннадцать нулей!). Правительство было вынуждено перейти к нормированию основных продуктов питания. От полного коллапса экономику Сербии спасла «Программа монетарной реконструкции и экономического оздоровления», реализованная главой Югославского национального банка 75-летним профессором Д. Аврамовичем. Фактически его реформа также была частью трансформации сербской экономики. Как уже упоминалось, в специфических сербских условиях такая частичная трансформация началась еще до завершения «бархатной революции».

Д. Аврамович считал себя приверженцем экономической школы Дж. Кейнса, которая, как известно, допускает умеренную инфляцию для оживления производства. Однако в югославских условиях он был вынужден обратиться к идеям противоположной, монетаристской школы М. Фридмана. Но главное, что Аврамович действовал творчески, не придерживаясь слепо классических рекомендаций. Так, считается, что сначала нужно сбалансировать бюджет, подготовить достаточные золотовалютные запасы и лишь потом вводить фиксированный курс национальной валюты. Аврамович поступил наоборот. Он пошел на закрепление курса динара при сохранении бюджетного дефицита, что считается его личным вкладом в теорию борьбы с инфляцией. В тех условиях другого выхода у него просто не было. Более чем скромный золотовалютный запас Югославии стремительно уменьшался. Из-за блокады страна к тому времени потеряла уже около 45 млрд долларов, включая югославские средства, замороженные в зарубежных банках. Думать про какие-то иностранные кредиты в условиях санкций также не приходилось.

В середине января 1994 г. в Югославии перестали выпускать старые деньги, а 24 января началась сама реформа: был введен в обращение «новый динар», жестко привязанный в соотношении 1:1 к немецкой марке. Новые динары печатались небольшими порциями, а их эмиссия была обеспечена валютными резервами. Некоторое время в обращении были и старые, и новые динары, но курс старой национальной ва-

люты также был фиксированным. Характерно, что новые деньги тоже вводились в оборот не по классическому образцу. Новые динары шли прежде всего на выплаты пенсий, пособий, зарплат бюджетникам. Эти категории людей находились в столь плачевном положении, что не могли конвертировать новые динары в марки, а сразу тратили их на приобретение самого необходимого.

Были предприняты и другие меры, в частности крупные изменения претерпела налоговая система. Величина налоговых ставок была уменьшена при одновременном расширении налоговой базы и сокращении времени взимания налогов. Особенно заметно — на четверть — снижались налоги на оборот товаров, составлявших потребительскую корзину, и налоги на прибыль в случае ее реинвестирования. Акцизы были введены только на шесть групп товаров: нефть, алкоголь, табак, кофе, автомобили и предметы роскоши. Любопытно, что программа Аврамовича не предусматривала замораживание цен или заработной платы.

Первый и основной этап реформы продолжался шесть месяцев, до 24 июля 1994 г., когда, как и предполагалось, прекратилось дефицитное финансирование бюджета. Впервые за долгие годы цены оставались стабильными, наблюдались даже дефляционные процессы. Оживилось производство. Начался рост заработной платы. Если до реформы она в среднем составляла всего несколько немецких марок, то летом — уже около 180 новых динар (тех же немецких марок). В целом уровень жизни повысился в два-три раза. Конечно, не все было столь гладко. Оставались очень серьезные проблемы. Вскоре началось постепенное отступление от фиксированного курса нового динара. К тому же, как это часто бывает, автор «югославского экономического чуда» был отправлен в отставку²².

В 90-х годах социалистам Милошевича достаточно успешно удавалось удерживаться у власти, создавая различные коалиции с Сербской радикальной партией (СРП) Воислава Шешеля. Ведущими оппозиционными партиями были Сербское движение обновления (СДО) Вука Драшковича, Демократическая партия (ДС) Зорана Джинджича и Демократическая партия Сербии (ДСС) Воислава Коштуницы. Демократические силы также формировали хрупкие коалиции, самыми значительными из которых были: Демократическое движение Сербии — ДЕПОС (созданное в 1992 г.), объединение «Вместе» (1996 г.) и Демократическая оппозиция

Сербии — ДОС (2000 г.). В целом в Сербии на протяжении всех 90-х годов на политической арене и в парламенте существовали три политических течения: социалистическое (СПС, ЮЛ), демократическое (ДС, ДСС, СДО) и националистическое (СРП).

Однако парламент не играл в 90-е годы определяющей роли. Поэтому самые важные события в политической жизни Сербии происходили не в стенах парламента, а на улице. Одновременно история оппозиции Сербии в указанное десятилетие — это в известном смысле «хроника уличных демонстраций»²³. Первый 50-тысячный митинг сербской оппозиции прошел в июне 1990 г., еще до многопартийных выборов, последний — в октябре 2000 г., когда оппозиция пришла, наконец, к власти.

Уже в 1993 г. Слободан Милошевич начал пересматривать прежнюю политику, отходить от поддержки хорватских и боснийских сербов, что выразилось в его согласии сначала на план урегулирования боснийского кризиса, получивший название «плана Вэнса — Оуэна», а затем и на план Контактной группы. Однако в Сербии далеко не все политические силы поддержали этот поворот. Кроме правящей Социалистической партии, за подписание плана Контактной группы выступали председатель Сербского движения обновления В. Драшкович и лидеры ряда мелких демократических партий, вроде Гражданского союза Сербии (В. Пешич); против — председатель Сербской радикальной партии В. Шешель и два лидера демократической оппозиции З. Джинджич (Демократическая партия) и В. Коштуница (Демократическая партия Сербии). Против поворота в политике Милошевича, отказа от помощи соотечественникам была влиятельная Сербская Православная церковь. И даже руководители югославской армии и спецслужб восприняли новую политику без энтузиазма.

После фактического отказа боснийских сербов от плана Контактной группы, югославское руководство 4 августа 1994 г. прервало все связи с Республикой Сербской и даже ввело против нее, перекрыв все границы, экономическую блокаду. Руководителям боснийских сербов был запрещен въезд в СРЮ. Позже Милошевич принял активное участие в переговорном процессе в Дейтоне и во многом способствовал реализации Западом своих целей.

В определенной степени С. Милошевич достиг своей цели. Во-первых, одно время он стал рассматриваться на Западе как «фактор мира» и «гарант стабильности» на Балканах.

Во-вторых, в октябре 1996 г. через 10 дней после официального объявления результатов выборов в Боснии и Герцеговине Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1074 об отмене продолжавшихся 52 месяца антисербских санкций. Правда, осталась так называемая «внешняя стена» санкций. США отказались включить в резолюцию пункт, предусматривавший автоматическое восстановление Союзной Республики Югославии в ООН и других международных организациях. США также воспрепятствовали налаживанию связей СРЮ с Международным валютным фондом, Всемирным банком и другими финансовыми институтами. Оставались замороженными авуары экс-Югославии в западных банках.

В ноябре 1996 г. в Сербии состоялись новые парламентские и муниципальные выборы. Правящая коалиция (Сербская социалистическая партия С. Милошевича, «Югославские левые» его супруги М. Маркович, а также партия «Новая демократия» Д. Михайловича) получила 48,5% голосов или 64 из 138 мест в парламенте. Новая оппозиционная коалиция «Вместе» — Сербское движение обновления (В. Драшкович), Демократическая партия (З. Джинджич) и Гражданский союз (В. Пешич) — получила 23,9% голосов или 22 места. В то же время на местном уровне оппозиция победила во всех крупных городах.

Центральная избирательная комиссия попыталась оппорить эти результаты. После этого несколько месяцев в Югославии происходили многотысячные уличные манифестации оппозиции, протестовавшей против фальсификации властями результатов выборов — «кражи голосов». Демонстранты забрасывали правительственные учреждения сырыми яйцами, поэтому эти зимние протестные шествия называли еще «яичной революцией». Протест оппозиции получил международную поддержку, в частности со стороны ОБСЕ. Более того, в борьбе государства с оппозицией «международное сообщество стало третьим игроком»²⁴, причем, игроком, игравшим на стороне оппозиции. С. Милошевич был вынужден кое в чем уступить. Так, мэром Белграда на короткое время стал лидер Демократической партии З. Джинджич. «Яичная революция» осенью-зимой 1996 — 1997 г. помогла оппозиции поверить в свои силы и во многом стала репетицией и прообразом будущих революционных событий в Белграде в октябре 2000 г.

В июне 1997 г. С. Милошевич, который не мог больше баллотироваться в президенты Сербии, сменил З. Лилича на посту президента Югославии и сохранил в своих руках всю полноту власти. Но передышки для него не наступило. Уже с начала 1998 г. стал резко набирать обороты конфликт в Косово и Метохии. Относительно умеренные албанцы во главе с И. Руговой были оттеснены боевиками из так называемой «Армии освобождения Косово» (ОАК) во главе с полевым командиром Х. Тачи, которые фактически начали вооруженный бунт против центральной власти. Ответные действия сербской полиции и спецназа дали повод международному сообществу в лице ООН, ОБСЕ и Контактной группы развернуть кампанию по защите прав человека в Косово.

Весной 1998 г. Югославии было предложено заключить трехгодичное соглашение, по которому НАТО получала возможность ввести в Косово 30 тыс. военнослужащих для обеспечения мира и демократических выборов. Это было расценено югославскими властями как вмешательство во внутренние дела государства. Но уже в октябре 1998 г. С. Милошевич после многодневных изнуряющих переговоров был вынужден заключить соглашение с американским представителем Р. Холбруком, по которому небо над Косово предоставлялось для патрулирования натовским самолетам-разведчикам, а в сам край вводилось 2 тыс. наблюдателей ОБСЕ. Кроме того, из Косово выводился сербский спецназ.

Однако и этого Западу показалось мало. В феврале 1999 г. во Франции в замке Рамбуйе под эгидой Контактной группы начались переговоры между властями Сербии и представителями косовских албанцев по поиску вариантов выхода из кризиса, но они ничего не дали. Югославское руководство было наотрез против ввода в Косово войск НАТО. Провалился и второй раунд переговоров в марте 1999 г. Тем временем ситуация в Косово еще больше обострилась: в ответ на боевые действия косовских албанцев в край была введена 40-тысячная сербская армия; совместно с полицией она приступила к ликвидации баз ОАК, что сопровождалось жертвами и среди мирного населения. Многие албанские семьи были вынуждены покинуть край и перебраться в Албанию и Македонию, где были развернуты специальные лагеря беженцев. Не ожидая формального окончания переговоров в Рамбуйе,

НАТО во главе с США приступило к подготовке ракетно-бомбовых ударов по территории Югославии, хотя это и нарушало основополагающие принципы международного права.

Агрессия НАТО против Союзной Республики Югославии под кодовым названием «Союзническая сила» началась 24 марта и продолжалась 78 дней до 10 июня 1999 г. Массированным бомбовым ударам с воздуха подвергалась вся территория страны, включая Белград и другие крупные города, были разрушены многие предприятия, больницы, мосты. Погибло более 2 тыс. югославских граждан, в том числе стариков и детей, а общий ущерб, по некоторым данным, составил около 100 млрд долларов.

При посредничестве и нажиме России СРЮ была вынуждена сдать: ее руководство согласилось на вывод своих войск из Косово и на ввод туда «многонациональных международных сил» под руководством НАТО. Эти силы (около 50 тыс. чел.), созданные по аналогии с силами СФОР в Боснии, получили название КФОР. В них вошли и российские миротворцы (3 тыс. чел.), которые, впрочем, так и не получили отдельной зоны ответственности. Фактически, согласно специально принятой резолюции СБ ООН № 1244, Косово оказалось под оккупацией НАТО и под управлением специально созданной миссии ООН (УНМИК).

В то же время не все пункты этой резолюции были выполнены, в частности возвращение в край ограниченного контингента югославских полицейских и пограничных войск, разоружение боевиков ОАК. В результате бездействия сил КФОР в Косово начались массовые насилия со стороны албанцев, бесчинства, убийства мирных жителей, поджоги и разграбление имущества неалбанского населения, разрушение культурно-исторических памятников, особо жестоко православных монастырей и храмов. Родной край были вынуждены покинуть 250 тыс. сербов и других жителей неалбанского происхождения. Произошла новая гуманитарная катастрофа. Насилие и терроризм стали выплескиваться за административные границы края — в южную Сербию (в долину Прешево — Буяновац — Медведже, где шириной в 5 км была создана сухопутная буферная демилитаризованная зона) и в Македонию, в приграничные районы с преобладающим албанским населением.

«Октябрьская революция»

В июле 2000 г. парламент Союзной Республики Югославии принял ряд поправок в Конституцию государства, в частности изменил порядок выборов президента. Теперь вместо депутатов парламента его должны были избирать в ходе всеобщих, прямых выборов; президент мог пребывать на своем посту три срока подряд. Кроме того, 40 депутатов верхней палаты Скупщины (Вече республик) также должны были избираться прямым голосованием (до этого парламенты Сербии и Черногории направляли туда по 20 депутатов). Этими изменениями парламент фактически открыл С. Милошевичу путь к переизбраниям на посту президента Югославии (еще дважды, каждый раз на четыре года) и резко ослабил позиции 650-тысячной Черногории по сравнению с 10-миллионной Сербией.

Новые президентские и парламентские выборы в Югославии состоялись 24 сентября. Главным конкурентом Сербской социалистической партии С. Милошевича была новая коалиция — Демократическая оппозиция Сербии (ДОС), выдвинувшая своим кандидатом в президенты СРЮ лидера Демократической партии Сербии В. Коштуницу. ДОС состояла из 18 партий различной направленности, но в нее не вошла некогда самая большая оппозиционная партия — «Сербское движение обновления» В. Драшковича. Всего за 138 мест в нижней и 40 в верхней палатах парламента боролись представители 21 партии. В знак протеста против изменения Конституции выборы бойкотировали власти Черногории.

Итоги выборов оказались сенсационными. Демократическая оппозиция Сербия получила преимущество в 600 тыс. голосов при избрании депутатов в верхнюю палату Скупщины (Вече республик) и почти в 500 тыс. — при голосовании в нижнюю палату (Вече граждан), обогнав блок, состоявший из Социалистической партии, ЮЛа и двух оппозиционных черногорских партий — Социалистической народной и Народной. Еще уверенней выступил ДОС на президентских выборах. В. Коштуница победил уже в первом туре, набрав 50,24% голосов при 37,15% голосов у С. Милошевича. Правда, эти данные были подтверждены позже, а до этого Центризбирком заявлял о необходимости второго тура, так как В. Коштуница получил якобы только 48,96% голосов, т.е. меньше необходимых 50% + 1 голос. Против фальсификации результатов выборов в Белграде и других городах начались массовые волнения, закончившиеся захватом здания

парламента, отстранением С. Милошевича от власти (5 октября) и инаугурацией четвертого президента сербско-черногорской Югославии В. Коштуницы (7 октября).

В конце декабря 2000 г. состоялись выборы в парламент Сербии. Они принесли безоговорочную победу объединенной оппозиции: ДОС получила свыше 64% голосов или 174 из 250 депутатских мест в парламенте, СПС — 14% или 37 мест, Радикальная партия В. Шешеля — 8% или 23 мандата, «Партия сербского единства» убитого незадолго перед этим Ж. Ражнатовича-Аркана — 5% или 14 депутатских мест. Не преодолели процентный барьер и не попали в парламент Сербское движение обновления и ЮЛ. Премьер-министром Сербии был назначен председатель входящей в ДОС Демократической партии З. Джинджич. Власть в Сербии окончательно сменилась.

Таким образом, «бархатная революция» в Сербии после первых многопартийных выборов оказалась растянута на десять лет и завершилась только в октябре 2000 г., когда к власти в Белграде пришла, наконец, демократическая оппозиция. В отличие от других стран Восточной Европы, «бархатная революция» в Сербии представляла собой длительный процесс. Он протекал от антибюрократических квази-революций и первых многопартийных выборов, через развал некогда общего государства, попыток поддержать самопровозглашенные сербские государственные образования в соседних республиках, санкции и агрессию НАТО, через массовые демонстрации оппозиции, включая и «яичную революцию», и до событий 5 октября 2000 г.

В сербской историографии появилась точка зрения, что сербская «октябрьская революция» не была «бархатной» и мирной. А то, что эти события «не переросли во всеобщую резню и гражданскую войну», не имеет значения. Согласно этой точке зрения, «бескровность и ненасильственность суть не одно и то же»: «смена власти в Сербии произошла не мирным путем», а небольшие размеры «революционного насилия» явились «препятствием истинной, постоянно откладываемой демократизации сербской политической жизни». Это был скорее — переворот, «более или менее контролируемая смена, точнее, переформирование и реорганизация правящей элиты Сербии»²⁵. На наш взгляд, все же нет никаких причин исключать сербскую революцию из числа «бархатных», да и размер «революционного насилия» не всегда влияет на глубину преобразований, иногда это лишь показа-

тель отсталости или цивилизованности определенного общества. В Румынии во время революции 1989 г. насилия было сверх всякой меры, но это совсем не значит, что она выполнила все задачи по демократизации румынского общества, что не потребуется еще очень много усилий на этом направлении.

В то же время мы считаем, что «октябрьская революция» в Сербии имела двойственную природу. Только с одной стороны она была последней из тех «бархатных революций», которые начались еще в 1989 г. С другой — она открывала череду новых политических переворотов на постсоциалистическом пространстве Европы. Фактически, это было второе издание «бархатных революций» — в тех странах, где преобразования оказались половинчатыми и не решили поставленных задач. Это — так называемые «цветные», или «электоральные революции» начала XXI в. Ведь точно по сербскому сценарию произошли затем «революция роз» в Грузии и «оранжевая» на Украине. В какой-то степени созвучны им и потрясения, приведшие к смене власти в Киргизии. Наконец, состоялась неудачная попытка «экспорта демократии» в Узбекистане.

Общее между двумя типами «бархатных революций» — протестное выступление масс на основе соединения демократии и национализма. Особенность же революций начала XXI в. состоит в том, что они проходят во время выборов и при значительной поддержке извне. В конце прошлого века именно многопартийные выборы были главным завоеванием оппозиции и механизмом смены власти во многих восточноевропейских странах. Попытка пересмотреть или даже ликвидировать это завоевание часто оказывается последней каплей, переполняющей чашу терпения. Происходящие в момент выборов «электоральные революции» призваны покончить с коррупцией и бюрократическим произволом новых властей, с социальной незащищенностью и вопиющим расслоением, с кичливыми сверхдоходами правящих кланов, часто строящихся по семейному (клановому) принципу²⁶.

При желании можно найти еще довольно много отличий между первым и вторым изданиями «бархатных революций». И все они проявились еще 5 октября 2000 г. в Белграде. Это, например, и выход на авансцену событий молодого поколения, абсолютно аполитичного в 1989 г. В частности, в Сербии отличилась молодежная организация «Опора», в Грузии — «Хмара», на Украине — «Пора». Это, повторим,

и несравненно большая помощь новым оппозиционерам со стороны Запада, для которого революции 1989 г. были в определенной степени неожиданными. Теперь же все изменилось: революции происходят на западные деньги в западных интересах и по жестким западным же лекалам. Отсюда и поразительное сходство «революционных» сценариев в Сербии, Грузии или на Украине. Однако понятно, что если бы условия для таких революций не созрели, то не помогли бы никакие денежные вливания.

Причем, эти «бархатные революции» призваны решить качественно новые задачи, а не только привести к смене власти. Они направлены не только против «бюрократически-авторитарного режима и кланового капитализма». Не исключено, что эти революции приведут к «смене не только лидера, но и принципов построения государства, то есть переходу от монополизма к плюрализму и расчленению власти»²⁷.

Другими словами, «цветные» или «электоральные революции» начала XXI в. призваны, во-первых, доделать то, что не было доделано «бархатными» революциями 1989 г. Именно поэтому они и происходят в относительно менее развитых государствах — на Балканах и постсоветском пространстве. Во-вторых, «цветные революции» нацелены на разрешение противоречий, которые появились уже в период постсоциалистической трансформации, «приобрели устойчивый характер и стали оказывать сдерживающее влияние на дальнейшее развитие»²⁸.

И если для центральноевропейских Польши, Чехии, Словакии и Венгрии для проведения постсоциалистической трансформации хватило, по-видимому, одного революционного импульса, то для Сербии и некоторых постсоветских государств понадобились новые революционные потрясения. Соответственно, можно предположить, что для бывших советских республик Средней Азии будет недостаточно даже двух попыток. Ничего необычного в этом нет. Вспомним, что для многих государств Западной Европы в свое время при утверждении буржуазного строя понадобилась целая серия революций. Самый хрестоматийный пример дает французская история.

Для Сербии возможность «бархатной революции — 3» также отнюдь не исключается. Конечно, в цивилизационном плане она принадлежит к совсем другому региону. Однако ситуация в Сербии отягощается тем, что страна «находится сейчас в положении государства, потерпевшего пора-

жение в войне и часть территории которого под оккупацией». Поэтому у Сербии «значительно ограничена возможность маневра для деятельности как на внешнеполитическом, так и на внутривластном направлении»²⁹. Понятно, что при невозможности нормального эволюционного развития всегда резко увеличивается шанс революционных потрясений.

¹ См., например: *Jović D. Jugoslavija: država koja odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974 – 1990). Zagreb, 2003.*

² *Дмитриевич В. Югославский кризис и мировое сообщество // Сербия о себе. М., 2005. С. 42.*

³ *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3-х т. М., 2002. Т. 2: От стабилизации к кризису. 1966 – 1989. С. 506 – 509.*

⁴ Попытки пересмотра конституции со стороны Сербии предпринимались в 1975, 1981, 1984 и 1985 гг. См., например: *Димић Љ. Србија 1804 – 2004 (суочавање са прошлошћу) // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804 – 2004: три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С. 102.*

⁵ Там же. С. 100.

⁶ *Jović D. Op. cit. S.17, 58.*

⁷ *Димић Љ. Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књ. 3: Србија у Југославији. С. 450 – 451, 454.*

⁸ *Павловић Ст.К. Србија иза имена. Београд, 2004. С. 244.*

⁹ *Стојановић Д. Порочни круг сербској опозицији // Сербия о себе. С. 117.*

¹⁰ Цит. по: *Tomas R. Srbija pod Miloševićem. Politika devetdesetih. Beograd, 2002. S. 90.*

¹¹ *Ibid. S. 103.*

¹² Подробнее см.: *Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе. Београд, 2003.*

¹³ См., например: *Нутчева Г., Хейссен М. Сербия и Черногория // Европеизация и разрешение конфликтов. Конкретные исследования европейской периферии. М., 2005. С. 123.*

¹⁴ *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3-х т. Трансформации 90-х годов. М., 2002. Т. 3, ч. 1. С. 407.*

¹⁵ Цит. по: *Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990 – 2000). М., 2001. С. 136.*

¹⁶ Считается, что боснийская война унесла жизни 200 тыс. жителей Боснии и Герцеговины. Большинство из них были боснийские мусульмане (боснийцы).

¹⁷ *Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарчић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 375 – 376.*

¹⁸ На референдуме 1 марта 1992 г. население Черногории в подавляющем большинстве высказалось за то, чтобы остаться с Сербией в одном государстве.

¹⁹ До этого современная Европа знала лишь одну самопровозглашенную Турецкую республику Северного Кипра.

²⁰ *Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној и историји Србије // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804 – 2004. С. 145 – 146.*

²¹ Цветковић В.Н. Снова в начале // Сербия о себе. С. 310.

²² О реформе Д. Аврамовича см., например: *Костић В.* Искушења чудотворца // НИИ. 1994. Бр. 2294. 16 dec.; *Kalajić D.* Avramovićеvo političko čudo // Duga. 1995. Br. 1608. Od 4 do 17 febr.

²³ *Tomas R.* Op. cit. S. 295, 423.

²⁴ Ibid. S. 305.

²⁵ *Вукадинович Дж.* Сербия без Милошевича, или По ком звонит колокол? // Сербия о себе. С. 239–241, 248. См. также: *Антонић С.* Пятое октября и перспективы демократизации Сербии // Там же. С. 259, 275.

²⁶ *Иноземцев В.* Трудный возраст элиты. Новые «народные революции» кардинально отличаются от событий, имевших место шестнадцать лет назад // Независимая газета. 2005. 6 апр.

²⁷ *Шевцова Л.* Россия — год 2005: логика отката. Основные тенденции развития власти, экономики, социальной и внешней политики // Независимая газета, 2005. 21 янв.

²⁸ *Рябов А.* Москва принимает вызов «цветных» революций // Pro et contra. 2005. Т. 9. С. 19–20.

²⁹ *Јовановић М.* Србија 1804–2004: развој оптерећен дисконтинуитета. Седам теза // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004. С. 188–189.

**«БАРХАТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»:
СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ**

В прошедшем столетии СССР и Восточная Европа представляли собой регион мира, где исторический процесс разворачивался наиболее стремительно. Все три поколения наших современников, принадлежащие к старшему, среднему и младшему возрастам, оказались в эпицентре бурных общественных перемен. С этими переменами связаны их жизненные судьбы, надежды и разочарования, ожидания и устремления. Один из исторических рубежей восточноевропейского пути развития — так называемые «перестройка» и «бархатные революции», положившие начало переходу от социализма к капитализму, к неолиберальному этапу в общественной жизни данной группы стран. «Бархатные революции» явились важнейшим компонентом глобальной геополитической революции рубежа 1980—1990-х годов (П. Тамаш) — неутешительного для нас и наших ближайших западных соседей итога почти полувекового развития двупольного мира во второй половине XX века.

За фасадом смены систем середины и конца прошедшего столетия в странах региона скрывались сдвиги цивилизационного масштаба. Общий путь интеграции в современный мир сформировал уникальную «семью народов». Распад социодружества последовал за завершением эпохальных социальных сдвигов модернизационной направленности.

После Второй мировой войны страны Центральной и Юго-Восточной Европы пошли по проложенному СССР пути развития, который приобрел типологические, «восточноевропейские» черты. Это путь ускоренного превращения преимущественно аграрного, сельского общества в индустриальное, городское и высокообразованное при сохранении многих основополагающих структур традиционалистского уклада жизни и соответствующих ему ценностных ориентаций. Всплеск массовых перемещений населения начала 50-х годов XX в. приобрел для этого региона системообразующий характер. Как свидетельствует анализ истории периода

социализма, произошедшие на наших глазах перемены постепенно назревали в течение всего полувекового периода, особенно с рубежа 60 – 70-х годов, когда общество восточноевропейского типа вступило во второй этап своего развития, связанный с экспансией образования и появлением так называемой массовой интеллигенции.

Стремление «гуманизировать» политико-культурные и социально-экономические реалии общества восточноевропейского типа составляет краеугольный камень массовых общественных движений в странах региона, начиная с 1968 г. Но ни чешское диссидентство 70-х годов, ни польское движение Солидарность 80-х не принадлежали к числу «либеральных». Более того, их политическая направленность второстепенна по отношению к общегуманистической, нравственной и культурной. Известно, что в среде чешской интеллигенции возникло стремление к гуманистическому обновлению, «очеловечиванию» общественной системы советского типа, вылившееся в события Пражской весны. Но даже на пике реформаторских устремлений в июле 1968 г., по социологическим данным, только 5% опрошенных отвечали положительно на вопрос о том, «хотели бы вы возвращения капитализма?»¹. Самое любопытное – когда в следующий раз решалась судьба страны в ноябре – декабре 1989 г., опросы продемонстрировали завидную стабильность взглядов чешского человека: те же 5% хотели бы установления капиталистического порядка. А 90% составили сторонники «социализма с человеческим лицом» и «экономики смешанного типа»².

Первый этап восточноевропейского пути развития (социально-экономический)

Восточноевропейские страны начали осуществление социалистического проекта модернизации при наличии многих характерных черт отставания от промышленно развитых стран Запада. Восточная часть европейского континента и в середине XX в. оставалась экономической периферией ее западной части. За исключением Чешских земель и бывшей ГДР страны, вступившие на путь форсированной индустриализации, составляли регион с преобладанием занятых в сельском хозяйстве. Причем, если в преимущественно аграрных Польше и Венгрии существовал значительный промышленный потенциал, то балканские государства – Юго-

славия, Болгария, Румыния и Албания — классифицировались как типично аграрные, крестьянские, во всех них в городах проживало менее трети населения. В общественных отношениях и культуре, во взглядах и ценностях, в образе жизни народов региона доминировал традиционализм, господствовал доиндустриальный тип сознания. Социальный статус обеспечивался механизмами наследования, иерархическая структура общества оставалась неизменной, а семейное предприятие было наиболее распространенным типом организации производства. Структура общества после завершения Второй мировой войны принципиально не отличалась от существовавшей на момент образования национальных государств после Первой мировой войны.

На этом фоне осуществление программы социалистической индустриализации как основы «перехода к современности» и экономического соревнования с Западом приобрело для стран восточноевропейского региона историческое значение. Темпы и результаты послевоенного промышленного подъема были действительно впечатляющими. Уже к началу 60-х годов страны этого региона перешли в категорию промышленных: свыше половины их населения стало жить на доходы от несельскохозяйственной деятельности. Был сломлен вековой социальный уклад, и восточноевропейское общество превратилось в составную часть современного мира, следуя теперь тенденциям его эволюции. Наиболее отчетливо это проявилось в скачкообразном росте с конца 40-х годов XX в. межпоколенческой мобильности — важнейшем показателе открытости социальной структуры. Общественное положение человека больше не определялось его социальным происхождением, о чем свидетельствовал целый ряд западных и восточноевропейских исследований³.

Период экстенсивного индустриального развития первых пятилеток или годы строительства «основ социализма» отмечены в истории прежде всего массовой восходящей социальной мобильностью. Ее определяют как «исключительную», «беспрецедентную». Индустриализация сняла преграды на пути общественных перемещений, а социальная дистанция, отделяющая сельскохозяйственное население от несельскохозяйственного, резко сократилась. Крестьянин по-прежнему оставался крестьянином, но ни он, ни его сын больше не считали, что последний обречен на неизбежное наследование этого статуса⁴. Для болгарского крестьянина,

например, заветной мечтой было стать «гражданином», тем более превратиться в промышленного рабочего: престиж индустриального труда в годы соцмодернизации значительно превосходил престиж труда сельскохозяйственного. С работой на промышленном предприятии связывались гораздо большие профессиональные и жизненные перспективы, возможность выбора, не существовавшая у традиционного крестьянина. Поэтому на протяжении всего периода индустриализации условиям труда и даже быта рабочие не придавали особенно большого значения. Для бывших крестьян главным оставался сам факт переезда в город⁵.

Энтузиазм периода массовых перемещений отражал объективную реальность тех лет, ее изменение по сравнению с предшествующим периодом. Так, если в 1930 г. в Венгрии треть рабочих мужского пола составляли выходцы из крестьянских семей, то в 1962–1964 гг. доля их достигла двух третей. Последующее же ее сокращение было вызвано уменьшением удельного веса и численности самого сельскохозяйственного населения в странах региона. По состоянию на 1961 г. 42% опрошенных польских горожан считали, что занимают более высокие социальные позиции по сравнению с их отцами, когда они были в том же возрасте⁶. В то время уже завершалась эпоха мобилизационного социализма, а вместе с ней и процесс формирования общественной системы восточноевропейского типа. Второй, позднесоветский период развития — время консолидации этой системы. Но это и время утверждения национальных вариантов данного пути развития, а одновременно — дезинтеграционных тенденций не только внутри «советского блока», но в самой общественной системе в каждой из стран.

В 60-е годы в странах региона еще оставались невысокими социальные барьеры, разделяющие работников умственного и физического труда, формирующие отряды интеллигенции и рабочего класса. Однако программа социалистической индустриализации была уже в основном выполнена, и социальные перемещения — самые интенсивные за всю историю народов региона — исчерпали свой потенциал. Глубокие изменения в социальной структуре населения, вызванные индустриальным ростом, коллективизацией сельского хозяйства и национализацией основных отраслей промышленности, развернувшиеся в 1948–1952 гг., к началу 60-х годов фактически завершились, общество перешло в разряд индустриального. Нации, принадлежавшие на старте

соцмодернизации к числу крестьянских, дольше сопротивлялись ее воздействию. Напротив, наиболее индустриально развитое чешское общество лидировало по темпам и масштабам происходивших перемен. «Второе рождение» в 50-е годы пережили в Чешских землях промышленные регионы, сформировавшиеся еще столетие назад как центры угледобычи, металлургии и тяжелого машиностроения. Чехия вместе с Восточной Германией приняла на себя роль «кузницы социализма», способствуя осуществлению программы индустриализации остальных стран региона.

К 70-м годам в странах социалистической системы происходит относительное выравнивание структуры занятости. Так, если в 1950 г. в промышленности и строительстве Румынии работало 14,2% активного населения, а Венгрии — 22%, то в 1970 г. это соотношение достигло 30,8%: 34%⁷. Социальные различия, существовавшие между народами региона до начала радикальных социально-экономических преобразований периода индустриализации, практически «стираются». Тогда же наступает стабилизация социальной структуры. Она сохраняет свои основные параметры вплоть до распада системы социализма. Социальная структура 70-х годов характеризуется как все более «закрытая», а 80-х — как «жесткая», ригидная. В условиях «герметизации» высококвалифицированных групп населения интеллигенция пополняется главным образом за счет самовоспроизводства, превращаясь в «наследственную». Однако свыше половины ее, как правило, составляли «выходцы из народа» — люди рабочего или крестьянского происхождения. Конечно, в Чехословакии, например среди специалистов, выше была доля потомственных рабочих, тогда как в Румынии — бывших крестьян. Социологические исследования начала 80-х годов продемонстрировали уже не намечающиеся, как два десятилетия назад, а отчетливо выраженные барьеры, отделяющие сельскохозяйственное население от остальных его групп, работников умственного труда — от занятых трудом физическим. В условиях перехода ко второму этапу восточноевропейского пути развития задачи экономического подъема отходят на второй план, уступая место социокультурным преобразованиям. «Разрыв с прошлым», произошедший на протяжении первых 15–20 послевоенных лет, подразумевал преодоление социально-экономической отсталости и переход от аграрного общества к индустриальному. Сопровождавшие этот переход массовые восходящие перемещения

значительной части населения рождали новые надежды и ожидания. Классы и социальные группы, которые традиционно относились в странах региона к «низшим», именно в этот период насаждаемого властью «эгалитаризма» получили доступ к образованию, вплоть до его высших уровней, к квалифицированному труду, относительно высоким заработкам, к вершинам социальной иерархии.

Два важнейших социальных субъекта — рабочий класс и интеллигенция — представляли данную общественную систему и весь регион. Рабочий класс можно считать социальным итогом первого этапа восточноевропейского пути развития, интеллигенцию — второго. Оба этих этапа, пришедшиеся на период социализма, связаны с последовательным преодолением важнейших цивилизационных барьеров, отделяющих Восточную Европу от современного мира. Индустриализация или промышленная революция совершилась на первом этапе исторического перехода, урбанистическая или городская и образовательная революции — на втором его этапе.

Единство рабочего класса и новой или народной интеллигенции существовало в период их формирования, в годы массовых социальных перемещений. Это было единство двух составных частей общества восточноевропейского типа. Рабочий класс как «двигатель» крупных социально-экономических преобразований обладал уверенностью в своей коллективной силе и более развитым по сравнению с западноевропейским рабочим классом ощущением независимости по отношению к власти, наделявшей его званием социально-политического «гегемона». Положение восточноевропейского рабочего не уступало положению интеллигента, что порождало у первого более выраженное чувство благополучия и безопасности⁸. В 70-е годы рабочий класс испытал мощный прилив образованной, нонконформистски настроенной, воспитанной в духе идей равенства и справедливости молодежи. Восточноевропейский рабочий, особенно молодой и квалифицированный, в большей степени по сравнению с западным ориентировался на социальное продвижение и идеологию равенства шансов. Он, как правило, не ограничивался материальными интересами и потребностями. Ему были близки идеалы демократии, свободы, индивидуального успеха, в которых он не усматривал противоречия с принципами эгалитаризма и коллективизма. Во многих отношениях молодой квалифицированный рабочий и молодой

интеллигент были похожи друг на друга. Между ними было больше общего, чем между представителями этих двух групп, принадлежащими к разным поколениям — младшему и старшему.

Общество, носившее название социалистического, четыре десятилетия совершало переход к структурам индустриального типа, сохраняя относительно невысокую социальную дифференциацию. На первом этапе послевоенной истории преобразования эгалитарного типа встречали широкое одобрение: превращение крестьянина в рабочего, горожанина и даже интеллигента создало неповторимую атмосферу свободы социального достижения. Оптимизм по поводу шансов продвижения по социальной и образовательной лестнице особенно отличал людей, достигших в эти годы высоких статусных позиций. Восточноевропейцы сохраняли настрой на принципы социального равенства и после завершения программы ускоренной индустриализации. Почти все опрошенные в 1961 г. в Польше желали дальнейшего его роста. Без малого половина даже выступала за полную ликвидацию всех социальных различий. Однако постепенно эгалитарные идеалы и связанные с ними надежды начинали терять свою привлекательность для состоявшихся «выдвиженцев». Высокообразованные уже в самом начале 60-х годов значительно реже ориентировались на идеалы полного социального выравнивания, чем рабочие, даже квалифицированные — соответственно 38 и 53%⁹.

Ощущение «восхождения» по социальной лестнице и ожидание его продолжения оттеснили в тот период на второй план материальные, потребительские ценности и интересы. Господствовала трудоцентричная ориентация: труд, как и образование, считался главной формой самореализации. Приоритет нематериальных стимулов труда сохранялся и на втором этапе восточноевропейского пути развития. При переходе к постиндустриальному обществу субъективная значимость фактора оплаты труда была обратно пропорциональна уровню образования. По сравнению с остальными группами населения высококвалифицированные специалисты, сохранявшие настрой на продолжение «восходящей» мобильности, и в 70-е годы еще продолжали считать материальный фактор менее важным. Однако уже начало следующего десятилетия привело и молодую интеллигенцию, осознавшую завершение периода массовых перемещений, к пересмотру своей системы ценностей. Так же, как

старшее поколение новой интеллигенции двумя десятилетиями ранее рассталось с особенно близкими ему совсем недавно идеалами эгалитаризма.

Второй этап восточноевропейского пути развития (социально-культурный)

Хотя интеллигенция возникла в странах региона «из народа», на новой социальной основе, но ориентировалась она на культурные образцы традиционной, досоциалистической интеллигенции. Как и рабочий класс, эта общественная группа во второй половине XX в. пережила период своего взлета и падения. Если рабочие выполнили роль массовой основы формирования индустриального общества, интеллигенция — перехода к обществу постиндустриальному и нарождающемуся постмодерну.

Роль и место интеллигенции в обществе, но прежде всего ее количественный состав в обществе рассматриваемого типа в период социализма постоянно возрастали. Это было связано с тем, что не социальное происхождение или собственность, а уровень образования стал тогда главным критерием общественного положения личности. К крестьянину или частному предпринимателю, даже имеющему высокий доход, относились как к представителям аграрного или капиталистического прошлого. Интеллигенция же считалась движущей силой модернизации, особенно ее завершающего этапа. Она, казалось, прочно заняла средние и высшие слои социальной иерархии восточноевропейского общества.

Причем первое массовое поколение интеллигенции формировалось в 70-е годы одновременно и как первое поколение горожан. Среди переселенцев в города этой волны преобладали занятые умственным трудом, обладатели среднего профессионального и высшего образования. Характерно, что самый высокий процент высокообразованных мигрантов приходился на аграрную в недавнем прошлом Болгарию, где повышение уровня образования служило наиболее важной причиной переезда в город.

В русле традиции народов региона, акцентирующей культурную и политическую составляющие общественного развития по сравнению с экономической, восточноевропейский тип модернизации ориентирован на приоритет его образовательного фактора. Господство общественной собственности и централизованной системы управления предель-

но ограничивало индивидуальную экономическую инициативу. Основным каналом социальной мобильности оставалось повышение уровня образования и квалификации или инициатива культурная. Получение профессиональной квалификации служило средством достижения важнейших жизненных целей человека, в том числе материального благополучия, престижных позиций. Особый прагматизм того времени заключался в отношении к диплому как «карьерному шансу», открывавшему возможность «пути наверх». При этом фактически отождествлялись понятия «статус» и «диплом», которые воспринимались как ступени новой социальной иерархии.

Восточноевропейский тип социальной иерархии не соответствовал экономической структуре общества, а был в основном иерархией образовательной. В условиях консервативной модернизации сохранялись многие традиционные, характерные для аристократии, представления и нравы, в частности презрительное отношение к зарабатыванию денег и получению прибыли. Особое место заняла новая интеллигенция в жизни бывших дворянских наций с их элитистским этосом — прежде всего польской и венгерской.

Само понятие «интеллигенция» и социокультурная структура, которая стоит за ним, имеет для Восточной Европы, славянской цивилизации уникальный, неповторимый смысл. Это не просто социальная группа, а скорее феномен культуры, общественной жизни — восточноевропейской, не имеющей аналога в Западной Европе. Интеллигенция традиционно обладала высоким, элитарным статусом в странах рассматриваемого региона, до середины XX в. сохранявших полуфеодальный облик. В условиях отсутствия «конкуренции» со стороны буржуазии интеллигенция, которую называют «продуктом восточноевропейской отсталости»¹⁰, занимала важную социальную нишу, далеко не ограничивающуюся научной или художественной деятельностью.

Городская интеллигенция, формировавшаяся в регионе, как и в России, с середины XIX в., считала себя продолжательницей исторической миссии дворянства, хранительницей национальной идентичности, культуры, языка и традиции. Она брала на себя роль общественного лидера, ответственного за судьбы национального развития, передачу характерной системы ценностей из поколения в поколение. Интеллигенция фактически заняла социальные позиции буржуазии, сохранив ментальность аристократии. Деление на

работников физического труда и элитарные слои, занятые духовным производством, на людей «простых» и «образованных» традиционно доминировало в «дворянских» культурах. Однако оно было характерно не только для относящихся к данному культурному типу польской и венгерской наций, но и для балканских народов, у которых историческим выразителем традиций народной культуры выступало крестьянство. Наибольшее развитие интеллигенция как социокультурная группа и феномен общественной жизни получила в Польше с ее особенно многочисленной шляхтой, составлявшей до 10%, а по другим оценкам 15–20% населения¹¹. Именно она создала культурно-исторический контекст формирования польской интеллигенции. Деклассирующаяся часть земельной аристократии на протяжении столетия пыталась сохранить в городской среде свой традиционный стиль жизни, старательно дистанцируясь от буржуазных слоев и их культуры. Шляхетский этос, унаследованный интеллигенцией, отрицал труд ради заработка и демонстрировал остальному обществу образцы духовного достижения. Именно этот культурный тип был многократно воспроизведен во второй половине XX в. восточноевропейской моделью развития.

Крестьянская молодежь в первые послевоенные десятилетия демонстрировала наибольшую склонность к получению высшего образования в силу присущих ей старательности, трудолюбия, целеустремленности. Выходцы из крупногородских высших классов и из села — традиционные слои восточноевропейского общества — наиболее последовательно и долго придерживались «дворянской модели» социального достижения через получение высших уровней образования, альтернативу которой составляла ориентация на рост материального потребления, не опосредованный изменением образовательного статуса.

«Образование» и «равенство» представляли собой важнейшие ценности восточноевропейского общества. Сочетание их предопределяло повседневную жизнь людей, их сознание. Превращение образования во всеобщее и доступное служило важнейшим проявлением социального равенства. Это не противоречило традиционному представлению об интеллигенции, соединяющей в себе функции посланничества и профессионализма в осуществлении двух основных миссий — национальной и модернизационной.

Восточноевропейская интеллигенция, преимущественно «новая», создала тип культуры, производный от «старой дворянской культуры» и, сохраняя преемственность с ней, воспринимала себя как национальную элиту. Особенно характерно это было опять же для польской интеллигенции, что определялось совокупностью факторов: спецификой национальной истории в условиях длительной борьбы за независимость, влиянием католицизма, а во второй половине XX в. — еще и особенностями модели общественного развития. Эта модель строилась на приоритете неэкономических стимулов деятельности, культурных ценностей над материальными, на приверженности идеалам равенства и коллективизма. Общественное развитие периода социализма было нацелено на «восходящее выравнивание» статусных характеристик по образовательно-квалификационному принципу. Такой путь развития соответствовал модели эволюции добуржуазного строя к современности, минуя капиталистическую стадию. Следуя этой модели, коммунистический режим сохранил и название этой социальной группы, и важнейшие ее черты. «Ядро» интеллигенции составили деятели науки и искусства, ассимилировавшие ценности высокой культуры и транслировавшие их в массы.

В обществах элитистского типа, польском и венгерском, гражданам предоставлялся наибольший объем политических и экономических свобод. Здесь статус интеллигенции всегда был выше по сравнению с другими нациями. Сама же польская и венгерская интеллигенция занимала в период социализма наиболее критическую позицию по отношению к власти, легко переходя к оппозиции ей, что ярко проявилось уже в событиях 1956 г. в обеих странах. Удивительно, признают современные восточноевропейские авторы, но «традиция независимой интеллигенции преобладала на протяжении всего коммунистического периода»¹².

Этот массового образования, утвердившийся в условиях соцмодернизации, способствовал широкому усвоению наследия национальной литературы и искусства. Новая интеллигенция, получив широкий доступ ко всем уровням образования, прошла путь своего ускоренного формирования через освоение нравственных ценностей, заключенных преимущественно в литературной классике. Она проповедовала определенный тип отношения к труду, деньгам, власти, целям и смыслу жизни. К рубежу 70 — 80-х годов восточноевропейская интеллигенция из узкого элитарного слоя преврати-

лась в массовый, став своеобразным аналогом среднего класса общества западного типа. Новый средний класс, возникший к этому времени в странах региона, в большинстве своем сформировался под влиянием литературной классики славянских народов. Она вошла в сознание молодого интеллигента вместе со всеобщим средним образованием, привив ему нередко упрощенный, нигилистический образ прогрессивно ориентированных «детей», поднявшихся над патриархальными нравами «отцов».

Надо заметить, что явление послевоенной образовательной экспансии характерно не только для восточной, но и для западной части Европейского континента. Интенсивный рост высокообразованных контингентов населения начался в обеих частях Европы с 60-х годов. Особенность восточно-европейского общества заключалась в том, что для него этот процесс служил не только двигателем развития, но и инструментом социального выравнивания для молодежи различных слоев населения. Цели социально-политические в известной мере преобладали здесь над социально-экономическими. Конец 60-х стал в экономически развитых странах мира временем завершения «промышленного века» и перехода к новой эпохе, которая в СССР и Восточной Европе получила название НТР, или общества постиндустриального, постсовременного типа. Усиливалось нарастание неравенства возможностей «восходящей» мобильности, формирование отличавшейся массовостью культурной элиты достигло вершины и на рубеже 70 – 80-х годов XX в. завершалось.

По доле высокообразованных первое поколение, родившееся и выросшее в условиях нового строя, «драматически превзошло» предшествующую генерацию во всех странах региона, кроме Чехословакии, точнее Чешских земель, а также Венгрии. Максимальный межпоколенческий разрыв в сфере высшего образования был характерен для Польши. Модель модернизации через социально-образовательное восхождение в наибольшей степени соответствовала социокультурным реалиям страны с «живыми» крестьянской и дворянско-интеллигентской традициями. Это тип ускоренного развития весьма характерен и для Словакии, стадиально отстававшей от Чехии на старте послевоенных преобразований. Скачок в росте уровня образования словаков привел к формированию в республике национальной интеллигенции, которая к концу 70-х годов по количественным показателям превзошла чешскую. Наиболее активными участни-

ками социально-образовательного «восхождения» оказались не только страны и нации с аграрно-крестьянским прошлым, но и женская половина населения. Семьи работников физического труда ориентировали дочерей на профессии служащих, считавшиеся более предпочтительными для женщин по сравнению с индустриальным или сельскохозяйственным трудом. В итоге уровни образования мужского и женского населения не только выровнялись, но по некоторым образовательным параметрам женщины превзошли мужчин.

В 70-е годы — время становления массовой восточноевропейской интеллигенции — уменьшалась зависимость между достигнутым уровнем образования, родом занятия и заработком. Лишь с 1982 г., по польским оценкам, взаимосвязь квалификации и дохода начинает возрастать. Возникшие социальные диспропорции касались молодого поколения специалистов, рожденного образовательной революцией рубежа 60—70-х годов. Историческим фактом является возникновение в странах региона на втором этапе модернизации большой армии молодых высококвалифицированных и общественно-политически активных людей. Не только в профессиональном отношении, но и в целом по своим социокультурным характеристикам они превзошли цивилизационную «планку» не только ранне-, но в некоторых отношениях и позднеиндустриального общества. Вместе с тем в обществе, где трудовой стаж оставался детерминантой социально-экономического статуса, молодежь, превосходя старшее поколение по уровню образования, значительно отставала от него по доходам, по уровню удовлетворенности трудом¹³.

На протяжении всех четырех послевоенных десятилетий, вместивших два этапа «перехода к современности», главным двигателем этого перехода оставалась социально-профессиональная мобильность. В странах, где практически отсутствовала частная собственность, а труд считался «материальной и моральной обязанностью», именно профессия определяла место человека в обществе. Менялись лишь профессиональные приоритеты: в 50-е годы это был индустриальный физический труд, в 70-е — интеллектуальный. Однако общество развивалось, и ситуация менялась. Интеллигенция повторила путь смены жизненных ориентиров с моральных на материальные, пройденный ранее рабочим классом. И у нее возросло сознание необходимости не только соци-

ального, но и экономического признания собственных заслуг. Несоответствие статусных параметров — существенное превышение культурно-образовательного уровня над экономическим, материальным — рождало у квалифицированных специалистов устойчивое ощущение несправедливости происходящего.

Зарплата интеллигенции существенно (в 60-е годы более чем наполовину) превышала заработки рабочих только в Польше и Венгрии, где ее экономический статус традиционно был высоким. Противовес им составляла Чехословакия с ее эгалитарными нормами общественной жизни. Интеллигенция здесь действительно «недооплачивалась» не только по сравнению с западными, но и с восточноевропейскими коллегами. Ее заработки лишь незначительно (на 15–20%) превосходили доходы рабочих. Что же касается чехословацких служащих, то они получали даже меньше, чем сельскохозяйственные работники¹⁴. Проблема статусной несогласованности впервые в регионе отчетливо прозвучала в исследовании социальной стратификации общества, проведенном чехословацкими социологами под руководством П. Махонина в 1967 г., в преддверии событий Пражской весны. Результаты его были опубликованы в книге «Чехословацкое общество»¹⁵. Уже тогда социологи зарегистрировали группы «недоплачиваемых работников умственного труда». В них входили специалисты и служащие с культурным и образовательным уровнем выше среднего, но низким статусом в иерархии доходов и власти. Несоответствие противоположного рода существовало в среде промышленных рабочих. Они слабо участвовали в управлении и потреблении культурных ценностей, но обладали относительно высокими заработками.

В 70-е годы статусная несогласованность лишь усилилась. Сравнение данных чешских микропереписей 1967 и 1984 гг. показало, что группа с очень низким доходом, но высшим уровнем образования и качества проведения свободного времени возросла почти втрое¹⁶. Подобного расхождения не существовало в предшествующем поколении «людей аванса», преодолевших большую социальную дистанцию, стартовав с низких экономических позиций. Но еще большую потенциальную опасность таило в себе расхождение другого рода. Сформировался новый для стран региона социальный тип молодого, образованного, даже высокообразованного горожанина. Его жизнь, относительно благопо-

лучная по восточноевропейским меркам, качественно отличалась от западных стандартов.

Уже к концу первого этапа социальных перемен доминировавшие недавно идеалы эгалитаризма исповедовались интеллигенцией меньше, чем рабочими, а квалифицированной частью последних меньше, чем неквалифицированной. В среде «продвинувшихся» в результате соцмодернизации слоев населения медленно, но неуклонно утверждалось сознание материальной «недовознагражденности». А по мере исчерпания потенциала социальных перемещений на втором этапе развития восточноевропейского общества это сознание возрастало лавинообразно. Сравнение с качественно более высоким западным уровнем потребления служило катализатором недовольства нового среднего или образованного, интеллектуального класса. У его младшего поколения нарастало сомнение в правильности пути, т.е. в существующей общественной системе. Росла уверенность, что ее смена, ликвидация власти компартии, устранение номенклатуры и переход к демократии позволят достаточно легко догнать Запад по уровню жизни.

Восточноевропейский путь развития привел к коренному изменению положения низовых, преимущественно аграрных слоев населения. Их социальное продвижение завершилось созданием многочисленного нового среднего класса, который по мере ослабления политического режима на «позднем» этапе истории социализма начал занимать ключевые позиции в общественно-политической системе. Социализм, несмотря на репрессии в отношении «старой» интеллигенции в начале 50-х годов, впоследствии создал ее «нового» аналога в виде полутрадиционного слоя с ориентацией на «высокую», элитарную культуру. Более того, благодаря широко распространившемуся культу учебы сформировалась массовая основа этого типа культуры. Возникла своеобразная, неизвестная истории система, в которой место человека в социальной иерархии определялось уже не «происхождением», но и не «деньгами» или «собственностью».

В 1979 г. венгерские исследователи Г. Конрад и И. Селеньи написали книгу «Интеллектуалы на пути к власти: социологический анализ роли интеллигенции при социализме»¹⁷. Они прогнозировали замену старой партийной элиты высокообразованными профессионалами, которые должны были осуществить проект рационализированного и гумани-

зированной социализма «с человеческим лицом». Уже с 60-х годов различие между бюрократией и интеллигенцией все больше сокращалось и, казалось, должно было совсем исчезнуть. Противоречие между ними имело второстепенный характер по сравнению с противоречием между ними обоими, с одной стороны, и рабочим классом — с другой.

Правда, почти четверть века спустя венгерские исследователи усмотрели миссию интеллигенции в реализации ею не социалистического, а иного цивилизационного проекта в новой для нее роли культурной буржуазии¹⁸. В этом качестве в переходный от социализма к капитализму период конституировали себя высокообразованные слои, лишенные собственности, но занимавшие верхние позиции в статусной иерархии восточноевропейского общества. «Класс интеллектуалов», существовавший наряду с рабочим классом, включал и либерально настроенную интеллигенцию, и профессиональных управленцев-технократов. Это был альянс диссидентов и реформаторов. В преддверии 1989 г. они вместе выступили с либеральным проектом модернизации, альтернативным социалистическому. Речь шла о строительстве «капитализма без капиталистов», в отсутствие буржуазии в ее традиционном понимании.

Действительно, переход после 1989 г. Восточной Европы к третьему — постсоциалистическому или капиталистическому — этапу развития произошел под воздействием роста настроений антиэгалитаризма, носителем которых и выступили высокообразованные слои населения. Как установил польский социолог К. Загурский, функциональный эгалитаризм, который сформировался в польском обществе в середине 80-х годов и «прорубил окно в демократию», возник под влиянием только двух факторов — высшего образования и ожидания роста уровня жизни¹⁹. По наблюдениям польских социологов, именно образование служило детерминантой идеологического выбора в пользу либерализма в широком его понимании. Высокообразованные отличались от остального населения по своему мировоззрению. Можно даже сказать, что все восточноевропейское общество, пройдя путь соцмодернизации, состояло из двух «классов»: имевших высшее образование и не имевших его. Частные собственники начального этапа рыночных преобразований не представляли собой социокультурной общности, аналогичной интеллигенции. Более того, как свидетельствуют эмпирические данные, они даже не демонстрировали выраженного предпочтения либеральных ценностей.

Потребительские ожидания сыграли в конечном счете решающую роль в отказе интеллигенции от принципов равенства в пользу свободы, в поддержке идеи системной трансформации. Группы общества, наиболее преданные системе на начальных этапах ее существования, перешли в категорию самых выраженных ее оппонентов. Крах социализма произошел именно потому, что от него отказались многочисленные его сторонники²⁰. Однако социокультурные истоки антикоммунистической революции 1989 г. относятся к событию, произошедшему два десятилетия ранее. Им стала образовательная революция рубежа 1960–1970-х годов, к которой восточноевропейское общество пришло в свою очередь в результате цепи перемен, начатых на рубеже 1940–1950-х годов. Уже тогда возникла типологическая общность пути развития народов региона и способа их интеграции в современный мир.

В период между двумя сменами поколений, пришедшими на начало 60-х и 80-х годов, образовательный потенциал и весь стиль жизни восточноевропейского общества качественно преобразился. Именно в этот период «позднего индустриализма» совершился переход современного мира от индустриальной эпохи массового производства к постиндустриальной эпохе массового потребления или к массовому обществу. Одновременно наступила эпоха общества информационного, когда сфера массового сознания приобрела решающее значение в социально-политических трансформациях. Революции конца XX века явились первым «успешным опытом» этой новой эпохи.

На рубеже 1970–1980-х годов: результаты социалистической (консервативной) модернизации

К началу 80-х годов XX в. важнейшие структурные преобразования в Восточной Европе были уже в основном завершены, и оно превратилось в промышленное и городское. Однако новые социальные реалии, сформировавшиеся ускоренными темпами, не были укоренены в плане культурном. Возникший духовный вакуум стремительно заполнялся неорационалистскими ценностями и образцами поведения, наступало время «домашнего социализма», предпочтения большинством населения мира своей семьи, ближайшего окружения активной общественно-преобразовательной

деятельности. В обществе, лишь 10–15 лет назад преодолевшем исторический рубеж, отделяющий его от полуаграрного строя, доминировали два социокультурных типа — массовый, посткрестьянский, «обывательский» и элитарный, постаристократический, «интеллигентский».

Социализм с характерным для него дефицитом материальных благ и развитой системой неформальных связей и отношений сохранил многие традиционалистские образцы — структуры общества и его ценности²¹. Делалась попытка достичь современных целей традиционными средствами. Консервативный путь, по которому в конце 40-х годов пошла социалистическая, основанная на советском примере и опыте, модернизация, в целом отвечал условиям места и времени не только России, но и самих стран восточноевропейского региона. Как уже отмечалось выше, на старте ускоренного развития они представляли собой преимущественно крестьянские общества с бюрократическими «верхами». Польский социолог З. Бауман пишет: «Коммунистическое общество возникает по следам крестьянского»²². Но, как показала жизнь, форсированная индустриализация в конечном счете обернулась «форсированным традиционализмом»²³.

Традиция и ментальность, утвердившиеся в 70-е годы в Восточной Европе, были производными от крестьянских. Небывалая по темпам урбанизация сформировала маргинальный тип нового горожанина с нравами и обычаями вчерашнего крестьянина. Для него было характерно стремление к материальному накоплению, проистекающее из бедности и неопределенности доиндустриального уклада жизни его самого или поколения его родителей. Понятие «иметь» отождествлялось с понятием «быть», существовать. Это качество нового горожанина сохранилось и окрепло, распространившись на широкие слои общества²⁴. «Вещизм» и «аморальная семейственность» сочетались с политической апатией и смирением, ориентацией на государственный патернализм и уравнительную справедливость²⁵. Подобная ориентация не противоречила формированию нравственного фундамента общества позднесоветского типа, предпочитающего распределительную этику производственной. Переход к «домашнему социализму» совершался на фоне начавшегося морального кризиса, переживаемого всей индустриально-технологической цивилизацией с ее поисками выхода из ситуации нарастающей бездуховности, надвигаю-

щейся экспансии потребительства. В восточноевропейском обществе в этот период возобладали ориентация, связанная с успешной семейной и личной жизнью, материальным благосостоянием, образованием детей, которая получила название «малой стабилизации». Надо заметить, что ценности приватно-стабилизационные и семейно-групповые традиционно наиболее близки восточноевропейским народам. Именно они стали опорой теряющего силу коммунистического режима. Модернизационный потенциал системы советского типа явно иссякал. Она уже просто следовала в «общем потоке» современного мира, переживая конвергенцию с капиталистической системой. Вместе с тем историческим фактом было возникновение в странах региона специфической системы ценностей, ставшей результатом взаимодействия ценностей нового строя с традиционными ценностями данной группы народов. Возникнув к концу 50-х годов, эта система начала оказывать обратное воздействие на ход общественного развития. Своего максимума это воздействие достигло накануне «бархатных революций». Так, согласно результатам исследований польских социологов, система ценностей поляков оставалась относительно стабильной в течение четверти века, до 1978 г., даже до начала 1980 г., т.е. вплоть до «революции Солидарности». Эта система принципиально не изменялась на протяжении всего данного периода, в Польше особенно насыщенного выступлениями политической оппозиции и чередой массовых протестных выступлений (1968, 1970, 1976 гг.)²⁶. Социолог С. Новак назвал подобное постоянство поразительным. Тип сознания восточноевропейца, сложившийся на начальном этапе первой Великой трансформации, сохранял свои базисные параметры, а «стержнем» его служила эгалитарная ориентация, умеренная по своему проявлению.

Эрозия системы ценностей началась с течением времени под влиянием не политических, а социальных, точнее социокультурных, социально-образовательных сдвигов. Восходящие перемещения, вызванные этими сдвигами, в основном завершившись к середине 70-х годов, привели к появлению нового «качества» восточноевропейского общества. Ускоренная урбанизация и образовательная революция изнутри взорвали существующую систему ценностей. Начался кризисный период освоения нового жизнеустройства, формирования новых мотиваций, потребностей, целей и ценностей. Вторая половина 70-х годов не дала новых решений, на

основе которых могли бы возникнуть ценностные ориентиры продолжения прежнего пути развития или начала следующего его этапа. Общество стремительно диверсифицировалось, теряя былую однородность. Социальное единство и равенство как идейные основы жизни народов региона становились достоянием истории.

Общественная система стран Восточной Европы после трех десятилетий ее функционирования на основе социалистической модели начала превращаться в неэгалитарную. А система образования, служившая важнейшим фактором эгалитаризации, выравнивания и каналом социального авансирования, быстро теряла эту свою функцию. Возникшая социально-профессиональная структура даже превосходила по уровню развития структуру экономики. Процесс расширенного воспроизводства образованного класса был уже невозможен, и совершился переход к практике «наследования» социальных позиций. Сама система образования уже не обеспечивала прежнюю открытость общественной системы. Она скорее легитимизировала возникновение более жесткой социальной иерархии. Люди начали ощущать первые признаки дифференциации экономических условий существования.

Результаты всех социологических исследований подтверждали, что склонность к идее равенства зависит от позиции в иерархии доходов: более обеспеченные, т.е. образованные и высокооплачиваемые, чаще признавали необходимость дифференциации жизненных стандартов. Вместе с тем образованные слои, чьи материальные потребности были удовлетворены лучше других, испытывали меньшее социально-политическое напряжение. Они и в 70-е годы еще чаще других групп населения ценили интересную работу, творческое самовыражение, успех и общественное признание. Высокие материальные позиции были тогда наиболее значимы для людей физического труда, рабочих²⁷.

Культурно-историческая традиция дворянских наций, прежде всего польской, содержала выраженный романтический компонент. В условиях консервативной модернизации эта традиция не только не угасала, но, напротив, получила развитие под влиянием широко пропагандировавшейся идеологии формирования «нового человека». Этот светский аналог христианства тоже ориентировался на жертвенность во имя служения высшей — духовной — цели, на альтруизм, деятельность на благо всего общества. Надличностные инте-

ресы усиливал синтез религиозно-романтической традиции с «социалистическим идеализмом». Массовая основа такого рода синтеза возникла в среде интеллигенции. Начало действительной «материализации» системы ценностей польские социологи датируют 1982 г., когда постепенно меняется доминанта восточноевропейской культуры. Одновременно происходит распад монолитной системы ценностей периода социализма, обнаруживается ценностное многообразие восточноевропейского общества. Основу его составляло живое наследие досоциалистического периода, трансформирующееся в определенные образцы поведения, интересы, ценности, относящиеся к «посткрестьянскому» и «постаристократическому» социокультурным типам.

Завершение первой Великой трансформации и начавшийся переход к обществу постиндустриального типа повлекли за собой распад единства восточноевропейского общества, фундамент которого составлял союз двух его изначально родственных социальных субъектов — нового рабочего класса и новой интеллигенции. Для значительной части бывших крестьян или новых горожан с их рутинной повседневностью, «обывательскими» стратегиями и растущей ориентацией на материально-вещественную сторону жизни переход к обществу массового потребления обернулся формированием позднесоветской версии мелкобуржуазности. Так называемый стабилизационный тип культуры оказался крайне устойчивым и способным к экспансии. Неотрадиционализм 70-х годов фактически вылился в необуржуазный стиль жизни и способ мышления. Его отличало стремление к материальному обладанию, потреблению, в том числе и как элементу социального престижа. Уровень дохода постепенно начинал выступать символом социального продвижения и успеха. В странах региона этот символ особенно привлекал людей с относительно невысоким культурным уровнем, чей социальный и даже образовательный статус претерпел стремительный рост²⁸. С повышением их благосостояния в годы «развитого социализма» несоответствие социально-экономических и социально-культурных параметров дало всплеск мелкобуржуазности.

Альтернативу долгое время составлял стиль жизни интеллигенции, представленный высокообразованной молодежью. Престижные символы, связанные с обладанием, для нее были менее значимы по сравнению с престижем самого образования, участия в культурной и общественной дея-

тельности, научном и художественном творчестве, самореализации. Дипломированная молодежь рубежа 70–80-х годов, нередко принадлежавшая уже ко второму поколению интеллигенции, ощущала себя духовной преемницей старой, довоенной интеллигенции, ориентировалась на ее стиль жизни и ценности. Именно их молодая интеллигенция считала эталонными, а их носителей — действительной элитой восточноевропейского общества. «Просоциальная» ориентация составляла противовес массовой стратегии «малой стабилизации». В отличие от последней, она выражалась в готовности включиться в активную общественную деятельность и редко сочеталась с ориентацией на узкосемейное благополучие. «Просоциальный» и «стабилизационный» типы культуры — это современные (модернизированные) проявления «аристократической» и «крестьянской» традиций.

Именно тогда, накануне «бархатных революций» начинали формироваться специфические модели развития народов региона, кристаллизовался сам восточноевропейский путь современной эволюции — то, к чему народы региона стремились с середины 50-х годов. Возникли массовые и элитарные образцы данного типа развития, его социальный субъект — интеллигенция. Восточная Европа дала миру свою версию и общества массового потребления, и культуры постмодерна. Восточноевропейская «семья народов» восприняла важнейшие веяния современного мира, преломляя их сквозь призму собственных повседневных реалий. В восточноевропейской действительности нашли проявление основные цивилизационные сдвиги второй половины XX в., давая специфические «всходы» в различных национальных средах.

Рубеж 70–80-х годов — важнейший момент в истории восточноевропейского общества, его культуры. В это время завершается первый цикл модернизирующих трансформаций. Реальностью становится возникшая в странах региона альтернатива западному пути развития и самому миру Запада. В Восточной Европе возник значительный социокультурный потенциал развития, сочетающий историческое наследие и современность, традиционное и новое. Вместе с тем этот рубеж стал действительно переломным моментом современной восточноевропейской истории, преддверием смены траектории развития, завершением соцмодернизации. Эпоха так называемого организованного модерна заканчивалась и в развитых странах Запада, и в Восточной Европе с

различным опытом перехода к современности. Объединяющим началом было то, что оба модерн-проекта материалистичны по содержанию, руководствуются одной логикой массового производства, неотделимы от процессов секуляризации и антропоцентризма, господства представления о всемогуществе человека.

Переход к постмодерну, или позднему модерну для Восточной Европы означает завершение мобилизационного этапа развития с его верой в прогресс и требованием от человека самоотдачи во имя его достижения. Но значение человеческого фактора общественного развития лишь возрастает, а духовная сфера жизни получает приоритет над материальной. Этот приоритет характерен для эпохи постмодерна и на Западе, и на Востоке, но во втором случае духовное начало усилено спецификой самого коммунистического проекта, польским философом З. Краснодубским названного «гиперморальным». В период постиндустриального развития, получившего у нас еще определение «постэкономического», уменьшается значение сугубо материалистических целей и мотивации. Восточная Европа не остается в стороне от подлинной культурной революции, охватившей современный мир — следствия революции образовательной. В восточной части Европы культура постмодерна утверждается в среде городской молодежи, относящейся к традиционной интеллигенции. Именно она становится социальным носителем уникального синтеза традиции и постмодерна, — быть может, главного социокультурного итога восточноевропейского, социалистического пути развития.

Одновременно расширяются границы и возрастает открытость духовной культуры народов региона внешним влияниям, усиливается «импорт» западных ценностей; одновременно увеличивается значение национально-культурного наследия. Социальным субъектом обоих процессов выступает интеллигенция, состоящая в большинстве своем из людей иного социального происхождения или новая, но взявшая на себя миссию проводника по сути «старых», т.е. традиционных норм и ценностей в жизнь. В городской образованной среде в 70-е годы формировался не только элитарный тип высокой культуры, но и возрождались культура народная.

В это десятилетие совершается своего рода антимодернизация, связанная с реставрацией «естественных» форм социальности, привычного жизненного уклада и сознания

людей в изменившемся за годы индустриализации мире. Антимодернистские ориентации, тенденция отказа от рационального и материального в пользу чувственно-эмоционального начала лежат в основе культуры постмодерна. В Восточной Европе, еще совсем недалеко ушедшей от эпохи традиционализма, эти процессы проявились особенно мощно. Наиболее глубокий пласт духовных ценностей народов региона, детерминирующих «природу» восточноевропейского общества, оставался мало измененным. В результате к концу второго этапа послевоенного развития национально ориентированные стратегии развития, основанные на неотрадиционалистском фундаменте, достигли максимального проявления. «Вершина» их — изменившая сознание «революция Солидарности» и антикоммунистические революции 1989 — 1991 гг.

Индустриально-технологическая культура — по сути своей материалистическая и секуляризированная — формировалась в восточной части Европы своеобразно. Со времени первых пятилеток она складывалась под воздействием не рынка, а плана, в условиях сдерживания индивидуальной финансово-экономической, частнопредпринимательской инициативы. Но дело не только в этом. На протяжении двух столетий культура восточноевропейского модерна утверждалась преимущественно на художественной, литературной основе. Движение за национальное возрождение в странах региона началось с создания национального языка, литературы, которая оценивалась не только по ее эстетической, но и политической значимости, выполнению ею общественного предназначения. В процессе эволюции восточноевропейского общества экономика традиционно имела второстепенное значение по отношению к политике и культуре, а литературоцентризм всегда составлял неотъемлемую часть российской модернизации, позже — развития по «советскому образцу» в Восточной Европе. Книжный эталон жизни и сформировал народную, или новую интеллигенцию с характерной для нее развитой нравственной мотивацией, навеянной литературной классикой, романтическими идеалами, завышенными ожиданиями и надеждами. «Нематериализм» имманентно присутствует в восточноевропейской и русской (российской) культурной традиции, выразителем которой выступила интеллигенция. Экономический рационализм, меркантилизм ей несвойственны.

Высокообразованную молодежь 70-х годов, выросшую в условиях государственного и семейного патернализма, отличало повышенное ощущение финансово-экономической и физической безопасности. Возникла социокультурная категория, выражающая постматериалистические — для нее производные от доматериалистических — ценности позднего модерна. А в результате смены поколений начала 80-х годов в Восточной Европе эта группа, состоящая из «личностей», пришла на смену «организованному» поколению, ориентированному на участие в массовых политических движениях и партиях. Именно в этой группе реализовалась специфика «неэкономического» типа цивилизационного развития. Восточноевропейское общество первым дало миру образец «человека постмодерна», возможно даже опередив Запад, который двигался к той же цели иным путем, через длительное наращивание уровня материального благосостояния и расширение гражданских свобод личности.

Сложные отношения традиции и современности, не сводимые к их противопоставлению, на рубеже 1970 — 1980-х годов породили 30-летнего городского интеллигента, явно опережавшего свое время. Как и западный сверстник, он вырос в период систематического улучшения условий жизни, ожидая продолжения и развития этого процесса. Амбициозные планы «догоняющего Запада потребления» рождали у молодого восточноевропейца убеждение, что жизнь должна постоянно улучшаться, и вскоре произойдет перелом к качественно новому состоянию. Вместе с тем в опыте этой генерации воплотилось и доиндустриальное прошлое, и наступающее постсовременное будущее, дав ослепительный, но короткий всплеск духовной энергии в виде специфического историко-культурного феномена — «социалистического постмодерна», предвещения явления «бархатных революций». Этим преимущественно эмоционально-символическим всплеском, проявившимся в сфере культуры и политике, завершилась восходящая социальная мобильность, которая для народов региона началась радикальными антикапиталистическими преобразованиями рубежа 1940 — 1950-х годов.

«Герой» того десятилетия — многообразный в своих национально-культурных проявлениях человек, стремящийся к счастью и самореализации и не вписывающийся в жесткие рамки схемы, политического или экономического порядка. Он пытается улучшить существующий строй жизни, произвести его нравственную коррекцию, отвергая антигуманизм

и антидемократизм форсированной модернизации, ее общественно-политической основы — коммунистического режима. Интеллигенция возглавила массовые гуманистические движения периода социалистического постмодерна, сопровождавшиеся национальным подъемом. События Пражской весны 1968 г. и «революции Солидарности» 1980—1981 гг. представляют собой два пика этого движения, инициированного ее старшим и младшим поколениями новой интеллигенции. В них, в сущности, и заключена историческая биография этой группы общества. Восточноевропейский постматериалист отличался от западноевропейского прежде всего своим критицизмом по поводу способов функционирования политической системы. Именно он, в конечном счете, и привел общество данного типа к (преимущественно) «бархатной» смене общественной системы в 1989 г. Таким образом, коллапс «реального социализма» произошел не в результате отказа от ценностей современного гуманизма, а, напротив, благодаря радикальному и последовательному следованию им²⁹.

В течение всего послевоенного периода, а особенно в конце 70-х годов важнейшей проблемой, волновавшей общественное сознание в социалистических странах, оставалось достижение экономического, социального, политического равенства граждан. Ощущение его недостатка рождало наибольшее массовое недовольство. Люди с нематериалистическими жизненными ориентациями были особенно чувствительны к различиям между представителями номенклатуры компартии и остальным населением, между выразителями различных политических взглядов, между участвующими в управлении и рядовыми гражданами. Сфера политического сознания сыграла ключевую роль в судьбах и самого восточноевропейского постматериалиста, и всего общества восточноевропейского типа.

Ко второй Великой трансформации привел период перестройки, которая фактически началась уже в середине 70-х годов. Тогда на общественную сцену вышли молодые постматериалисты и утверждалась модель социализма, которую польский социолог Я. Стршелецкий назвал «лирической». Семидесятые годы получили в Польше еще одно определение — «технократический патриотический сентиментализм». Это был период возрождения традиционного образа нации как культурного единства, главным носителем которого всегда выступала писательская интеллигенция. Идея этничности тесно связана с идеей демократизма, выра-

жавшейся в стремлении высокообразованной молодежи расширить участие трудящихся в управлении.

К этому времени «домашний социализм» с его абсолютным приоритетом частной сферы жизни свел официальную, институциональную сторону существующего строя к внешним, ритуальным проявлениям. Лирическая и патриотическая модели социализма во многих отношениях не противоречили важнейшим положениям социального учения церкви. На этой почве укоренялись близкие народам региона идеи солидарности, национального единства, патриотизма, самоуправления. Из них возникло протестное движение «Солидарность», которое, по определению его участника, польского исследователя Я. Курчевского, было не восстанием отчаявшихся людей, а революцией тех, чьи мечты остались нереализованными. Идеалистическая сущность социалистического гуманизма нашла свое наиболее яркое проявление также в искусстве, особенно кинематографе, в науке, нравственных идеалах рубежа десятилетий.

Характерно, что недовольство своим уровнем жизни долгое время не находило выражения в росте материалистических установок восточноевропейцев. Они были распространены в Польше даже меньше, чем в странах Запада с высоким уровнем благосостояния и стабильной экономикой. Дело было не в самой удовлетворенности поляков своим материальным положением, а скорее в их ощущении защищенности и безопасности — экономической и физической. Доля лиц с постматериалистическими ориентациями в Польше, по данным 1980 и 1984 гг., была одной из максимальных на фоне наиболее развитых стран³⁰. Социалистическая система периода исчерпания проекта модернизации «по советскому образцу» рождала далеко идущие массовые ожидания и устремления. Господствовало ощущение преддверия новых грандиозных перемен, атмосфера нарастающего праздника. Восточноевропейское общество, только что пережившее мощные социальные перемещения, в сильной мере маргинализированное, еще жило «энергией восхождения», хотя возможности ее в данной общественной системе были исчерпаны. Весь предшествующий 30-летний период «восхождения», связанного с реализацией социалистического модерн-проекта, нашел свое завершение в эмоциональном подъеме 80-х, их «ценностном фоне» — «общечеловеческом», «возрожденческом».

Поколение восточноевропейских «бунтарей» вышло на общественно-политическую сцену уже не в 20 лет, как западные сверстники, участники «молодежной революции» конца 60-х годов, или начала периода посткапитализма (социализированного капитализма), а в 30—40 лет. В этой генерации восточноевропейцев, рожденных и выросших в условиях системы советского типа, было наибольшее количество и искренних сторонников идеи социализма, и приверженцев постэкономических ценностей. При слабой дифференциации заработков и отсутствии безработицы, когда экономическая сторона труда действительно в сильной мере утратила свое значение, молодое поколение было сориентировано на личностное развитие и творческое самовыражение. В 80-е годы высокообразованная часть общества остро ощутила дефицит возможностей самореализации, повышения качества жизни, участия в принятии решений. Этих людей, происходивших из благополучных слоев, объединила не социальная принадлежность или экономические интересы, а протестная культурно-политическая ориентация. Она характеризовалась исследователями как сугубо «постматериалистический феномен». За ним стояло стремление тридцатилетних противопоставить себя старшему поколению с его преимущественно материалистической ориентацией. Социальное происхождение и тип социализации «отцов» были совершенно иными. Молодая интеллигенция с ее нонконформизмом, нематериализмом, стремлением к демократизации общества больше не укладывалась в рамки «домашнего социализма» с его спокойным, достаточно обеспеченным, обывательским существованием. Особенно характерно это было для польских нематериалистов-романтиков, которых сформировала историческая традиция борьбы за национальную независимость.

Польский романтизм особый — политический. В основе его находится эмоционально окрашенный патриотический и героический этос, ценности свободы, справедливости, человеческого достоинства и национальной солидарности. Глубоко укоренившись в культуре, польский романтизм традиционно служил философией борьбы за независимость. В конечном счете именно политический романтизм и составил доминанту социокультурного облика массовой, национально ориентированной восточноевропейской молодежи, прежде всего молодежи польской. В конце 70-х годов в условиях экспансии неотрадиционализма как реакции на рацио-

нализм соцмодерна романтизм пережил время своего возрождения. Господство его в эти годы в жизни региона предопределило эмоциональный, образно-символический подтекст зарождавшихся политических процессов, идеалистическое восприятие общественных реалий и путей их изменения. Имматериальные механизмы и стимулы жизнедеятельности до конца XX в. оставались важной стороной поведения и сознания восточноевропейца, что свидетельствовало о сохранении их мощных традиционалистских пластов. Фундамент традиционализма – религиозные и семейные ценности – возрождался в среде городского образованного класса. Новое «дыхание» получил сам традиционный этос интеллигенции, казалось бы, угасший в 50-е годы. Под воздействием литературной классики, хранящей дух вольнолюбия, и кинематографа, получившего в Польше название «кино морального беспокойства», возрождались историческая память о старой интеллигенции, о борьбе за независимость.

Совокупность черт высокообразованного горожанина того времени не соответствовала образу «простого» восточноевропейца, ориентированного на частно-стабилизационные ценности и стратегии, на малую группу, семью, на тихое существование в «теневой» сфере общественной жизни. Нарождающемуся в рабочей и крестьянской среде в 70-е годы буржуазному стилю жизни молодая интеллигенция противопоставила культуру нематериалистическую, ориентированную на идеалы высокой духовности. Утомленным жизненным укладом «домашнего социализма», первое многочисленное поколение национальной интеллигенции болезненно ощущало несовершенство жизни и воспринимало себя в роли первопроходца постматериалистического будущего человечества, пытаясь доказать, что между материальным благополучием и человеческим счастьем нет прямой зависимости.

Переход к постиндустриальной культуре, основанной на творческом самовыражении личности, который современный мир переживал на протяжении последней трети XX в., представлял собой не менее масштабное и исторически значимое явление, чем предшествующий ему переход к культуре индустриального типа. В Восточной Европе основной потенциал свершения этого, второго, перехода концентрировался в среде образованного класса, прежде всего молодой интеллигенции, созданной социализмом. Однако уже в 80-е годы творческий, созидательный потенциал «новообра-

зованных слоев» был канализирован в разрушительное русло — на борьбу с утратившим былую мощь коммунистическим режимом.

«Героический» финал процесса модернизации и переход от политических требований к экономическим («феномен Солидарности»)

Дезинтеграция ценностного фундамента общества, происходившая по мере исчерпания проекта соцмодернизации, подготовила великий перелом в сознании народов региона, процессы «перестройки», предшествовавшие смене строя на рубеже 80 — 90-х годов. Провозвестником антикоммунистических революций в странах Восточной Европы явилась польская «революция Солидарности», которой завершается период консервативной (социалистической) модернизации во всем регионе. С нее же начинается длительный путь общественной трансформации по пути капиталистического развития и «поворот к Западу». В авангарде перестроечных процессов, связанных с изменением системы представлений и ценностей восточноевропейцев, находилась Польша, народ которой характеризуется своей «нетерпеливостью»³¹ и склонностью к «острым» формам протестной активности³². То, что именно эта страна первой в «восточном блоке» отказалась от системы советского типа, польский обществовед М. Жюлковский объясняет не только приверженностью ее граждан так называемым современным ценностям; но больше явлением противоположного рода — всплеском значения ценностей традиционных³³.

Оппозицию коммунистическому режиму в Польше, как впоследствии и в других странах региона, составляли даже не конкретные социальные силы и не интересы отдельных групп общества, а эмоционально окрашенные идеалы и ценности. Приоритет ценностей над интересами отличает человека традиционного общества, как до известной степени и общества постмодерна, от материалистически и рационалистически ориентированного человека эпохи модерна. В движение «Солидарность» вошло подавляющее большинство квалифицированных рабочих, свыше половины интеллигенции и членов ПОРП. Движение представляло собой культурно-политическое единство людей. Оно создало новую мировоззренческую общность на месте только что утерянной после распада системы ценностей периода соцмодернизации.

Польская «Солидарность» вошла в мировую историю как наиболее яркий пример противостояния общества, с одной стороны, и государства, воплощенного в «руководящей роли компартии», — с другой. Стремление к самореализации личности, к получению «равных шансов для каждого» захватило умы граждан. Сплотившись в движение «Солидарность», они действительно ощутили себя коллективной силой. Особенно большое влияние оказал на страну с населением, 90% которого составляют католики, визит папы римского в 1979 г. Он способствовал укреплению чувства национально-религиозной идентичности и переходу к мобилизационному этапу общественного развития. Успех забастовочного движения усилил надежды на скорые перемены.

Непримиримое противостояние общества с властью началось после введения военного положения в декабре 1981 г. Оно предопределило последующее развитие событий, подготовивших поляков к радикальной смене всего уклада их жизни и системы ценностей. Противостояние имело неорационалистский, ценностно-символический характер («мы и они»), было овеяно ореолом героико-романтическим — религиозным и патриотическим. «Нематериалистическим» был сам феномен «Солидарности», появившийся и фактически исчезнувший, выполнив свою историческую роль. Для понимания процессов перестройки общественного сознания в период между двумя Великими трансформациями анализ этого феномена имеет ключевое значение.

Польская исследовательница Я. Станицкис называет два главных явления идеологической жизни стран региона, ускоривших крушение «коммунизма» и повлекших своего рода культурную революцию, обернувшуюся революцией политической³⁴. Это, во-первых, реанимация в 70-е годы и последующее широкое хождение понятия «Центральная Европа» как альтернативы объединяющим, подчеркивающим восточный вектор ориентации стран региона, понятиям «Восточная Европа», «социалистическая система», «советский блок». Второй же составляющей культурной революции, подготовившей 1989 год, и был «феномен Солидарности» 1980 г. Он активизировал массы, придав политический смысл чисто моральным категориям, близким и понятным простому человеку, таким, например, как «борьба добра со злом». Именно моральные нормы служили главным критерием дифференциации массового сознания в начале 80-х годов.

Движение «Солидарность» в качестве моральной революции могло возникнуть только в стране с таким высоким уровнем религиозности, как Польша. Люди здесь яснее представляли себе, «какими они должны быть или должны хотеть быть», чем «кто они и кем хотят быть». Только в Восточной Европе, прежде всего у польского народа с его традициями борьбы за независимость и негативной социальной и национальной идентификации, мог возникнуть такой «коллективный субъект», как движение «Солидарность». Польский социолог Х. Доманьский ввел понятие «солидарного коллективизма» как отличительной черты польской нации, связанной с признанием значимости «общего дела», готовности самопожертвования ради него. Поляки более склонны интегрироваться и объединяться против чего-либо, чем за достижение общезначимой цели³⁵. Широко известно изречение одного из лидеров движения «Солидарность» А. Михника: «Мы отлично знаем, чего не хотим, но, чего мы хотим, никто из нас точно не знает».

Сама идея солидарности особенно близка польской культуре — и массовой, народной, и высокой, элитарной. Она отвечает духу и христианской теологии, и идее общественно-политического предназначения польского романтизма с характерным для него максимализмом и нетерпением. Движение «Солидарность», согласно утверждению социолога В. Веселовского, «глубоко укорененное создание польской культуры». «Солидарность» посеяла иллюзию скорых, желанных для всей нации преобразований. Она морально подготовила подавляющее большинство поляков к последующему развитию событий, приведя их к принятию идеи смены общественной системы в 1989 г. Но для всего восточноевропейского общества дело не ограничивалось очередной сменной систем. Вместе с ней «завершилась драматическая и красивая глава польской романтической психо-истории борьбы за независимость»³⁶. Вся Восточная Европа, как и народы бывшего СССР, оказалась на пороге смены культурно-цивилизационного генотипа, сохранявшегося в условиях консервативной модернизации.

Все началось в Польше, а затем и в других странах региона с дестабилизации массового сознания и системы ценностей. Возникло состояние, близкое к культурному шоку, выразившееся в хаосе и неопределенности жизненных основ, взглядов, установок, представлений по важнейшим вопросам бытия. Исследование 1984 г. показало, что у 49% опро-

шенных поляков в прошедший после 1980 — 1981 гг. период оценка и интерпретация этих событий не совпадали с представлениями их друзей и знакомых, нередко противоречили им. Различия в политических взглядах подрывали сплоченность малых групп, внутреннее единство которых у народов региона было очень прочным. Уже данные 1981 г. свидетельствовали о падении значения таких важнейших для поляков ценностей, как личная и семейная жизнь, домашнее хозяйство и рост квалификации³⁷. Утеря жизненных ориентиров вызвала нарушение социокультурной идентичности людей, дестабилизацию всего общественного организма. В этой ситуации движение «Солидарность» взяло на себя роль недостающей национально-культурной общности. Она воспринималась и как общность политическая, все более решительно противопоставляющая себя социалистическому строю. Произошла политизация национального сознания, и нация воспринималась теперь прежде всего как политическое единство.

Но это был и этос поколенческий. Кризисные события сформировали генерацию, ставшую их социокультурным выразителем и движущей силой. «Поколение Солидарности», как и «поколение 1968 года», обладало общностью сознания и поведения, представлений о причинах и последствий происходящих событий. Парадокс заключался лишь в том, что речь шла о генерации «питомцев» реального социализма, превратившихся в генерацию «бунтарей» против его порядков. Именно это поколение, еще не вросшее, отчасти в силу своей затянувшейся социальной молодости, в ткань общественного организма, но обладающее значительным нереализованным потенциалом, остро ощутило вакуум целей и ценностей дальнейшего развития восточноевропейского социализма. Оно было открыто для восприятия радикальных альтернатив существующей системе и фактически явилось их проводником в жизнь. Процессы политизации захватили именно их, кому в начале 80-х годов было от 25 до 35 лет. Они, став социальной основой движения Солидарность и заняв многие ключевые позиции в ее организационных структурах, превратились в движущую силу ускоренной политизации всего общества. Старшие видели в молодежи бескомпромиссных и отважных борцов за принципы и ценности, общие для двух поколений. Более образованным «детям» «отцы» отводили роль лидера движения обновления. В этом заключалось своего рода разделение семейных

ролей, соответствующее восточноевропейскому представлению о народе как «большой семье».

Процесс политизации массового сознания и системы ценностей населения Польши имеет четкие хронологические рамки. Это конец 70-х — середина 80-х годов, когда аналогичные процессы начались в остальных странах восточного блока, в том числе в СССР. Польша первой продемонстрировала образец массовой политической мобилизации в условиях смены общественного строя. Возможности его тиражирования в регионе были обусловлены общим типом развития составлявших его государств во второй половине XX в., его социальными итогами и последствиями.

«Революция сознания», состоявшаяся в Польше в первой половине 80-х годов, а в большинстве других социалистических стран во второй их половине, сформировала массовую оппозицию системе. И в этом заключалось ее историческое значение для судеб народов восточноевропейского региона, всего современного мира. Самое поразительное, что все действительно «бархатные», эмоциональные всплески сознания, составлявшие сущность этой революции, были инспирированы самой марксистско-ленинской идеологией, сформировались на ее основе и направлялись на ее обновление и развитие, но не на ликвидацию. Социальную основу движения обновления составили крупнопромышленные рабочие и высококвалифицированные специалисты, госслужащие, воспитанные системой советского типа, образованные ею и «буквально воспринявшие тезис о своей ведущей роли в обществе»³⁸.

Польские данные 1978 г. свидетельствовали о том, что рабочий класс этой страны на исходе соцмодернизации настроен наиболее решительно. У него отмечалось заниженное ощущение страха, беспокойства и завышенная самооценка, рождавшие авторитарные наклонности и нонконформизм, а также сознание своей общественной значимости, ощущение единства и стремление преодолеть всякое социальное неравенство. В 1980 г. рабочий класс почувствовал вкус к спонтанно организованным коллективным акциям. Лозунг на воротах Гданьской судовой верфи гласил: «Пролетарии всех предприятий, соединяйтесь!», на митингах звучал национальный гимн. Движение имело выраженный патриотический и социалистический характер. Рабочие требовали воплощения в жизнь фундаментальных принципов социализма, чувствительно относясь к любым отклонениям от его доктрины. Не

только в 1972 — 1974 г. или 1978 г., но и в 1980 г., участвуя в антиправительственных акциях, люди хотели закрепления равенства шансов и прав, справедливого распределения материального вознаграждения в зависимости от величины трудового вклада («каждому по труду»), ликвидации социальных барьеров, демократического контроля над действиями власти, экономической безопасности. Таким образом, именно равенство и справедливость оставались приоритетными. Эгалитарная идеология, господствовавшая в 50 — 60-е годы, в забастовочном 1980 г. вновь пережила кратковременный, но интенсивный всплеск, сменившийся вскоре спадом, который продолжался до конца десятилетия.

Наибольшее массовое недовольство вызывали представители элиты, которую в то время составляли активисты ПОРП. Именно они персонифицировали так болезненно ощущаемое поляками неравенство. Материальные привилегии представителей властных структур вызывали негодование рядовых граждан³⁹. В исследовании «Поляки-81» приводится высказывание лидера ячейки «Солидарности» на одном из крупнейших заводов, в котором он противопоставил «людей, имеющих дачи, виллы, дома, машины и т.п., и людей, всего этого не имеющих». Он задавался вопросом, «как смогли они приобрести все это, добиться такой судьбы за 20 — 30 лет?»⁴⁰ Еще в 1984 г. считалось, что уравнительный «тип отношений так глубоко укоренен в общественном сознании, что радикальная рыночная реформа не встретит массовой поддержки»⁴¹. Эксперты говорили о необходимости перехода к системе, обеспечивающей, напротив, большие гарантии труда и справедливого вознаграждения.

Дестабилизация системы ценностей социалистического общества произошла в Польше в конце 70-х годов, но отказ от идеи социализма — только десятилетие спустя. И в 1987 г. среди молодежи 58% в целом одобрительно относились к социалистической модели развития. Противоположного мнения придерживались 28,9%. И лишь два года спустя взгляды зеркально трансформировались; соотношение сторонников и противников социализма составило 28,8% и 60,4%. Или: в 1987 г. 69,9% молодежи считали, что социализм принес больше приобретений, чем потерь, или, по крайней мере, столько же, а 23,3% думали иначе; в 1989 г. пропорция составила уже 39,7% и 55%⁴².

Мало кто в то время задумывался над реальными последствиями происшедшего. Вся общественная жизнь была

пронизана мифологизмом, а массовые протесты имели характер преимущественно символический. Для общественных конфликтов в Восточной Европе в целом характерна театральная, ритуальная атмосфера. Особенно это относится к Польше, где наиболее сильны традиции политического символизма⁴³. Саму «революцию Солидарности» Я. Станицкис считает попыткой создания молодым поколением новой утопии, когда сами радикальные оппоненты режима одновременно принадлежали к числу приверженцев его фундаментальных черт. Этос романтического героизма и мессианства, сочетание религиозных мотивов и патриотических целей составляют политическую традицию Польши. Программа «Солидарности» производна от нее, как и от подсознательно воспроизведенных в современном облике национальных и христианских ценностей⁴⁴. Основу этой программы составила концепция коллективной социальной ответственности, автором и исполнителем которой стал образованный класс. Он сформировался по канонам польского романтизма, культа трагического героя, подчинения политической активности моральным требованиям и приоритета эмоций над рационалистическим типом поведения. Все это — результат огромного влияния художественной литературы на формирование политической традиции страны в XIX в. Это влияние усиливалось во время войн и общественных кризисов XX в. Оно характерно и для 1948 — 1989 гг., когда литература выполняла роль «невидимого правительства», а «польским героем» был, по выражению И. Курчевской, идеальный с моральной точки зрения представитель сообщества, католик, защитник наследия национальной культуры, но не гражданин в представлении западной демократии⁴⁵. Ценности «революции Солидарности» характеризуются как фундаменталистские, а сам этот феномен назван «красивым, но политически опасным». «Красивая болезнь» 1980 — 1981 гг., связанная с появлением и крахом «Солидарности», обернулась «польской драмой»⁴⁶.

Борьба за национальное самоопределение одновременно с коллективной оппозицией компартии послужила мощным мобилизующим фактором. Как и в классических национальных движениях XIX в., дух самопожертвования во имя патриотических и гражданских символов объединил общество. Требование «Солидарности»: «Мы хотим, чтобы Польша стала Польшей», — оказывало большое эмоциональное воздействие. Но непонятым оставался ответ на вопрос, о какой

именно Польше идет речь. «Солидарность» представляла собой «ценностно-ориентированный монолит», а не сообщество заинтересованных в достижении конкретных целей групп общества. Разделительная линия между противоборствующими сторонами пролегла не в социальной или классовой плоскости, а в ценностной, т.е. культурной, точнее культурно-политической, или социально-психологической. Фактически общественная функция этого движения, как и последующих бархатных революций, свелась к разрушению коммунистического режима. Однако этос «Солидарности», провозглашавшиеся ею идеалы были бесконечно далеки от социокультурной реальности общества либерально-демократического типа, от рыночной экономики, частной собственности, политического плюрализма, западной демократии. Солидарность как тип культуры, несмотря на свою антикоммунистическую направленность, тяготела скорее к предшествующему периоду консервативной модернизации с ее неотрадиционалистским заключительным этапом, чем к сменившей его эпохе прагматизма.

Уже в 80-е годы XX в. начался переход от эмоционально-символической, ценностной основы жизнедеятельности к материалистической. В польском общественном сознании, пребывавшем в состоянии мировоззренческого хаоса, происходили важные сдвиги: шла адаптация к рыночным принципам экономической жизни. Изменения в ментальной плоскости получили название «перестройки», или «революции сознания». Они имели стадийный характер. Процессы политизации сознания под влиянием культурного, психологического шока, вызванного «революцией Солидарности», вскоре сменились процессами его экономизации. Побеждало стремление к смене общественной системы, но уже не ради абстрактных идеалов морального обновления, а в ожидании роста личного благосостояния.

* * *

Ухудшение в самом начале 80-х годов после «декады успехов» материального положения населения имело далекие для судеб общественного развития последствия. Спад уровня жизни происходил одновременно с появлением новых, прежде не существовавших источников получения доходов. Открывая возможности дополнительных заработков на негосударственных предприятиях, люди приходи-

ли к идее смены системы, уже не удовлетворявшей их материальные потребности. Снижение жизненного уровня еще могло бы быть принято старшим поколением, которое в Восточной Европе составляли преимущественно выходцы из малообеспеченных слоев крестьянства, «эмигранты из бедности», готовые к новым лишениям. Однако падение благосостояния было неприемлемо для второго поколения образованных горожан, ориентированного на западные стандарты потребления. Они уже не ощущали «поступательности развития» и жизненной перспективы, которую в свое время давало «отцам» участие в восходящих социальных перемещениях.

Одновременно происходила девальвация труда в госсекторе экономики. Он стремительно терял свое значение детерминанты уровня благосостояния индивида и его семьи. Большинство даже считало, что «мало чего можно достичь трудом» и заявляли о потере веры в это. Свыше четверти опрошенных, а среди высокообразованных слоев 42% констатировали снижение всякого желания трудиться⁴⁷. Параллельно шел рост занятости в частном секторе экономики, главным образом в торговле. Неожиданно общество приняло высокие доходы «частников», оправдывая их высокой степенью риска предпринимательства. Вместе с тем аналогичные по величине доходы в госсекторе, особенно у управленцев, вызывали протест.

«Революция Солидарности» действительно была высшей точкой сплочения нации. В 1980 г. все группы общества обладали схожими взглядами и представлениями. А уже в 1981 г. начался процесс их социальной дифференциации. Первой жертвой его пал базисный для социалистического строя «союз рабочих и крестьян», распался и альянс квалифицированных рабочих и интеллигенции. Духовное единство общества, существовавшее в 1980 г. на волне политизации массового сознания, исчезало. Основу единства рабочих и служащих составляли общие эгалитарные устремления. Однако с 1984 г. (польская социология может датировать этот перелом с точностью до года) взгляды и интересы интеллигенции и рабочего класса эволюционировали в противоположном направлении. Динамика их материального и социального положения уже тогда значительно различалась. Политизированная и стремящаяся к улучшению материального положения интеллигенция, госслужащие, сомкнувшись с реформаторским крылом компартии, привели

Восточную Европу ко второй Великой трансформации. Стремительная перемена социокультурного облика самой интеллигенции породила драму ее социальной деградации в условиях рыночных реформ следующего десятилетия.

Напротив, экономический кризис остановил распространение антиэгалитарных взглядов среди квалифицированных рабочих, сблизив последних с малоквалифицированной их частью и отдалив от интеллигенции. За «потолок» заработков выступало в 1981 г. почти одинаковое количество специалистов (68,8%) и квалифицированных рабочих (71,6%), а уже в 1984 г. — соответственно 41,1 и 57,4%, в 1988 г. — 37,0 и 63,0%. В 1990 г. сторонников эгалитарных взглядов среди квалифицированных (60,0%) и неквалифицированных (59,0%) рабочих уже почти вдвое больше, чем среди специалистов (33,0%)⁴⁸.

Расхождение позиций двух «социальных столпов» восточноевропейского общества, происходившее на протяжении всех 80-х годов, подготовило революционные перемены. Специалисты пришли к ним с выраженными либеральными, антикоммунистическими взглядами. В 1988—1990 гг. доля сторонников безграничной приватизации среди польской интеллигенции удвоилась⁴⁹. Эта группа населения была уверена, что имеет наибольшие шансы преуспеть при новом строе, а молодая ее часть ценила свою свободу выше, чем экономическую безопасность. Совершался отказ от предпринятой «Солидарностью» попытки создания гражданского общества чисто политическими методами, не связанными с введением института частного предпринимательства. Итогом этого отказа было сближение интеллигенции с нарождающимся слоем предпринимателей.

Еще в начале 80-х годов социально-политическая дифференциация польского общества не совпадала с социально-экономической. Политическая идентичность формировалась на организационно-институциональной основе (профсоюз, партия, движение), экономическая — на основе общественных групп и слоев с соответствующим уровнем образования и доходов. В последующем политические ориентации наполнялись экономическим содержанием. Одновременно повышение жизненного уровня становилось для восточноевропейца гораздо более важной задачей по сравнению со сведением счетов с компартией. Сама же политическая система интересовала людей лишь настолько, насколько

ко она предоставляла возможности осуществления материальных интересов и ожиданий.

Такое ключевое понятие, как эгалитаризм, утрачивало свое политическое содержание, превращаясь в постулат прежде всего экономический. Как результат — эгалитаризм терял свои позиции. В ответ на вопрос, нужно ли устанавливать максимальный предел заработной платы, в 1980 г. 90% ответили позитивно, в 1981 г. — 78%, в 1984 г. — 56%. За необходимость значительной дифференциации зарплат в зависимости от квалификации выступало соответственно 54 : 62 : 81%⁵⁰. Процесс неуклонной смены эгалитарного типа сознания на неэгалитарный служил основой трансформации мировоззрения восточноевропейца, его «бегства из социализма». Польский опыт такого рода исторического перехода раскрывает логику или модель системных изменений в регионе в целом.

Шло «насыщение» общественного сознания неэгалитарными представлениями, последующее снижение их привлекательности — результат прояснения реального содержания рыночной экономики и расставания с ее мифологизированным образом. Если в конце 70-х годов эгалитарные постулаты служили выражением общественного протеста, несогласия с несправедливой системой распределения, то к середине 80-х годов ту же функцию начали выполнять постулаты неэгалитарные. Что характерно, в обоих случаях речь шла о стремлении к равенству шансов, справедливости, к тому, чтобы заработки зависели только от индивидуального трудового вклада. Ожидали экономических реформ и «эгалитаристы», и «антиэгалитаристы», по-своему представляя их смысл и последствия. Каждая из групп общества рассчитывала, что именно ей реформы принесут наибольшую выгоду.

Стремилась к реформам и коммунисты, считая их важнейшим пунктом своей экономической программы. Принадлежность к этой партии не означала предпочтения определенной хозяйственной системы⁵¹. Как установили польские социологи, члены ПОРП — наравне с наиболее «продвинутыми» высокообразованными контингентами — ждали неэгалитарных последствий реформ, предвидя в результате их дифференциацию доходов населения.

Открытие в начале 80-х годов каналов рыночной экономики одновременно со снижением реальной заработной платы в госсекторе и ростом доходов работников частных предприятий рождало мечты восточноевропейца о быстром обогащении.

Начался отток рабочей силы из госсектора в частный. Он послужил мощным импульсом к широкому распространению альтернативной модели поведения и стиля жизни, прежде практически неизвестной. Легитимация различных форм занятости, как и незанятости, расширение диапазона трудовых возможностей в конечном счете предопределили успех капиталистической революции.

Политическую идеологию с ее делением на левых и правых, либералов-демократов и консерваторов-коммунистов сменяла идеология экономическая. В ее рамках «линия фронта» проходила между нематериалистами (постматериалистами) и материалистами, прагматиками. Последние постепенно завоевывали господствующие позиции в обществе и его сознании. Кульминацией этого важнейшего социокультурного сдвига явилась шоковая терапия начала 90-х годов. Как и культурный или культурно-политический шок, вызванный «революцией Солидарности», экономический шок первыми испытали поляки. Между этими двумя потрясениями прошло десятилетие. Именно оно стало решающим для перехода «от социализма к капитализму». Не в 90-е, как принято считать, а уже в 80-е годы на руинах распадающегося в социальном и культурном отношении восточноевропейского общества началось формирование совершенно новых структур, соответствующих реалиям общества раннекапиталистического типа. Жесткий материализм эпохи либерализации зарождался в атмосфере всеобщего духовного подъема, вылившегося в эйфорию «бархатной» антикоммунистической революции 1989 г. Важным фактором этого подъема явился всплеск материальных потребностей населения, происходивший на фоне бурного роста частнопредпринимательского слоя и экспансии идеологии «индивидуальных возможностей».

Идеология эта, правда, так и не стала доминирующей. В 1991 – 1992 гг. ее предпочитали идеологии «государственных гарантий» только чехи и меньше – поляки. Уже для словаков, а тем более венгров соотношение сторонников «индивидуальных возможностей» и «государственных гарантий» составляло 20 : 34% и 15 : 43%⁵². Венгры, раньше всех остальных начавшие экономические реформы, смогли к этому времени оценить преимущества системы «гарантированного благополучия». Рыночная свобода была для них уже не мечтой, а суровой реальностью.

Однако в преддверии и сразу после революции 1989 г., получившей название демократической, само понятие «демократия» воспринималось на массовом уровне скорее уже в экономическом, чем политическом смысле. Утверждалось инструментальное представление о демократии как верном и эффективном пути к обеспечению экономического и социального благосостояния индивида и общества. Еще несколько лет назад также интерпретировалось «строительство социализма». Именно в силу отношения людей к демократии как единственной возможности значительно повысить уровень жизни, в кратчайшие сроки «догнать Запад» по уровню потребления процесс смены политического режима получил мощную массовую поддержку. Сравнительное исследование стран Западной и Восточной Европы 1990 г. показало, что на общем фоне у поляков самое позитивное отношение к понятию «капитализм». В целом восточноевропейцы оценивали его преимущества выше, чем жители самих капиталистических стран⁵³. Поддержка смены строя стала результатом прагматического выбора, а не морального суждения. Перестройка или революция сознания, подготовившая смену системы в 1989—1991 гг., прошла три последовательных этапа: «моральный», «политический» и «экономический».

Грядущая демократия породила массовые ожидания, по масштабу не уступающие, а возможно даже превосходящие ожидания, созданные коммунистическим режимом. Самое начало процессов либерализации, сопровождавшееся падением уровня жизни, принесло перемены, прямо противоположные ожидавшимся.

¹ Connor W.D., Gitelman Z.Y. Public Opinion in European Socialist Systems. N.Y., 1977. P. 179

² Machonin P. a kol. The Czech Republic: Transformations and Modernization: Structural Change and Modernization in Post-Socialist Societies. Hamburg, 2002.

³ См.: Lane D. The Socialist Industrial State. L., 1976; Connor W.D. Socialism, Politics, and Inequality; Hierarchy and Change in Eastern Europe and the USSR. N.Y., 1979; Доманьский X. Появление в Польше меритократии // Социологические исследования. 2002. № 6.

⁴ Connor W.D. Op. cit. P. 31.

⁵ Kiuranov Ch. Attitudes of Youth to Work: the Bulgarian Case // International Social Science Journal. 1985. № 4. P. 511.

⁶ Nowak St. Changes of Social Structure in Social Consciousness // Polish Sociological Bulletin. 1964. № 2. P. 45.

⁷ Stoica A. Communism as a Project for Modernization: The Romanian Case // Polish Sociological Review. 1997. № 4.

⁸ *Adamski W.* Structural Conflicts Legacy as a Challenge to Systematic Transformation: the Polish Case in Comparative Perspective // *Sisyphus. Sociological Studies.* W-wa, 1997. Vol. X.

⁹ *Nowak St.* Op. cit. S. 52 – 53.

¹⁰ *Mokrzycki E.* A New Middle Class? Democracy, Civil Society and Pluralism. W-wa, 1995. P. 237.

¹¹ *Matejko A.* Social Incongruence in the Polish Intelligentsia // *Social Research.* N.Y. 1966. № 4. P. 612.

¹² *Kochanowicz J.* A Comment on Bella Greskovits and Dorothee Bohles article // *Polish sociological review.* 2001. № 1. P. 40.

¹³ *Adamski W.* Dwa pokolenia pracowników przemysłu. W-wa, 1980.

¹⁴ *Connor W.D.* Op. cit. P. 231.

¹⁵ *Československá společnost.* Br., 1969.

¹⁶ *Tuček M.* Komparace výsledků šetření sociální struktury z roku 1967 a 1987 // *Sociologický časopis.* 1992. № 1. S. 69.

¹⁷ *Konrad G., Szelenyi I.* The Intellectuals on the Road to Class Power: A Sociological Study of the Role of the Intelligentsia in Socialism. N.Y., 1979.

¹⁸ *Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.* The Utopia of Postsocialist Theory and the Ironic View of History in Neoclassical Sociology // *American Journal of Sociology.* 2001. Vol. 106, № 4. P. 1124 – 1125.

¹⁹ *Zagorski K.* Hope Factor, Inequality and Legitimacy of Systemic Transformation // *Communist and Post-communist Studies.* Los Angeles, 1994. № 4.

²⁰ *Wallerstein I.* Social Science and Communist Interlude, or Interpretations of Contemporary History // *Polish sociological review.* W-wa, 1997. № 1. P. 9.

²¹ *Вишневикий А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

²² *Bauman Z.* Comment on Eastern Europe // *Studies in Comparative Communism.* 1979. Vol. XII. № 2/3. P. 185.

²³ *Marody M.* Polish Political Attitudes // *Telos.* N.Y. Fall 1991. № 89. P. 110.

²⁴ *Wasilewski J.* Społeczeństwo polskie, społeczeństwo chłopskie // *Studia socjologiczne.* 1986. № 1. S. 52.

²⁵ *Tarkowska E., Tarkowski J.* Social Disintegration in Poland: Civil Society or Amoral Familism? // *Telos.* Fall 1991. № 89.

²⁶ Ciągłość i zmiana tradycji kulturowej. W-wa, 1989. S. 150 – 151.

²⁷ *Ibid.* S. 298.

²⁸ *Jawlowska A., Pawelczyńska A.* The Style of Life. Its Macrosocial Mechanisms and Differentiation // *Sisyphus.* 1981. Vol. 1. P. 150 – 151.

²⁹ *Krasnodębski Z.* Waiting for Supermarkets or the Downfall of Communism Seen in Postmodern Perspective // *The Polish Sociological Bulletin.* W-wa, 1991. № 4. P. 283.

³⁰ *Siemińska R.* Społeczeństwo polskie wobec wartości materialistycznych i niematerialistycznych w perspektywie międzynarodowej / *Studia socjologiczne.* 1988. № 4. S. 155 – 156.

³¹ *Ziółkowski M.* Pragmatyzacja świadomości i pluralizm strategii przystosowawczych Polaków w latach 1988 – 1999 // *Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny.* Poznań, 1999. № 3/4. P. 267.

³² *Adamski W.* Protest społeczny: aprobata – uczestnictwo – stosunek do represji // *Polacy' 81.* Postrzeganie kryzysu i konfliktu. W-wa. 1996. S. 149.

³³ Ziółkowski M. On the Diversity of the Present: Suspended Between Tradition, the Legacy of Socialism, Modernity and Postmodernity // Polish Sociological Review. 1998. № 1. P. 29.

³⁴ Staniszkis J. Post-communism. The Emerging Enigma. W-wa, 1999. P. 243.

³⁵ Marody M. The Political Attitudes of Polish Society in the Period of System Transition // Escape from Socialism. The Polish Rout. W-wa, 1992. P. 264.

³⁶ Bodio T. Psychology of Transformation from Romanticism to Pragmatism // Poland in Transition. W-wa, 1999. P. 17.

³⁷ Bialecki I., Sikorska J. Potrzeby i aspiracje życiowe Polaków w sytuacji kryzysu // Polacy' 81. Postrzeganie kryzysu i konfliktu. W-wa. 1996. S. 13.

³⁸ Społeczeństwo polskie przed kryzysem w świetle badań socjologicznych z lat 1977 – 1979. W-wa. 1987. P. 54.

³⁹ Wesolowski W., Wnuk-Lipiński E. Transformation of Social Order and Legitimization of Inequalities // Escape from Socialism. P. 92.

⁴⁰ Цит. по: Kolarska-Bobinska L. Social Interests, Egalitarian Attitudes, and the Change of Economic Order // Social Research. N.Y. 1988. № 1/2. P. 125.

⁴¹ Ibid. P. 112.

⁴² Marody M. On Polish Political Attitudes // Telos. Fall 1991. № 89. S. 109.

⁴³ Staniszkis J. Forms of Reasoning as Ideology // Telos. Winter 1985 – 1986. № 66. P. 69.

⁴⁴ Kurczewska J. Democracy in Poland: Tradition and Contexts // Democracy, Civil Society and Pluralism. W-wa, 1995. S. 73.

⁴⁵ Ibid. S. 85, 87.

⁴⁶ Staniszkis J. The Political Articulation of Property Rights // Crisis and Transition. Polish Society in the 1980s. N.Y., 1987. P. 53.

⁴⁷ Sarapata A. Society and Bureacracy // Escape from Socialism. P. 104.

⁴⁸ Kolarska-Bobinska L. An Economic System and Group Interests // Societal Conflict and Systemic Change. W-wa, 1993. P. 112.

⁴⁹ Adamski W. Privatization and Group Interests // Societal Conflict and Systemic change. P. 174 – 175.

⁵⁰ Nowak K. Public Opinion, Values and Economic Reform // Escape from Socialism. P. 137.

⁵¹ Kolarska-Bobinska L., Rychard A. Polytika i gospodarka w świadomości społecznej 1980 – 1990. W-wa, 1990. P. 142.

⁵² McIntosh M.E., MacIver M.A. Coping with Freedom and Uncertainty: Public Opinion in Hungary, Poland and Czechoslovakia 1989 – 1992 // International Journal of Public Opinion Research. 1992. Vol. 4, № 4. P. 385.

⁵³ Mason D. Public Opinion in Polands Transition to Market Democracy // Escape from Socialism. P. 156.

Научное издание

**ИСТОРИЯ
АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ
РЕВОЛЮЦИЙ
КОНЦА XX ВЕКА**

**Центральная
и Юго-Восточная Европа**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая*

Подписано к печати 12.12.2006
Формат 60 × 90¹/16. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл.печ.л. 25,0. Усл.кр.-отт. 25,0. Уч.-изд.л. 25,0
Тип. зак. 3840

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@maukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-035521-6

9 785020 355217

ИСТОРИЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ